ТАЙНЫ

КОЛИН УИЛСОН

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННЫХ ЗНАНИЙ

БОГИ АТЛАНТИДЫ

РАЗРУШЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ ДРЕВНИХ БОГОВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Многие исследователи древней истории сходятся во мнении, что история человеческой цивилизации гораздо древнее, чем мы полагаем. Существуют неоспоримые доказательства того, что многие архитектурные памятники и научные достижения были созданы десятки тысяч лет назад. В мифах и легендах сохранились упоминания о событиях, произошедших за сотни тысяч лет до настоящего момента. Однако как такое возможно, если история цивилизации насчитывает всего четыре тысячи лет, а человек разумный — кроманьонец — появился лишь около сорока тысяч лет назад?

Проанализировав множество источников, знаменитый писатель и исследователь сверхъестественных явлений Колин Уилсон, автор мирового бестселлера «Оккультное», предлагает собственную версию того, какой могла быть древняя глобальная працивилизация Атлантиды, породившая все мировые человеческие культуры. По его мнению, предшественники кроманьонцев, неандертальцы, которых принято считать примитивными обезьянолюдьми, вполне могли быть создателями чрезвычайно высокоразвитой цивилизации, не обладавшей передовыми технологиями, однако компенсировавшей это за счет гораздо более высокого, нежели сейчас, уровня интуитивного взаимодействия с природой. Такое предположение позволяет заполнить пробелы в истории человечества за последние 100 тысяч лет, объяснив загадочные научные и архитектурные достижения древних цивилизаций. И вполне возможно, что необычные способности человеческого разума наших предков передавались из поколения в поколение различными носителями герметической традиции, включая орден тамплиеров, братство масонов и другие тайные общества.

- Колин Уилсон
  - ○
- Боги Атлантиды
  - ○ АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ
  - ○ БЛАГОДАРНОСТИ
  - ○ ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ○ ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ○ ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ○ ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ○ ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ○ ГЛАВА ПЯТАЯ

- ГЛАВА ШЕСТАЯ
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
- ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- ПРИЛОЖЕНИЕ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123

- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167

- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211

- 212
- 213
- 214
- 215
- 216
- 217
- 218
- 219
- 220
- 221
- 222
- 223

- comments
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Колин Уилсон

Боги Атлантиды

АНАЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. НЕРАЗРЕШЕННАЯ ЗАГАДКА ХЭПГУДА

Предложение Рэнда Флэм-Ата о сотрудничестве. Хэпгуд рассказывает ему о цивилизации с «развитой наукой», существовавшей 100 тысяч лет назад. Хэпгуд погибает в автокатастрофе, не успев объяснить, что он имел в виду. Карьера Хэпгуда: стало ли смещение земной коры причиной гибели Атлантиды? Дорога Смерти Теотиуакана. Хэпгуд и древние карты. Карта Пири Рейса и Антарктика. Книга Хэпгуда «Карты древних морских царей». Фон Дэникен. Острова Св. Петра и Св. Павла. Джон Уэст и Древний Египет. Корни древнеегипетской цивилизации следует искать в Атлантиде? Грэм Хэнкок и Рэнд Флэм-Ат. Роберт Бьювэл и «Мистерия Ориона». Атлантида погибла в 10 500 г. до н. э.? Съемки телепередачи о потопе. Попытка разрешить загадку Хэпгуда. Неандертальцы?

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВНИЗ ПО НИЛУ

Как была построена пирамида Хеопса? Фрэнк Доминго изучает Сфинкса. Эратосфен определяет размер Земли. Студенты Хэпгуда устанавливают, что центр карты Пири Рейса расположен в Сиене. Агатархид Книдский. Французский метр. Мы с Джой плывем вниз по Нилу. Храм Эдфу. Определение местоположения древних святилищ. «Земная сила» в Карнаке. Эмиль Шейкер о храмовом ритуале. «Ритуал активизирует храм». Майкл Бейджент теряется. Крис Данн и его теория резонатора. Дэвид Элкингтон: пирамида «жива». Джон Рейд устанавливает, что вибрирующий песок образует египетские религиозные символы. Долина Царей. Сперматозоид? Прецессия равноденствий. Кто построил Осирийон? Книга Шатлена «Наши космические предки». Загадка ниневийского числа. Великая Константа Солнечной системы? Шумеры. Мозг неандертальца был больше нашего. Бенджамин Блит: шестилетний «суперкомпьютер». Простые числа и нью-йоркские близнецы. Критчлоу и вавилоняне. Александр Том и мегалитический ярд. Роберт Грейвз и развитие интуитивного знания. «Я понял вдруг, что знаю все».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ДРЕВНИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Всемирная древняя цивилизация? Петри и Накада. Хэпгуд и загадка стекла из Ливийской пустыни. Лорд Реннелл и Джон Дольфин. Атомный взрыв? Реннелл и ожерелье из чистого золота. Озера в Сахаре? Реннелл выходит на Хэпгуда. Фарук Эль-Баз и природные пирамиды. Юлл Браун и газ, который обращает металлы в пар. Книга Верна «Таинственный остров». Вода как топливо. Древние люди использовали газ Брауна? Батарея из Багдада. Говард Вайз и железная пластинка из пирамиды Хеопса. Золото ацтеков. Боги Тулы. Храм Утренней Звезды. Озеро Титикака и его обитатели. Что погубило Тиауанако? Пирамида Акапана. Познански и 15 000 г. до н. э. Освальдо Ривера меняет свое мнение. «Тиауанако был построен исчезнувшей цивилизацией».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕЛИКИЙ ПОТОП

Порт на вершине горы? Почему раскололись Ворота Солнца? Анды появились 13 тысяч лет назад? Четыре великих потопа. Клодиус Рич ищет древний Вавилон. Вавилонская башня. Ботта находит дворец Саргона II. Почему исчезли ассирийцы. Лэйярд проводит раскопки Нимруда. Роулинсон разгадывает клинопись. Джордж Смит находит эпос о Гильгамеше. Потоп Гильгамеша. Дж. И. Тейлор проводит раскопки Телль-эль-Мукайяра. Откуда пришли шумеры? Ур Халдейский. Леонард Вулли. Царица Шубад. Слой чистой глины. Библейский потоп? Потоп Черного моря.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ДРУГИЕ КАТАСТРОФЫ

Великое таяние льдов 12 000 г. до н. э. Александр Тольманн и потоп 7545 г. до н. э. «Семь горящих гор» Еноха. «Космическая зима». Чиксулубское бедствие — «звезда, убившая динозавров». Еще четыре «великих бедствия». Облако Оорта. Годичные кольца деревьев сообщают о катастрофе. Девкалионов потоп 2200 г. до н. э. «Когда Земля была при смерти» — бедствие 9500 г. до н. э. Легенда о потопе Тиауанако — Адам и Ева. Индейцы хайда. Как Хэпгуд заинтересовался Атлантидой. Зондаланд Стивена Оппенгеймера.

Светлана Балабанова и кокаиновые мумии. Египтяне плавали в Перу? Хэпгуд и карта Хаджи Ахмада: Азия соединена с Аляской. Как наши предки стали «морскими царями»? Ивар Запп и каменные шары Коста-Рики. Джон Мичелл и лей-линии. Каменные шары как навигационный прибор. Головы ольмеков.

Колумб в Коста-Рике.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЗАГАДКА ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ

Морис Шатлен и числа из Кириги. Открытие майя. От кого майя унаследовали научные знания? Кровавые жертвоприношения майя. Морис Котрелл об астрономии майя. Гоклен и его статистика. Котрелл и солнечные пятна. Упадок майя был вызван солнечными пятнами? 2012 год — конец света? Книга Джона Мейджора Дженкинса «Космогенезис майя». Пересечение Солнца и Млечного Пути. Я еду на Монте-Альбан. Изображения бойни. Что случилось с Теотиуаканом? Батрес находит Пирамиду Солнца. Котрелл и его «сверхбоги». Пирамида в перуанском Сипане. «Черные археологи». Хейердал и ограбленная гробница. Пирамиды Тукуме. Индейцы моче и человеческие жертвоприношения. Хейердал и народ гуанче на Тенерифе. Черные каменные пирамиды Канарских островов. Пирамида в Сипане — гробница Виракочи? Котрелл в Паленке. Саркофаг и его крышка. Котрелл взламывает визуальный код. Эйдетическое видение: Тесла. Легенда из «Пополь-Вух»: «Пусть их зрение достигает только того, что близко».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВЗГЛЯД ШАМАНА

Росс Сэлмон едет в Южную Америку. Уакчу и кондор. Статуэтка Райдера Хаггарда. Психометрия. Исчезновение полковника Фосетга. Пустыня Наска и ее линии. Сорокалетняя засуха стала причиной гибели племен моче и наска. Взлетно-посадочные полосы для кораблей пришельцев? Как индейцам наска удавалось увидеть линии с высоты птичьего полета? Могут ли шаманы покидать свои тела? Мануэль Кордова. Совместные видения. Гарри Райт и танец леопарда в Дагомее. Артур Гримбл и морские свиньи. Мириам Стархоук об охотниках каменного века. «Животные сознательно приносят себя в жертву». Джакетта Хоукс и охотники-пигмеи. Протопоп Аввакум о шаманах Сибири. Обучение шамана. Элиаде и шаманизм. Дочь рыбака слышит «голос». Кнуд Расмуссен и эскимосский шаман. «Шаманизм принимает существование духов как само собой разумеющееся». «Шаманы в истории». Турн и пейаман. Голоса с крыши. Серошевский о якутских шаманах. «Обреченные на вдохновение». Шаманский барабан. Гордон Уоссон популяризует шаманизм.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. БОЛЕЕ МОГУЩЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Элиаде о техниках экстаза. Майкл Харнер и индейцы хибаро. Галлюциногены как «наставники». Джереми Нарби и перуанские индейцы ашанинка. «Два исполинских боаконстриктора». Шаманы — кто они? «Третий глаз» и серотонин. Юнг и его видения. ДНК. свившиеся змеи. Кит Критчлоу и шаманская лестница. Мировая ось. Число «семь». Телеология: есть ли у жизни цель? Пьющие яге избегают колдовства. Болезнь как следствие колдовства. Энергетический вампир. Расшифровка тайного языка шаманов. Макс Фридом Лонг и кахуна. Молитва смерти. Три души человека. Майерс и сверхсознательное «я». Нижнее «я» и молитва смерти. Духи. Как изменить будущее? Гавайский мальчик и молитва смерти. Тайна египетских храмов и царевна Аххотеп. Уильям Реджинальд Стюарт и атласская ведьма. Куахуна из пустыни Сахара. Как они оказались на Гавайях. Гай Плейфер в Рио. Эдивальдо, оперирующий живот голыми руками. Умбанда.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ГОРЯЩИЕ ГОРЫ ЕНОХА

Джеймс Брюс в поисках книги Еноха. Соломон и Шеба. «Машина Уриила». Нью-Грейндж и Калланиш. Джеральд Хокинс разгадывает тайну Стоунхенджа. Ломас и Найт конструируют «машину Уриила» на вершине холма. Зачем «Эйнштейны каменного века» придумали мегалитический ярд. Берриман и греческий стадий. Масонство существовало во времена гибели Атлантиды? Часовня Росслин. Тамплиеры и Храм Соломона. Первый крестовый поход. Что искали тамплиеры? Падение тамплиеров. Корабли тамплиеров спасаются. Маккавеи становятся первосвященниками. Ессейский бунт. Иисус был ессеем? Иудейское восстание 66 года. Спрятанные свитки. Ломас и Найт об Иисусе. Св. Павел изобретает христианство. Светопреставление. Константин делает христианство имперской религией. Никейский собор придумывает Святую Троицу. Обнаружены свитки Мертвого моря. Ессеи и обряды инициации. Тамплиерские свитки? Росслинская часовня как подражание Храму Ирода. Убийство Хирама Абифа. Кто убил Секененру? Падение гиксосов. Секененра становится Хирамом Абифом. Колонны масонства. Роль Еноха. Как планета Венера создает пентаграмму. «Святая кровь и Святой Грааль».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ВОЛШЕБНЫЙ ЛАНДШАФТ

Соньер находит пергаментные свитки. Как он разбогател? Расследование Генри Линкольна. Приорат Сиона и его Великие магистры. Иисусу удалось бежать? Меровинги и убийство Дагоберта. Человек в железной маске. Династия Меровингов — династия Иисуса? Рукописи Наг-Хаммади и Мария Магдалина, «спутница» Иисуса. Пьер Плантар и Приорат. Скрытая геометрия «Аркадских пастухов». Золотое сечение. Числа Фибоначчи. «Богу почему-то нравятся пентаграммы». Волшебный ландшафт. Пятиугольники Борнхольма. Английская миля. Книга Берримана «Историческая метрология». Древняя цивилизация, которая бесследно исчезла? Харальд Бёлке и геометрия Норвегии. Сетка координат Ренн-ле-Шато. Питер Блейк отправляется в путь. Гробницы Иисуса и Марии Магдалины?

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПЕРВИЧНОЕ ЗРЕНИЕ

«Развитая наука» Хэпгуда. Книга Кита Критчлоу «Время останавливается». Роберт Грейвз и интуиция. Книга Эдварда Холла «Танец жизни». «Беспредельная гармония». «И Цзин и генетический код». Майк Хейс и 64 гексаграммы ДНК. Царская камера пирамиды Хеопса. Числа герметического кода. Юнг о синхронности. «Об определенной слепоте в людях». Наука по Гете. Гете и его учение о цвете. Книга Бортофта «Целостность природы». Эйдетическое видение. «Орган восприятия, который способен углубить наше понимание явления». Вордсворт. Джулиан Джейнс и двупо-лушарный мозг. Книга Стивена Филлипса «Экстрасенсорное восприятие кварков». Книга Кингсленда «Физика Тайной Доктрины». Модель ядра водорода Мюррея Гелл-Манна. «Оккультная химия». Каббалистическое Древо Жизни. Безант и Лидбитер «видят» изотопы. Т. Э. Лоуренс и кишащая мыслями натура. Чандра Бозе. Его величайшее достижение: «Он показал, что нет четкой границы между живой и неживой природой». Книга Хэпгуда «Голоса духов». Эксперименты Клайва Бакстера. «Поля жизни» Берра. Червь Microstomum. Гипнотический транс, измеряемый вольтметром. Питер Гуркос «видит» характеры сыновей Хэпгуда. Хэпгуд и индейские танцы кукурузы. Изготовленные 800 тысяч лет назад плоты острова Флорес. Хэпгуд гипнотизирует студента, тот предсказывает будущее. Эдди Кэмпбелл: «Восприятие вещи изнутри».

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ДРЕВНИЕ

Профессор Горен-Инбар находит брусок, изготовленный 500 тысяч лет назад. «Исчезнувшие цивилизации каменного века». Неандертальцы и Плеяды. Резной булыжник, которому 176 тысяч лет. «Мельница Гамлета»: «Предания о звездах возникли раньше цивилизации». Книга Стэна Гуча «Города грез». Неандертальская цивилизация. Медвежий жертвенник, которому 75 тысяч лет. Семь как число шаманов. Медведь и Луна. Религия неандертальцев. Неандертальские доменные печи. Южноафриканские месторождения гематита, разработанные 100 тысяч лет назад. Доктор Ральф Солецки и пещера Шанидар. Почему голуби всегда возвращаются домой? Неандертальский суперклей. Пещерные рисунки кроманьонцев. Неандертальская костяная флейта. Пещера Бломбос. Статуэтка из Берехат-Рам. Шаманские культуры знают о коллективном сознании. Компьютерная конференция в Лас-Вегасе. «Коллективность» и Древний Египет. Леворукость. Нидэм о китайской изобретательности. Джон Мичелл и ниневийское число. Канон. Религиозные мистерии и космические законы. Канон в Древнем Египте. «Древние цивилизации, математические и астрономические познания которых были более чем глубоки». «Антропный космологический принцип». Фред Хойл: «Кажется, будто с физикой забавляется некий «надзиратель». «С точки зрения червя». Достоевский. Каменный пестик, изготовленный девять миллионов лет назад. Фредерик Содди и изотопы — «проявление неизвестной древней цивилизации, все прочие следы которой поглотило время»? Платон: «Устройство мира продумано куда лучше, чем мы можем себе представить».

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен множеству людей за их помощь и советы. Прежде всего я хочу выразить благодарность Роберту Ломасу, от которого я получил предложение написать эту книгу и немало ценных указаний.

Джером Сиглер из Сан-Франциско познакомил меня с книгой Джозефа Джокмана «The Hall of Records» («Зал записей»), изданной в 1980 году, задолго до того, как книги «Fingerprints of the Gods» («Следы богов») Грэма Хэнкока и «The Orion Mystery» («Мистерия Ориона») Роберта Бьювэла возродили интерес к Древнему Египту. Труд Джокмана во многом предвосхитил сделанные ими открытия. Мистер Сиглер любезно снабдил меня вторым экземпляром книги, когда я утерял первый, за что я приношу ему извинения и сердечно его благодарю.

Дэвид Элкингтон обратил мое внимание на работу Джона Рейда касательно значения звука для понимания функции саркофага в царской камере пирамиды Хеопса.

Я благодарен Герту и Марии Уолтонам, которые, как отмечается в главе 2, познакомили меня с трудом Мориса Шатлена.

Про Юлла Брауна и его фантастические открытия мне рассказал Шон Монтгомери.

Мой старый друг, ныне покойный Росс Сэлмон поведал мне удивительную историю о кондоре, которой открывается глава 7.

С работами Джереми Нарби меня познакомил Майкл Болдуин из Института Болдуина в Мэрионе, штат Массачусетс.

Я хочу отдельно поблагодарить Генри Линкольна, человека, который изучал загадку Ренн-ле-Шато и обратил мое внимание на книгу Берримана «Historical Metrology» («Историческая метрология»), а также на работу Харальда Бёлке о геометрии норвежского ландшафта.

Мой старый друг Эдди Кэмпбелл познакомил меня с книгой Генри Бортофта о Гете и подарил немало бесценных замечаний по главе 11.

Я хочу поблагодарить Стивена Филлипса, специалиста по субатомным частицам и каббале, автора книги «Extrasensory Perception of Quarks» («Экстрасенсорное восприятие кварков»), за присланные мне дополнительные материалы, которые я использовал в главе 11.

Майкл Бейджент рассказал мне об отполированном деревянном бруске, изготовленном полмиллиона лет назад, и показал фотографию этого впоследствии исчезнувшего

артефакта.

Невозможно переоценить значение книги Стэна Гуча о неандертальцах и паранормальной психологии; я могу лишь надеяться, что мой рассказ об этом труде привлечет к нему заслуженное внимание.

Наконец, как поймет читатель ближе к концу, этот труд не увидел бы свет, не напиши Джон Мичелл книгу о платоновском «каноне». Я благодарю его за поддержку и дружбу, что связывает нас четверть века.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1956 году антрополог Майкл Харнер отправился на восточные склоны Анд с целью пожить какое-то время среди эквадорских индейцев хибаро. Он обнаружил, что хибаро охотно обсуждали различные аспекты культуры племени, но не были расположены говорить о своей религии. Их сдержанность не объяснялась скрытностью: индейцы просто не способны были выразить свою веру в словах. В конце концов они сказали Харнеру, что, если тот хочет постичь истину, ему нужно выпить наркотический отвар «аяуаска», изготовляемый из винограда. Харнер согласился.

Старейшина деревни Томас готовил зелье целый день. Вечером в общинной хижине Харнер на глазах у всего племени опорожнил бутылку с зельем. По его словам, аяуаска была горькой на вкус. Затем Харнер лег на землю. Над ним в полной тьме стали появляться полосы света. Вдруг они вспыхнули яркими цветами. Шум, подобный реву водопада, возник вдалеке и приблизился, перекрыв остальные звуки.

Контуры над головой Харнера складывались в геометрические узоры, похожие на витражи, и образовали подобие небосвода. Затем Харнера окружил карнавал демонов, плясавших вокруг головы огромного крокодила, из челюстей которого хлестала вода. Она лилась до тех пор, пока не сделалась морем с голубым небом над ним. К Харнеру плыл галеон с квадратными парусами, и антрополог различил пение столпившихся на палубах корабля птицеголовых людей, напоминавших богов, изображения которых находят в древнеегипетских гробницах. Харнеру показалось, что его тело каменеет, и он уверился в том, что вот-вот умрет, а корабль приплыл за его душой.

Затем пришли новые видения, которые, как полагал Харнер, предназначаются для умирающих. Ему показали Землю, какой она была в начале времен: пустые море и суша. Потом он увидел в небе сотни летевших к нему черных точек То были лоснящиеся черные существа с крыльями птеродактилей и телами, походившими на китовьи. Изможденно ударяясь о землю, они объясняли Харнеру на языке мыслей, что спасаются от опасности из космоса.

Наконец, ученому показали, как эти существа создали жизнь, чтобы спрятаться среди множества своих творений. Они скрывались внутри всякого живого создания, не исключая человека. (В 1956 году Харнер знать не знал про ДНК, эта мысль

осенила его позже.) Существа поведали ему о том что являются «истинными хозяевами человечества», и что люди — их слуги.

Харнер не испытал страха, увидев птицеголовых людей на галеоне, однако он испугался, когда понял, что лоснящиеся черные существа, «древние», хотят завладеть его душой. Он вступил с ними в борьбу и в конце концов сумел произнести слово «лекарство», подразумевая противоядие. Когда это противоядие влили ему в глотку, древние исчезли, и антрополог пришел в себя в общинной хижине.

Этот опыт внушил Харнеру мысль сделаться шаманом наподобие старейшины деревни Томаса. Харнер был более чем уверен в том, что узрел не иллюзию, а настоящую реальность, изнанку действительности. Оставшаяся часть книги «The Way of the Shaman» («Путь шамана») описывает обучение, которое прошел Харнер, дабы стать шаманом.

Другому антропологу, Джереми Нарби, довелось испить аяуаски среди индейцев Перу, и он также убежден в том, что видел реальность, «более мощную» в сравнении с повседневной. А Грэм Хэнкок рассказывает в книге «Supernatural» («Сверхъестественное») о том, как под воздействием настоя африканского растения ибога его посетили видения, которые, как он настаивает, были реальными, а не иллюзорными. Заодно Хэнкок приводит интересный факт: когда Фрэнсис Крик работал вместе с Джеймсом Уотсоном над созданием модели ДНК, он экспериментировал с ЛСД.

Мифология изобилует рассказами о живших некогда людях, которые осознавали забытую нами более мощную реальность. Наиболее часто этот мотив встречается в легендах о погибшем континенте Атлантида.

В процессе написания двух вышедших ранее книг об Атлантиде я пришел к выводу, что ее реальность имела нечто общее с реальностью, о которой сообщают Харнер и Нарби. В те времена наши далекие предки обладали знаниями, отличными от тех, которые доступны современной науке. Намеки на эти знания можно увидеть в необозримом пятнадцатизначном «ниневийском числе», обнаруженном на дощечке в библиотеке Ашшурбанипала в середине XIX века (оказалось, что оно выражает цикл прецессии равноденствий в секундах), а также в двух еще более огромных числах, найденных на священных руинах в Кириге в Центральной Америке. Очевидно, что наши предки знали куда больше, чем известно нам сегодня.

ГЛАВА ПЕРВАЯ НЕРАЗРЕШЕННАЯ ЗАГАДКА ХЭПГУДА

Летом 1998 года я получил письмо от своего друга Рэнда Флэм-Ата, который предложил объединить наши силы и написать книгу про Атлантиду. Его предложение восхитило меня настолько, что я, нисколько не колеблясь, согласился. Книга получила название «Blueprint for Atlantis» («Чертеж Атлантиды»),

Она основывалась на написанной ранее работе Флэм-Ата, в которой он предположил, что Атлантида располагалась на Южном полюсе, на континенте, который сейчас называется Антарктидой. Многим это предположение кажется нелепым, ведь от центральной части Атлантического океана, где Атлантиду помещал Платон, Антарктиду отделяют тысячи миль. Теория Флэм-Ата базировалась на предположении, которое сделал Чарльз Хэпгуд, профессор истории из Новой Англии: в земной коре периодически происходят сдвиги, которые могут стать причиной перемещения континентов.

Предположение о сдвиге земной коры при всей своей неправдоподобности снискало поддержку Альберта Эйнштейна, который в 1955 году, перед самой смертью, написал предисловие к книге Хэпгуда «Earth's Shifting Crust» («Динамичная кора Земли»), изданной в 1958 году.

Флэм-Ат отослал свою книгу Хэпгуду и страшно обрадовался, получив теплый ответ, в котором Хэпгуд называл его труд «первым по-настоящему научным подтверждением моей гипотезы»[1]. Как ни странно, Хэпгуд не стал комментировать предположение Флэм-Ата о том, что Атлантида могла стать Антарктидой. Флэм-Ат тем не менее воодушевился и продолжил исследования. Вместе с женой он отправился в Лондон, где погрузился в работу в читальном зале Британского музея.

В октябре 1982 года Флэм-Ат написал Хэпгуду отчет о том, как далеко он продвинулся в разработке теории «динамичной коры», и получил ошеломивший его ответ. Хэпгуд утверждал, что за последнее время сделал несколько удивительных открытий, доказывающих, что цивилизация с высочайшим уровнем научного знания существовала сто тысяч лет назад. Он намеревался опубликовать полученные данные в новом издании книги «Динамичная кора Земли».

Принято считать, что цивилизация зародилась на Ближнем

Востоке приблизительно десять тысяч лет назад, около 8000 года до н. э. Хэпгуд, однако, написал Флэм-Ату о «новом цивилизационном цикле», другими словами, о цивилизации, которая существовала до нас[2]. Эта теория казалась переложением научно-фантастической книги, однако Хэпгуд всегда был трезвомыслящим и трудолюбивым профессором истории, сумасбродство было ему чуждо.

Разумеется, Флэм-Ат написал Хэпгуду взволнованное письмо с одной, в сущности, просьбой: «Расскажите мне обо всем скорее!»

Это письмо вернулось к нему месяц спустя со штампом «Адресат скончался». Хэпгуд попал под машину и погиб.

Флэм-Ат попытался разрешить загадку этих «удивительных открытий». Он посетил архивы Хэпгуда в Йейле, но уехал оттуда с пустыми руками. Всем родственникам Хэпгуда и многим его друзьям он послал письмо с вопросом: не упоминал ли Хэпгуд в их присутствии об «открытиях»? Никто не мог помочь Флэм-Ату, и в конце концов он сдался.

Перед нами возник вопрос: продолжать ли попытки разрешить эту загадку, что бы включить полученные Хэпгудом результаты в нашу книгу об Атлантиде, и могу ли я добиться большего успеха, чем Флэм-Ат? Я решил вернуться к начальной точке, к изданной в 1958 году книге «Динамичная кора Земли», и поискать ключи к разгадке в ней.

Книга Хэпгуда начинается с вопроса: есть ли доказательства того, что земная кора могла «соскользнуть»?

Его ответ был: да, есть. В земной коре содержится железная руда. Земля — это магнит, значит, все молекулы окиси железа, подобно крошечным стрелам, указывают в одном направлении. Все они направлены на Северный полюс, и легко выяснить, изменилось ли положение этого полюса с тех пор, как руда затвердела, ибо в этом случае молекулы оксида железа («стрелки») стали бы указывать в другом направлении. Так и есть. «Стрелки» огромной части земной коры указывают на юг, что означает, что полюс однажды сместился на север.

Однако, объясняет Хэпгуд, сам полюс остался на месте; это земная кора «соскользнула» к югу, словно кепка, которую надвинули на глаза. Кора сместилась на юг примерно на две тысячи миль. Согласно Хэпгуду, Гудзонов залив раньше находился прямо над Северным полюсом. Затем кора переместилась, и Гудзонов залив заодно с Канадой и Северной Америкой переместился на 2000 миль на юг.

Различные факты свидетельствуют о том, что великое смещение коры имело место примерно двенадцать тысяч лет назад, в конце последнего ледникового периода.

Хэпгуд также замечает, что Платон в «Тимее» указал на эту эпоху как на время, когда Атлантида была уничтожена «за одни ужасные сутки»[3]. Платон упоминает о том, что его предок, государственный муж Солон (живший около 600 года до н. э.) говорил, что египетские жрецы рассказывали ему, будто Атлантида сгинула девять тысяч лет назад. Эта дата близка к 10 000 году до н. э.

Хотя Хэпгуд так и не решился это признать, загадка Атлантиды волновала его всю жизнь, потому он и приступил к исследованию, задавшись вопросом: какая катастрофа могла уничтожить континент «за одни ужасные сутки»?

Хэпгуд получил возможный ответ на этот вопрос, когда у него на кухне сломалась стиральная машина. Мокрое белье сбилось в тугой ком; когда сушилка начала вращаться, барабан стал дрожать и «стучать», пока не сорвался с креплений. Хэпгуд задумался: станет ли Земля дрожать и «стучать», если один из континентов (например, Антарктида) сместится вбок от ее центра?

Взгляд на карту как будто подтверждал эту гипотезу: Антарктида в самом деле смещена относительно центра планеты. Но коллега-математик, произведя расчеты, проколол мыльный пузырь теории Хэпгуда. Он показал, что, даже если бы Антарктида состояла из тяжелого свинца, ей не удалось бы поколебать вращение Земли.

Однако Хэпгуд не отступился. Обнаружив доказательство, связанное с железной рудой, он понял, что располагает принципиальным решением проблемы. Атлантида погибла потому, что земная кора, сместившись, произвела примерно тот же эффект, что и разлом Сан-Андреас, только в тысячу раз мощнее. Хэпгуд понятия не имел о том, почему земная кора сдвинулась (возможно, из-за падения гигантского метеорита); он точно знал лишь, что это произошло.

Учитывая все вышеизложенное, Флэм-Ат решил, что наша книга должна опираться на доказательства, убедительные для людей, которые не разбираются в геологии. На одно такое доказательство он наткнулся случайно, когда его жена взяла в библиотеке книгу «Archaeoastronomy in Pre-Columbian America» («Археоастрономия в доколумбовой Америке») доктора Энтони Эйвени. В ней Флэм-Ат нашел важнейшую улику: полсотни различных святилищ Мексики обнаруживает отклонения от истинного севера.

К примеру, самым известным священным городом Мексики является Теотиуакан, ранее называвшийся Теночтитланом, город, что некогда превышал по размерам Древний Рим{1}. В

Теотиуакане есть длинная широкая улица, проложенная с севера на юг и известная как Дорога Смерти. По непонятной причине она отклоняется от линии север — юг» на 15,5°. Когда Флэм-Ат узнал о том, что отклонения от истинного севера наблюдаются еще в 49 святилищах, он понял, что напал на след.

Он взял рулетку и продолжил с ее помощью линию Дороги Смерти. Линия пересекла Гудзонов залив.

Что это могло означать? Возможно, когда Теотиуакан строился, Дорога Смерти указывала прямо на север. Затем земная кора сдвинулась и увлекла за собой Теотиуакан и Дорогу Смерти, сместив их чуть вбок так, что Дорога стала расходиться с истинным севером на 15,5°.

Очевидно, то же самое произошло с 49 другими святилищами. Вряд ли можно предположить, что архитектор Теотиуакана проектировал этот город в нетрезвом виде.

Мы приходим к поразительному выводу: если рассуждение верно, получается, что Теотиуакан был построен до смещения земной коры, имевшего место около 10 000 года до н. э. Историки, однако, считают, что человеческая цивилизация в те времена не существовала. Кроме того, большинство археологов уверены, что Теотиуакан построили совсем недавно. Некоторые говорят о 4000 годе до н. э., кое-кто называет датой строительства 150 год до н. э.

Против ожидания, эти факты не могут поколебать теорию: общеизвестно, что святилища, как правило, имеют более древнюю историю, нежели последние постройки на их месте. Множество великих храмов построены на руинах полудюжины разрушенных святилищ.

Если все это верно, значит, до 10 000 года до н. э. уже существовала цивилизация. Верны и слова Платона: Атлантида была разрушена около 10 000 года до н. э. Эту версию, однако, принято считать легендой. Флэм-Ат доказал, что это факт.

Хэпгуд также верил в то, что Атлантида была реальной страной, но его путь к этому выводу был совершенно иным. Его модель динамичной земной коры объясняла, как континент мог исчезнуть за одну ночь, но не доказывала, что это случилось на самом деле. 26 августа 1956 года радиопередача из Джорджтаунского университета (Вашингтон) пролила свет на эту проблему.

Собравшиеся специалисты спорили о так называемой карте Пири Рейса, найденной в стамбульском дворце Топ-капы в 1929 году. Копия этой карты хранится в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне. В 1513 году Пири Рейс, турецкий адмирал, одно время плававший под пиратским флагом, решил составить карту

Атлантического океана, а также Европы и Нового Света. Задача была нелегкой: Америку открыли только что, географических карт с ее очертаниями было немного. Пири Рейс использовал множество старых карт, включая ту, на которую полагался Колумб.

На карте Пири Рейса, составленной в 1513 году, имеется не только вся береговая линия Южной Америки (воспроизведенная с поразительной точностью), но и Антарктида на самом юге. Поражает вот что: хотя берега Антарктиды, вне всякого сомнения, были покрыты льдами в 1513 году и на протяжении тысячелетий до того, на карте показаны антарктические бухты.

В 1949 году полярная экспедиция использовала радар, чтобы проникнуть под лед и добраться до земли. Возраст извлеченных экспедицией образцов породы составил около 6000 лет, они датировались 4000 годом до н. э.

В 4000 году до н. э. цивилизация уже существовала. На Ближнем Востоке доминировали шумеры, но письменность еще не изобрели, а карта без надписей бесполезна. Значит, просто обязана была существовать цивилизация древнее всех нам известных. Атлантида Платона все меньше виделась Хэпгуду легендой.

Он послал в Библиотеку Конгресса запрос: не хранятся ли там другие древние карты? Библиотека ответила, что таких карт у них — многие сотни. Они называются «портоланы», что означает «от порта до порта», и использовались мореплавателями для прокладывания кратчайшего маршрута.

Библиотека пригласила Хэпгуда посмотреть на собрание этих карт. Увиденное сразило ученого наповал. Некоторые из десятков разложенных на массивных столах карт запечатлели всю Антарктиду. Однако официально Антарктида была открыта лишь в 1818 году. Судя по картам, древние мореплаватели плавали вокруг этого континента. Кроме того, мореходы, вероятно, исследовали Антарктиду вдоль и поперек, ибо на ряде карт континент не был покрыт льдом и на нем были обозначены реки и горы. На деле карты были настолько подробны, что составить их могли только жители Антарктиды, поскольку мореходам, как бы трудолюбивы и добросовестны они ни были, не удалось бы провести столь обширные исследования.

Другие карты, на которых были обозначены территории России и Китая, ясно давали понять, что загадочные исследователи побывали практически во всех уголках земного шара. Но кто составил эти карты? Хэпгуд попросил своих студентов из колледжа города Кин в штате Нью-Гэмпшир помочь ему изучить их и попытаться их датировать.

Результаты он изложил в книге «Maps of the Ancient Sea Kings» («Карты древних морских царей») с подзаголовком «Доказательство существования развитой цивилизации в ледниковую эпоху». Хэпгуд пришел к выводу, что старые карты со всей определенностью доказывают существование около 7000 года до н. э. всемирной морской цивилизации. Аргументы Хэпгуда подкреплялись вескими документами, и никто в здравом уме не мог усомниться в том, что он обнаружил забытую цивилизацию.

При этом Хэпгуд позаботился о том, чтобы Атлантида в тексте даже не упоминалась. Он не хотел, чтобы собратья-ученые отмахнулись от него как от фанатичного безумца.

Увы, по печальному стечению обстоятельств именно это и произошло. Обычно серьезные исследования выходят за пределы узкого кружка ученых и становятся известны широкой публике далеко не сразу. В случае с Хэпгудом это правило не сработало, поскольку карта Пири Рейса уже снискала дурную славу артефакта, приманивающего чудаков. В 1960 году, за шесть лет до появления книги Хэпгуда, мировым бестселлером стала книга Луи Повеля и Жака Бержье «Le Matin des Magiciens» («Утро магов»), В ней утверждалось, что береговая линия Южной Америки на карте Пири Рейса могла быть нарисована столь подробно в единственном случае: если ее наблюдали с воздуха из космического корабля. В итоге враждебно настроенные ученые заранее готовы были развенчать открытия Хэпгуда как игру воображения.

В 1967 году, через год после издания «Карт древних морских царей», о Хэпгуде одобрительно отозвался в книге «Erinnerungen an die Zukunft» («Воспоминания о будущем») швейцарец Эрих фон Дэникен. Английский перевод этой книги, названный «Колесницы богов», разошелся тиражом большим, нежели Библия. Дэникен утверждал, что все величайшие сооружения Земли, начиная с пирамид и заканчивая статуями острова Пасхи, были возведены пришельцами из космоса.

Эта книга кишела неточностями. Например, Дэникен преувеличил вес пирамиды Хеопса в пять раз и доказывал, что линии пустыни Наска в Перу — это взлетно-посадочные полосы для звездолетов (между тем легко убедиться в том, что они едва вычерчены на поверхности пустыни). Дэникен хвалил Хэпгуда как автора гипотезы, согласно которой карта Пири Рейса была составлена по итогам аэрофотосъемки, произведенной космическими пришельцами, — что Хэпгуду, само собой, даже в голову прийти не могло.

Так испарились последние шансы Хэпгуда на серьезное

признание. Судя по всему, ученый ощущал, что оказался в тупике. Он написал две важнейшие книги середины XX века, и обе они были отвергнуты. «Динамичную кору Земли» не восприняли всерьез, поскольку коллеги-ученые сочли, что Хэпгуд — не геолог и не имеет права на умозаключения вне области, в которой компетентен. Но «Карты древних морских царей» относились как раз к этой области, к истории науки. Книга должна была подарить ему мировую славу. Вместо этого Хэпгуда проигнорировали либо высмеяли.

Упав духом, Хэпгуд уволился из колледжа Кина, однако впоследствии все-таки вернулся к проблеме местонахождения Атлантиды. На карте Пири Рейса Хэпгуд заметил остров посреди Атлантики напротив побережья Венесуэлы. Ныне этого острова не существует, однако он изображен еще на двух древних картах, что исключает вероятность ошибки. Сейчас на его месте остались два крошечных островка, расположенных на Срединно-Атлантическом хребте. Они известны как остров Св. Петра и остров Св. Павла и со всей очевидностью являются вершинами подводных гор. Хэпгуд был убежден, что эти острова — единственное, что осталось от Атлантиды.

Он все еще надеялся на то, что кто-нибудь заинтересуется его выводами и проверит их. В 1963 году Хэпгуд обратился к президенту Кеннеди с просьбой выделить ему небольшой корабль, чтобы можно было изучить подозрительный участок. Кеннеди согласился встретиться с ним (Хэпгуд одно время работал на разведку), но встретил свою смерть в Далласе незадолго до того дня, когда эта встреча должна была состояться. Попытки Хэпгуда заинтересовать своим проектом Уолта Диснея и Нельсона Рокфеллера провалились, и он опустил руки.

Вот почему Хэпгуд не сказал ни слова по поводу теории Флэм-Ата, по которой Атлантида могла быть Антарктидой: сам он считал, что уже разгадал тайну этого континента.

В 1989 году Хэпгуд погиб под колесами автомобиля. К тому времени его путь продолжили другие, в частности, инакомыслящий египтолог Джон Энтони Уэст, убежденный в том, что эрозия Сфинкса вызвана не песчаными бурями, а дождями. Уэст убедил геолога Роберта Шоха отправиться с ним в Египет, дабы изучить проблему на месте, и обрадовался, когда профессор Шох подтвердил его теорию. Их выводы были оглашены в 1993 году на конференции Геологического общества Америки; Уэст и Шох сумели убедить других геологов в том, что Сфинкс построен не в 2500 г. до н. э., как принято считать, а в 7000 году до н. э. (Заметим, что тем же временем Хэпгуд датировал свою всемирную морскую цивилизацию.)

К этому времени благодаря продюсеру Дино де Лаурентису, предложившему мне написать сценарий об Атлантиде, полемика заинтриговала и меня. В Нью-Йорке я встретился с Джоном Энтони Уэстом и узнал о том, что этой темой интересуются еще два автора. Первый — канадский библиотекарь Рэнд Флэм-Ат (так я с ним познакомился), написавший в соавторстве с супругой Роуз не опубликованную на тот момент книгу «When the Sky Fell» («Когда упало небо») о том, что Атлантидой была Антарктида. Второй — Грэм Хэнкок, писавший в тот момент книгу «Следы богов», в которой он доказывал, что наша цивилизация на много тысячелетий древнее, чем считают историки.

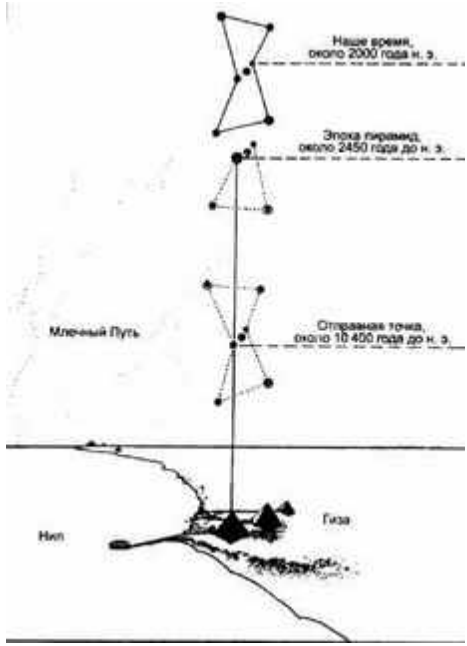
Я связался с обоими и, когда Флэм-Ат сообщил, что не может найти издателя для своей книги, вызвался прочитать ее и написать к ней предисловие. Не исключено, что именно благодаря этому рукопись в скором времени была принята к изданию.

Грэм Хэнкок также прислал мне теплый ответ, сопроводив его машинописным текстом первой редакции своего труда. Сперва я размышлял над тем, стоит ли вообще браться за перо, если Грэм уже написал обо всем, однако вскоре обнаружились темы, которые он не затронул, например древняя Индия, и я вновь стал работать над собственной книгой, предварительно озаглавленной «До Сфинкса».

Книга «Следы богов» вышла из печати весной 1995 года и немедленно стала бестселлером, превратив Хэнкока в миллионера. Сочинение Флэм-Ата, изданное месяцем-другим ранее, также получило хорошие отзывы, хотя «бомбой» не стало. Мой собственный труд, который теперь назывался «From Atlantis to the Sphinx» («От Атлантиды до Сфинкса»), вышел в мае 1996 года, его первый тираж был раскуплен еще до того, как книга вышла из печати.

В результате в сентябре 1996 года меня пригласили на симпозиум по древнему знанию в университете Делавэра. На него прибыли также Хэнкок, Уэст и Шох. В числе приглашенных был и Роберт Бьювэл, бельгийский инженер, чья замечательная книга «Мистерия Ориона» стала поистине новым словом в дискуссии вокруг Атлантиды. В Каирском музее Бьювэл увидел фотографию пирамид Гизы, сделанную с воздуха, и безо всякого умысла отметил асимметричность их расположения. Две великие пирамиды, Хеопса и Хефрена, находятся на одной умозрительной линии. Самая же маленькая пирамида — Микерина (Менкауры) — выбивается из строя. Что очень странно, поскольку египетские строители были одержимы симметрией.

***



Пирамиды Гизы и созвездие Ориона

Позже, расположившись на ночевку в пустыне, Бьювэл заметил, что три звезды пояса Ориона расположены столь же асимметрично: третья, самая маленькая звезда выбивается из строя. Бьювэл знал, что древние египтяне считали землю зеркалом неба, и задал себе вопрос: не являются ли пирамиды Гизы отражением пояса Ориона?

В настоящее время это отражение перестало быть точным. Из-за феномена, называемого «прецессия равноденствий», получается, что зеркало словно бы повернулось чуть наискось.

Бьювэл произвел расчеты на компьютере и узнал, что последний раз звезды и пирамиды «отражали» друг друга около 10 500 года до н. э. Но к чему древним египтянам было увековечивать именно эту дату?

Тут Бьювэла осенило: Атлантида! Он вспомнил легенду, по которой древний Египет был основан выжившими атлантами. В этом и сокрыт смысл мистерии Ориона.

Рэнд Флэм-Ат и его жена Роуз тоже приехали на делавэрский симпозиум; Флэм-Ат готовился прочитать свою первую публичную лекцию. Мы встретились в первый раз, и я тут же к нему привязался. От Флэм-Ата, круглоголового бородача, веяло силой и решимостью, однако я ощущал себя его защитником, может быть, оттого, что он напоминал моего младшего брата, Барри. Рэнд и Роуз, очаровательная и умная девушка, сочинявшая роман, составляли идеальную пару.

В те выходные ко мне обратился телепродюсер Роэль Оостра,

желавший знать, не соглашусь ли я стать ведущим программы «Потоп». По ее версии «великий потоп», упоминающийся во многих древних текстах, стал катастрофой, уничтожившей Атлантиду. Ответив «да», я должен был отправиться в Мексику, Египет и Южную Америку. Будучи типичным Раком, я ненавижу путешествия, однако моя супруга Джой их обожает, потому я согласился при условии, что она поедет со мной. Роэль не возражал, возложив все дополнительные расходы на меня.

Первый этап путешествия — к «смоляным ямам Ла-Бреа» в Лос-Анджелес и затем в Библиотеку Конгресса в Вашингтон — должен был занять пару дней, потому я отправился в путь один. В Библиотеке Конгресса я, к своей вящей радости, вновь встретил Флэм-Ата и укрепился во мнении, что он — один из самых славных моих знакомых. Прощаясь с Флэм-Атом по пути в аэропорт, я ощутил укол от мысли, что не увижусь с ним вновь, ведь я живу в Англии, а он — в Канаде.

Съемки программы заняли полгода, она вышла в эфир в 1998 году. Я отправил Флэм-Ату электронное письмо, в котором спрашивал, видел ли он эту программу. Он ответил, что не видел, и я выслал ему видеокассету. Спустя пару недель я получил от Флэм-Ата письмо с вопросом, не соглашусь ли я поработать вместе с ним над книгой об Атлантиде (этот наш труд был издан под названием «Чертеж Атлантиды»). К письму были приложена журнальная статья Флэм-Ата о его теории.

Суть ее состояла в следующем: до великой атлантической катастрофы древние ученые поняли по извержениям вулканов, что земная кора начала раскалываться и смещаться. Они знали, что такое случалось и прежде, и установили в различных точках линии деформации маркеры, дабы предвидеть наступление катастрофы. Эти маркеры были размещены симметрично по всей поверхности Земли (ибо атланты жили по всему миру).

После катастрофы (которую Флэм-Ат вслед за Платоном датировал 9600 годом до н. э.) цивилизации, пришедшие на смену Атлантиде, обнаружили маркеры и решили, что они сотворены богами или сверхъестественными существами. Маркеры объявили священными и построили в точках их размещения храмы. По этой причине святилища на Земле расположены симметрично.

Последний вывод стал краеугольным камнем теории Флэм-Ата. Он заключил, что священные сооружения появлялись в точках с определенными координатами широты и долготы, и многие из этих точек расположены в узлах квадратной сетки. Эта сетка — доказательство того, что некогда на Земле царила цивилизация атлантов.

Широты и долготы при этом выражались круглыми числами — 50, 40, 25, 10 и так далее. Современные меры скрадывают этот факт, по ним долгота святилища может быть равна 127,153°. Однако достаточно измерить долготу, приняв за точку отсчета пирамиду Хеопса (Флэм-Ат считает, что древние помещали ее на линию нулевой долготы), и мы немедленно увидим, что долготы других священных мест, например Дельф или Теотиуакана, выражаются в целых и круглых числах.

Эта теория полностью меня убедила, и я согласился на сотрудничество с Флэм-Атом. Нашей первой задачей стал поиск издателя. Я обратился к Биллу Гамильтону, агенту Грэма Хэнкока, и он предложил нам сделать ряд выступлений. Мы с Флэм-Атом должны были посещать издателей, читать им небольшие лекции и показывать слайды, иллюстрирующие «теорию чертежа». Договор на книгу будет заключен с тем, кто предложит наибольшее вознаграждение.

Специально для выступлений перед издателями Флэм-Ат прибыл в Англию. Несколько дней мы репетировали в моем доме в Корнуолле, а затем отправились в Лондон и выступили перед полудюжиной издателей. Их предложения превзошли наши ожидания, что не могло не радовать. Затем мы отправились с той же целью в Нью-Йорк Предложенные суммы вновь превысили те, на которые мы рассчитывали. Мы подписали договоры и соглашение о сотрудничестве и приступили к работе над книгой в декабре 1998 года. Сдать рукопись нужно было в январю 2000-го. Материала у нас накопилось много, и мне казалось, что требуется лишь упорядочить его должным образом.

Оставалась, разумеется, важная проблема — письмо Хэпгуда к Флэм-Ату, из которого следовало, что цивилизация существовала уже 100 тысяч лет назад. Я понимал, что, пока мы не докажем утверждение Хэпгуда, наше теоретическое построение будет лишено фундамента. Впрочем, думал я, на решение этой проблемы у нас остается целый год.

Несмотря на то что Флэм-Ат уже связывался с друзьями и родственниками Хэпгуда в попытке разрешить его загадку, я решил вновь ступить на этот путь. Но ни Бет, двоюродная сестра Хэпгуда, ни его друзья Элвуд и Дария Бэббиты не смогли помочь мне отыскать недостающие записи, которые могли бы прояснить гипотезу о цивилизации, что существовала 100 тысяч лет назад. Эти записи имели огромное значение, и без них книга осталась бы детективом без финала. Недели превращались в месяцы, расследование не продвигалось, и мой оптимизм начал иссякать.

Тем не менее я работал не покладая рук. По пути я совершал небезынтересные открытия, например, узнал потрясающую

историю «ниневийского числа», которое само по себе несло информацию о дате, когда это число получили: примерно 66 000 лет назад.

И вдруг мне улыбнулась удача. Это произошло 28 февраля 1999 года.

Накануне я получил электронное письмо от друга Хэпгуда. — он куда-то дел посланные мною материалы, и я отослал их ему вновь. Утром воскресенья от него пришло новое письмо, в котором он благодарил меня и сообщал в постскриптуме, что, возможно, стоит связаться с еще одним знакомым Хэпгуда, вышедшим в отставку ученым, живущим в Нью-Гэмпшире. Дописав третью главу «Чертежа Атлантиды» и готовясь к прогулке со своими собаками, я позвонил этому ученому.

Телефонную трубку взял мужчина с приятным голосом жителя Новой Англии. Я поведал ему о последнем письме Хэпгуда Флэм-Ату и сказал, что пытаюсь выяснить, почему Хэпгуд думал, что 100 тысяч лет назад на Земле существовала цивилизация.

Мужчина на том конце провода произнес:

— Конечно же, ведь это я.

Это признание настолько не вязалось с предыдущей беседой, что я не сразу понял, что именно он сказал.

— В каком смысле — вы?

— Это я дал Чарли Хэпгуду информацию, которая убедила его в том, что цивилизация существовала 100 тысяч лет назад.

Мое сердце замерло.

— И что вы ему сказали?

— Ну, если по порядку… я сказал ему, что неандертальцы установили эквивалент мегалитического ярда Тома, а кроманьонцы унаследовали это знание.

— Что навело вас на эту мысль?

— Много чего. Начиная с известнякового диска из Ла-Кины.

Астроном Александр Том утверждал, что при возведении мегалитов в разных частях света использовалась одна и та же основная единица измерения — «мегалитический ярд». Меня поразило заявление собеседника, будто эта единица измерения использовалась еще неандертальцами (что доказывали размеры диска из Ла-Кины, вырезанного неандертальцами сто тысяч лет назад).

В тот день я провисел на телефоне более двух часов и, когда разговор завершился, ощутил себя словно бы оглушенным. Мой новый знакомый был ошеломляюще эрудирован и подкреплял свои доводы в пользу древности цивилизации, возраст которой он выводил из системы мер, лингвистическими аргументами, то и

дело воспроизводя слова греческого, шумерского, семитских языков и санскрита.

Его теория и следствия из нее были невообразимо сложны: он говорил о музыке, расстояниях между планетами, археологии и атомных номерах. Темы опубликованных им статей, которые он обещал прислать, варьировались от пирамиды Хеопса, искусства ледникового периода и археологии каньона Чако до алхимических символов.

Хотя почти все его идеи были для меня слишком сложны, они казались правдоподобными. Мой старый друг, психолог Стэн Гуч, написал книгу под названием «Cities of Dreams» («Города грез»), В ней он доказывал, что неандертальцы были необычайно умны и создали собственную цивилизацию. Я ни на миг не сомневался в том, что неандертальцы были куда более разумны, нежели принято считать. Точка зрения, согласно которой древняя система мер может доказать существование великой працивилизации, отстаивалась в замечательной книге А.Э. Берримана «Историческая метрология», изданной в 1953 году.

Я почти не сомневался в том, что разрешил загадку «хэпгудовской цивилизации», возраст которой составлял 100 тысяч лет. Теперь я знал, кто именно предоставил Хэпгуду убедившие его доказательства (известняковый диск и древнюю систему мер), и понимал, что Хэпгуд, рассмотрев эти доказательства, увидел, что решение проблемы должно быть связано с неандертальцами, так же ясно, как это видел я.

По понятным причинам я хотел включить в «Чертеж Атлантиды» неожиданные сведения, которые получил от необычайно осведомленного ученого из Нью-Гэмпшира. Флэм-Ат, однако, придерживался иного мнения. Поскольку в конечном счете мы не сумели договориться, эта информация на страницы книги не попала.

На этом все могло бы закончиться, однако знаменательные идеи Хэпгуда интриговали и продолжают интриговать меня настолько, что я не мог не приступить к дальнейшим исследованиям. За шесть лет, прошедших после издания «Чертежа Атлантиды», появились новые доказательства высокой разумности неандертальцев, подтверждающие и гипотезу Хэпгуда, и доводы, приведенные Стэ-ном Гучем в «Городах грез».

В последующих главах я расскажу о длившемся десять лет исследовании с целью установить возраст человеческой цивилизации.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ВНИЗ ПО НИЛУ

В ноябре 1998 года мы с Джой отправились в Египет. Мы планировали сплавиться вниз по Нилу с группой писателей, интересующихся древними цивилизациями. Среди наших коллег-путешественников были Джон Уэст, Роберт Бьювэл, Роберт Темпл, Майкл Бейджент, Ральф Эллис и Юрий Стоянов, специалист по древней дуалистической религии. Я хотел собрать материал для книги «Чертеж Атлантиды», которую должен был начать вскоре после возвращения.

Мы прилетели в Каир и взяли такси до гостиницы «Мена-Хауз», расположенной в полумиле от Сфинкса. На следующее утро мы поднялись в половине шестого, чтобы увидеть, как из-за пирамид встает солнце.

Когда смотришь на фотографии, кажется, что в пирамидах нет ничего загадочного: по сути, они являют собой большие груды камней. Но когда ты стоишь напротив пирамиды Хеопса, проблема видна как на ладони. Уложить гранитные блоки весом от двух до шести тонн каждый в первый, второй, даже третий ярус нетрудно; эта задача по силам простым рабочим. Остаются, однако, еще двести ярусов. Как бы вы подняли блоки на, скажем, 150-й уровень? Поставили бы аппарель и затащили бы их наверх? Но для изготовления подобной аппарели нужно столько же стройматериалов, сколько требуется на саму пирамиду. Более того, чтобы аппарель не развалилась, она должна быть изготовлена из камня.

Может быть, прав Геродот, который писал, что строители поднимали каменные блоки по одному за раз на передвижном подъемнике? При использовании этого метода на подъем и установку одного блока уходит день, и даже если устанавливать ежедневно 25 блоков, строительство пирамиды займет 274 года. (Как мы помним, она составлена из 2 300 000 блоков.) Геродот заявлял, что пирамиду построили за 20 лет, что со всей очевидностью невозможно, если только строители не обладали неким секретом, забытым впоследствии.

Что, если взять напрокат гигантский кран? Но сегодня в мире нет крана, который справился бы с подобной задачей.

Использовать энергию ветра? Американский ученый доктор Морин Клеммонс провела серию необычных экспериментов с целью доказать, что ветроэнергетика могла использоваться при строительстве пирамид. В 2004 году доктор Клеммонс наглядно

показала, что камни и обелиски, весящие каждый по несколько тонн, можно поднять в воздух при помощи гигантских воздушных змеев и перемещать в том или ином направлении с деревянных лесов. Доктор Клеммонс тем не менее признает, что понятия не имеет о том, как блоки весом 80 тонн были помещены в самый центр пирамиды Хеопса. Любой турист, видевший эти блоки, согласится: когда пытаешься представить, как их можно было поднять, воображение буксует.

В 1980-е годы видный ученый Джозеф Джокменс, писавший под псевдонимом Джаландрис, издал смелую книгу, в которой охватил множество аспектов этой проблемы. В ней он писал о «невозможных инженерных трюках и каменных блоках, которые были подняты на высоту, недостижимую для кранов, рычагов и сильнейших рабочих».

«В 1978 году, — писал Джокменс, — правительство Египта разрешило японской компании «Ниппон Корпорейшн» построить мини-пирамиду к юго-востоку от пирамиды Микерина, третьей пирамиды Гизы. Размер сооружения не играл роли, важна была технология строительства: японцы пытались построить пирамиду методами, которые якобы применялись древними египтянами, иначе говоря, методами, которые приписывают им современные археологи.

Японцы планировали добывать камни на ближних холмах, сплавлять их на плотах по Нилу, доставлять на стройплощадку методом «раз-два-взяли!», когда толпа рабочих тянет камень при помощи веревок, наконец, поднимать их и укладывать в пирамиду, используя при этом простые рычаги.

Не успело строительство начаться, как планировщики обнаружили, что столкнулись с непреодолимыми проблемами. Начать с того, что камни не поддавались ручным инструментам, и рабочие в каменоломне вынуждены были применить отбойные молотки. Сплавлять добытые блоки по Нилу на деревянных плотах оказалось небезопасно, поэтому их начали перевозить на пароходе. Когда камни оказывались на берегу, появлялись большие бригады нанятых японцами арабских рабочих, однако блоки отказывались сдвигаться с места, увязая в речном иле или песках. Вновь требовалось призывать на помощь современную технику, в итоге камни доезжали до стройплощадки на тяжелых грузовиках, работавших на пределе мощности.

Последний штрих: тяжелые камни не могла поднять вся рабочая рать. Бесполезны оказались и веревки, и рычаги, и блоки. На выручку японцам поспешили огромные краны и вертолеты. Однако, невзирая на самое мощное на сегодняшний день подъемное оборудование, укладка камней в пирамиду оказалась

занятием крайне медленным и утомительным: каменные блоки сплошь и рядом ложились неровно, многие из-за грубой и неловкой транспортировки трескались, а то и разбивались.

На этой стадии вмешались египетские власти. Из опасения, что тяжелые машины, о которых в договоре не было и речи, разрушат экосистему пустыни, они приказали снести то немногое, что успели построить японцы»[4].

Возможно, Сфинкса строить было легче. Но ненамного.

Нас в отличие от большинства посетителей пустили в котлован, в котором «сидит» Сфинкс. Пока солнце не поднялось, воздух был неприятно холоден; затем, когда свет затопил пустынный пейзаж, стало нестерпимо жарко. Мне не терпелось взглянуть на стены котлована поближе, поскольку в прошлое посещение Египта я вынужден был заодно с остальными туристами смотреть на Сфинкса с большого расстояния. Теперь я получил возможность изучить следы дождевой эрозии, убедившие Джона Уэста в том, что Сфинкс на тысячи лет старше, чем считается.

Первым об этом заговорил не Уэст. До него ту же идею выдвинул эксцентричный французский алхимик Рене Шваллер де Любич. Большую часть жизни Шваллер пытался постичь, как красное и синее стекло Шартрского собора было окрашено без красителя. Он был сражен искусностью средневековых ремесленников и, разумеется, задавался вопросом, от кого те переняли свои приемы. В середине 1930-х годов Шваллер вместе с женой Ишой отправился в Египет. Они осмотрели гробницу Рамзеса VI с настенной росписью, на которой фараон изображался гипотенузой правильного прямого треугольника со сторонами, соотносящимися как 3:4:5. Эта роспись доказывала, что теорема Пифагора была известна египтянам за тысячу лет до Пифагора. Неожиданно Шваллер убедил себя в том, что знания средневековых мастеров уходят корнями в Древний Египет.

Увидев Сфинкса и его котлован, Шваллер моментально сообразил, что смотрит на следы эрозии, вызванной водой, а не песчаными бурями. Если поверхность скалы обдувается песком, она выветривается слоями: более твердая порода выдается, более мягкая стирается. Если скала подвергается воздействию дождей, она опять-таки истачивается слоями, кроме того, на ней образуются вертикальные борозды, по которым стекает вода. Стены же Сфинкса являют нам оба типа эрозии, как вертикальной, так и горизонтальной.

Стоя перед стеной котлована, мы увидели все это своими глазами. Линии на скале расходились кругами, словно морщины на попке младенца. Загвоздка в том, что дождь в Египте —

явление редкое. Шваллер (и Уэст) указывали на то, что постоянные дожди шли здесь только в конце последнего ледникового периода, около 10 000 г. до н. э. Этот довод, судя по всему, подтверждает теорию, согласно которой Сфинкс был высечен уцелевшими атлантами.

Некогда перед Сфинксом, пристально глядящим на восток, стояли два храма, один справа и один слева. Ныне сохранился лишь один из них, так называемый «храм Сфинкса» по правую руку. Его 200-тонные известняковые блоки были вырезаны в скальной породе по обе стороны Сфинкса, и мы до сих пор не можем понять, как египтянам удалось поднять их и сложить вместе. Геологи предполагают, что Сфинкс первоначально был огромной твердой скалой, выдававшейся из известняка, и что в отдаленном прошлом эту скалу обтесали, придав ей форму головы, возможно, львиной (что имеет смысл, если это произошло в эру Льва, около 10 000 года до н. э.).

Затем кто-то решил оснастить голову львиным телом, и из известняка вырезали блоки, на месте которых образовался котлован. Сфинкс был окружен стеной с обеих сторон. Очередной египетский фараон повелел высечь вместо львиной морды свое лицо, в результате голова уменьшилась в размерах. Если сравнить ее с исполинским телом, она выглядит нелепо.

Нам известно, что, когда в Египет прибыли первые европейские исследователи, Сфинкс был по шею погребен под песком; мы можем заключить, что песчаный саван защищал его тысячи лет. Согласно найденной между лапами Сфинкса стеле, около 1425 года до н. э. фараон Тутмос IV видел сон, в котором бог солнца просил его расчистить песок.

Сфинкс имеет 240 футов в длину и 60 футов в высоту. Мы прошли к его дальнему концу, «залатанному» огромными каменными блоками. По всей видимости, ремонт произвел фараон Хефрен, сын Хеопса (Хуфу), построившего Великую пирамиду. Хефрен жил около 2500 года до н. э… То, что он должен был ремонтировать монумент, созданный, как утверждают археологи, его отцом пятьюдесятью годами ранее, кажется странным. Если учесть степень эрозии, не логично ли предположить, что возраст Сфинкса уже ко времени Хеопса и Хефрена исчислялся по меньшей мере веками?

К половине десятого утра жара стала невыносимой. Нас одолело желание выпить чего-нибудь прохладительного, и мы сбежали обратно в гостиницу вместе с Джоном Уэстом, который направлялся на завтрак. Во время трапезы Джон напомнил нам о том, как он сумел доказать, что Сфинкс носит лицо вовсе не фараона Хефрена (на чем настаивают ортодоксальные археологи).

Своим открытием Уэст обязан статуэтке, которую нашли в захоронении в храме Сфинкса и объявили изображением Хефрена. Джон полагал, что лик Сфинкса ничем не напоминает этого фараона, и попросил Фрэнка Доминго, судебного художника из полиции Нью-Йорка, приехать и сравнить два лица.

Сравнив их, Доминго установил, что одно совершенно не походит на другое. Он даже сделал масштабные чертежи головы Хефрена и поврежденного лица Сфинкса (которое выглядит так, будто по нему одно время массированно стреляли из пушек). Доминго показал, что подбородок Сфинкса выдается куда более подбородка Хефрена и что линия, проведенная от уха Сфинкса к краю его рта, имеет наклон в 32°, в то время как аналогичная линия у Хефрена имеет наклон в 14°. Отсюда следовал вывод: это лица разных людей.

После завтрака наша группа отправилась в Каирский музей и стала разглядывать статую Хефрена, обнаруженную в храме Сфинкса. Мы с Джой согласились, что на Сфинкса она ничуть не похожа. В первом зале музея мы увидели аэрофотоснимки пирамид, впечатлившие в свое время Роберта Бьювэла и послужившие основанием для теории, по которой пирамиды Гизы были построены как «отражение» пояса Ориона. Бьювэл указал на то, что Нил и пирамиды расположены друг относительно друга точно так же, как широкая лента Млечного Пути расположена относительно звезд пояса Ориона. Зеркальное отражение — налицо.

На следующее утро мы вылетели на самолете в Асуан, расположенный в пятистах милях вниз по Нилу, там, где река пересекает границу с Суданом. Мне не терпелось увидеть древний город, поскольку он сыграл важную роль в развитии теории Хэпгуда. Первоначально этот город назывался Сиена. Именно здесь гениальный Эратосфен определил размер Земли.

Однажды Эратосфен узнал, что в полдень летнего равноденствия в глубине самого глубокого колодца Сиены отражается солнце. Этот факт, разумеется, означал, что солнце находилось в зените и городские башни не отбрасывали тени. Однако в Александрии, городе в пятистах милях к югу, тени у башен имелись. Все, что нужно было сделать Эратосфену, — это измерить длину тени от башни в Александрии в полдень 21 июня. Так он узнал, под каким углом лучи солнца падали на Александрию в тот момент, когда оно светило на Сиену строго вертикально. Угол равнялся семи градусам. Если 7° соответствуют 500 милям изогнутой земной поверхности, легко высчитать, что 360° соответствуют 24 000 миль, что для 240 г. до н. э. — оценка замечательно точная.

Определяя расстояние между городами, Эратосфен слегка ошибся и впоследствии увеличил размер Земли на 4°. Хэпгуд обнаружил, что, если учесть эту ошибку, карта Пири Рейса окажется еще более точной.

Земля являет собой шар, а карта — плоскость, потому сегодняшние картографы пользуются проекцией Меркатора, основанной на линиях широты и долготы. Древние картографы использовали метод куда более сложный и не менее эффективный. Они выбирали центр и рисовали вокруг него круг, который делили на шестнадцать частей, словно пирог. Затем они чертили по окружности «пирога» квадраты, выходившие за пределы круга.

Центр карты Пири Рейса помещался в Египте, но на карту он не попал. Александрия казалась идеальным местом для такого центра. Расчеты, однако, показали, что он помещается несколько южнее.

Как оказалось, центр карты — в Сиене.

Хэпгуд понимал, что это открытие влечет за собой ряд интересных выводов. Когда александрийские картографы начинали работать над новой картой, вряд ли они самолично отправлялись в регион, который на эту карту наносился. Вероятно, они использовали старые карты, которые не содержали просчета на 4° и были более чем точны. Это означает, что доалександрийские картографы применяли более точные и продвинутые картографические методы, нежели греки.

Между прочим, на этот счет имеется любопытное доказательство. Ближе к концу II в. до н. э. греческий грамматист Агатархид Книдский, наставник одного из египетских царей династии Птолемеев, записал, что, согласно древней традиции, основание каждой стороны пирамиды Хеопса составляет в точности одну восьмую минуты градуса земной окружности. (Минута — одна шестидесятая градуса.) Длина основания пирамиды — чуть больше 230 метров.

Проверим это утверждение, умножив 230 на 8, чтобы получить минуты, на 60, чтобы получить градусы, и на 360, чтобы получить длину окружности Земли. Получим немногим меньше 40 000 километров или чуть меньше 25 000 миль — изумительно точная оценка длины экватора. Получается, в 2500 г. до н. э. строителям пирамид уже была известна длина земной окружности.

Этот факт доказывает и сама пирамида Хеопса. Длина основания ее стороны пропорциональна длине экватора, а высота пирамиды пропорциональна «высоте» Земли, то есть расстоянию от ее центра до Северного полюса. Возможно, египтяне предпочли

бы изобразить Землю, сконструировав огромный геодезический свод, но это сооружение не обладает сногсшибательной геометрией пирамиды, оттого они решили проблему самым оптимальным образом.

Когда в 1798 году Наполеон вторгся в Египет, один из сопровождавших его ученых, Эдме-Франсуа Жомар, тщательно изучил пирамиду Хеопса и сделал несколько важных открытий, в частности, установил, что стороны пирамиды указывают на стороны света — север, юг, восток и запад — с поразительной точностью. Пирамида расположена в десяти милях от Каира, в основании дельты Нила, образованной тремя потоками, впадающими в море; если продолжить диагонали пирамиды, они аккуратно обведут дельту. Более того, линия, проведенная точно по середине северной стороны пирамиды, разделяет дельту на две равные половины. Все эти факты свидетельствуют о том, что древние египтяне обладали неким исключительно точным методом измерения больших расстояний и не полагались на грубые прикидки.

Французский метр составляет одну десятимиллионную расстояния от экватора до полюса. Исследование пирамиды, предпринятое Жомаром, убедило его в том, что у египтян также имелась мера длины, основанная на длине земной окружности, в данном случае — одна двестишестнадцатитысячная от длины экватора. (216 000 — это 60 в кубе.)

Все это более чем удивительно. В самом деле, откуда примитивная сельскохозяйственная цивилизация могла узнать размеры земного шара? Равным образом трудно понять, почему Эратосфен должен был совершать те же открытия заново более чем две тысячи лет спустя, — пока мы не вспомним о том, что до плавания Колумба к берегам Америки Земля повсеместно считалась плоской. Как подчеркивает Хэпгуд в конце книги «Карты древних морских царей», утратить знания очень легко.

Откуда же египтяне знали так много о расстояниях и измерениях? Все объяснилось бы, будь они великими мореплавателями, подобно викингам, но нет, они таковыми не были. Египтяне тяготели к собственной земле и собственному морю. Остается предположить, что они переняли знания от существовавшей до них цивилизации. Хэпгуд заключает: «Очевидными познаниями о долготе они обязаны народу, о котором мы ничего не знаем, нации мореплавателей, обладавшей инструментами для определения долготы, о которых греки не могли и мечтать»[5].

Увы, нам с Джой не удалось бросить взгляд на знаменитый колодец Эратосфена по очень простой причине — неизвестно, где

он находится. Возможно, этот колодец исчез столетия назад. Вместо этого мы взошли на борт корабля «Королева Солнца» и превосходно пообедали.

Пока корабль плыл вниз по Нилу, мы изумлялись пышной растительности и богатству ландшафта между рекой и пустыней. Мы направлялись в храм Эдфу, один из самых древних и сохранившихся храмов Египта, весьма внушительный (хоть и несравнимый с храмом в Карнаке). Особую важность этому храму придают вырезанные на его внешних стенах изображения, описывающие битву между Гором и Сетом, а также связанные с ними тексты, известные как Тексты Строителей. Они повествуют о строительстве храма и предлагают заглянуть в далекое прошлое.

Египтяне считали, что некогда мир был уничтожен потопом, эпоху которого они именовали «Зеп Тепи», «изначальное время». Похоже, египтяне датировали это событие примерно 10 000 годом до н. э., иными словами, причиной потопа вполне могло стать уничтожение Атлантиды. Первоначальный мифический храм был создан в эпоху потопа и лишь позже был овеществлен в камне и песчанике. Эдфу — одно из наиболее почитаемых святилищ Египта.

В том, что касается святилищ, я придерживался мнения, отличного от мнения Флэм-Ата. Он считал, что святилища являли собой только древние маркеры, созданные для разметки зон землетрясения. Мои собственные исследования древних святилищ наподобие Стоунхенджа и Карнака, напротив, убедили меня в том, что эти места были объявлены священными, так как в них помещаются воронки некой земной силы, которая порождает магические явления. Будучи вице-президентом Общества клуба привидений, я неоднократно замечал, сколь часто духи оказываются связаны с воронками земной силы. Работая над книгой о НЛО, я отметил, что в таких местах часто видят НЛО. Приближаясь к мегалитам Стоунхенджа с биолокационной лозой, я ощущал эту силу на себе. Возникает чувство, будто входишь в сильнейшее магнитное поле.

Местами эта сила может вызвать неприятные ощущения-. человек теряет ориентацию в пространстве, его начинает знобить. Однажды мне довелось испытать нечто похожее в бретанской деревне Карнак; я заметил, что ощущение становится почти материальным на крохотном поле, заставленном камнями, где лоза в моей руке вертелась так, словно была живой.

Нашим провожатым в Эдфу был Эмиль Шейкер, специалист по Древнему Египту. Он убежден в том, что важную роль в загадке храмов играет южное направление. В 1998 году ученые из

Саутгемптонского университета открыли, что мегалиты Стоунхенджа обладают акустическими свойствами и могут использоваться в качестве гигантских усилителей для барабанов во время празднеств: их плоские поверхности аккумулируют звук с большой площади и отражают его. Мы обнаружили, что тем же эффектом обладают храмы — они функционируют практически как эхокамеры. Остановившись в портале внутреннего двора храма, мы издавали низкие гудящие звуки, которые усиливались камнем.

Эмиль указал на иероглифы на стене близ святилища. Он сказал, что они устанавливают, сколько раз должен исполняться храмовый ритуал. В данном случае его следовало исполнить трижды.

— Ритуальные песнопения нужно повторить три раза, иначе они бесполезны, — объяснил он. — Ритуал включал в себя обращенный к солнцу гимн и жертвоприношение богу.

Я спросил:

— А для чего нужен этот ритуал?

— Он активизирует храм, — сказал Эмиль.

— Вы имеете в виду, что тут словно бы включается свет? — спросил я, озвучивая первый же пришедший мне на ум образ.

Эмиль кивнул.

— Именно: словно бы включается свет.

Итак, ритуал, включавший в себя песнопения, каким-то образом «включал» храм. По всей видимости, этот ритуал напоминал последовательность действий, которую мы используем для отсылки электронного письма.

Святилище, расположенное там, где посетитель ожидает увидеть алтарь, представляет собой нечто вроде грандиозной коробки из серого гранита, положенной на бок. Войдя в эту коробку, я начал продвигаться в направлении храмовой стены, но обнаружил, что узкий проход загораживает человек, погруженный в медитацию и прислонившийся лбом к стене святилища. Я узнал своего спутника Майкла Бейджента, соавтора ряда книг о тамплиерах и замке Ренн-ле-Шато.

Стараясь не шуметь, я пошел назад и присоединился к Джону Уэсту, который повел нас к Текстам Строителей, содержащим упоминание «изначального времени», когда, согласно поверьям, Семь Мудрецов создали храм и пирамиды. Затем мы покинули внутренний двор, оказавшись позади храма (а на деле — перед ним), и некоторое время любовались солнечным сиянием. С верховьев реки дул свежий ветер.

Пришло время возвращаться в автобус и ехать на «Королеву Солнца», где нас ждал обед. Часом позже Роберт Бьювэл сообщил

нам, что Майкл не вернулся вместе со всеми. В 15.30 он должен был читать лекцию; Роберт спросил, не могу ли я выступить вместо Майкла, и я согласился. Мы все волновались за Майкла, ибо находились в неспокойной стране. После Асуана к нам приставили солдат, которые должны были защитить нас от террористов. Совсем недавно туристы из Германии были расстреляны из автомата в храме Хатшепсут в Долине Цариц.

Два часа спустя Майкл вернулся в такси. Я спросил его, что случилось.

— Понятия не имею. Я медитировал минуту-другую. Потом вы все исчезли.

Я-то знал, что минутой-другой дело не ограничилось: на моих глазах Майкл медитировал по меньшей мере двадцать минут. Когда я сказал ему об этом, он удивился:

— Мне казалось, прошло от силы две-три минуты.

Происшествие с Майклом всерьез меня озадачило.

Очевидно, он настроился на вибрации Эдфу, и время для него остановилось. Но вот вопрос: был ли этот процесс чисто механическим, как если бы кто-то просто включил свет? Несмотря ни на что, мне казалось, что я стал свидетелем чего-то более необычного. Только спустя шесть лет, когда я писал данную книгу, мне довелось подобрать ключи к этой загадке (см. главу 8).

Я подозревал, что тайна храмов кроется в звуковой вибрации, и эту точку зрения поддержал американский инженер Крис Данн, убежденный в том, что пирамида Хеопса являет собой гигантский резонатор. Данн подкупил охранника, чтобы тот позволил ему остаться в царской камере, когда оттуда ушли остальные туристы. Он ударил кулаком по саркофагу и зарегистрировал частоту звука, после чего спел ту же ноту. Позже, прослушивая запись, он обнаружил, что его пение вызвало в камере симпатические вибрации. Когда Данн покинул камеру, оставив магнитофон включенным, и окликнул охранника, чтобы тот выключил свет, этот оклик записался с той же громкостью, что и звуки, которые Данн издавал внутри камеры. Так он доказал, что камера обладает необычными акустическими свойствами.

Еще один мой друг, Дэвид Элкингтон, наткнулся на куда более поразительное явление. В своей книге «In the Name of the Gods» («Именем богов») он описал, как повстречал в Гизе инженера звукозаписи Джона Рейда. Элкингтон рассказал ему о своей теории, согласно которой пирамида является в некотором смысле «живой» и отзывается на звук Рейд проверил это наблюдение, поставив любопытный эксперимент. Он заместил отбитый угол саркофага алюминиевой «заплатой», установил на саркофаге пластмассовую мембрану и начал посыпать ее песком,

включив при этом синусоидальный осциллятор, к которому был подключен маленький репродуктор. Песчинки вскоре начали собираться в узоры, как это обычно происходит, если посыпать песком барабан.

К изумлению Рейда, песок начал образовывать египетские религиозные символы-, ритуальный парик фараона, египетский крест-анх, а также священный глаз Гора. Этот последний символ наполняет масонскую фразу «глаз в пирамиде» совершенно новым смыслом. В книге Элкингтона имеются фотографии этих узоров, не оставляющие сомнений в том, что наш провожатый Эмиль Шейкер был прав: тайна Древнего Египта связана со «звуковыми узорами». Элкингтон описывает звуковые ритуалы в храмах и пирамидах как «акустическую евхаристию»[6].

На следующий день мы приехали в Долину Царей и отправились в роскошную усыпальницу Рамзеса VI. Я был поражен, когда Эмиль указал на рисунок на стене длинного нисходящего коридора. Этот рисунок явно изображал сперматозоид. Откуда древние египтяне знали о составе спермы? Разве они изобрели микроскоп? Лишь год спустя, читая книгу Джереми Нарби «The Serpent Power» («Власть змеи»), я разгадал эту загадку, но об этом — позже.

Удовольствие от посещения храмов было подпорчено первыми признаками какой-то желудочной инфекции, которая вызвала у меня рвоту и понос. (Будь я расположен к суевериям, обязательно подумал бы, что во всем виновата экскурсия в гробницу Тутанхамона.) Болезнь вымотала меня настолько, что я ничуть не обрадовался, оказавшись в Долине Цариц. Впрочем, ничто не может затмить великолепие храма Хатшепсут — даже охранники с автоматами.

Инфекция не отвязалась от меня и на следующее утро, а экскурсия в Карнакский храм до завтрака (хоть я и взирал благоговейно на огромные, украшенные искусной резьбой колонны) оказалась слишком ранней даже дня меня, привыкшего вставать в половине шестого.

К великому сожалению, болезнь отравила посещение храма в Дендере, который я мечтал увидеть много лет, с тех пор как написал о нем в книге «Starseekers» («Охотники за звездами»). На потолке этого храма находится знаменитый зодиакальный круг, доказывающий, по словам Шваллера де Любича, что египтяне знали о прецессии равноденствий.

Прецессия возникает из-за слабого колебания земной оси вращения, подобного тому, что наблюдается при вращении юлы. Вообразите ось как гигантский карандаш, проткнувший Землю насквозь от полюса к полюсу; затем вообразите, что на концах

этого карандаша имеются прожекторы, свет которых пронизывает космос. Если вы представите себе небо как плоский потолок, свет от прожектора будет описывать на нем окружность. Для того чтобы описать подобную окружность, требуется 25 776 лет, потому трудно поверить, что древние люди вообще знали об этом крайне медленном процессе, не говоря о том, чтобы исследовать его во всей полноте.

На практике из-за прецессии кажется, что созвездия словно бы движутся в обратном направлении. Все мы знаем, что зодиакальный год начинается с Овна, переходя к Тельцу, Близнецам и Раку и далее, пока не достигнет Козерога, Водолея и Рыб. Но если внимательно следить за звездами, окажется, что всякая весна начинается чуть раньше предыдущей. Если бы прецессия проходила в тысячи раз быстрее, весна начиналась бы в этом году с Рыб, в следующем с Водолея, потом с Козерога и так далее; созвездия перемещались бы назад, с востока на запад.

Древние знали о странном попятном движении стрелок небесных часов и придавали ему исключительное значение. Они считали, что прецессия есть отражение мыслей богов, и недоумевали, что же она может означать. О ней было известно всем цивилизациям: эскимосской, исландской, норвежской, финской, гавайской, японской, персидской, римской, греческий, индийской. Может показаться, что наши предки только и делали, что наблюдали за ночным небом.

В Дендере имеются, по существу, два зодиака, вырезанных один поверх другого. На первом ось «восток — запад» проходит через созвездие Рыб, иначе говоря, этот зодиак был создан в эпоху Рыб около 2100 лет тому назад. Однако два иероглифа на краю зодиакального круга предполагают, что вторая ось проходит через начало эпохи Тельца, то есть еще за 4000 лет до того. Значит, зодчие Дендерского храма знали, что Телец уступает Овну, а тот — Рыбам. Другими словами, они знали о прецессии.

Мало того, что египтянам был известен точный размер земной окружности с точностью до метра, они знали и о том, что происходило за 26 тысяч лет до них!

Прежде чем вернуться самолетом в Каир, мы отправились в храм, который я чаял увидеть более прочих: загадочный Осирийон, «гробница Осириса», построенная за храмом Осириса в Абидосе. Этот храм был возведен фараоном Сети I, отцом Рамзеса II, который фигурирует в Библии как угнетатель израильтян.

Осирийон — это небольшой храм, построенный, как и храм Сфинкса в Гизе, из мегалитических блоков. Архитектура его скупа и невзрачна; храм совершенно не похож на храмы Карнака и Луксора, стены которых украшены изысканными росписями. Я

стремился увидеть Осирийон своими глазами, потому что подозревал, что храм построен атлантами, теми же людьми, что вырезали блоки Сфинкса и построили его храм.

Осирийон был открыт в начале XX века, когда Флиндерс Петри и его помощница Маргарет Мюррей расчищали песчаные нагромождения за массивом храма Сети I. Когда стало ясно, что требуется удалить еще тысячи тонн песка, Петри и Мюррей передали работу профессору Э. Нэвиллю, который в 1912 году понял, что перед ним — сооружение совсем иной архитектуры, не похожее на храм фараона Сети I. Мегалитический стиль превращал его в миниатюрный Стоунхендж с дольменами.

Труд Нэвилля прервала Первая мировая война. Раскопки храма завершил молодой археолог Генри Франкфорт. Он обнаружил имя Сети I, написанное (не вырезанное) на камне, и черепок с надписью: «Сети I служит Осирису». Черепок, казалось, подтверждал выводы Франкфорта: он решил, что Осирийон был храмом Осириса, построенным Сети I.

Маргарет Мюррей указала на то, что фараоны любили дописывать свои имена на памятниках прошлых эпох, потому надпись Сети I ничего не доказывает, равно как и статуя Хефрена не доказывает, что он построил храм Сфинкса. Кроме того, новооткрытый храм, сложенный из огромных блоков (один из них имеет в длину 25 футов), определенно отличался от храма Сети I, стоявшего перед ним. К тому времени, однако, репутация Маргарет Мюррей в академических кругах уже была серьезно подмочена ее чудаковатыми заявлениями (она утверждала, например, что средневековые ведьмы являлись на деле жрицами культа, посвященного рогатому богу Пану), и на ее слова мало кто обратил внимание.

Возможно, все было проще простого: Осирийон был построен задолго до храма Сети I, и фараон выбрал то же место для строительства собственного храма, надеясь угодить Осирису, чьим слугой он себя объявил.

В любом случае интуиция Нэвилля сработала превосходно: он заявил, что Осирийон мог быть «самым древним строением Египта». В самом деле, есть что-то загадочное в этом здании, которое показалось нам похожим на плавательный бассейн из-за прибывающей воды. Нэвилль даже предположил, что Осирийон — это примитивная водокачка. В этом месте выходят на поверхность грунтовые воды, а глубокая канава вокруг центральной платформы Осирийона явно использовалась как ров. За этим рвом расположены 17 словно бы монастырских келий, в каждую из которых может поместиться человек. Сегодня, семь лет спустя, и ров, и платформа залиты водой.

Осирийон был построен на рукотворной насыпи и напомнил нам пирамиды Гизы, а вода будто намекала на первобытную легенду о сотворении мира. Быть может, египетские жрецы сидели в этих кельях, взирали на водную гладь и размышляли об «изначальном времени»?

Я спустился по склону, чтобы подойти к воде как можно ближе, и был поражен открывшейся изумрудной глубиной. Я стоял у кромки воды очень долго, и Джой вынуждена была крикнуть мне, что остальные уже ушли, а сторож вот-вот запрет дверь храма. И я поспешил обратно в храм с его резьбой и надписями XIII века, ощущая, что возвращаюсь в современный мир.

Осирийон, вне всякого сомнения, является одним из самых сильных по воздействию мест на нашей планете. Хорошо, что этот храм труднодоступен, ибо поток посетителей высосал бы из него всю силу, как это произошло с энергией великих менгиров деревни Карнак, где примитивная сила сохранилась лишь в маленьких, расположенных на периферии камнях.

К вечеру мы возвратились в Каир и через 24 часа были дома в Корнуолле.

Увы, я чуть не забыл упомянуть о самом значительном открытии, совершенном во время путешествия вниз по Нилу, об ошеломляющей улике, которая свидетельствует: явление прецессии было известно нашим предкам уже 60 тысяч лет назад.

В соседней каюте расположилась очаровательная пара из Южной Африки, Герт и Мария Уолтоны. После моей лекции они спросили меня, знаком ли я с трудом французского ученого, бывшего сотрудника НАСА Мориса Шатлена «Our Cosmic Ancestors» («Наши космические предки»)[7]. Я сказал, что нет, и они одолжили мне экземпляр этой книги. Через пару часов я понял, что наткнулся на открытие, подтверждающее вывод Хэпгуда: люди обладали глубокими научными познаниями сто тысяч лет назад.

В 1843 году француз Поль-Эмиль Ботта, служивший консулом в Мосуле в Ираке (прежней Месопотамии), начал раскопки на холме Куюнджик в верховьях Тигра и нашел библиотеку ассирийского царя Ашшурбанипала (669–626 годы до н. э.). В числе прочего Ботта обнаружил глиняную табличку, на которой было записано огромное число: 195 955 200 000 000. Разрушенный город, некогда стоявший на месте холма, назывался Ниневия.

В ту эпоху мало кто на Западе оперировал даже миллионами, потому Ботта был сбит с толку. Зачем древним ассирийцам понадобилось столь огромное число?

При помощи компьютера Шатлен установил, что это число не является произвольным. Его можно получить, если 70 умножить на 60 в седьмой степени.

В своей книге Шатлен вспоминает о малоизвестном факте: шумеры, изобретатели письменности, при расчетах оперировали числами с основанием не 10, а 60. (Это они придумали минуту с 60 секундами и час с 60 минутами.) Вдруг у Шатлена разыгралось воображение, и он спросил себя, не может ли это огромное число измерять время в секундах. По его расчетам получилось, что оно равняется в этом случае 2268 миллионам дней, или примерно 6 миллионам лет.

Шумеры славились еще и как великие астрономы, составившие таблицы движения всех планет, включая Уран и Нептун. Шатлен задается вопросом: знали ли шумеры о прецессии? Земля проходит один полный прецессионный цикл примерно за 26 тысяч лет. Шатлен разделил ниневийское число на число лет прецессионного цикла и обнаружил, к собственному удовлетворению, что оно равняется 240 таким циклам — или «большим годам».

Затем он спросил себя, не может ли это гигантское число оказаться упоминаемой астрологами и оккультистами «Великой Константой Солнечной системы», «наибольшим общим множителем», который делится на все остальные числа, выражающие периоды обращения планет, и так далее. Шатлен пошел дальше, вычислил циклы обращения планет и их спутников в секундах и обнаружил, что ниневийское число делится на них без остатка.

Этот результат его ошеломил. Современная наука считает, что древние астрономы интересовались небом исключительно потому, что были суеверны. Но если выводы Шатлена о ниневийском числе верны, значит, халдейские астрономы знали о Солнечной системе не меньше, чем знал о ней Ньютон.

Проверяя свою догадку, Шатлен сравнил период обращения Земли с данными, полученными путем деления ниневийского числа. Он был слегка озадачен небольшим расхождением в миллионных долях. Правда, это несоответствие составляло всего лишь 12 миллионных в день за год. Однако ниневийское число показывало такие точные результаты, что Шатлен был сбит с толку даже столь малой разницей.

Тут его осенило. Мы знаем, что движение Земли замедляется, пусть и очень медленно. Через 12 миллионов лет год станет короче на один день.

Ниневийское число дает нам точное значение периода обращения Земли, просто мы должны сделать поправку на то, что

оно было вычислено 64 800 лет назад. Получается, уже в то время нашу планету населяли разумные существа?

Если верить ниневийскому числу — да. Более того, эти существа обладали научными познаниями, сравнимыми с теми, которые мы постигли лишь многие тысячи лет спустя.

Если так, кто же населял тогда Землю? Вариантов несколько. Это могли быть неандертальцы, которые тогда еще не вымерли. Это могли быть кроманьонцы, наши предки. Возможно, это были космические пришельцы Дэникена, как считал и Шатлен. Именно поэтому он назвал свою книгу «Наши космические предки». Начинается она так:

«Большинство американских космических аппаратов, начиная с «Меркьюри» и «Джемини» и заканчивая «Аполлонами», преследовались неизвестными космическими кораблями, которые могли принадлежать цивилизации, обитающей в другой области Вселенной… Всякий раз, когда астронавты обнаруживали преследователя, они сообщали об этом в Центр управления полетами, который приказывал хранить молчание»[8].

Шатлен упоминает о найденном близ Сан-Диего кроманьонском черепе, возраст которого составляет 50–65 тысяч лет, и цитирует двух ученых, полагающих, что размер мозга данного кроманьонца свидетельствует «о его высочайшем интеллекте»: этот человек «вполне мог… наблюдать и вычислять астрономические циклы»[9].

Шатлен забыл (или, может быть, не знал) о том, что мозг неандертальца был куда больше нашего.

Впрочем, не следует исключать еще одну возможность: ниневийское число вычислили обычные индивиды с необычными умственными способностями. Мой любимый пример — шестилетний мальчик Бенджамин Блит. Этот случай имел место в 1826 году: ребенок гулял со своим отцом и спросил его:

— Который час?

— Семь пятьдесят утра, — ответил отец.

Прошло пять минут. Бенджамин сказал:

— В этом случае я живу уже… — И он выдал число секунд, что-то около 190 миллионов. Отец записал его на манжете и по возвращении домой предался вычислениям. Он заявил, что расчет неверен на 172 800 секунд.

— Нет, — сказал Бенджамин, — ты забыл о двух високосных годах[10].

Как такое возможно? Человеческие существа развили в себе способность к вычислениям лишь спустя тысячелетия после возникновения цивилизации. Тем не менее люди, не блещущие интеллектом, часто способны производить в уме сложнейшие

расчеты. Более того, сплошь и рядом именно эти люди считают в уме куда быстрее остальных.

Поскольку способностями к расчетам обладают даже простаки и дебилы (таких называют «учеными идиотами»), логично предположить, что есть два типа мозга: один способен превратить человека в великого философа, второй — в «феноменального счетчика» наподобие Бенджамина Блита, похожего на суперкомпьютер.

Но и это объяснение не окончательное. Числа, называемые «простыми» — такие, как 5, 7, 11, — не делятся без остатка ни на какое число, кроме единицы и самих себя. Не существует простого математического способа узнать, является какое-нибудь большое число простым или нет; единственный метод — последовательно делить это число на все числа меньше его. Даже компьютеры выполняют эту работу довольно медленно. Однако вундеркинды от математики способны, всего лишь взглянув на большое число, сказать, простое оно или нет. Психиатр Оливер Сакс описал слабоумных близнецов из нью-йоркской психиатрической больницы, которые развлекались, выдавая по очереди 24-значные простые числа. Оставалось впечатление, что сознания близнецов парили, подобно ястребам, над числовыми полями и набрасывались на простые числа, как если бы те были зайцами.

Архитектор Кит Критчлоу пишет в своей книге «Time stands still» («Время останавливается»; этот заголовок заставляет меня вспомнить о происшествии с Майклом Бей-джентом в Эдфу), что вавилоняне использовали данный метод, когда им требовалось построить прямоугольный треугольник, стороны которого измерялись тысячами футов. Возможно, этот же метод использовался и при вычислении ниневийского числа, исследованного Морисом Шатленом.

Критчлоу, кроме того, очень интересуют древние мегалиты и каменные круги, а также исследования профессора Александра Тома. В 1933 году Том пришвартовал свою яхту у берега острова Льюис Гебридского архипелага. В потемках он сошел на берег, чтобы осмотреть мегалитический каменный круг в Калленише, и заметил, что ось «север — юг», главная ось круга, указывает прямо на Полярную звезду. Том знал, что пять тысяч лет назад, когда каменный круг был построен, Полярная звезда располагалась не там, где расположена сейчас.

Когда Том изучал каменные круги в Калленише и других местах, он видел, что некоторые из них не похожи на круги, а скорее повторяют контуры яйца или буквы D. В конце концов Том понял: строители создавали неправильные круги, используя

пифагорейские треугольники, что, если мы вспомним пирамиду Хеопса, не покажется простым совпадением. Том решил, что люди, которые строили такие круги, были очень умны, и окрестил их «доисторическими Эйнштейнами».

Кроме того, Том заметил, что строители кругов пользовались одной и той же основной единицей измерения, которую он назвал «мегалитическим ярдом». Этот ярд равен 2,7272 английского фута. (На деле основная единица измерения составляет половину этого расстояния, но Том удвоил ее, чтобы приблизить к ярду.) Мегалитический фут оказался равен египетской единице измерения, известной как «птолемейский фут» и использованной при возведении пирамиды Хеопса. Один из комментаторов-последователей Тома, Б. Л. Ван де Верден, говорил, что должен был существовать довавилонский источник геометрических и алгебраических знаний, из которого черпали Греция, Индия и Китай.

Критчлоу объясняет: культуре необязательно быть сложной и технологической для того, чтобы достичь больших высот. Для этого не нужны ни небоскребы, ни огромные металлические мосты. Цивилизованные люди могут жить очень просто. Тем не менее их познания могут быть достаточно глубоки для того, чтобы создать ниневийское число.

И вновь перед нами встает вопрос: как нашим далеким пращурам удалось получить 15-значное число, которое, если Шатлен прав, выражает 2268 миллионов дней в секундах?

Наши наблюдения над феноменальными счетчиками предлагают по меньшей мере намек на ответ. Возможно, наши пращуры были способны рассчитывать такие числа столь же просто, как шестилетний Бенджамин Блит или слабоумные близнецы Оливера Сакса.

Мое предположение о двух типах мозга тоже может оказаться верным. Мозговая деятельность, необходимая для моментальных расчетов, относится к механической. Но великим философам требуется совсем другой тип мозга, наделенный особой энергией, которую мы называем «воображением». Эта энергия аналогична той, которую использовал Моцарт, когда сочинял симфонию «Юпитер».

В 1969 году, будучи на Майорке, я спросил поэта Роберта Грейвза о том, как он использует силу воображения. Грейвз посоветовал мне прочесть рассказ «Отвратительный мистер Ганн»[11]. В этом рассказе он описывает необычные способности школяра по имени Ф.Ф. Смайли, феноменального счетчика. Учитель, мистер Ганн, поставил перед классом сложную математическую проблему. Смайли записал решение и уставился

в окно. Когда учитель спрашивает, как Смайли получил результат, не записав ни единого расчета, тот отвечает: «Я просто увидел ответ». — «Ты имеешь в виду, что увидел ответ в конце учебника?» — говорит мистер Ганн. Смайли отвечает, что это не так и что в ответе в конце учебника все равно две цифры записаны неправильно. Тогда мистер Ганн отсылает Смайли к директору школы с запиской, в которой говорится, что ученика следует высечь розгами, так как он лгал и дерзил учителю. Эту историю Грейвз связывал с собственным опытом: однажды, когда он сидел в машине на крикетной площадке, на него низошло внезапное «небесное просветление».

«Я понял вдруг, что знаю все. Я помню, как позволил сознанию быстро пробежаться по всем знакомым мне областям знаний только для того, чтобы убедиться: это не блажь. Я на самом деле знал все. Проще говоря, я осознавал, что прошел лишь треть пути к формальному образованию, слаб в математике, нетверд к греческой грамматике и имею расплывчатые представления об английской истории, и, невзирая на это, я держал в руке ключ истины и мог отпереть им любую дверь. Мой метод был прост и не основывался на религиозных или философских теориях: я смотрел со стороны на неупорядоченные факты так, что мне открывался смысл происходящего».

Грейвз пишет, что опробовал свое озарение на «различных упрямых замках: все они щелкнули и поддались без труда». Озарение не исчезло, когда Грейвз проснулся следующим утром. Но после утренних уроков, на которых он пытался описать свои ощущения на обороте тетради для упражнений, «мысли опережали мою ручку, я начал зачеркивать слова — то была непоправимая ошибка, — и в итоге скомкал страницу». Позднее, когда он пытался записать то, что ему открылось, на постельном белье, «волшебство испарилось, и озарение исчезло».

Описывая этот опыт, Грейвз отмечал, что в то время его поразила «неожиданная детская уверенность в силе интуиции, суперлогика, которая прерывала все привычные ходы мысли и в мгновение ока перескакивала от проблемы к ответу»[12].

Ближе к концу книги я попытаюсь объяснить, о чем же говорил Грейвз.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ДРЕВНИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Последняя глава «Карт древних морских царей» Хэпгуда называется «Цивилизация, которая исчезла». В ее начале автор повторяет свой вывод: древние карты свидетельствуют о том, что «в далекую эпоху до расцвета любой известной культуры существовала самая настоящая цивилизация… распространившаяся по всему миру культура»[13]. Затем Хэпгуд предостерегает читателя:

«В молодости я исповедовал простую прямолинейную веру в прогресс. Мне казалось невозможным, чтобы люди, миновав определенную веху прогресса, вновь пришли к ней какое-то время спустя. Однажды изобретенный телефон никуда не исчезнет. Цивилизации прошлого угасли единственно потому, что не постигли секрет прогресса. Наука означает постоянный прогресс, пути назад уже нет… Этот процесс будет длиться вечно»[14]. Однако древние карты, говорит Хэпгуд, доказали обратное, — прогресс может обратиться вспять, древние знания могут быть забыты.

Путешествие по Нилу также убедило меня в том, что древние египтяне знали об иных явлениях куда больше, чем мы, и почти все их знания были утеряны.

В 1890-е годы археолог Флиндерс Петри наткнулся на обескураживающий феномен. Производя раскопки в поселке Накада на Ниле, он обнаружил столь замечательные гончарные изделия, в частности, вазы, что решил предположительно датировать их одиннадцатой династией и 2000 годом до н. э. (за 500 лет до строительства пирамиды Хеопса). Поскольку столь искусные гончары появились значительно позже, Петри стал называть гончаров Накады «новой расой».

Затем он обнаружил такую же посуду в гробницах, датируемых самое позднее 3000 годом до н. э., и решил, что лучше исключить Накаду из хронологии, чем пребывать в замешательстве, пытаясь объяснить, как «примитивные» люди могли производить столь изысканную керамику.

Похожую проблему ставят перед учеными длинногорлые вазы, найденные в Саккаре, в ступенчатой пирамиде; построенной около 2650 года до н. э. Эти вазы вырезаны из кристаллических материалов, таких, как кварц, диорит и базальт. Археологи были озадачены тем, как ремесленникам удалось вырезать внутренние поверхности ваз. Проникнуть за узкое горлышко, в которое не

пролезает пальчик ребенка, мастера могли лишь при помощи длинного сверла, при этом они должны были располагать инструментом, позволяющим филигранно работать с внутренней поверхностью сосуда. Мы вынуждены вернуться к невероятной гипотезе: ремесленники знали, как размягчить кристаллические материалы до плотности глины, а то и плавить их, как стекло. Древние египтяне определенно располагали технологией, которая впоследствии была забыта.

В 1957 году Хэпгуда попросили дать консультацию по схожей проблеме загадочного стекла из Ливийской пустыни. Это стекло было обнаружено за четверть века до того, в декабре 1932 года, когда два англичанина ехали по пустыне (которая, несмотря на название, находится в Египте) по коридору, очищенному от песка. Патрик Эндрю Клейтон из египетского Института исследования пустынь и профессор Леонард Спенсер, смотритель отдела минералов Британского музея, заметили, как блестит что-то на поверхности земли. Оказалось, что под лучами солнца сверкают красивые кусочки стекла размером от горошины до яйца. Спенсер предположил, что это тектиты, стеклышки, принесенные на Землю скорее всего метеоритом. Сбивало с толку то, что тектиты помещались на поверхности: метеорит зарылся бы глубоко в песок

Ученые набрали около 100 фунтов стеклышек, весьма ценимых арабскими ювелирами, и привезли их с собой в Каир.

Пристальное изучение странной находки поставило ученых в тупик На части стеклышек имелись трещины, наводившие на мысль о том, что эти стеклышки являют собой отходы производства (подобно кусочкам кремня, которые находят рядом с доисторическими каменными топорами). Более чем необычным было количество стеклышек: найти сто фунтов тектитов не удавалось еще никому, поскольку они встречаются весьма редко.

Химический анализ подтвердил, что стеклышки — вовсе не тектиты: в их составе доминировал кремний, из которого состоит песок в пустыне. Значит, стекло образовалось, когда расплавился песок; но как это произошло? Вокруг не было ни следа метеоритной воронки.

Одна деталь предлагала удивительное альтернативное объяснение. В стеклянном шаре размером с лимон имелось гладкое сквозное отверстие, словно кто-то пронзил расплавленный комок стекла металлическим стержнем, а также две «червоточины», проникавшие в глубь шара на незначительное расстояние. Этот шар выглядел так, словно был изготовлен искусственно. Внутри него можно было рассмотреть вытянутые пузыри, которые появляются, когда переворачивают еще не

успевший застыть кусок стекла.

В 1933 году Клейтон и Спенсер рассказали о находке на заседании Королевского географического общества. Их доклад чрезвычайно заинтересовал одного из слушателей, Фрэнсиса Джеймса Реннелла, позднее ставшего лордом Реннелл-оф-Родд (и президентом Королевского географического общества).

Во время Первой мировой войны этот человек был штабным офицером в Египте, позднее он участвовал в исследовании Сахары. Реннелл был восхищен загадкой стекла из Ливийской пустыни.

Кто изготовил эти стеклышки? Наскальная резьба в районе пустыни датировалась примерно 5500 годом до н. э. Ученые предполагали, что художники принадлежали к кочевому народу, однако если они умели производить стекло, значит, в шестом тысячелетии до нашей эры здешняя цивилизация была достаточно продвинутой.

В конце 1950-х годов Реннелл рассказал об этой загадке доктору Джону Р.В. Дольфину, главному инженеру Британского управления по атомной энергии, и Дольфин сообщил, что видел нечто похожее в австралийской пустыне. Он добавил: подобные стеклышки возникают во время ядерных испытаний.

Дольфин показал австралийские образцы стекла лорду Реннеллу, и тот согласился: они были удивительно похожи на стеклышки из Ливийской пустыни. Подобно ливийским образцам, австралийское стекло Дольфина практически не содержало воды, потому что создавалось при необычно высокой температуре, составлявшей, по словам Дольфина, 6000'С.

Так у загадки появился еще один аспект. Над секретом цветного стекла бились алхимики, алхимия практиковалась и в греко-римском Египте, и в Индии, и в Китае. Но разве такое количество стекла могло возникнуть в ходе алхимических экспериментов? Может быть, это стекло было побочным продуктом какого-то промышленного процесса?

Логично предположить, что предки древних египтян использовали (в том или ином виде) энергию атома. Может быть, она вырвалась из-под контроля и привела к взрыву?

Лорд Реннелл отнесся к этой гипотезе со всей серьезностью. Он владел древнеегипетским ожерельем из чистого золота. Ни один металлургический процесс не позволяет получить чистое золото, так как невозможно удалить из него все примеси. Сегодня золото получают при помощи химического процесса, который был неизвестен людям древнего мира. Есть еще один современный метод получения чистого золота: его нагревают до тех пор, пока оно не превращается в пар, как спирт в перегонном кубе, и затем

позволяют остыть, отделяя при этом примеси. Этот метод требует чрезвычайно высоких температур.

Однако промышленные процессы, требующие высоких температур, невозможны без большого количества воды, а ливийская пустыня ее лишена. Но всегда ли пустыня была пустыней?

В 1957 году Реннелл обратился к эксперту Чарльзу Хэпгуду, поскольку тот был членом Королевского географического общества. Хэпгуд заверил Реннелл а в том, что в 5500 году до н. э. на территории нынешней Сахары имелись большие запасы воды. Несколько тысяч лет назад после последнего смещения полюсов, которое произошло около 10 000 года до н. э., Сахара была цветущим оазисом со множеством озер. На наскальных резных изображениях того времени можно увидеть и домашний скот, и пастухов.

Наблюдения Реннелла и Дольфина отлично совмещались с выводами, к которым пришел Хэпгуд при изучении портоланов. Если в 5000 году до н. э. люди строили корабли и бороздили на них океаны, значит, тогдашняя цивилизация обладала необходимыми знаниями и высокими технологиями.

Кроме прочего, Хэпгуд сам видел древнее ожерелье из чистого золота, только не из Египта, а из Мексики. Об удивительных находках рассказывал и капитан Эрлингтон Моллери, участвоваший в 1956 году в обсуждении карты Пири Рейса в джорджтаунской радиопередаче, о которой я упоминал ранее. В штатах Огайо и Вирджиния Моллери обнаружил под землей множество печей и вследствие этого свято верил в то, что технологии плавки металла существовали до 4000 года до н. э. Древние египтяне, заявлял Моллери, получали чрезвычайно высокие температуры, используя «тот же процесс, который делает возможным создание атомной бомбы»[15]. Моллери был убежден в том, что 5000 лет назад египтяне умели расщеплять атомы, чему ученые нашей эпохи научились только в XX веке.

Хэпгуд, впрочем, относился к «ядерной» теории скептически. Он слышал о неизвестном народе, создавшем цивилизацию, которая погребена ныне под толщей вод близ берега Эквадора. Этот народ отлично разбирался в оптике и создавал линзы и призмы, которые фокусировали солнечные лучи. Для концентрации солнечных лучей можно использовать вогнутые зеркала. Так, Архимед придумал огромные металлические зеркала, которые поджигали римские галеры при осаде Сиракуз в 211 году до н. э. Роберт Темпл посвятил теме древних линз, которые создавались задолго до того, как их открыла наша цивилизация, книгу «The Crystal Sun» («Хрустальное солнце»).

Поэтому Хэпгуд считал, что древние люди получали высокие температуры, используя не атомную энергию, а линзы.

Эта курьезная история получила любопытное продолжение в виде исследований доктора Фарука Эль-База из Бостонского университета. Доктор Эль-Баз путешествовал по пустыне на западе Египта (в 300 милях к западу от Каира) и был поражен удивительными природными пирамидами: на пустынной равнине возвышались десятки огромных треугольных скал. Эль-База осенило: природные пирамиды могли вдохновить фараонов на строительство собственных пирамид.

Он заметил, что ветер в западной пустыне дует с севера, со Средиземного моря. Значит, песок не был перенесен сюда ветром. Поскольку песок образовался из песчаника, его «родиной» мог быть только юг. Как он попал на новое место? Очевидно, по воде — песок перенесли сюда реки. Но откуда взяться рекам в обширной пустыне?

В 1967–1972 годах доктор Эль-Баз возглавлял отдел освоения лунной поверхности в космической программе «Аполлон», потому он обратился за помощью в НАСА. В 1994 году радар орбитального космического челнока прозондировал море песка. Полученные фотографии изумили доктора Эль-База. На них была видна обширная сеть рек, образовавшаяся более 50 миллионов лет назад, причем некоторые реки достигали 12 миль в ширину. Он получил доказательство того, что великая пустыня некогда была зеленой и цветущей.

Геолог из Римского университета Фекри Хасан, исследовавший котловину высохшего озера, наткнулся на следы поселений древних людей, которые жили там 10 000 лет назад в конце ледникового периода.

Нам известно, что в то время дожди шли круглый год. 2000 лет спустя (около 6000 г. до н. э.) дождь шел только летом. Еще через три тысячи лет, в эпоху образования египетского царства, в Египте начали дуть сильные ветры (Эль-Баз полагает, что климат менялся вместе с активностью солнца). Тем не менее во времена строительства пирамиды Хеопса плоскогорье Гизы все еще было зеленым.

Разумеется, мы не знаем, какого уровня цивилизации достигли люди, обитавшие некогда по берегам озера, которое ныне превратилось в пустыню на западе Египта. Мы можем быть уверены лишь в том, что предпосылки для создания цивилизации существовали за много тысяч лет до возникновения египетского царства. За тысячи лет до Стоунхенджа люди устанавливали огромные камни для астрономических наблюдений.

Не здесь ли следует искать объяснение парадокса,

описанного Джоном Уэстом в книге «Serpent in the Sky» («Змея в небе»).- египетская наука, медицина и математика эпохи фараона Хеопса достигли уровня, о котором и мечтать не могут цивилизации 500 лет от роду?

За пару недель до того, как мы с Джой отправились в путешествие по Нилу, я набрел на еще одно решение загадки стекла из Ливийской пустыни. Приехав в Торонто на литературный фестиваль, я свел знакомство с Шоном Монтгомери, другом Рэнда Флэм-Ата, увлеченным научными аномалиями.

Шон слышал о том, что есть простой метод получения высоких температур. Он был открыт болгарином, который называл себя Юллом Брауном и провел последние годы жизни в Калифорнии, где Шон с ним и познакомился.

Браун изобрел особенную горелку, которая работала на смеси водорода и кислорода и превращала металл в пар. Шон видел эту горелку собственными глазами. Одной из таких горелок пользовался профессор Эндрю Михровски из Оттавы.

Михровски зажигал пламя, которое выходило из маленького носика, при помощи зажигалки. Браун сказал Шону, что струя пламени способна в один миг прожечь дыру в дереве или металле. Монтгомери убедился в этом, когда увидел, как огонь с шипением проделал аккуратную дырочку в деревянной ложке в полдюйма толщиной.

Михровски передал Шону горелку и велел дотронуться до носика, чтобы измерить его температуру. Шон нервно выполнил приказ, коснувшись носика в дюйме от пламени. К его изумлению, металл едва нагрелся.

Шон взял в руки вольфрамовый прут и направил пламя на него. Вольфрам загорелся словно кусок магниевой ленты. Шон думал, что прут станет настолько горячим, что его невозможно будет удержать, но когда пламя подошло к пальцам Шона на дюйм, он не ощутил даже жара.

Затем Шон попробовал направить пламя на собственную руку, перемещая горелку туда-обратно, и почувствовал слабое тепло. Пламя поджигало вольфрам при температуре 6000 °C, но было почти безвредно для плоти.

Михровски показал Монтгомери, на что еще способен его генератор. Будучи направленным на кирпич, пламя сначала глазировало его, а затем расплавляло. Они вплавили кусок стекла в кусок меди, проделали дырки в огнеупорном кирпиче, который должен выдерживать высокие температуры, и вплавили в них медь. Они превратили пригоршню песка в стеклянный шарик, сплавили вместе разнородные металлы и довели их до жидкого

состояния.

Но каков принцип работы чудо-горелки? Михровски признался, что ни он, ни кто-либо другой этого не понимает. Вот почему ученые обходят молчанием «газ Брауна» (так называется по имени изобретателя смесь водорода и кислорода).

Вернувшись в Торонто, Шон и его друг заказали генератор газа Брауна в Китае, единственной стране, которая их производит. Они выбрали самый большой генератор, за какой только могли заплатить (того же размера, что и у Михровски). Он давал пламя размером с острие карандаша. Горелка исправно работала, пусть это и противоречило законам природы.

Что за волшебник создал столь удивительное устройство? Юлл Браун родился в Болгарии на Пасху 1922 года, его настоящее имя — Илия Велбов. Намереваясь стать священником, он поступил в семинарию. Штудируя Второе послание Петра, Велбов наткнулся на удивительное предсказание: однажды Земля будет поглощена огнем. Он задал себе вопрос: как огонь может поглотить планету, большая часть поверхности которой покрыта водой?

Вскоре после этого Велбов прочел «Таинственный остров» Жюля Верна и был поражен замечанием о том, что в будущем энергию, в которой будет нуждаться человечество, станут добывать, расщепляя кислород и водород из воды. «Вода — уголь будущего»[16].

Во время войны Велбов служил в армии и в конце концов оказался в Москве. Жена написала на него донос, из которого следовало, что Велбов ненавидит коммунизм, и будущий изобретатель провел шесть лет в лагере строгого режима. Он бежал в Турцию, снова был арестован и провел еще пять лет в турецкой тюрьме.

Велбов был освобожден не без помощи офицера американской разведки по имени Браун и изменил в его честь фамилию. Он назвал себя Юллом, поскольку обожал Юла Бриннера, уехал в Австралию, осел в Сиднее, выучился на инженера-электрика и стал главой испытательного отдела в компании, выпускавшей измерительные приборы. Десять лет спустя он устал от жизни наемного работника и ушел на вольные хлеба, занявшись изобретательством.

Идея превращения воды в топливо целиком завладела вниманием Брауна. Ставя опыт за опытом, он многим рисковал: смесь кислорода и водорода чрезвычайно взрывоопасна. Юлл Браун разрушил свою лабораторию и чуть не расстался с жизнью.

Разделить содержащиеся в воде водород и кислород, разумеется, очень легко при помощи электролиза, однако

электрической энергии на этот процесс требуется больше, чем получается на выходе от взрыва при соединении двух газов.

Главный прорыв Брауна заключался в том, что он понял: если позволить кислороду и водороду соединяться точно в той пропорции, в какой они содержатся в воде, газы, так сказать, «радуются» воссоединению и взрыва не происходит. Это открытие и легло в основу его изобретения. Два газа взрываются не вовне, а «вовнутрь», создавая направленную взрывную волну. При этом почти не выделяется тепло. В итоге мы получаем сварочное пламя, которое горит при температуре чуть выше температуры кипящей воды.

Как от такого пламени может загореться вольфрамовый прут? Нам остается только предположить, что водородно-кислородное пламя каким-то образом вступает в химическую реакцию с вольфрамом. В этом пламени атомы водорода и кислорода — это именно атомы, не соединенные в молекулы O_2 и H_2. Неясно, однако, почему отдельные атомы заставляют вольфрам гореть, а молекулы — нет. Позже Браун сделает еще одно открытие: он докажет, что газ Брауна полностью обезвреживает ядерные отходы.

Американские бизнесмены Боб Дзалкич и Дэвид Эннис были поражены опытами Брауна. Они понимали, что газ Брауна произведет своего рода энергетическую революцию. Бизнесмены полагали, что изобретатель сравнительно легко создаст автомобильный двигатель, который будет работать не на бензине или дизельном топливе, а на газе Брауна, и что ездить на этом газе окажется куда дешевле, чем на продуктах переработки нефти. Увы, Дзалкичу и Эннису было не по силам найти 100 миллионов долларов, которые требовались для промышленного освоения энергетических возможностей газа Брауна. Интерес к газу выказали и военные круги США, но когда пацифист Браун заявил, что военное применение открытия его не интересует, армия отступила.

Когда Брауну начало казаться, что его открытия никому не нужны, свое предложение сделала Китайская Народная Республика.

Китайцы решили, что наиболее полезным из свойств газа Брауна является его свойство создавать направленную взрывную волну. Если газ Брауна поджечь, его объем сокращается в пропорции 1860 к 1, в итоге направленный внутрь взрыв может на мгновение создать вакуум. Этот факт, в свою очередь, означает, что данный процесс может превращать морскую воду в пресную: если теплую морскую воду поместить в полный вакуум, она превращается в пар и избавляется от соли и других химических

элементов. Затем пар можно собрать при помощи экстрактора и конденсировать в чистую питьевую воду.

В конце 1980-х годов Браун поехал в Пекин. Ему предложили поселиться в исследовательском городке Баотоу во Внутренней Монголии, где Брауну предоставили лабораторию. В комплексе, известном как «Институт 52», Браун устроил мастерскую, в которой работали два десятка специалистов. Вскоре Северная промышленная компания приступила к выпуску газогенераторов Брауна.

Даже в Китае Браун делал все, чтобы его изобретением пользовались американцы. После продолжительных переговоров он заключил с китайскими властями соглашение, позволявшее американской фирме продавать газогенераторы по всему миру. Американцы и китайцы должны были совместно инвестировать в дело миллион долларов. Сделка не выгорела: китайцы внесли свою долю, американцы же так и не смогли найти необходимую сумму.

Невзирая на нарушение договора и появившиеся у китайцев подозрения, Браун продолжил работать в Баотоу. В результате китайские подводные лодки начали выходить в море с газогенераторами Брауна вместо огромных цистерн с пресной водой, а китайские ученые стали избавляться от ядерных отходов.

Браун вернулся в США в 1992 году, по-прежнему лелея надежду убедить американцев, которые стали в его глазах соотечественниками, вкладывать средства в его идеи. Многие посещали его лабораторию, наблюдали за опытами своими глазами и не понимали, почему Браун не может найти средства: идея использования воды в виде топлива кажется такой же выгодной, как и любое другое великое изобретение от парового двигателя до телевизора. Впрочем, и эти изобретения в свое время принимались в штыки.

Шон Монтгомери понял, почему Юллу Брауну «не везет», когда в апреле 1996 года отправился к нему в Калифорнию. Он выехал из Ванкувера, снял гостиничный номер в Лос-Анджелесе и позвонил Брауну, как тот и просил. К удивлению Монтгомери, он услышал необъяснимо гневную тираду на ломаном английском. Наконец, трубку взяла Терри Йорк, подруга Брауна. Она тоже была раздражена, но говорила на нормальном языке, и Шон смог объяснить ей, что не имеет никакого отношения к человеку, который ставил эксперименты в Торонто и вызвал гнев Брауна. (Этот экспериментатор наперекор всем инструкциям Брауна использовал в качестве «камеры внутреннего взрыва» пластиковый контейнер. Видимо, атомы водорода могли «протечь» сквозь пластиковые стенки, из-за чего точное

соотношение атомов нарушалось и смесь газов становилась потенциально убийственной.)

Когда проблема была решена, Шон поехал в пригород Лос-Анджелеса, где наконец встретился с Юллом Брауном. Дверь открыла привлекательная, холеная женщина лет семидесяти, а за ней шел Браун — лысый, осанистый, небольшого роста (около пяти футов четырех дюймов) и в очках. Через минуту они сидели в уютной, хорошо обставленной гостиной, и хозяин рассказывал Монтгомери о своем изобретении.

Следовать за мыслью Брауна было непросто — он мешал болгарские согласные с австралийскими гласными, говорил тихо, часто бормотал что-то себе под нос. Тем не менее было очевидно, что он любит объяснять собственные идеи и обладает талантом учителя. Вскоре мужчины, избавившись от пиджаков, склонились над столом над растущей стопкой записей и диаграмм, при этом Браун яростно выкуривал одну сигару за другой.

Затем Шон переместился на кухню, где Терри Йорк заварила ему чай и рассказала о том, почему жить с профессором трудно. «Я понял, — говорил Монтгомери позже, что Браун — человек крайне раздражительный. К сожалению (хотя с такими учеными это бывает сплошь и рядом), его худший враг — он сам»[17].

По словам Терри, Браун в конце концов получил предложение, которого ждал так долго, от огромной американской корпорации, которая могла вывести изобретение на рынок и сделать Юлла богачом. И Браун, и его подруга считали, что сделка не состоится, поскольку в прошлом все подобные соглашения проваливались. Фирмы живо интересовались изобретением Брауна до тех пор, пока информация о нем не попадала на верхушку управленческой иерархии, после чего фирма резко теряла к Брауну интерес. Терри с Юллом считали, что так случится и на этот раз.

Они ошибались. Напротив, компания предоставила Юллу те же условия, что и китайцы, то есть снабдила лабораторией и промышленными ресурсами для производства газа. Казалось, мытарствам Брауна пришел конец.

В день, когда Браун стал главой исследовательского отдела, компания устроила ему торжественную встречу, после чего все работники отправились в лабораторию, чтобы показать все то, что они для него приготовили. Когда они шли к лаборатории, каждый заметил клубящийся дым от сигары великого изобретателя. Коллектив пришел в замешательство. Никто не решался сказать Брауну, что у компании есть строгие правила, запрещающие курить в лабораториях и тому подобных местах, и что этого требуют и страховые фирмы, и противопожарная инспекция.

Когда Браун загасил сигару и раздавил ее подошвой ботинка, все облегченно вздохнули.

Они вошли в лабораторию. Все ждали, что же скажет Браун. Лаборатория являла собой, образно говоря, рай для изобретателя. Но как только Браун оказался внутри, он достал еще одну сигару и принялся ее раскуривать. Наконец, кто-то смущенно сказал ему, что курить здесь запрещено.

Браун одарил людей недоверчивым взглядом. Босс не разрешает ему курить в собственной лаборатории? Ему нескладно объяснили, что дело тут не в фирме, что таковы законы в этом государстве. Однако, сказал Браун, он не может не курить. Он не может работать без сигар!

Отчаявшись, коллеги предложили ему выходить в курилку. Браун ответил, что у него перекуров не бывает, поскольку он курит беспрерывно всегда, когда не спит. Когда он не курит, его мысли путаются, поэтому без сигар или сигарет он абсолютно бесполезен.

Положение было безвыходным. Никто и предположить не мог, что в одном шаге от цели, к которой Браун шел долгие годы, он откажется от компромисса. Они не знали Юлла Брауна. Он развернулся и ушел. В тот момент его мечта разбилась в пыль.

Шон Монтгомери полагал, что беспредельное упрямство Брауна и его нежелание уступать вполне объяснимы: достаточно вспомнить о том, что Браун провел много лет в русских и турецких тюрьмах. Однажды он решил для себя, что, оказавшись на свободе, не станет подчиняться ничьим приказам, если не будет с ними согласен. Не исключено, что тюремщики гасили о кожу Брауна окурки, потому он был особенно упрям в том, что касается сигарет.

В любом случае после смерти Юлла Брауна в марте 1998 года широкая общественность так ничего о нем и не узнала, и виной тому — пристрастие Брауна к табаку (как выразился мой друг, «надменная привычка»).

Когда Монтгомери наблюдал за экспериментами Брауна, ему казалось, что он находится в лаборатории алхимика. Почему — понятно. Если пламя с температурой около 135 градусов по шкале Цельсия может прожигать дыры в огнеупорном кирпиче и обращать в пар вольфрам, значит, законы природы по меньшей мере не столь просты, как мы думаем. Горящий газ Брауна словно знает, с каким именно веществом он вступает в контакт. Эта его чувствительность наводит на мысль скорее о средневековой алхимии, нежели о той химии, которую мы учили в школе.

То же самое можно сказать о способности газа обезвреживать ядерные отходы, что Браун демонстрировал неоднократно. Он

расплавлял кусочек радиоактивного америция-241 на кирпиче вместе с кусочками стали и алюминия. «После двух минут под воздействием пламени, — пишет Кристофер Бёрд, — расплавленные металлы на мгновение вспыхивали, что, по словам Брауна, было признаком реакции, уничтожающей радиоактивность»[18].

Радиоактивность америция падала с 16 000 кюри в минуту до всего 100 кюри в минуту, иначе говоря, этот металл становился безвреден в той же степени, что и окружающие нас предметы.

Каким образом горящий газ Брауна вступает в химические реакции? Обычный огонь нагревает вещество до тех пор, пока его элементы не распадутся. Эту реакцию можно наблюдать, если поднести горящую спичку к листу бумаги. С другой стороны, если вы смешаете серу и металлические опилки и подогреете их на огне в металлической емкости, сера расплавится, приобретет бурый цвет, а затем начнет шипеть и пузыриться. Вы можете выключить огонь, но реакция продолжится до тех пор, пока вместо серы и железа вы не получите твердый кусок сульфида железа.

Или если поместить двуокись серы (сернистый ангидрид) и кислород на нагретый платинированный асбест, они образуют триокись серы (серный ангидрид), который, если его растворить в воде, образует серную кислоту. Платинированный асбест является катализатором, иначе говоря, в ходе реакции его состав не изменяется. Эта химическая реакция опять же кажется алхимической, как и испарение вольфрама при нагревании до 135 °C.

Иными словами, газ Брауна может попросту вызывать в вольфраме, огнеупорном кирпиче, золотосодержащей руде, радиоактивных отходах и других веществах обычную химическую реакцию наподобие той, в которую вступают сера и железные опилки, или той, какую мы наблюдаем, когда бросаем кусочек цинка в соляную кислоту, где он растворяется. Если так, значит, газ Брауна служит всего лишь катализатором химических реакций. Тогда понятно, почему возможно держать вольфрам в руке, пока он «горит».

Гипотеза, по которой древние знали секрет газа Брауна, представляется весьма правдоподобной. Ее, пусть и косвенно, подтверждает множество фактов. В июне 1936 года немецкий археолог Вильям Кёниг из Иракского музея в Багдаде проводил раскопки парфянского захоронения и наткнулся на глиняную вазу, в которой помещалась медная трубка. Эта трубка, залитая битумом и свинцом, играла роль железного стержня, и Кёниг решил, что перед ним — примитивная батарея.

Коллеги-археологи оспорили его мнение: захоронение датировалось примерно 250 годом до н. э. Доктор Арне Эггебрехт изготовил аналог примитивной батареи и залил его фруктовым соком. В течение 18 дней эта «батарея» давала ток напряжением в 0,5 вольт, и его оказалось достаточно, чтобы Эггебрехт смог за полчаса покрыть серебряную статуэтку золотом. Он занялся этим, поскольку заметил, что на многих позолоченных египетских статуях золото лежит тонким ровным слоем, и невозможно поверить, будто оно нанесено вручную. Эггебрехт был твердо уверен в том, что египтяне знали секрет гальваностегии.

Столетием ранее, в 1837 году, полковник Говард Вайз, изучавший пирамиду Хеопса, приказал своему помощнику Дж. Р. Хиллу раскупорить при помощи пороха конец южной воздушной шахты, берущей начало в царской камере. В результате Хилл нашел железную пластинку в один фут длиной, четыре дюйма шириной и одну восьмую дюйма толщиной. Эта пластинка была вмонтирована в кладку в дальнем конце воздушной шахты.

В 1989 году железную пластинку исследовали ученые из отдела полезных ископаемых лондонского Имперского колледжа. Они обнаружили, что она была выплавлена при температуре более 1000 "С. Насколько мы можем судить, древние египтяне вопреки утверждениям капитана Эрлингтона Моллери ничего не знали о плавке железа: все имевшееся у них железо было, как полагают, метеоритного происхождения. Но в железе, из которого была изготовлена пластинка, содержалось слишком много никеля. Значит, египтяне обладали знаниями о том, как переплавлять железную руду, за две тысячи лет до железного века.

Любопытный факт: на одной стороне пластинки Хилл обнаружил крупицы золота, свидетельствовавшие о том, что некогда пластинка была позолочена. Разумеется, золото могли нанести вручную, но если Эггебрехт прав, возможно, пластинку позолотили при помощи гальваностегии.

До сих пор никому не удалось объяснить, как раскрашивались стены египетских гробниц. На потолках не найдено ни следа копоти от ламп. Возможно, художники тщательно очищали все поверхности от сажи. С другой стороны, на стенах храма в Дендере изображены предметы, странно похожие на электрические лампы и изоляторы.

Если древние египтяне владели примитивной технологией и пользовались батарейками вроде багдадской, значит, они вполне могли расщеплять воду на водород и кислород в процессе электролиза и располагали возможностями получить газ Брауна.

Когда в апреле 1996 года Шон Монтгомери расспрашивал

Юлла Брауна, тот сказал, что у ацтеков имелась технология для получения этого газа. По словам Брауна, ацтеки создавали особую смесь из сухой и мокрой древесины, которую поджигали. В огне под воздействием высокой температуры запертый в древесине пар расщеплялся и превращался в газ Брауна. Разумеется, в пламени случался направленный внутрь взрыв. Однако, по словам Брауна, этот «взрыв внутрь» мог выделить из золотоносной руды (вероятно, также помещавшейся в горящую древесину) в десять раз больше золота, чем при обычном обогащении.

«У ацтеков было очень много золота, — говорил Браун. — Но они не могли получить столько золота из того количества золотоносной руды, которая была им доступна. Я экспериментировал с рудой и выяснил, в чем заключался их секрет. Отныне при помощи газа Брауна мы будем производить в десять раз больше золота из того же объема руды»[19].

Монтгомери спросил, ставил ли Браун эти эксперименты лично, и получил ответ: «Да. Этим методом получения золота пользуются сегодня индейцы майя. Они изучили его, приняли участие в экспериментах и сделали вывод: метод работает. Не только для золота, но и для платины, серебра и так далее»[20].

Вспомним теперь об ожерелье из чистого золота лорда Реннелла, а также о мексиканском золотом ожерелье, которое видел Хэпгуд. Разве не естественно предположить, что эти украшения могли быть изготовлены при помощи газа Брауна?

Шон спросил, применим ли газ Брауна для получения тектитов. Браун ответил, что да, вполне. «Я отправил два моих газогенератора в компанию «Тексес Инструменте», где с их помощью получают из кремнезема чистые кремниевые кристаллы, — сказал Браун. — Если вы станете плавить кремнезем, используя любой углеводородный газ, уголь испортит и уничтожит чистые кристаллические структуры… Газ Брауна выделяет только воду, в итоге получается чистые, идеальные кристаллы. Результат — уникальные сверхбыстрые микросхемы и качественные фотоэлементы»[21].

Шон незаметно для себя принялся размышлять над идеей создания огромного полотна из очищенного силикона, которое, если его разместить на солнце (например, в Ливийской пустыне), могло бы производить дешевую электроэнергию в огромных количествах. Но силикон — это, разумеется, совсем не то же самое, что найденное в Ливийской пустыне стекло, выглядящее так, будто оно возникло при ядерном взрыве.

На этот счет есть и другие теории.

Весной 1997 года я оказался в Мексике, где снимался документальный телефильм по моей книге «От Атлантиды до

Сфинкса». Мы провели день в городе Тула (некогда он назывался Толлан), в пятидесяти милях от Мехико. Когда-то на этом месте располагалась столица тольтеков, предшественников ацтеков. Расцвет империи тольтеков пришелся на 700–900 годы н. э. (хотя возникла она в дохристианскую эпоху).

Толлан — легендарный город: говорят, что здесь развернулась последняя битва между богами Кецалькоатлем и Тескатлипокой, которые обычно считаются силами добра и зла (тольтеки наверняка посчитали бы эту точку зрения упрощенной). Кецалькоатль, отождествляемый с Виракочей, Кон-Тики, Вотаном и другими богами Центральной и Южной Америки, — это белый бог, пришедший сюда с востока в древнюю эпоху.

В своей книге я приводил точку зрения специалиста по культуре майя XIX века Брассёра де Бурбура, который полагал, что Кецалькоатль был выжившим атлантом, принесшим в Америку цивилизацию.

По легенде, Кецалькоатль был в конце концов побежден Тескатлипокой, «богом дымящегося зеркала» (которое, подобно волшебному кристаллу, показывает то, что происходит вдалеке), и уплыл восвояси на плоту, пообещав, что однажды вернется.

Вот почему я заинтересовался Тулой, где произошла последняя битва богов. Кроме того, меня сильно заинтриговала глава книги Грэма Хэнкока «Следы богов», повествующая о странных предметах, что держат четыре великие статуи Тулы. Эти каменные фигуры высотой 16 футов каждая стоят на площадке на вершине усеченной пирамиды, она же храм Утренней Звезды. Некогда эти статуи поддерживали деревянную крышу храма.

В 1880 году первооткрыватель святилища французский исследователь Дезире Шарне обнаружил в нем блоки из черного базальта. Он считал, что эти блоки были ногами гигантских статуй, которые назвал атлантами, из чего мы можем заключить, что Шарне также был сторонником атлантической теории. Четыре великие статуи Тулы были обнаружены 60 лет спустя, и их тоже назвали атлантами.

Весьма любопытны предметы, которые статуи держат в руках, вытянутых по швам. Что это за предметы — не удается понять до сих пор. Предмет в правой руке каждой статуи выглядит как ковбойский шестизарядник в кобуре, причем снизу из кобуры торчит ствол. Рукоятка предмета, которую статуи обхватили двумя пальцами, больше походит на рукоятку какого-нибудь электрического инструмента. В левой руке каждой статуи находится нечто, что ученые описывают как пучок стрел и коробочку с благовониями, однако древки у «стрел» загнуты, потому вряд ли это стрелы. Грэм Хэнкок отмечает, что у него

осталось ясное чувство: исходные предметы были сделаны из металла.

Я был настолько заинтригован этим описанием, что отправился вместе с Джой фотографировать статуи. Дома, разглядывая фотографии, я так и не смог уяснить себе назначение этих предметов. Удивительно, как авторы путеводителей сумели разглядеть в них атлатли, то есть копье-металки.

Позднее Шон Монтгомери обратил мое внимание на описание Тулы в книге Захарии Ситчина «The Lost Realms» («Потерянные царства»), четвертом томе его серии «Хроники Земли». В кругу уважаемых ученых имя Ситчина лучше не упоминать — его часто называют последователем Эриха фон Дэникена, поскольку Ситчин верит в то, что Землю колонизировали космические пришельцы. Подкрепляя свои доводы шумерскими текстами, Ситчин утверждает, что эти пришельцы (он называет их «аннунаки») прибыли на Землю с двенадцатой планеты Солнечной системы, Нибиру, примерно полмиллиона лет назад и создали людей, поскольку нуждались в слугах.

Правда, Ситчин расходится с Дэникеном в одном важном пункте: его исследования обнаруживают бездну эрудиции. Мы можем считать его теории нелогичными, однако Ситчин остается неиссякаемым источником академических знаний. В «Потерянных царствах» он рассуждает о статуях Толлана и указывает на то, что на одной пилястре имеется необычное изображение человека в костюме, состоящем словно бы из сегментов. За спиной человека виднеется нечто вроде рюкзака. В его руках мы видим тот же самый предмет, напоминающий пистолет в кобуре: человек наводит его на скалу перед собой, и из ствола «пистолета» вырываются сгустки пламени. Ситчин говорит: «Этот инструмент используется для резки камня»[22]. «Реактивные резаки», добавляет он, использовались для того, чтобы вырезать гигантский монумент на Каменной горе в штате Джорджия.

Могут реактивные резаки использоваться для резки камня или нет — это вопрос, однако нет никакого сомнения в том, что резать камень можно при помощи газа Брауна. Мы можем отбросить это предположение как притянутое за уши, однако факт остается фактом: странные предметы, которые держат в руках боги Толлана, выпускали языки огня. Разумно предположить, что тольтеки либо владели этой технологией, либо знали о ней достаточно, чтобы наделять ею богов. Божества всего мира мечут громы и молнии, но я не могу вспомнить ни одного бога, который держит в руках изрыгающую пламя сварочную горелку.

Ситчин пишет о Толлане и другие любопытные вещи. Судя по всему, пирамида в Толлане была вновь раскопана в 1940-х годах археологом Хорхе Акостой, который прежде раскопал Теотиуакан. Именно Акоста обнаружил глубокую траншею внутри пирамиды с шестнадцатифутовыми «атлантами» в ней. Эти статуи служили когда-то четырьмя колоннами, поддерживавшими крышу по углам.

Под храмом Утренней Звезды имеется более ранняя пирамида. В ней обнаружены следы внутренних камер и проходов, которые еще ждут своего исследователя. Несколько секций соединены украшенной резьбой каменной трубой диаметром около 18 дюймов; эта труба проходит сквозь всю пирамиду под тем же углом, под которым поднимается ее стена.

Акоста пришел к выводу, что по этой трубе стекала вода. Однако, спрашивает Ситчин, к чему сточной трубе столь изысканная резьба, когда сгодился бы простой глиняный сток? Несомненно, каменная труба была частью структуры пирамиды и служила некой цели. Ситчин пишет: «Тот факт, что руины соседних многокамерных и многоэтажных строений предполагают какое-то производство, а также то, что к ним по каналам подводилась вода из реки Тула, свидетельствуют о том, что в глубокой древности здесь, как и в Теотиуакане, мог быть налажен некий процесс очистки и переработки»[23].

Это наблюдение заставляет вспомнить теории Джона Дольфина и лорда Реннелла о том, что найденное в Ливийской пустыне стекло могло быть побочным продуктом некоего промышленного процесса.

Ситчин идет дальше и говорит:

«Может быть, загадочный инструмент использовался вовсе не для резьбы по камню, а для резки скальных пород при добыче руды? Другими словами, не является ли он высокотехнологичным инструментом для горных работ?

И не искали ли в этих местах золото?»[24]

Почему именно золото? Потому что, доказывает Ситчин, пришельцы из космоса явились сюда, чтобы добывать из земли драгоценные металлы и в первую очередь золото — оно было необходимо им для научных опытов. Ситчин приводит выдержки из отчетов Англо-Американской корпорации, которая наняла археологов для изучения древних шахт и пришла к выводу, что «технология горных работ использовалась в Южной Африке большую часть времени начиная со 100 000 г. до н. э.»[25]. Ситчин указывает и на то, что, хотя в Перу и Мексике золото добывали, промывая золотоносный песок в реках, это «никак не может объяснить бессчетные сокровища, имеющиеся в этих странах»[26].

Он цитирует испанского хрониста, писавшего о том, что только из государства инков испанцы ежегодно вывозили шесть миллионов унций золота и двадцать миллионов унций серебра. Ситчин, как и Юлл Браун, верит в то, что местные жители обладали весьма эффективной технологией добычи драгоценных металлов из руды.

Ситчин доходит до того, что проводит параллели между четырьмя «атлантами», которые поддерживали крышу храма Утренней Звезды, и четырьмя сыновьями древнеегипетского бога Гора, державшими небо на четырех сторонах света. Те же четыре бога сопровождали умершего фараона по «лестнице в небо», которая изображалась иероглифом «ступенчатая пирамида». Знак ступенчатой пирамиды, украшающий стены пирамиды Толлана, стал позднее главным символом ацтеков, завоевателей, которые пришли сюда после тольтеков.

Ситчин предполагает также, что существует связь между пернатым змеем Кецалькоатлем и крылатым змеем египтян, который помогает покойному фараону вознестись на небо. Один из ключевых тезисов Ситчина гласит, что боги Древнего Египта и боги Мексики тесно связаны между собой.

В процессе съемки телефильма я нащупал еще один ключ к проблеме связи между Египтом и Мексикой. Мы выехали из боливийского города Ла-Пас, пересекли огромное плоскогорье Альтиплано и прибыли в древний город Тиауанако в Андах. Древние руины возвышаются на две с половиной мили над уровнем моря. Некогда Тиауанако был портом на берегу расположенного рядом озера Титикака, однако потом геологические пласты сместились, и озеро передвинулось на несколько десятков миль.

В озере Титикака до сих пор водятся морские животные наподобие морских коньков, из чего следует, что некогда оно располагалось на уровне моря. Геологи предполагают, что сдвиг произошел сто миллионов лет назад. Так или иначе, катаклизм, из-за которого Тиауанако перестал быть портом, мог произойти, лишь когда этот город уже существовал.

От прежде великого города уцелело лишь несколько строений, включая руины в портовой зоне, Пума-Пунку (Ворота Пумы), гигантские блоки которых свалены, словно кегли, опрокинутые шаром для боулинга. На одном из блоков имеется длинный надрез, явно сделанный дисковой пилой с алмазным напылением.

В паре сотен ярдов от этого блока расположены руины величественного храмового комплекса Каласасая. В его северо-западном углу высится самое знаменитое сооружение Тиауанако,

Ворота Солнца, выглядящие как Триумфальная арка в миниатюре. В перемычке ворот есть трещина, которая бежит по центру вниз к проходу. До XX века это была не просто трещина: на фотографиях в классической работе профессора Артура Познански «Tiahuanacu: The Cradle of American Man» («Тиауанако: колыбель американского человека») видно, что ворота буквально треснули надвое, скорее всего — в результате землетрясения.

Бродя по развалинам Тиауанако, я поражался мастерству его строителей. Массивные каменные блоки, многие из которых весят по 100 тонн и более, пригнаны друг к другу с такой точностью, что между ними невозможно просунуть даже лезвие бритвы. Там, где блоки разошлись, как в Пума-Пунку, видно, что их зачастую скрепляли металлическими скобами, очевидно, как раз на случай землетрясения. Изучив одну из этих скоб (примерно шести дюймов длиной и в форме буквы «С»), палеоастроном Нил Стид, принимавший участие в съемках телефильма, предположил, что зодчие располагали переносной кузницей — под микроскопом заметно, что блоки скрепляли расплавленным металлом.

Никаких следов этой переносной кузницы не найдено. Тем не менее для расплавки металла, из которого сделаны скобы, простого огня явно недостаточно. Кроме того, в Альтиплано почти нет деревьев, а значит, нет и топлива для кузниц.

Добравшись до отчета Шона Монтгомери о том, как горящий газ Брауна плавил металлы за считанные мгновения, я вспомнил о металлических скобах Тиауанако и спросил себя: может быть, их плавили не в переносной кузнице, как предположил Стид? Может быть, это делали при помощи «паяльной горелки» вроде той, что изображена на пилястре в Туле?

Следующий эпизод телефильма снимался в Египте, в Гизе. Я стоял перед камерой в 50 ярдах от пирамиды Микерина, осматривая стену из тщательно пригнанных блоков, и говорил о том, что и в Египте блоки часто скрепляли металлическими скобами. Более того, как указал Грэм Хэнкок, точно такие же скобы можно увидеть в Ангкор-Вате в Камбодже.

В Тиауанако есть еще одно загадочное сооружение, схожее с храмами Тулы, — пирамида под названием Акапана. Некогда эта ступенчатая пирамида имела семь террас и плоскую крышу и выглядела в точности как промышленный комплекс, а то и модернистское здание, предназначенное для бюрократов эпохи глобализма.

Раньше Акапана возвышалась над храмом, но со временем зодчие использовали 90 процентов ее плоских камней для строительства других зданий. Ныне пирамида кажется на первый взгляд естественным холмом. Всякий, кто заберется на его

вершину, увидит небольшое озеро.

Тем не менее это не холм. Внутри Акапаны, как и в пирамиде Толлана, есть туннели, а также камера неизвестного назначения, которую боливийский археолог Освальдо Ривера назвал «царской камерой». Некогда из пирамиды к воде вели вырубленные в камне каналы, а сама она была окружена рвом. Дождевая вода, попадавшая на стены и крышу пирамиды, стекала в центральный двор (сейчас он выглядит как озеро), а оттуда — в дренажную систему, которая, возможно, обвивала пирамиду по первой террасе и позволяла воде вытекать наружу. Затем вода вновь направлялась внутрь, после чего опять вовне, в ров. Крыша пирамиды была покрыта зелеными булыжниками, выглядевшими как вода в «озере». Строение в целом являло собой памятник воде.

Вспомним слова Ситчина про Тулу и «руины соседних многокамерных и многоэтажных строений», которые намекают на некий промышленный процесс и «свидетельствуют о том, что в глубокой древности здесь, как и в Теотиуакане, мог быть налажен некий процесс очистки и переработки»[27].

Стоя на вершине пирамиды и глядя на горы Кимсачата на юге и обширную равнину вокруг Акапаны, я поймал себя на том, что пытаюсь представить, как это место выглядело, когда Тиауанако процветал. Практически невозможно вообразить огромный город с массивными блоками портовой зоны, некоторые из которых весят около двухсот тонн. Как доставили сюда эти блоки? Зачем вообще было возводить город посреди болотистой равнины? Ясно, что в прежние времена все здесь было по-другому: вокруг располагались десятки маленьких зажиточных деревень, в избытке предлагавших рабочую силу.

Затем что-то произошло… ибо очевидно, что некая катастрофа превратила это место в бесплодную равнину.

Что же случилось?

Побывав в музее рядом с Каласасаей и прочитав книгу Алана Л. Колаты «The Tiowanaku» («Тиауанако»), я узнал, что Тиауанако стал богатым городом около 100 г. н. э., достиг расцвета около 500 г. н. э. и затем пережил упадок, завершившийся около 1000 года н. э. Возникает резонный вопрос: что за удивительный катаклизм расколол Ворота Солнца надвое и смел огромные камни в портовой зоне? Ясно, что это не могло быть простое землетрясение. Тем не менее записи о подобном катаклизме около 500 г. н. э. не сохранились.

Профессор Артур Познански, всю жизнь изучавший здешние развалины, в начале XX века пришел к выводу, что Тиауанако был основан около 15 000 года до н. э. Это умозаключение

основывалось на двух астрономических площадках в Каласасае, символизировавших летнее и зимнее солнцестояния (солнцестояние случается, когда солнце замирает на несколько дней либо в Тропике Рака, либо в Тропике Козерога, после чего меняет свое движение на обратное). Сейчас оба тропика отстоят от экватора на 23°30′ к северу и к югу соответственно. Но когда был построен комплекс Каласасая, тропики располагались чуть ближе к экватору — если быть точным, они отстояли от него на 23°8′48″. Расстояние между тропиками изменилось потому, что Землю немного «качает», отчего меняется наклон эклиптики; все это позволило Познански установить, когда именно был построен Каласасая. Как мы видели, он заключил, что строительство имело место около 15 000 года до н. э.

Датировка Познански обеспокоила ученых, которые полагали, что храм на много тысячелетий моложе. Однако между 1927 и 1930 годами группа немецких ученых под руководством доктора Ганса Людендорфа из Потсдама проверила вывод Познански и склонилась к тому, чтобы с ним согласиться. Ропот ученого сообщества, однако, заставил немцев пересмотреть свой результат, и в конце концов они предположили, что Тиауанако был построен, вероятно, около 9300 года до н. э. Но даже эта датировка шокирует археологов и историков, которые считают ее смещенной на 9000 лет. Эта точка зрения господствует и сегодня.

Но не повсеместно. Специализирующийся на Мезоамерике археолог профессор Нил Стид, изучавший Тиауанако много лет, считает, что этот священный город был возведен около 12 000 лет назад. Что удивительно, этого же мнения придерживается и доктор Освальдо Ривера, директор Национального институт археологии Боливии, посвятивший раскопкам в Тиауанако 21 год.

Это удивительно еще и потому, что в телефильме «Загадочное происхождение человека», снятом в 1996 году, Ривера официально заявил, что не согласен с оценкой Стада. По его мнению, строители Тиауанако совершили небольшую ошибку — в конце концов, мы говорим о расхождении в 21 секунду. Стид возражал: ему казалось, что зодчие Тиауанако, чьи расчеты отличались большой точностью, не могли допустить даже маленькой ошибки.

До конца 1996 года Ривера наблюдал закаты над Тиауанако, производя измерения на восточном конце Каласасаи. В итоге он убедился в том, что Стид был прав. Никакой «небольшой ошибки» не было. Наблюдения за закатами давали те же самые результаты, что и наблюдения за рассветами. Ривера согласился с тем, что храм Каласасая был построен 12 000 лет назад.

В 1998 году в интервью Грэму Хэнкоку (оно было включено в

серию телепередач «Небесное зеркало») Ривера признал даже то, что Тиауанако был скорее всего построен исчезнувшей цивилизацией и что эта цивилизация «с ненулевой вероятностью могла быть цивилизацией Атлантиды»[28].

Кажется, выдвинутые Хэпгудом в 1959 году идеи, которые геологи либо пропустили мимо ушей, либо отвергли, начинают мало-помалу распространяться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
ВЕЛИКИЙ ПОТОП

Тиауанако заворожил меня. Более чем очевидно, что ученые пытаются преуменьшить значимость одного из самых загадочных городов земли. Датировать его появление 100 годом до н. э., как сделал это Колата, попросту смешно. Как можно было предположить, что этот город основали индейцы из племени уанкерани, в деревнях которых находят «продовольственное сельское хозяйство (сочетание главным образом картофеля, лебеды и разведения верблюдовых)»?[29] Как эти простые индейцы сдвигали с места гигантские каменные блоки?

По возвращении из Южной Америки я нашел в Сети книгу Артура Познански «Тиауанако: колыбель американского человека»[30]. Когда я открыл ее, мне сразу бросилось в глаза изображение Ворот Солнца, какими они были в 1904 году до реставрации. Ворота были расколоты напополам, и две их половинки шатко опирались друг о друга. Было очевидно, что раскол явился результатом мощного подземного толчка. Очевидно, то же землетрясение разметало огромные блоки в бухте (Пума-Пунку).

Что именно произошло, было более или менее ясно. В далеком прошлом некто выстроил колоссальный порт на озере Титикака, самом высоком в мире: оно расположено на высоте 12 500 футов над уровнем моря, его площадь — более 3000 квадратных миль.

Бдительный читатель немедленно встрянет: «Постойте-ка. Зачем бы этим людям строить порт на высоте две с половиной мили? Они сошли с ума?»

Действительно, можно сказать, что это не морской порт, а речной порт, но эти слова ничего не объясняют. Ибо порт — это место, куда корабли привозят из-за моря товары для торговли и обмена. Много ли других портов на озере Титикака?

После прямого ответа «Ни одного!» история Тиауанако начинает казаться абсурдной, особенно когда мы узнаем, что по озеру Титикака плавают только индейцы в тростниковых лодках. Этот порт был построен явно не там, где следовало.

Затем мы узнаем, что в озере Титикака полным-полно морских обитателей, которые приспособились к пресной воде, и картина проясняется. Озеро, должно быть, находилось на уровне моря, когда великое потрясение подняло Анды на 12 500 футов.

Когда же это случилось? Ясно, что не в доисторические

времена, то есть не более миллиона лет назад, поскольку порт построили все-таки люди.

Познански считает, что катастрофа произошла около XI тысячелетия до н. э. Скажем, в 11 000 году до н. э.

Эта дата сказала мне о многом. Незадолго до того я побывал в музее Джорджа К. Пейджа в Лос-Анджелесе, где снял на видеокамеру зал, полный костей мертвых динозавров. В музейном парке по-прежнему зловеще пузырится «смоляная яма Ла-Бреа». За десятки тысяч лет сотни животных забредали на водопой в маслянистый водоем; грязь медленно засасывала их, и они погибали.

Однако около 10 000 года до н. э. (об этом мне рассказал Джон Харрис, куратор музея) произошло нечто куда более печальное. Мощное землетрясение уничтожило 25 видов животных, включая мастодонтов и саблезубых тигров.

Не слишком ли дерзко будет предположить, что то же землетрясение раскололо великие ворота Тиауанако в 4000 миль к юго-востоку и подняло Анды на две с половиной мили над уровнем моря? Если эта гипотеза покажется вам неправдоподобной, вспомните о том, что, согласно Хэпгуду, эти же подземные толчки заставили поверхность земли сместиться на 2000 миль и опустошили континент, который Платон называл Атлантидой.

Следует отметить, что этот великий потоп — не единственный в своем роде. Как следует из «Крития», целых три потопа разразились «перед Девкалионовым бедствием»[31]. Легендарный Девкалионов потоп, который Зевс наслал, дабы наказать людей бронзового века, случился около 2500 года до н. э.

Я полагаю, что первый потоп был вызван смещением земной коры по Хэпгуду. Именно он опустошил Ла-Бреа.

Это событие одинаково описывают мифы всех народов мира. Потоп длился несколько дней, небо стало красным, земля сотрясалась. Затем небеса почернели, земля содрогнулась и словно бы накренилась. С неба низвергались потоки грязи, сопровождавшиеся оглушительным громом и беспрестанными слепящими молниями.

Супруги Флэм-Ат записывали легенды американских индейцев из племен уте, кутенай, оканаган, а'а'тем, като, чероки, даже араукани из Перу и слышали одни и те же легенды о том, как «упало небо».

Наиболее известный рассказ об этом катаклизме был создан на библейской земле — не в Палестине, а в Месопотамии, в Междуречье.

Добиравшиеся до Месопотамии путешественники начала XIX века, должно быть, сильно разочаровывались. Их взорам открывалась голая, обезвоженная, нисколько не романтичная земля: ни пирамид, ни храмов, ни обелисков, одни песчаные бури да странные курганы, выраставшие из бурой равнины наподобие миниатюрных вулканов. Тем не менее эта земля была землей Вавилона, Ниневии и Ура, где родился Авраам.

Европа оставалась равнодушна к этим местам до 1815 года, когда книга «Memoir on the Ruins of Babylon» («Заметки о руинах Вавилона») вызвала всеобщий ажиотаж, прославив ее молодого талантливого автора.

Его звали Клодиус Рич. Приключения Рича начались, когда ему стукнуло 16 лет: корабль, на котором он плыл в Египет, чтобы стать там работником Ост-Индской компании, потерпел крушение. В конце концов Рич добрался через Мальту и Италию до османской Смирны. Он в совершенстве владел арабским языком и побывал в Египте, Сирии и Палестине, где выдавал себя за турка. Рич даже молился в Великой мечети в Дамаске.

В 1807 году в возрасте 20 лет Рича послали в Бомбей, но вскоре Ост-Индская компания осознала, что нелепо держать в Индии человека, говорящего на полудюжине арабских диалектов. Так Клодиус Рич вновь оказался в Багдаде.

Однажды, пребывая в Мосуле, городке близ Багдада на берегах Тигра, он услышал о любопытных скульптурах, обнаруженных в кургане у реки. Местный мусульманский священник приказал уничтожить эти скульптуры как «поделку дьявола», что и было исполнено. Эта история побудила Рича внимательно обследовать вулканоподобные курганы — он был убежден в том, что один из этих курганов скрывает руины Ниневии. Увы, Рич не знал, где именно их искать.

Правда, сам он полагал, что знает, где искать следы древнего Вавилона: в местечке Бирс-Нимруд, где над равниной все еще возносились развалины Вавилонской башни высотой 235 футов. Исследовав их, Рич написал «Заметки о руинах Вавилона», которые вышли в 1815 году и сделали его знаменитым. Неожиданно о древних руинах заговорила вся Европа.

Рич наслаждался славой недолго: в Ширазе он заболел холерой и скончался в 1820 году в возрасте 34 лет. Ему не довелось узнать о том, что место, которое он считал Вавилоном, было на деле древним городом Барсиппой.

В одном Рич оказался прав: он точно указал на местонахождение Ниневии. 20 лет спустя французским консулом в Мосуле стал доктор Поль-Эмиль Ботта. Он был лингвистом и ученым и проявлял живой интерес к академическим и

философским диспутам, которые тогда, как и сейчас, разбивали интеллектуалов Франции на враждующие лагеря.

С тех пор как Наполеон привез в Египет археологов, дабы они изучили здешние пирамиды и храмы, французы помешались на археологии. Это помешательство усилилось, когда молодой гений Шампольон преуспел в дешифровке египетских иероглифов при помощи Розеттского камня.

Ботта какое-то время следил за спорами о том, где находилась Ниневия, столица Ассирии, чьи правители Сеннахериб и Ашшурбанипал вселяли ужас в сердца соседей. Удивительно, однако Ниневия, кажется, исчезла с лица земли, не оставив и следа. Согласно одной из версий, она находилась в районе Мосула.

Консульские обязанности Ботта не увлекали, Мосул виделся ему типичным арабским поселением, шумным и пыльным. Он заимел привычку выезжать по вечерам за город, наслаждаться прибрежным бризом и пейзажами пустыни с ее загадочными курганами. Он начал скупать у арабских торговцев древние черепки и обломки глиняных табличек. Однажды доктор Ботта решил начать раскопки кургана близ деревни Куюнджик, выглядевшего весьма перспективным.

Месяцы летели, а раскопки не приносили Ботта ничего существеннее глиняных черепков и табличек. Он начал подозревать, что попусту тратит и деньги, и время. Его жизнь, кроме прочего, всячески осложнял местный турецкий паша (в то время Месопотамией управляли турки): он установил слежку за раскопками и запугивал рабочих, убеждая их в том, что французский консул ищет сокровища.

Ботта собирался уже оставить археологию, когда некий настойчивый араб убедил его в том, что хорошо бы раскопать землю близ его деревни, где не раз находили древние кирпичи и черепки. Ботта охотно переместил своих людей в деревню Хорсабад в семи милях к северу от Куюнджика. Там они вырыли шахту и наткнулись на облицованную камнем стену с изображениями животных.

Ботта не сомневался в том, что обнаружил Ниневию. Он ошибался, ибо раскопал дворец царя Саргона II, правившего около 700 года до н. э.

Дворец оказался весьма обширным, в нем имелось 200 помещений и фризы, на которых были запечатлены бородатые мужчины, воины на лошадях и крылатые звери. Ботта не нашел Ниневию, однако он раскопал древнюю Ассирию.

Почему про Ассирию забыли? Потому что в течение трех веков, с 911 по 610 год до н. э., ассирийцы не щадили никого, кто

попадался им на пути, и воевали с такой жестокостью, что враги в конце концов объединились против них, уничтожили их как паразитов и превратили ассирийские города в груды камней.

Историк Ксенофонт рассказывал о том, как 200 лет спустя греческие наемники царя Кира проезжали через необъятные руины Ниневии и Нимруда и дивились исполинским развалинам. Местные жители, однако, не могли ничего рассказать об опустошенных городах, ибо сама память об Ассирии была уничтожена.

В 1842 году Ботта познакомился с молодым англичанином Генри Лэйярдом, который бредил Ближним Востоком с тех пор, как прочел в детстве сказки «Тысячи и одной ночи». Эти двое часто раскуривали одну трубку, иногда — с опиумом. Когда Ботта показал Лэйярду курган Куюнджик, того немедленно охватила страсть к археологическим изысканиям. Подобно заядлому игроку, Лэйярд желал увеличить свои шансы на выигрыш.

Он не располагал средствами, зато обладал искусством убеждать и через три года уговорил британского посла в Константинополе выделить ему 60 фунтов. Получив деньги, Лэйярд приступил к раскопкам еще одного загадочного кургана, Нимруд (Калах), и извлек из-под земли артефакты, каких не находил и Ботта, — огромных крылатых львов и быков, немедленно выкупленных Британским музеем.

Став знаменитым и получив средства (довольно скромные) от британского казначейства, Лэйярд переключился на курган Куюнджик, который ранее разочаровал консула Ботта. Несколько часов спустя Лэйярд осознал, насколько француз был близок к тому, чтобы сделать одно из важнейших открытий в истории археологии. Ибо Лэйярд нашел Ниневию, великий библейский город, и вскоре раскопал сожженный дворец Ашшурбанипала (669–626 годы до н. э.), одного из самых могущественных и безжалостных ассирийских царей.

К этому моменту к освоению кургана подключился и француз. В итоге Куюнджик был поделен между Ботта и Лэйярдом. Но в один из дней 1852 года, когда Ботта отсутствовал, Ормузд Рассам, помощник Лэйярда, решил вторгнуться на чужую территорию и приказал своим рабочим углубиться во французский участок по ту сторону разделительной линии. Ему явно помогал бог археологии: пробив стену, Рассам оказался в библиотеке Ашшурбанипала, полной глиняных табличек, исписанных клинописными знаками. На одной из них имелось пятнадцатизначное число, столетие спустя восхитившее Мориса Шатлена.

Случилось так, что Ашшурбанипал, один из наиболее

свирепых тиранов истории, был вдобавок увлеченным коллекционером письменных сочинений. Завоевывая очередной город, он перевозил его библиотеку в Ниневию. В результате он собрал около 30 000 глиняных табличек, большая часть которых содержала тексты о колдовстве, изгнании злых духов и предсказании будущего. Лэйярд отослал таблички в Британский музей.

Прочесть клинопись в то время не мог никто, хотя британский офицер Генри Роулинсон и сделал один шаг в этом направлении, перерисовав от руки надпись на скале близ Бехистуна в Персии. Эта надпись была сделана персидским царем Дарием на староперсидском, эламском и вавилонском (близком к ассирийскому) языках.

В 1857 году Роулинсон опубликовал первые переводы с ассирийского языка. Вернувшись в Англию, он стал сотрудников Британского музея. Его помощником сделался Джордж Смит, молодой гравер Монетного двора, интересовавшийся археологией.

В 1872 году Джордж Смит задумчиво смотрел на горку глиняных табличек, присланных Ормуздом Рассамом, и осознал вдруг, что перед ним — нечто большее, нежели древний трактат о предсказании будущего по внутренностям. Он набрел на запись о том, как корабль остановился на горе Ницир, за чем следовал рассказ о голубке, которую выпустили, дабы она нашла сушу. Со всей очевидностью табличка повествовала о потопе.

Пока Смит собирал фрагменты 11 табличек, надписи на которых вроде бы складывались в единое целое, его осенило: он читает ассирийский эпос, рассказ о герое по имени Гильгамеш. Удивительнее всего было то, что эпос о Гильгамеше был древнейшим литературным произведением на Земле — на тысячу лет старше Библии или поэм Гомера.

По мере того как складывалась история Гильгамеша, Смит понимал, что она неполна. Отсутствовал важный фрагмент истории потопа, а также завершение эпоса.

Сообщение Смита об истории великого потопа, сложенной раньше, чем была написана Библия, вызвало всеобщий ажиотаж. Вскоре «Дейли Телеграф» предложил 1000 фунтов тому, кто сможет найти недостающий фрагмент, и Смит решил принять вызов.

Так начались чуть ли не самые знаменитые раскопки за всю историю археологии. Смит поехал в Куюнджик, и нанятые им рабочие начали раскапывать курган. Сосредоточившись на поисках библиотеки, Смит фактически пытался найти иголку в стоге сена. Каждый день его рабочие обнаруживали множество

терракотовых обломков с клинописными надписями, но все они не имели никакого отношения к Гильгамешу.

На пятый день Смит очистил от земли обломок и немедленно распознал 17 строчек, которых недоставало в истории о потопе. Он телеграфировал об успехе в газету и возвратился в Англию триумфатором.

Вскоре британцы смогли прочесть рассказ о герое, чьи деяния были впервые описаны на шумерском языке задолго до строительства пирамиды Хеопса.

Эпос на 12 табличках повествовал о юном герое Гиль-гамеше, царе Урука (Эреха, столицы Шумерского царства или Шумера), который вел себя как малолетний преступник. «Он желает возлечь с каждой девой, не делая исключения ни для дочери воина, ни для жены сановника; тем не менее именно этому человеку суждено сделаться пастырем города, мудрым, благопристойным и решительным»[32].

Боги жалуются на Гильгамеша богине-матери Аруру, умоляя ее создать героя, который был бы столь же дик и необуздан, как Гильгамеш. Аруру отзывается и создает дикого человека Энкиду, который живет в степи среди зверей и травы.

Однажды охотник встречает Энкиду у водопоя и «меняется в лице». Он рассказывает о встрече своему отцу, и тот радуется: появился человек, который сможет победить Гильгамеша. Отец велит охотнику пойти в храм любви и отвести к водопою блудницу. Когда Энкиду снова придет пить воду вместе со зверями, говорит ей охотник, «пусть сорвет она одежду, красы свои раскроет»[33]. Блудница, ничуть не смутившись, сбрасывает одежды и учит Энкиду искусству любви. Спустя семь дней мужская сила Энкиду истощается настолько, что он крайне ослабевает. Блудница приглашает его отправиться вместе с ней в Урук.

Они встречают человека, который жалуется на то, что Гильгамеш пришел незваным на выборы невесты и настоял на том, что он первым лишит ее девства.

Той же ночью, пока невеста лежит в постели в ожидании супруга, в дом входит Гильгамеш. В этот момент Энкиду ставит ему подножку. Два героя набрасываются друг на Друга, подобно разъярившимся быкам, дом содрогается.

В конце концов Гильгамеш швыряет Энкиду на землю. Тот садится и говорит: «Одного тебя мать родила такого»[34]. Тут они обнимаются и клянутся, что будут друзьями.

В следующей главе эпоса Гильгамеш и Энкиду отправляются на поиски приключений и убивают великана Хум-бабу, демона, охраняющего лес. По возвращении в Гильгамеша влюбляется

богиня Иштар (вавилонская Венера); он неразумно отвергает ее, заявляя, что она обратится против него, как обращалась против всех своих любовников. Прогневавшись, Иштар идет к своему отцу Ану, верховному богу, и просит создать для нее быка. Это животное столь ужасно, что может убить сотни людей, едва фыркнув, однако Энкиду и Гильгамеш расправляются и с ним.

Ану рассержен и говорит, что один из двух героев должен быть уничтожен. Энкиду внезапно заболевает и умирает. Гильгамеш чуть не сходит с ума от горя. Придя в себя, он решает отыскать бессмертие: хотя его родила богиня, Гильгамеш смертен, как был смертен его отец — священник

В финале долгого путешествия он встречает Ут-напишти, вавилонского Ноя, которому боги даровали вечную жизнь. В стихах на одиннадцатой табличке Ут-напишти рассказывает Гильгамешу о великом потопе и о том, как боги решили уничтожить человечество, но наградили Ут-напишти бессмертием за его добродетель. Ему, как и Ною, велели построить шестипалубный корабль, хорошенько засмолить его и взять на борт семью и слуг, а также «скот степной и зверье».

Затем хлынул ливень, и человечество погибло. Спустя семь дней и ночей потоп прекратился. Корабль остановился на вершине горы, и Ут-напишти выпустил сначала голубку, потом ласточку, потом ворона, чтобы те нашли сушу. Когда ворон не вернулся, он понял, что вода пошла на спад.

Благодарный Ут-напишти совершил воскурение богам. Они, в свою очередь, одарили его бессмертием.

В заключительной части эпоса Гильгамеш ныряет в море и находит цветок вечной жизни. Однако пока он купается в «водоеме с холодными водами», этот цветок крадет змея (так отзывается эхом история Эдема), и Гильгамеш, усталый и обессилевший от трудов, в конце концов умирает.

Скорее всего, певцы пели о Гильгамеше и до 3000 года до н. э., задолго до того, как его история была записана. Впоследствии этот эпос был переведен на множество ближневосточных языков, ныне известно несколько его версий.

Эпос о Гильгамеше прославил Джорджа Смита, но слава эта не принесла ему счастья: три года спустя он скоропостижно скончался в Алеппо по пути в Месопотамию от какой-то инфекционной болезни. К тому времени Смит обнаружил в библиотеке Ашшурбанипала таблички с описанием сотворения мира. Бросалась в глаза его схожесть с библейской книгой Бытия.

Именно это обстоятельство привлекло внимание к открытиям Смита: получалось, что библейские истории могли всего-навсего копировать шумерские оригиналы. Верующие полагали, что

благодаря находкам Смита библейские истины станут обсуждаться в викторианских гостиных, в то время как скептики (в викторианскую эпоху они предпочитали именовать себя агностиками) классифицировали Библию и эпос о Гильгамеше как древнюю беллетристику. Смит осчастливил и тех, и других.

Открытия Ботта, Лэйярда и Роулинсона вызвали громадный интерес к Древней Месопотамии. Естественным кандидатом на раскопки стал еще один курган в пустыне в 20 милях к северу от портового города Басра. Арабы называли его Телль-эль-Мукайяр, или Курган Смолы. Он расположен на пустынной равнине, на которой почти негде укрыться от песчаных бурь. В 1854 году, через два года после того, как Рассам нашел библиотеку Ашшурбанипала, министерство иностранных дел Великобритании послало чиновника Дж. И. Тейлора осмотреть этот курган в интересах Британского музея.

Тейлор не был археологом и никогда раньше не исследовал исторические сооружения. Он увидел прямоугольное строение, возможно, дворец, на крыше которого имелись три прямоугольные конструкции, отчего здание походило на ступенчатую пирамиду. (Когда вести о нем достигли цивилизации, заговорили о том, что это и есть настоящая Вавилонская башня.)

Тейлор пробовал забраться на основание, распугивая сов, которые гнездились на нем веками. Он тщательно изучил первый ярус, не обнаружил в нем ни единого отверстия, тщетно попытался пробить проход и решил забраться на самую крышу.

Это глупое решение оказалось роковым, а его последствия не могли не быть разрушительными. Представьте себе археолога будущего, который решает начать раскопки собора Св. Павла с того, что ломает его купол. Верхние ярусы кургана были попросту уничтожены командой рабочих. Единственными находками стали несколько глиняных валиков с клинописью.

Тейлор был рассержен и разочарован, не понимая, что смотрит на один из первых письменных памятников человечества. Ибо курган в Телль-эль-Мукайяре являл собой не что иное, как Ур Халдейский, легендарную родину патриарха Авраама и столицу шумеров, основавших первую великую цивилизацию Ближнего Востока около 4000 года до н. э.

Кем были шумеры, народ, который около 6000 лет назад изобрел письменность? Никто этого не знает, и происхождение шумеров остается абсолютной загадкой. Их язык не похож ни на один язык Ближнего Востока, он не относится ни к индоевропейским, ни к семитским. Один авторитетный ученый, как мы увидим далее, считает, что шумеры пришли из

расположенной близ Китая страны, в которой нередко случались потопы. Мы можем сказать лишь, что, когда историки говорят о зарождении цивилизации, они говорят о земле Шинар, или Шумере. Так, археолог Сэмюэль Кремер написал замечательную книгу «History Begins at Sumer» («История начинается в Шумере»).

Тейлор разрушал Ур в течение двух лет, после чего уехал домой. Он не дожил до времени, когда археологи начали проклинать его имя — ибо Тейлор не только разорил и изуродовал величайший памятник мировой истории, он также привел за собой толпы арабов, которые являлись в Телль-эль-Мукайяр за обожженными кирпичами для своих домов. К счастью, они перевозили кирпичи на мулах и верблюдах, а не на тракторах. За последующие 70 лет зиккурат Ура перестал походить на ступенчатую пирамиду, превратившись в обычную башню с плоской крышей.

Оправдать действия Тейлора невозможно. Отосланные им в Англию глиняные таблички были частично переведены Роулинсоном, который установил, что башню построил некто по имени Ур-Намму. Роулинсона заинтересовал первый слог. Книга Бытия упоминает о том, что отец Авраама вывел свою семью из города Ур Халдейский. Возможно, разрушенная башня была частью библейского Ура? Время показало, что Роулинсон был прав.

В 1922 году Британский музей послал на раскопки Телль-эль-Мукайяра Леонарда Вулли, сына священника. До Первой мировой войны Вулли руководил раскопками в Кархемыше на территории Сирии. Его помощником был Т.Э. Лоуренс, позже прославившийся как Лоуренс Аравийский.

Совместная британско-американская экспедиция прибыла на место в 1923 году. Неспециалисту курган Телль-эль-Мукайяр казался совершенно бесперспективным: вокруг полуразрушенной башни простиралась плоская пустыня цвета печенья, вдали виднелись другие курганы. Однако Вулли был детективом от археологии, применявшим дедуктивный метод едва ли не успешнее Шерлока Холмса. Он понимал, что смотрит на руины укрепленного городища, который некогда окружали кукурузные и пшеничные поля, пересекаемые каналами, что блестели на слепящем солнце.

Необходимо было раскопать храмы, дворцы и дома, которые в далекую эпоху, когда Ближний Восток был одним большим садом, располагались в самом центре этого процветающего региона.

Начать следовало с траншей. Даже в декабре, самом холодном месяце года, лопаты поднимали облака пыли, которые походили издали на дым от костров. (Летом побережье

Персидского залива бьет все температурные рекорды.) Поначалу археологи откапывали одни черепки, затем они обнаружили руины пяти храмов, стоявших полукольцом вокруг зиккурата. Они нашли развалины фонтанов в двориках и залитые битумом резервуары для воды. Под песчаной почвой скрывалось великое множество сооружений, и было ясно, что раскопки продлятся не один год.

Сразу за полукольцом храмов располагалось древнее кладбище, датируемое примерно 3000 годом до н. э. Людей хоронили вместе с принадлежавшими им вещами — кубками, кувшинами, рабочими инструментами; жители Ура верили в то, что эти вещи пригодятся умершему в посмертии.

За могилами обнаружились гробницы, по всей вероятности, знатных горожан. Находки в них оказались зловещими. По соседству с каменным склепом археологи нашли повозки, запряженные скелетами волов. Внутри повозок обнаружились кости возниц, а рядом с черепами волов помещались кости конюших. Внутри гробницы лежали скелеты солдат, рядом были оставлены медные шлемы и копья.

В другой гробнице, приписанной царице Шубад, археологи нашли скелеты сановников, лежавшие двумя параллельными рядами, а также скелет арфиста и сломанную арфу. У деревянного одра царицы припали к земле скелеты двух придворных дам. Очевидно, в древнем Уре слугам полагалось сопровождать царей и цариц (а также представителей знати с женами) в загробный мир. Ничто не говорило о том, что умерщвленные слуги сопротивлялись, и Вулли заключил, что они шли на смерть сознательно. Возможно, перед смертью, наступавшей от удушья, им давали какой-то наркотик

Гробница царицы полнилась богатыми дарами, включая две миниатюрные, в два фута длиной лодки из серебра и меди. Там имелся также парик, украшенный ляпис-лазурью, сердоликом, золотыми кольцами, цветами и листьями. Кейт, супруга Вулли, женщина талантливая и властная (вероятно, схожая характером с Шубад), вылепила и раскрасила глиняную голову царицы, соперничающую по красоте с бюстом Нефертити в Каирском музее.

После трех лет раскопок Вулли и его коллеги смогли наконец узреть древний город Ур с его закоулками и двухэтажными домами — свидетельствами процветания горожан. (В основном дома того периода были одноэтажными.) Архитекторы Ура сплошь и рядом строили арочные проходы, появившиеся в Европе лишь во времена Александра Македонского. Ур выглядел городом, который населяли представители безбедного среднего

класса, жившие в просторных виллах со множеством комнат.

Команда Вулли обнаружила огромную яму двести футов в ширину и сорок футов в глубину, в которую сваливали мусор и пепел с пожарищ. Мусорную яму глубиной в сорок футов город использовал очень долго, скорее всего на протяжении нескольких столетий. По всей видимости, горожане Ура избавлялись от хозяйственных отходов, сбрасывая их с городской стены.

Мусор, увы, датировать почти невозможно, поэтому в 1929 году, на шестой год раскопок, Вулли решил проверить несколько колодцев, чтобы найти поддающиеся датировке предметы. Вскоре он сделал открытие, которое его потрясло.

«Внезапно состав почвы изменился. Вместо глиняных черепков и мусора мы увидели чистейшую глину, абсолютно однородную. Судя по текстуре, глина была принесена сюда водой. Рабочие считали, что мы добрались до самого дна, до речного ила, формировавшего изначально дельту реки…»[35]

Но они ошибались. Пробившись через девять футов чистой глины, они вновь увидели слои мусора, однако теперь в нем то и дело попадались каменные орудия труда. Стало ясно, что это мусор более примитивной эпохи — эпохи, конец которой положил великий потоп. С другой стороны, обожженные кирпичи говорили о том, что археологи наткнулись вовсе не на деревню с домами из грязевых кирпичей. Потоп уничтожил целый город.

Новость о том, что найдены доказательства реальности библейского потопа, облетела весь мир, а имя Вулли появлялось на первых полосах газет. Книга «Ur of the Chaldees» («Ур Халдейский»), которую он написал за считанные месяцы и издал в декабре 1929 года, продавалась лучше любого отчета о раскопках в истории. Но археология людей почти не интересовала — они изумились тому, что Вулли подтвердил Библию.

Двадцать лет спустя чудаковатый ученый Иммануил Великовский повторил успех Вулли, издав книгу «Worlds in Collision» («Столкновение миров»), в которой утверждал, что отделившаяся от Юпитера комета задела Землю, из-за чего разрушились стены Иерихона и расступились воды Красного моря. А в 1956 году весь мир зачитывался книгой Вернера Келлера «The Bible as History» («Библия как история»), в которой библейские истории от падения Содома и Гоморры до появления звезды над Вифлеемом изучались с научной точки зрения.

Но был ли потоп Вулли великим потопом, описанным в книге Бытия?

Есть причины полагать, что не был. Начать с того, что между культурами, разделенными слоем чистой глины, обнаружилось

явное сходство — например, обожженные кирпичи. Значит, этот потоп не уничтожил цивилизацию. Вулли предположил, что вода затопила территорию размерами 400 на 200 миль от Персидского залива до современного Багдада. Этот «местный» потоп вряд ли сравним по масштабам с библейским.

В 1931–1932 годах археолог Макс Мэллоуэн (супруг Агаты Кристи), производивший раскопки Ниневии, нашел следы еще одного потопа. По его оценке, этот потоп имел место около 3500 года до н. э. и может быть отождествлен с потопом, который описан в эпосе о Гильгамеше и считается со времен Джорджа Смита библейским. Однако Ниневия располагалась на территории, на которую обрушился потоп Вулли. Опять же данный потоп не слишком похож на грандиозное библейское наводнение.

В середине 1990-х годов американские ученые Билл Райан и Уолтер Питмен шокировали археологов, заявив, что библейский потоп мог быть следствием того, что вышло из берегов Черное море. До того как мы поговорим об этом подробнее, следует отметить, что Средиземное море существовало не всегда. Всего 20 миллионов лет назад, когда Африка и Европа еще не соединились, Африка фактически была островом. Она двигалась на север, пока семь миллионов лет назад не столкнулась с Европой. Вода, пойманная в ловушку тектоническими плитами, образовала Средиземное море. Поскольку в это море не впадали реки, вода постепенно испарялась под воздействием солнца. В конце концов Средиземное море превратилось в пустую котловину, дно которой устилали песок и растрескавшаяся грязь.

Примерно пять с половиной миллионов лет назад Атлантический океан начал пробиваться сквозь толщу земли в том месте, где нынешняя Испания соединялась с Северной Африкой. Обрушивавшиеся на сушу водные потоки были в 50 раз выше Ниагарского водопада, а объем низвергавшейся воды был равен объему тысячи Ниагар. За считанные годы сформировался Гибралтарский пролив.

Удивительно, однако до 1970 года никто не допускал и мысли, что Средиземное море достаточно молодо. Билл Райан входил в состав команды исследовательского судна «Гломар Челленджер», бравшего пробы грунта с морского дна с целью найти свидетельства изменения магнитного поля Земли. Отдельные образцы представляли собой спрессованную морскую соль. Они не оставляли сомнения в том, что некогда Средиземное море высохло, в результате чего образовались соляные отложения. Затем море внезапно образовалось вновь. Поначалу ученые не хотели принимать эту версию событий, но

доказательства быстро их убедили.

Через год Райан встретился с океанографом Уолтером Питменом и молодым английским ученым Джоном Дьюи. Когда Райан рассказал им о средиземной Ниагаре, Дьюи опрометчиво заметил, что, наверное, это открытие может объяснить легенды о потопе, — и лишь потом понял, что Средиземное море сформировалось задолго до появления на земле человека. Райан продолжал говорить о великом наводнении, и Дьюи полушутливо спросил, существуют ли доказательства реальности потопа. С этого и началось исследование Райана и Питмена.

Оба понимали, что начинать следует с эпоса о Гильгамеше, который они изучали в колледже. Внимательно изучив текст, они заметили, что, когда Гильгамеш отправляет на поиски Ут-напишти, он идет в сторону заходящего солнца.

Если Гильгамеш жил в Уруке, который в те времена располагался куда ближе к берегу Персидского залива, значит, будет справедливо предположить, что в поисках свидетелей потопа он идет на юг, а не на запад. Наводнение Вулли накрыло землю меж двумя реками, которые текут с севера на юг (точнее — с северо-запада на юго-восток).

Райан и Питмен стали искать следы события, которое было похоже на вторжение Атлантического океана через Гибралтар в котловину Средиземного моря, но имело место сравнительно недавно. Они искали узкую перегородку наподобие Гибралтарского пролива, которую однажды смыло море.

В Средиземноморье есть лишь один кандидат на такую перегородку — это Босфорский пролив, узкая полоска воды, которая отделяет Черное море, расположенное севернее Турции, от Средиземного. Райан с Питменом полагали, что именно там следует искать ответ на загаданную Дьюи загадку.

Черное море напоминает по форме салатницу глубиной в милю. Пресная вода, которая попадает в него из Дуная, Днестра и Днепра, составляет верхний слой и перемещается в Средиземное море. В глубине «салатницы» остается тяжелая и концентрированная соленая вода, похожая на воду Мертвого моря.

В результате море «не дышит», чем и объясняется его темно-зеленый (по сравнению с прозрачно-синей водой Средиземного моря) цвет. По той же причине в Черном море мало рыбы и других организмов, отчего иногда его называют «морем Смерти».

Гильгамеш, как следует из эпоса, отправился именно к «водам смерти», что лишь укрепило уверенность Райана и Питмена в том, что они на верном пути.

Еще в 1680 году итальянский ученый Луиджи Марсили

обнаружил, что в Черном море имеются два течения — поверхностное и глубинное. Райан и Питмен повторили его эксперимент. Он состоит в следующем: в воду погружается корзина с камнями, к которой прикреплена веревка. Чтобы корзина не утонула, на другом конце веревки закрепляется поплавок. Когда корзину подхватывает глубинное течение, поплавок начинает смещаться не на юг, как раньше, а на север. Если Райан и Питмен правы, северное течение сформировалось около 9000 лет назад, когда в Черное море, бывшее в то время пресноводным озером, вторгся каскад воды из Средиземного моря, уровень которого стремительно поднимался.

Часть коллег Райана и Питмена отнеслась к этой теории водного потока со скепсисом. Они готовы были согласиться с тем, что Черном море «доливалось» из Средиземного, но считали, что этот процесс происходил постепенно и занял, возможно, несколько веков.

Доказательство теории водного потока упиралось в небольшую проблему, имя которой — русские. Черное море наводнено русскими кораблями и военной техникой, оттого Россия, конечно же, с подозрением смотрит на спонсируемые американцами научные экспедиции, полагая, что они могут работать на разведку. После 1990 года, когда закончилась «холодная война», ситуация стала улучшаться. Но лишь 19 марта 1993 года Райан и Питмен поняли, что их теория подтверждается.

Подтверждение пришло в письме болгарина Петко Димитрова. По словам автора письма, он располагал убедительным доказательством того, что 9750 лет назад уровень Черного моря был ниже нынешнего на 100 метров. Исследуя Черное море в батискафе, Димитров обнаружил на глубине 110 метров древний берег. Тот факт, что этот берег окаменел, доказывал, что некогда его затопило наводнение. Если бы уровень моря поднимался постепенно, берег попросту уничтожили бы набегавшие волны.

Вскоре Райану и Питмену повезло еще раз: их пригласили присоединиться к черноморской научной экспедиции, организованной российским Институтом океанологии имени Ширшова. Ученые намеревались выяснить, в какой мере взрыв на Чернобыльской АЭС загрязнил Черное море.

Русские сделали интересное открытие. К северу от Черного моря по другую сторону Керченского пролива в четыре мили шириной расположено Азовское море, похожее на отделившуюся от Черного деформированную каплю. Русские планировали выстроить над проливом железнодорожный мост и пробурили морское дно, чтобы выяснить глубину подошвы коры.

К удивлению ученых, под осадочными породами обнаружилась расщелина глубиной двести футов. Это глубоководное ущелье было явно проточено рекой, по всей вероятности, Доном, который сейчас течет севернее Азовского моря. Что означало, что некогда Азовское море было равниной, по которой бежал Дон, впадавший в маленькое озеро ледникового периода, ставшее позже Черным морем.

Райан и Питмен отправились в путь на российском судне «Акванавт» и наконец получили возможность исследовать черноморское дно. Правда, им досаждало одно обстоятельство: российские ученые считали, что никакого потопа не было. По мнению русских, Черное море постепенно наполнялось талой водой с севера. Уровень Средиземного моря также поднимался по мере того, как таяли льды последнего ледникового периода. Когда моря наконец встретились, вода медленно поднялась над разъединявшей их «дамбой».

Путешествие по Черному морю заставило ученых усомниться в этой теории. Высокотехнологичное оборудование русских выявило древние берега и русла рек, погребенные под толщей соленой воды. В образцах фунта с морского дна можно было четко различить твердый ил, высушенный солнцем, и покрывавший его мягкий черный ил: более старый ил был более сухим. Между двумя слоями ила ученые находили ракообразных из Средиземного моря, которых принес сюда поток воды. Прежние лагуны и болота все еще удерживали газ, скопившийся в результате гниения растительности.

Не оставалось сомнений в том, что потоп начался внезапно и был подобен наводнению, которое превратило сушу в Средиземное море пять или шесть миллионов лет назад. Расчеты Питмена показывают, что водный поток был подобен 250 Ниагарам и вода прибывала из Средиземного моря со скоростью 60 миль в час, сметая все на своем пути.

Телепрограмма, которую Райан и Питмен сняли для Би-би-си, живописала потоп в красках. Представим себе, как существа, обитающие на берегу пресноводного озера (будущего Черного моря), бредут по полоске земли между озером и Средиземным морем и видят впадающий в озеро маленький ручеек. Воду из него невозможно пить — она соленая. На будущий год ручеек становится вдвое шире.

Однажды он превращается в ревущий поток, сносящий любые барьеры. Уровень воды поднимается на фут в день. Спасаясь от наступающего озера, обитатели берега вынуждены бежать на север, одолевая по меньшей мере милю в день, чтобы вода их не настигла. Наконец, добравшись до возвышенности, они

оглядываются на затопленные земли.

Таковы установленные Райаном и Питменом факты: великий потоп превратил маленькое озеро ледникового периода в Черное море. Но когда это произошло? На основании радиоуглеродного анализа раковин моллюсков Димитров считал, что превращение свершилось около 9750 года до н. э. Но когда раковины подвергли аналогичному анализу в американской лаборатории, Райан и Питмен были потрясены (особенно Райан — он уже прочитал доклад, в котором датировал потоп примерно 7000 годом до н. э.). Радиоуглеродный анализ показал, что он ошибся на полторы тысячи лет. Потоп имел место около 5450 года до н. э.

Эта дата поставила в тупик всех, включая меня, когда я в первый раз смотрел телепередачу Би-би-си. Я надеялся на то, что потоп будет датирован 10 000 годом до н. э., то есть временем затопления платоновской Атлантиды. Новость о том, что наводнение случилось 5000 лет спустя, стала для меня сюрпризом.

Райана и Питмена полученный результат не расстроил: описанный потоп подходил под описания, имеющиеся в эпосе о Гильгамеше и Библии. Правда, Вулли и Мэллоуэн считали, что библейский потоп случился намного позже. Но прошлое не забывается легко: отголоски рассказов о потопе могли сохраняться в песнях вплоть до изобретения письменности.

Райан и Питмен предположили, что шумеры могли быть племенем, пережившим затопление Черного моря и хранившим знания об ирригации со времен, когда Черное море было пресноводным озером, площадь которого непрерывно сокращалась.

Большинство их коллег, разумеется, посчитали эту гипотезу слишком смелой. Выжившие должны были бежать на север, а не на юг, в Месопотамию. В ответ Райан указал на то, что, когда ищущий Ут-напишти Гильгамеш доходит до «вод смерти», его переправляет через море лодочник, который опускает в воду корзинку с камнями — в точности как поступил Райан, желая удостовериться в наличии в Черном море глубинного течения.

В передаче Би-би-си Стефани Дэлли, специалист по шумерским легендам и эпосу о Гильгамеше, отвергает слова Райана как фантазию, добавляя, что с Гильгамешем происходит столько чудесного, что эпос невозможно использовать как путеводитель по современной Месопотамии. Дэлли указывает на то, что затопление Черного моря произошло за 2000 лет до начала строительства шумерского Ура (около 4000 года до н. э.).

Тем не менее одно исследование, проведенное в 1980-х, судя

по всему, подтверждает правоту Райана и Питмена — и неважно, какой потоп имел в виду автор эпоса о Гильгамеше: затопление Черного моря или потоп, случившийся южнее.

Было замечено, что в Карибском море у острова Барбадос подводная часть кораллов, которые обычно скрыты под водой на два-три ярда, достигает нескольких десятков ярдов. Это означает, что со времени формирования рифа несколько тысяч лет назад уровень моря постепенно поднимался.

В 1988 году Рик Фэрбенкс из геологической обсерватории Ламонт-Доэрти начал собирать образцы породы коралловых рифов. Первые образцы были собраны накануне Дня благодарения. Их анализ показал, что потопов было три.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ДРУГИЕ КАТАСТРОФЫ

18 тысяч лет назад, когда последний ледниковый период (начавшийся около 130 тысяч лет назад) достиг своего пика, уровень моря был ниже нынешнего на 120 метров. Затем лед постепенно начал таять.

Около 14 500 лет назад, после очередного похолодания (так называемый «древний дриас»), таяние льдов внезапно ускорилось. В это время ледовая шапка Северного полюса все еще простиралась до самых Британских островов. Вдруг льды стали таять куда быстрее. Айсберги откалывались от материкового льда и отправлялись дрейфовать по Атлантическому океану. Около 12 000 года до н. э. (то есть 14 тысяч лет назад) огромное озеро в Северной Америке, озеро Ливингстона, прорвало, в море вылилось 84 тысячи кубических километров воды, и уровень Мирового океана немедленно поднялся на девять дюймов. Это и был первый великий потоп.

Затем климат вновь переменился, и вернулись холода. Мы до сих пор не можем сказать, почему изменения климата происходили столь резко; в связи с этим метеорологи часто упоминают о «циклах Миланковича». Около 11 000 года до н. э. планета снова замерзла (так называемый «молодой дриас»), температура упала даже ниже, чем в годы древнего дриаса. Около 9500 года до н. э. случилось еще одно внезапное таяние льдов, и в течение 50 лет мир был затоплен.

Еще одно огромное ледяное озеро, на этот раз на северо-востоке Канады, выпустило свои воды в океан. Если Чарльз Хэпгуд не ошибался, этот потоп и был «затоплением Атлантиды», упоминаемым Платоном. Даты этих потопов совпадают.

Но был еще и третий потоп. Около 6400 года до н. э. на мир обрушилось очередное похолодание, длившееся около 400 лет. Затем теплый климат вернулся и около 6000 года до н. э. стал причиной третьего великого потопа. Ответственность за этот потоп несет главным образом Гудзонов залив: его огромная ледяная пробка растаяла и позволила вылиться в море миллионам тонн ледяной воды. Другие части канадского ледяного пласта добрались до моря тем же маршрутом. В итоге уровень океана резко поднялся (предположительно на 80 футов) и с тех пор оставался почти неизменным.

Повышение уровня океана вызвало затопление Черного моря, точнее, пресноводного озера, занимавшего его место около 5750

года до н. э. (Райан и Питмен датировали потоп 5600 годом до н. э., но точная датировка тут невозможна). Со Средиземного моря хлынул водный поток высотой 350 футов. Питмен, как мы видели, утверждает, что по объему воды он был эквивалентен 250 Ниагарским водопадам.

Разумно предположить, что потоп, который пережил Ной (а также «потоп Гильгамеша»), имел место около 6000 года до н. э., то есть за 2–3 тысячи лет до того, как была записана первая шумерская версия эпоса о Гильгамеше.

Эта хронологическая раскладка потрясает. Мне понятен скептицизм Стефани Дэлли, доказывающей, что потоп Гильгамеша случился много позже наводнения, реальность которого подтвердили Райан и Питмен. Однако, если не брать в расчет местные наводнения (судя по всему, к их числу следует отнести и наводнение, о котором свидетельствует обнаруженный Вулли десятифутовый слой глины в Уре), никаких больших потопов после 5500 года до н. э. не было, хотя наводнения меньшего масштаба, конечно, случались. Отсюда я делаю вывод, что песнопевцы и сказители сохраняли память о великом потопе в течение 3000 лет.

Из эпоса о Гильгамеше и книги Бытия следует со всей очевидностью, что великий потоп не сопровождался ни землетрясениями, ни извержениями вулканов, ни хаотическими перемещениями солнца по небосводу, описанными в книге «Когда упало небо». Ут-напишти описывает тьму и бурю, но не подземные толчки. Вряд ли можно отождествить этот потоп с потопом, о котором повествуют легенды индейских племен от Канады до Перу: во время этого потопа солнце передвинулось с одного места на другое.

Вероятно, именно поэтому индейцы Мексики и Перу боялись солнечных затмений и приносили жертвы, дабы их предотвратить. Грэм Хэнкок посвятил легендам о сбивающемся с пути солнце и падающем небе много страниц своей книги «Следы богов».

Мы знаем, что солнце не может сбиться с пути. Но если земная кора сдвинулась с места, как предполагал Хэнкок, вполне могло показаться, что солнце прыгнуло в сторону.

Есть ли у нас доказательства того, что земная кора и в самом деле сдвинулась? Любопытный довод в пользу этой теории я нашел в книге Би-би-си «Earth Story» («История Земли»)[36] на карте, которая изображает Землю 18 тысяч лет назад.

Карта ледового покрова Америки во время последнего ледникового периода

На этой карте хорошо видно, что на пике последнего ледникового периода ледовый покров в Америке достигал юга Великих озер. Другая карта обнаруживает южную границу ледяного покрова у Нью-Йорка. Тем не менее на юге Британских островов лед едва доходил до Корнуолла, лежавшего почти на той же широте, что и Ньюфаундленд, расположенный в 700 милях к северу от Нью-Йорка.

Если бы древний ледовый покров простирался на одинаковое расстояние от нынешнего Северного полюса, он доходил бы на юге до Центральной Испании. Как объяснил Хэпгуд 40 годами ранее, распределение льда перестанет выглядеть нелогичным, если мы предположим, что Северный полюс находится в районе Гудзонова залива. В какой-то момент 18 тысяч лет назад полюс сместился на север. Или скорее одна область земли передвинулась на юг.

Таким образом, сделанные в 1990-е годы открытия в области землеведения сообщают нам о трех великих потопах, имевших место после конца последнего ледникового периода: первый — около 12 000 года до н. э., второй — около 9500 г. до н. э., третий — около 6000 года до н. э. Интересовавший Чарльза Хэпгуда потоп, который погубил Атлантиду, — второй из них.

Как мы уже убедились, главное отличие потопа, погубившего Атлантиду, от потопа, создавшего Черное море («потоп Гильгамеша»), — это землетрясения и извержения вулканов. Катастрофа платоновской Атлантиды была внезапной и ужасной, какой и описал ее Платон. Но что же произошло на самом деле?

В 1993 году профессор Александр Тольманн, сотрудник Института геологии Венского университета, опубликовал написанную совместно с супругой Эдит Тольманн научную

работу, в которой попытался ответить на этот вопрос[37]. Он утверждал, что Земля столкнулась с гигантской ледяной кометой, и произошло это (с точностью до дня!) 23 сентября 7545 года до н. э. (Ближневосточная традиция говорит о том, что потоп случился в день осеннего равноденствия, отсюда и дата Тольманнов.) Прибытие кометы породило гигантскую приливную волну, атмосфера наполнилась пылью, в итоге, говорят Тольманны, вымерли такие животные, как мамонт и саблезубый тигр.

Тольманны убеждены в том, что этот катаклизм стал причиной не только великого потопа Платона, но и потопа, описанного в Библии. Они не согласны с выводами Райана и Питмена о том, что в книге Бытия описано затопление Черного моря. Я полагаю, однако, что Тольманны ошиблись в обоих случаях и что это можно доказать.

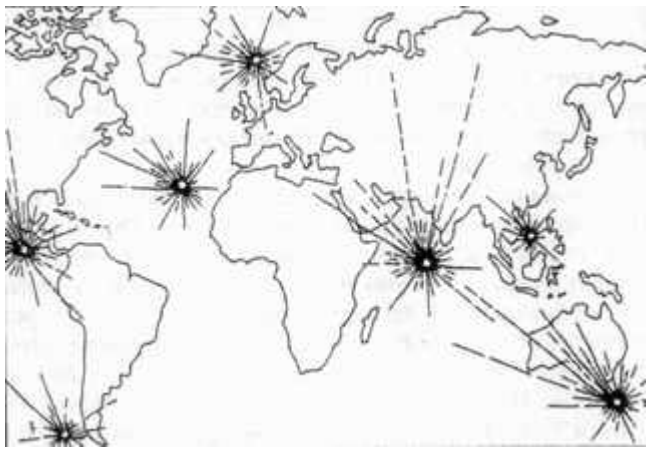
Их работа основывалась на открытии фантастических залежей тектитов в осадочных породах по всему миру. Эти тектиты образовались около 7600 года до н. э. Тольманны предположили, что залежи тектитов свидетельствуют о столкновении с кометой или большим метеоритом. По их мнению, имеется довод в пользу того, что комета разделилась на семь меньших небесных тел: апокрифическая Книга Еноха говорит о семи звездах, подобных семи великим горящим горам, которые пали на землю. (Похожий распад кометы Шумейкера-Леви произошел в июле 1994 года перед тем, как она столкнулась с Юпитером на скорости, превышающей 130 тысяч миль в час, нанеся планете удар, равный по силе взрыву 50 ядерных арсеналов Земли.) Кроме того, Тольманны обнаружили в остатках деревьев радиоактивный углерод-14. Они утверждают, что этот углерод образовался в результате уничтожения кометой озонового слоя Земли, после чего планета «открылась» космической радиации.

Тольманны подкрепляют свою теорию легендами Ближнего Востока, Китая, Индии и Америки. Они говорят, что потоки воды, захлестнувшие западное побережье Северной Америки, проникли так далеко в глубь материка, что сформировали Великое Соленое озеро, на котором ныне стоит Солт-Лейк-Сити. Они заметили также, что в ряде мифов Земле угрожают семь горящих солнц. На карте можно видеть, куда именно ударили эти «солнца». По словам Тольманнов, «все это сводит на нет самые убедительные сегодняшние возражения против существования Атлантиды»[38].

Один из осколков кометы упал, как можно видеть на карте, в Южно-Китайское море; позднее мы увидим, что это наблюдение достаточно важно.

Восьмой, не столь сильный удар пришелся на австрийскую долину Отц, где осколок кометы образовал кратер Кофельс. Этот удар датирован примерно 8000 годом до н. э.

Утверждения Тольманнов были подтверждены оксфордским астрофизиком Виктором Клюбом, который суммировал двадцатилетнее изучение кометных ударов в книге «The Cosmic Winter» («Космическая зима»), написанной совместно с Биллом Нэпиром.



Вероятные области ударов семи наибольших осколков кометы, которая столкнулась с Землей около 9545 лет назад и стала причиной великого потопа

С 1950-х годов ученые полагали, что кометы — это не пришелицы из дальнего космоса, а осколки материи, образовавшиеся тогда же, когда наша Солнечная система сконденсировалась из облака бурлящего газа. В 1950 году голландский астроном Ян Хендрик Оорт предположил, что кометы прилетают к нам из облака ледяного газа, расположенного вокруг Солнечной системы.

Оорт считал, что периодически сближающиеся с этим облаком звезды или молекулярные облака выбивают из него кометы, заставляя их падать на Солнце. Такой осколок продолжает двигаться по огромной эллиптической орбите с периодом обращения, например, 77 лет (как у кометы Галлея), пока не распадется. Большинство комет имеют около 12 миль в ширину и, как считается, состоят из очень легкого вещества, часто — из газа. Правда, комета Шумейкера — Леви — это совсем другой случай.

Со временем кометы имеют обыкновение распадаться и превращаются в громадные облака осколков. Когда Земля проходит сквозь такие облака, мы наблюдаем потрясающее явление «падающих звезд». Большая часть их, разумеется, сгорает

в земной атмосфере, но большие осколки могут добираться до земной поверхности, как это случилось с объектом из метеорного потока Тауридов, взорвавшимся над сибирской рекой Тунгуска 30 июня 1908 года и оставившим после себя выжженный в радиусе 18 миль лес. Вероятно, метеоры не образуют кратеров, испаряясь в нескольких милях над землей.

В 1908 году нам повезло. Теперь мы знаем, что удары из космоса изменили историю нашей планеты, положив внезапный и ужасный конец не одной геологической эпохе.

60 миллионов лет назад Земля также столкнулась с гигантской кометой или метеоритом. Объект упал в море Чиксулуб близ побережья Мексики и наполнил атмосферу Земли пылью. На отрезанной от солнечного света планете погибла вся растительная жизнь, а вместе с ней и травоядные динозавры.

Нечто подобное случалось и во времена, опасно близкие к нам. Комета, убившая динозавров, была одной из пяти комет (или астероидов), обусловивших вымирание множества видов растений и животных: на границе триасового и юрского периодов (213 миллионов лет назад), на границе пермского и триасового периодов (248 миллионов лет назад), на границе девонского и каменноугольного периодов (308 миллионов лет назад), а также на границе ордовикского и силурийского периодов (438 миллионов лет назад). Кажется, что каждая геологическая эра в пределах 60 миллионов лет начиналась с кометного удара. Чесапикский залив к юго-востоку от Вашингтона был создан огромным метеоритом 35 миллионов лет назад. Земная кора в отличие от лунной постоянно меняется, поэтому кратеры со временем исчезают.

В своей книге Виктор Клюб и Билл Нэпир доказывают, что кометные потоки выбиваются из облака Оорта каждые 3–5 миллионов лет, когда Земля проходит сквозь молекулярные облака и приближается к спиральной ветви нашей галактики (Млечному Пути). Астрономы утверждают, что Солнечная система вот-вот подвергнется новой бомбардировке. Очевидно, что это утверждение подкрепляет гипотезу Тольманна о гигантском космическом объекте, который стал причиной всепланетного катаклизма в 7600 году до н. э.

Теория Клюба и Нэпира подтверждается и исследованием годичных колец древних деревьев, которое предприняли сотрудники Королевского университета Белфаста в 1997 году. В ходе исследования ученые установили, что в течение девяти лет, с 2354 до 2345 года до н. э., Землю постигло внезапное похолодание. Нэпир считает, что климат изменился ввиду очередного кометного удара. Археологические раскопки на севере

Сирии подарили нам свидетельства катастрофы, в результате которой были уничтожены постройки из сырцового кирпича. С большой долей вероятности это событие произошло после падения в Средиземное море кометы или астероида.

Нэпир указывает на три великие цивилизации, которые пришли в упадок в упомянутый период: Египет, Шумер и царство Хараппа в Индской долине в Индии. Далее он упоминает о том, что в те же годы были разрушены 40 городов по всему миру.

Судя по всему, бомбардировка из космоса на этом не закончилась. Французские ученые нашли на Ближнем Востоке залежи минерала кальцита, который обычно находят только в космических телах. Эти залежи датируются 2200 годом до н. э. Мы можем предположить, что и в этот период Земля встретилась с астероидом или кометой и погрузилась во тьму, что сказалось на урожае.

Если вас смутило великое множество потопов и катастроф, давайте попытаемся чуть упорядочить наше повествование.

Первый великий потоп, отметивший конец ледникового периода, имел место около 12 000 года до н. э. Мы можем смело забыть об этом потопе, поскольку он не оставил ни следа ни в мифологии, ни в литературе, ни даже в народной памяти. Причина его очевидна: таяние льдов и поднятие уровня океана на девять дюймов.

Второй потоп, произошедший около 9500 года до н. э., — это потоп Хэпгуда, уничтоживший Атлантиду. Кажется, это «первый потоп», упоминаемый Критием. Он узнал о нем от своего дяди Солона, который, в свою очередь, услышал о нем от египетских жрецов Саиса.

«Второй потоп», упоминаемый Критием, — это, вернее всего, потоп Тольманна (7545 года до н. э.), вызванный ударом кометы или астероида. «Третий потоп» — это затопление Черного моря, потоп эпоса о Гильгамеше.

Четвертый потоп, как написано в «Критии», — это «Девкалионово бедствие», случившееся в бронзовом веке около 2200 г. до н. э. Можно предположить, что и он был вызван падением небесного тела.

Тут перед нами встает вопрос, который не давал покоя Хэпгуду и побудил его заняться проблемой Атлантиды: что стало причиной потопа, погубившего эту страну?

Вероятный ответ: удар кометы или астероида. Эта гипотеза блестяще и убедительно доказывается в книге «When the Earth Nearly Died: Compelling Evidence of a Cosmic Catastrophe of 9500 BC» («Когда Земля была при смерти: неопровержимые свидетельства космической катастрофы 9500 года до н. э.»),

написанной палеогеографом Д. С. Алланом и антропологом Дж. Б. Делером, куратором Геологического музея при Саутгемптонском университете.

Они доказывают, что день, когда Земля была почти уничтожена, совпадает с днем гибели платоновской Атлантиды. С поразительной скрупулезностью авторы глава за главой (книга столь объемна, что издатель решил сверстать текст в две колонки) представляют на суд читателей геологические и мифологические доказательства того, что около 9500 года до н. э. нашу планету сотряс невиданный катаклизм. Лишь одолев половину этого труда, читатель знакомится с собственной теорией авторов: некий космический объект (либо гигантский метеорит, либо осколок взорвавшейся сверхновой звезды) протаранил Солнечную систему 11 500 лет назад, круша все на своем пути.

Авторы предполагают, что этот объект опрокинул на бок Уран и сбил с орбиты его спутник (тот отлетел в сторону и превратился в самую далекую от Солнца планету Плутон), разбил вдребезги луну Сатурна, а затем уничтожил планету между Юпитером и Марсом, превратив ее в пояс астероидов. Пролетая мимо Земли, объект дополнительно накренил ее ось вращения и стал причиной тех катастроф, о которых писал Чарльз Хэпгуд, в частности, смещения земной коры. Этот «дополнительный крен», который сейчас понемногу исчезает, вполне объясняет явление, названное астрономом Норманом Локьером «колебания наклона эклиптики»: земная ось словно бы качается взад-вперед (ученые спорят о причине этих колебаний и сегодня).

Чрезвычайно увлекательно описывают авторы уничтожение Тиауанако. Аллан и Делер не сомневаются в том, что пласты под этим городом сместились из-за огромного осколка небесного тела (которое авторы называют Фаэтоном). Они доказывают, что в 9500 году до н. э. был опустошен не только Тиауанако, но и Анды внезапно стали существенно выше. Поэтому в Андах очень много каменных стен и сельскохозяйственных террас, расположенных куда выше вечных снегов и созданных явно в доисторические времена.

Опять же, озеро Титикака населяют морские обитатели, а значит, оно располагалось некогда на уровне моря. На горах вблизи озера наблюдается древняя береговая линия с белой полосой отложений известковых водорослей. Геологи считают, что поднятие озера произошло много миллионов лет назад. Аллан и Делер демонстрируют убедительные доказательства того, что озеро поднялось, когда гигантский метеорит столкнулся с Землей в 9600 году до н. э.

Что замечательно, есть легенда, которая связывает Тиауанако с великим потопом. Создатель Земли бог Виракоча жил в Тиауанако; когда люди стали проявлять непокорность, он уничтожил их, наслав великий потоп. Только два человека выжили: мужчина и женщина, укрывшиеся в коробке. Волны потопа вынесли эту коробку в Тиауанако. Затем Виракоча вновь создал людей, наделив каждого собственным языком и песнями.

Мы наблюдаем тут очевидную параллель с библейским потопом, хотя мужчина и женщина больше похожи на Адама и Еву. Однако после всемирного потопа книги Бытия все люди разговаривали на одном языке до тех пор, пока Бог не смешал их языки (чтобы сделать невозможным строительство еще одной Вавилонской башни) и не расселил по земле.

В книге «Когда упало небо» Рэнд и Роуз Флэм-Ат излагают многочисленные легенды о потопе, включая мифы американских и канадских индейцев, и указывают на аналогии между легендами индейского племени хайда с островов Королевы Шарлотты у северо-западного побережья Канады и шумерской историей потопа, не той, что изложена в эпосе о Гильгамеше, а более ранней, обнаруженной в Ниппуре в конце XIX века и повествующей о жреце Зиусудре, которого отождествляют с Ут-напишти[39].

Обе истории начинаются с рассказа о стародавних временах и людях Золотого века, которые не имели забот. Шумеры считали, что их предки жили на острове Диль-мун; хайда говорят, что их праотцы обитали в «самой большой деревне мира». Боги решили уничтожить их. Причины приводятся разные: от греховности человечества до жалоб на то, что люди издавали ужасный шум. В легенде хайда выжившие в огромных каноэ добрались до новой земли и высадились на горе. В шумерском мифе Зиусудра строит ковчег, который в конце концов пристает к вершине горы. Рэнд Флэм-Ат отмечает, что хайда говорят на языке «надене»; так называется целая группа индейских языков, из которых язык хайда — самый древний.

Невероятно, но исследование, проведенное в 1980-х годах американским филологом Мерритом Руленом, показывает, что язык надене может быть связан с шумерским[40]. Если так, вряд ли возможно вообразить более замечательное доказательство существования хэпгудовской всемирной морской цивилизации.

Стоит вспомнить о том, что Хэпгуд начал интересоваться проблемой Атлантиды в 1949 году, когда студент Генри Уоррингтон спросил его об исчезнувшем континенте Му, который, согласно легенде, ушел под воду в одно время с Атлантидой. Хэпгуд велел ему заняться поисками доказательств

существования Му и добавил по размышлении, что сам в то же время займется поисками Атлантиды.

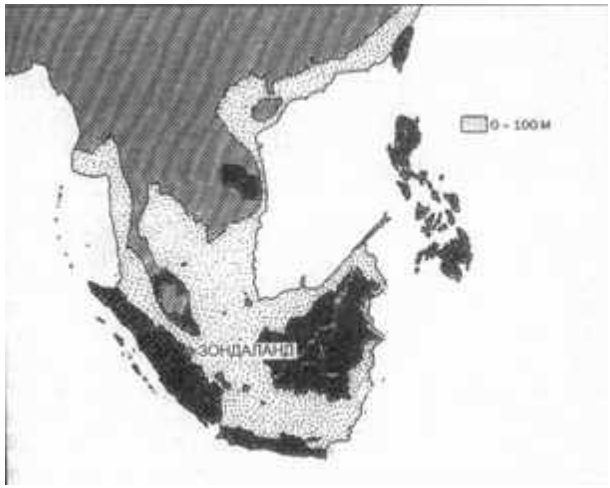
Уоррингтон обнаружил, что существование Му (или Лемурии) подтверждается уважаемыми в академических кругах источниками. В 1850-х годах английский зоолог П.Л. Склэтер подметил удивительное сходство между животными и растениями в столь далеких регионах, как Индия и Австралия, и выдвинул гипотезу о затонувшем континенте, что некогда их соединял. Этот континент, считал он, существовал 55 миллионов лет назад в эпоху эоцена. Склэтер назвал его Лемурией, поскольку пропавший континент соединял области, в которых часто встречались лемуры, примитивный вид обезьян.

В 1880-х годах блестящий, но часто ошибавшийся ученый Огюст Ле Плонжон заявил, что способен расшифровать тексты древних майя в Мексике. Он утверждал, что обнаружил упоминания о континенте под названием Му, сгинувшем в Тихом океане после страшного землетрясения. Последнее обстоятельство заставляет предположить, что речь идет либо о катаклизме, погубившем Атлантиду, либо о кометном ударе Тольманна около 7500 года до н. э.

В замечательной книге «Eden in the East: The Drowned Continent of Southeast Asia» («Эдем на Востоке: затонувший континент Юго-Восточной Азии») профессор Стивен Оппенгеймер доказывает, что шумеры были потомками людей, выживших после великого потопа. Этот потоп затопил побережье Китая и тихоокеанский континент, который располагался в области, названной Оппенгеймером «Зондаланд».

Гипотеза Оппенгеймера во многом напоминает гипотезу Склэтера о континенте-мосте между Индией и Австралией. Склэтер считал, что Лемурия существовала 55 миллионов лет назад в эпоху эоцена. Оппенгеймер полагает, что эта суша окончательно ушла под воду во время великого потопа около 6000 года до н. э.

Оппенгеймер пишет о Хэпгуде, карте Пири Рейса и Грэме Хэнкоке, убежденном в существовании «исчезнувшей первоцивилизации» в Антарктиде. Собственный кандидат Оппенгеймера на первоцивилизацию — континент в Юго-Восточной Азии, который он называет Зондаланд. По его мнению, он не только предвосхитил культуры Шумера и Египта, но и породил их.



Исчезнувшая первоцивилизация Зондаланд (по Стивену Оппенгеймеру)

Оппенгеймер пишет о том, что, согласно книге Бытия, Эдемский сад располагался на востоке. Как написано в Библии, «двинувшись с востока, они нашли в земле Сенна-ар равнину и поселились там»[41]. Земля Сеннаар — это, разумеется, библейское название Шумера, «первоцивилиза-ции».

Оппенгеймер указывает на то, что шумерский язык, как и язык соседей шумерцев, эламитов, не был похож ни на один из семитских языков. (Его заменил вавилонский, или аккадский, язык, на котором написан эпос о Гильгамеше и который куда больше похож на семитские языки.) В некоторых отношениях шумерский язык напоминает финский или венгерский. Происхождение его неизвестно.

К сожалению, Оппенгеймер, кажется, не имел никаких сведений о столь важном событии, как кометный удар 7545 года до н. э., описанный Тольманном. Фантастические масштабы катастрофы, о которой повествует Оппенгеймер, заставляют усомниться в том, что ее причиной стало повсеместное наводнение вследствие таяния льдов. С другой стороны, два осколка кометы Тольманна упали в Индийский океан и в Южно-Китайское море, а еще два рухнули около западного побережья Южной Америки. Этих четырех осколков было достаточно для затопления Зондаланда.

Комета Тольманна куда больше подходит под данное Оппенгеймером описание катастрофы, нежели потоп, создавший Черное море. Как пишет сам Тольманн: «Пятнадцать тысяч лет назад люди Азии достигли сибирских степей, лишенных льда и населенных мамонтами. Им открылись также острова Юго-Восточной Азии, куда можно было попасть по не затонувшему

еще континентальному шельфу. Как доказывают новейшие исследования, люди попали в Австралию между 50 000 и 40 000 годами до н. э., переправившись через Тиморское море на лодках»[42]. Этот регион был опустошен потопом 7545 года до н. э.

Тольманн приобрел китайскую гравюру на дереве с драконом, символом потопа. Гравюра изображает огромную приливную волну и водяной всплеск в характерной форме тюльпана. Тольманн пишет, что сюжет гравюры, ♦вне всякого сомнения, базируется на передававшемся из уст в уста рассказе очевидца падения небесного тела в Южно-Китайское море, подтверждаемого геологическими данными, например, превращением камня в стекло во Вьетнаме. Описать этот удар, о котором ученые заговорили лишь недавно, иными способами было невозможно»[43].

В книге «Эдем на Востоке» Оппенгеймер предполагает, что после потопа беженцы из Зондаланда отправились буквально на все четыре стороны. Одни добрались до Индии, возможно, до Индской долины, куда принесли знания о возделывании риса. Другие отправились на юго-запад Китая, в Бирму и Тибет, одарив эти страны своим искусством. Третьи доплыли до Австралии и востока Микронезии. Оппенгеймер утверждает, что во всех упомянутых регионах прослеживаются генетические и лингвистические следы скитальцев, которые лишились домов вследствие потопа. Согласно Оппенгеймеру, из Индии эти скитальцы двинулись далее в Египет и Шумер, где создали новые цивилизации. Автор книги «Историческая метрология» А.Э. Берриман отмечает, что так называемый «индийский дюйм» превосходит шумерскую меру длины «шуси» ровно в два раза, а древние полинезийцы называли бога солнца именем Ра, как и в Древнем Египте.

Оппенгеймер пишет: «Рассеявшись, разведчики Юго-Восточной Азии оплодотворили неолитические культуры Китая, Индии, Месопотамии, Египта и Крита»[44]. Если коротко, они были подлинными творцами западной культуры.

Оппенгеймер вполне может оказаться прав. Но если Чарльз Хэпгуд тоже прав, значит, всемирная цивилизация существовала и до зондаландской катастрофы. Еще при жизни Хэпгуда постоянно появлялись все новые «весточки» от древних мореплавателей. Одна из наиболее любопытных историй связана с кокаиновыми мумиями.

В сентябре 1976 года мумию Рамзеса II, последнего из великих фараонов Египта, скончавшегося в 1213 году до н. э., доставили в Париж, где она стала центральным экспонатом

выставки в Музее человечества. Большую часть жизни Рамзес воевал с хеттами; возможно, лучшим памятником ему останется большой колонный зал храма в Карна-ке. Когда стало ясно, что мумия фараона со временем портится, ученых попросили ее восстановить. В числе прочих за дело взялась доктор Мишель Леско из Национального музея естественной истории.

Леско изучила фрагмент пелены мумии под электронным микроскопом. К ее изумлению, в ткани обнаружились кусочки листьев табака, что казалось абсурдным: табак впервые был завезен в Европу из Южной Америки во времена Христофора Колумба.

Когда Леско объявила о своей находке, ученый мир заштормило. Египтологи принялись доказывать, что табак наверняка попал на пелену из трубки какого-нибудь современного исследователя, который курил в процессе изучения мумии. Тогда Леско взяла образцы тканей мумии — и вновь обнаружила следы табака. При этом другие эксперты отказывались признавать находку за табак. Они говорили, что Леско приняла за него другое растение, возможно, черную белену, которая также принадлежит к семейству пасленовых. Леско знала, что права, но решила не вступать в споры.

Прошло 15 лет. В 1992 году немецкие ученые из Мюнхенского музея проводили исследование веществ, которые использовались древними египтянами для мумификации. Исследователи желали знать, не было ли среди этих веществ наркотиков, и обратились к судмедэксперту, которого полиция часто привлекала к расследованию дел о подозрительных смертях. Этим судмедэкспертом стала доктор Светлана Балабанова из Института судебной медицины в Ульме.

Доктора Балабанову не просили изучить мумию какого-нибудь великого фараона. В ее распоряжение предоставили останки простой жрицы Хенут-Тауи, скончавшейся около 1000 года до н. э. в Фивах. В XIX веке гробница Тауи была разграблена, а мумию продали баварскому королю Людвигу I, который обожал искусство и передал мумию в Мюнхенский музей.

Доктор Балабанова исследовала мумию при помощи реакции на антитела. Она также проанализировала молекулярные массы некоторых веществ из тканей жрицы и занесла данные в таблицу. Оба теста выявили в мумии никотин и кокаин, которые использовались в качестве бальзамирующих средств.

Полученные Балабановой результаты потрясали куда больше находок Леско. Если Балабанова не ошиблась, значит, древние египтяне контактировали с индейцами не только восточного, но и западного побережья обеих Америк. Жители древнего Перу так же

мумифицировали своих покойников.

Родина кокаина — Анды. Когда усталый путник добирается до гостиницы в Ла-Пасе или Куско, ему подают чашку чая из листьев коки, которая мгновенно унимает вызванное большой высотой головокружение. Открытие Балабановой указывает на то, что египтяне знали о консервирующих свойствах кокаина 3000 лет назад.

После обнародования результатов проведенного Балабановой исследования научный мир охватило небывалое смятение. Балабанова получала письма с угрозами и оскорблениями, ее обвиняли в том, что она все выдумала. В ответ судмедэксперт опубликовала все свои расчеты. Светила археологии отступили и заняли оборонительную позицию, заявив, что мумию начинили кокаином лишь недавно. Балабанова сказала, что как судмедэксперт отмела эту версию сразу же. Ученые предположили, что мумия жрицы — поддельная, что это фальшивка, состряпанная арабскими мошенниками. Дополнительные исследования, в том числе радиоуглеродный анализ, показали, что это не так.

Встревоженное шумихой музейное начальство было вынуждено оставить работу судмедэксперта без внимания. Однако Балабанова продолжала исследовать мумии и регулярно обнаруживать в них табак и кокаин. Скептики настаивали на том, что речь идет о каком-то европейском, давно исчезнувшем виде табака. Объяснить наличие в мумиях кокаина они не могли.

Кто-то вспомнил о римских кувшинах, найденных в 1975 году в бразильском заливе, известном как залив Кувшинов (поскольку там то и дело находят древнюю посуду). Вероятнее всего, это были кувшины с затопленной римской галеры. Поскольку римские историки ни словом не обмолвились о трансатлантических путешествиях, мы можем предположить, что галера попала в шторм и пересекла Атлантику благодаря тем же западным течениям, которые в 1969 году помогли переплыть океан кораблю Тура Хейердала «Ра». Однако в случае с мумиями огромное количество кокаина в останках опровергало любое подобное объяснение.

Как известно, египтологи не нашли в Древнем Египте ни следа табака или кокаина, и мы можем заключить, что эти вещества не входили в число обычных товаров. Должно быть, наркотики доставлялись в Египет с большими трудностями и использовались для мумификации царей и цариц, дабы гарантировать им бессмертие. При этом мы неизбежно приходим к выводу о том, что египетские жрецы знали об огромном континенте, от которого их отделяли 3000 миль океана, и

понимали, что добраться до него можно при помощи морских течений. Вряд ли египетские путешественники миновали прерию и горы, чтобы достичь Перу, потому мы обязаны предположить, что египтяне огибали мыс Доброй Надежды (если не плыли через Тихий океан). Опять же трудно представить себе более замечательное доказательство гипотезы Хэпгуда о древней морской цивилизации.

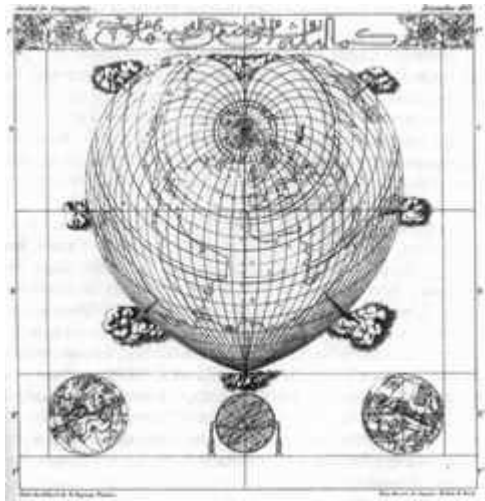
Прямое отношение к этой проблеме имеет карта Хаджи Ахмада из книги Хэпгуда «Карты древних морских царей».

Взглянув на эту карту, изготовленную в Османской империи в 1559 году, мы заметим, что Европа очерчена на ней не слишком точно. Например, Средиземное море имеет абсолютно неправильную форму, кроме того, неясно, что за водный бассейн располагается на юге — Красное море или Персидский залив. Согласно Хэпгуду, берег Африки куда точнее изображен на карте Пири Рейса, изготовленной полувеком ранее.

С другой стороны, Северная Америка изображена столь подробно, что можно запросто принять карту Хаджи Ахмада за современную. Невероятно, но эта карта была нарисована всего через 67 лет после того, как Колумб открыл Новый Свет. Как картографу удалось собрать столь точные сведения о континенте, который оставался для Европы по большей части неизведанным? Как, кроме прочего, ему удалось изобразить с великой точностью тихоокеанское побережье Америки? Писарро и его конкистадоры высадились на берег Перу лишь в 1532 году, за 27 лет до появления карты. Прошло слишком мало времени для того, чтобы европейцы исследовали Америку более или менее тщательно.

Объяснение может быть только одно: европейская часть карты наверняка срисовывалась со старых и неточных карт (вероятнее всего, с карты Птолемея), в то время как обе Америки изображались по древнему портолану, который был нарисован человеком, лично плававшим вдоль их берегов.

Может быть, то был житель Древнего Египта, отправившийся к американским берегам за кокаином и табаком. Но имеется довод в пользу того, что изготовитель карты жил куда раньше фараона Рамзеса.



Карта Хаджи Ахмада

Ибо на карте Хаджи Ахмада есть еще одна странная деталь. Взглянув на Северный полюс, мы заметим, что Азия и Аляска тут соединены. Следует признать, что на карте нет Берингии, земли, что некогда существовала на месте Берингова пролива и ушла под воду в конце последнего ледникового периода. Однако если бы два континента были разделены водой, как сегодня, это обстоятельство можно было бы легко отметить линией между ними. Но нет — они попросту соединены словно бы мостом шириной в тысячу миль.

Хэпгуд приводит слова оксфордского ученого Дерека С Аллена, заметившего, что остров Новая Земля изображен соединенным с берегом Сибири, а область современных Новосибирских островов отмечена как суша.

Другими словами, картограф изобразил мир таким, каким он был примерно 14 тысяч лет назад.

Но кто мог создавать карты 14 тысяч лет назад?

Возможный ответ: много кто. Начиная с пращуров «атлантов» и заканчивая зондаландцами, древними австралийцами и строителями Тиауанако, который Познански датирует 15 000 годом до н. э., когда этот город располагался на уровне моря.

На главный вопрос, однако, ответа по-прежнему нет: как случилось, что наши предки превратились в «морских царей»? Задействовав воображение, мы легко вообразим себя в конце ледникового периода на месте кроманьонцев, которые понимают, что лед тает, лето год от года становится теплее, звери — многочисленнее, а рыбаки отплывают все дальше и дальше от берега. Но кто стал первым Колумбом, пересекшим Атлантику, и первым Васко де Бальбоа, открывшим Тихий океан?

И что заставило их отважиться на столь трудное

предприятие?

На эти вопросы ответил (почти случайно) молодой костариканский профессор Ивар Запп. Начал он с того, что захотел разгадать одну из величайших загадок мира загадку каменных шаров Коста-Рики.

Эти шары были открыты в начале 1930-х годов, когда «Юнайтед Фрут Компани» начала уничтожать джунгли на юго-западе Коста-Рики, государства в Центральной Америке, чтобы освободить место под банановую плантацию в регионе Дельты Дикиса. Рабочие, которые рубили и сжигали деревья, натыкались на огромные каменные полушария, словно выглядывающие из земли. Когда рабочие попробовали выкопать один такой артефакт, оказалось, что это гигантский шар из гранита. Самые маленькие шары были размером с теннисный мячик, самые большие достигали девяти футов в диаметре.

Было очевидно, что некогда шары являли собой часть различных святилищ. Их помещали на вершинах курганов, ими окружали стелы и статуи. Поражает мастерство создателей шаров: большинство артефактов являют собой геометрически точные шары с поверхностью гладкой, как бумага.

Гигантские каменные шары обладают забавным свойством: интерес к ним быстро сходит на нет. Богачи из Сан-Хосе и Лимона, самых больших городов Коста-Рики, поставили их на свои лужайки, выяснив в процессе транспортировки шаров, что самые большие из них весят 20 тонн. Археологи осмотрели их, покачали головами и решили, что шары олицетворяли собой то ли солнце, то ли луну, то ли то и другое сразу, после чего артефакты оставили в покое.

Прошло около десяти лет. Взяв короткий отпуск, американский археолог Сэмюэль К Лотроп поехал с очаровательной супругой в Дикие и увидел один из шаров на лужайке в Пальмар-Сур. Ему сказали, что в джунглях найдены сотни таких предметов и что никто не знает, что это такое. Ради такой загадки стоило напрячь извилины. Лотроп располагал свободным временем (он не мог вернуться на раскопки комплекса керамики индейцев чортега из-за бандитов) и решил посвятить его решению интригующей загадки.

Он продвинулся недалеко — из гладкого каменного шара много информации не вытянешь. Тем не менее, осмотрев несколько шаров, которые были оставлены на месте, Лотроп заметил, что чаще всего шары лежат по три и словно обозначают вершины треугольника. Иногда шары выстраиваются в ряды, причем число шаров в ряду доходит до 45. Треугольники обычно неправильные и составлены шарами разных размеров.

Лотроп предположил, что шары использовались с некой целью, зашифрованной в их расположении. Но что это за цель, он понять не мог, как ни пытался. Написав научную статью о каменных шарах и опубликовав ее при содействии гарвардского Института Пибоди, Лотроп вернулся к менее странным загадкам. Другие археологи к каменным шарам не подступались: казалось, Лотроп навсегда закрыл эту тему своей статьей.

Прошло еще 30 лет, и о каменных шарах почти забыли. Но в 1981 году молодой профессор архитектуры Университета Коста-Рики Ивар Запп понял, как решить проблему шаров. Решение пришло к нему, когда он читал труд Джона Мичелла, английского ученого, имя которого обычно связывают с лей-линиями — длинными прямыми тропинками, которые бегут, подобно каналам, по английской сельской местности. Запп вспомнил о длинных прямых линиях каменных шаров в Дельте Дикиса и начал размышлять…

Прежде чем мы последуем за мыслью Заппа, необходимо пояснить, что именно он знал о Джоне Мичелле и лей-линиях.

Эти линии были открыты в 1921 году английским бизнесменом Альфредом Уоткинсом. Однажды Уоткинс ехал верхом по холмам близ Бредуордина (Херефордшир) и заметил древние тропки, прямые, словно они следовали полету стрелы, тянущиеся миля за милей, временами бегущие по вершине холма. Вдруг Уоткинса осенило: в Англии, должно быть, пересекаются сотни таких «старых прямых тропинок». Он назвал их «лей»[{2}] и пришел к выводу, что это древние торговые пути, оставленные людьми, некогда населявшими Британию.

В середине 1960-х годов проблемой лей-линий занялся Джон Мичелл, которого занимала тайна летающих тарелок. Мичелл отметил любопытный факт: многие очевидцы наблюдали летающие тарелки у лей-линий, которые, разумеется, куда легче разглядеть с воздуха, чем с земли, особенно у пересечений нескольких таких линий.

Выяснив, что китайцы называют аналогичные линии «лун мэй» — «тропы дракона» и что эти линии призваны направлять «магические энергии неба и земли», Мичелл предположил, что лей-линии могут отмечать потоки «энергии земли». Он выяснил также, что, к примеру, лозоискатели способны находить лей-линии, полагаясь на поведение рамок или маятников. Мичел заметил, что лей-линии часто проходят через святые места — курганы, старые церкви и древние монументы вроде Стоунхенджа.

Ивар Запп понимал, что каменные шары Дельты Дикиса ставят те же вопросы, что и мегалиты Стоунхенджа (или, если

угодно, огромные блоки пирамиды Хеопса). Как были изготовлены эти произведения искусства? Как они доставлялись на место? Шары находили даже высоко в горах вдоль побережья. Вряд ли их мог затащить туда большой отряд мужчин — это слишком сложно и опасно.

Ивар Запп и его студенты отправились в Дельту Дикиса с целью разгадать эту загадку. Студенты зашли в тупик, но Запп ощутил, что близок к ответу. Он видел схемы Лотропа, на которых тот изобразил расположение шаров до того, как многие из них были перевезены в музеи и на лужайки. Запп отметил две группы шаров, располагавшиеся словно бы по обе стороны от некой прямой линии. И эта прямая указывала в точности на Северный магнитный полюс.

Запп спросил себя: может быть, другие стороны треугольников тоже на что-нибудь указывают?

Он проверил эту теорию на карте, продолжая линии при помощи линейки, но не получил никакого разумного результата. Линии, казалось, не указывали ни на что особенное. Нужно помнить, однако, что карта — не более чем плоская проекция изогнутой земной поверхности.

Запп сделал вторую попытку, на этот раз воспользовавшись глобусом и рулеткой, и понял, что был абсолютно прав. Одна из линий, в которую выстроились каменные шары в Пальмар-Сур, указывала прямо на Кокосовый остров, продолжалась через Галапагосские острова и доходила до острова Пасхи. Запп вспомнил о том, что на этом острове находили точно такие же шары, правда, меньшего размера, нежели гигантские шары Коста-Рики.

Однако, присмотревшись к «визирной линии» от Пальмар-Сур до острова Пасхи, Запп осознал, что поспешил с выводами. На деле линия разминулась с островом на 42 мили. Тут Заппу пришла мысль, которая его успокоила. Он вспомнил, что полинезийские мореплаватели могут «увидеть» остров за 70 миль от берега, наблюдая за облаками и волнами, поведение которых вблизи суши меняется. Мореплаватели замечают также островных птиц, таких, как крачка и глупыш. Таким образом, нельзя сказать, что визирная линия длиной в 7000 миль, минующая два других острова и проходящая всего в 42 милях от острова Пасхи, проходит мимо цели.

Сомнения Заппа рассеялись, когда он приступил к изучению других визирных линий. Вторая сторона того же треугольника, продолженная до Атлантического океана и далее, вела прямиком к Гибралтарскому проливу. Линия от еще одной группы камней вела к пирамиде Хеопса. Еще одна не просто указывала на южную

Англию, но проходила точно через Стоунхендж. Это не могло быть совпадением.

Итак, Ивар Запп, судя по всему, обнаружил, какой цели служили каменные шары Коста-Рики. Они были навигационными приборами. Вот почему некоторые шары выстроены рядами на равнине, а некоторые расположены в горах и видны с моря. Стало ясно также, почему каменные шары находили на острове Кано у южного побережья Коста-Рики в Тихом океане.

Лотроп, кроме прочего, заметил, что шары часто обнаруживали рядом с индейскими кладбищами. Отсюда появилась гипотеза о том, что шары были своего рода надгробиями. Но если на деле они служили указателями, неудивительно, что их помещали поблизости от кладбищ: мореплаватели надеялись, что путь им укажут души мертвых навигаторов.

Вопрос о том, кто, где и как вырезал гранитные шары, остается открытым. Археологические находки в Дельте Дикиса датируются и 12 000 годом до н. э., и 500 годом н. э. Ряд археологов (согласно сайту о Коста-Рике) считают, что каменные шары были изготовлены сравнительно недавно, в период между 300–200 годами до н. э. и 500 годом н. э. Но археологи часто бывают чрезвычайно консервативны — это лучший способ избежать порицания со стороны коллег.

Чрезмерная предосторожность в датировке находки — способ доказать, что ты являешься здравомыслящим и уважаемым членом академического сообщества и не тяготеешь к необдуманным выводам. Такая датировка, однако, может быть ошибочна. Запп вспомнил о том, как в 1920-е годы специалист по Месоамерике археолог Мэтью В. Стерлинг нашел в мексиканском районе Трес-Сапотес огромную голову негроида, вырезанную из базальта. Он предположил, что голова относится к ольмекской культуре и датируется 600 годом до н. э. Эта гипотеза была встречена насмешками ученых коллег Стерлинга. Как выяснилось позднее, археолог был излишне консервативен: ныне сапотекская культура датируется 1200 годом до н. э.

Запп был знаком с работами Хэпгуда и понимал, что установившие каменные шары мореплаватели вполне могут оказаться хэпгудовскими «древними морскими царями». Вскоре это предположение подтвердилось. Студент Гумберто Карро заметил, что в истории Синдбада Морехода из «Тысячи и одной ночи» описывается рулевой механизм под названием «камаль». Он состоит из привязанной к центру дощечки длинной бечевки с завязанными на ней узелками. Узелки обозначают широты различных портов. Арабский навигатор зажимал в зубах один из

узелков и направлял конец бечевки на Полярную звезду, определяя тем самым местоположение корабля.

Запп уже видел такую бечевку с узелками у маленькой статуэтки, найденной Лотропом у группы каменных шаров. Статуэтка держала концы бечевки в руках, а ее центр — в зубах, придав ей форму буквы V. Запп знал, что подобные изображения находили в странах по всему миру, они встречались и на керамике из доинкских погребений в Перу, и в Индской долине в Индии.

Культура Коста-Рики — это, конечно, культура навигаторов: страна расположена на узкой перемычке между американскими материками и омывается с двух сторон необъятными океанами. Гумберто Карро нашел еще один любопытный довод в пользу теории Заппа. Он обнаружил статью Тура Хейердала, в которой объяснялось, как плыть на бальсовом плоту против ветра и течения.

За тысячи лет до изобретения киля перуанцы устанавливали на плоты шверт, выдвижной киль, позволявший менять галс. Писарро столкнулся с целой флотилией подобных плотов у берега Перу: огромные бальсовые плоты плыли к нему против ветра и течения.

Писарро узнал о том, что на таких плотах индейцы плавали вдоль всего побережья Южной Америки. Хейер-дал использовал бальсовый плот, названный «Кон-Тики» (это одно из имен бога Кецалькоатля), чтобы доказать, что древние мореходы могли пересечь Тихий океан. Позднее он повторил свой эксперимент в Атлантике, отплыв из Египта и добравшись до Америки.

Когда в 1502 году Христофор Колумб пересек Атлантический океан в четвертый раз и достиг берега Коста-Рики, индейцы приняли его весьма радушно и привели к могиле некоего знаменитого человека, которую украшал нос корабля.

Очевидно, костариканцы знакомили великих мореходов из Испании с одним из собственных прославленных навигаторов. Каменные «лапидас», погребальные плиты, на которых покоился умерший, выглядели как шверты перуанских бальсовых плотов, другие покойники (вероятнее всего, вожди и жрецы) лежали на таких же конструкциях.

Причина понятна: вожди помещались на каменных копиях предметов, игравших в их жизни очень важную роль.

Разве могли первобытные навигаторы плавать на столь огромные расстояния? Хейердал доказал, что такие путешествия возможны. Но знали ли мореходы Коста-Рики, скажем, в 5000 году до н. э. о существовании острова Пасхи? И даже если знали, разве отважились бы они отправиться на плоте из бальсы по

волнам безбрежного, пустынного Тихого океана?

Запп наткнулся на книгу, в которой имелся ответ на этот вопрос. Это книга Дэвида Льюиса «We, Navigators» («Мы, навигаторы»), изданная в 1972 году. В ней Льюис повествует о путешествии жителей островов по Тихому океану на плоту без современного навигационного оборудования. Островитяне одолели 13 тысяч морских миль, будучи вооружены исключительно знаниями, полученными от пращуров, и достигли всех пунктов назначения.

Запп и его соавтор Джордж Эриксон в подробностях описали то, чего недоставало теории Хэпгуда, и объяснили, как древние мореходы путешествовали по семи морям от Китая до Северной Америки.

Доводы Заппа лишний раз подтвердили гипотезу Хэпгуда о всемирной морской цивилизации.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ЗАГАДКА ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ

Однажды в Париже Морису Шатлену довелось обедать в компании специалиста по племени майя. После этого изучавший «ниневийское число» сотрудник НАСА решил узнать больше об индейском племени, появившемся в Мексике около 300 года до н. э. и исчезнувшем около 900 года н. э.

История майя представляет собой парадокс. Они так и не изобрели колесо, однако их календарь и познания в области астрономии заставляют предположить, что майя были сверхинтеллектуалами. Шатлена больше всего впечатлило то, что у майя имелся свой вариант пятнадцатизначного «ниневийского числа».

Как и в случае с «ниневийским числом», археологи наткнулись в храмах майя на вырезанные в камне большие числа. Два таких числа были записаны в наиболее священном из храмов майя в Кириге (Гватемала).

В те времена, когда эти числа были обнаружены, европейцы считали, что мир был сотворен в 4004 году до н. э. — эту дату архиепископ Джеймс Ашер получил, сложив все даты в Библии. Потому ученые не обращали внимания на очень большие числа. Когда Шатлен увидел два числа майя (34 миллиарда и 147 миллиардов), он был заинтригован.

Шатлен предположил, что эти числа означают дни, поскольку майя вели отсчет времени по дням. Первое число превращалось в 93 миллиона лет, второе — примерно в 403 миллиона лет. Вскоре Шатлен понял, что первое число больше «ниневийского» в 15 раз, а второе — в 65 раз. Что означало, разумеется, что майя были знакомы с прецессией равноденствий.

Что это было за удивительное племя?

Майя открыл испанский монах Рамон де Ордоньес, живший в городе Сьюдад-Реаль в районе Чьяпас на юге Мексики. В 1773 году Ордоньесу сообщили о затерянном в джунглях городе в 70 милях от Сьюдад-Реаля. Посреди джунглей он обнаружил невероятные руины, включая сооружение в форме пирамиды. Позже это место назвали Паленке. Ордоньес прозвал его «городом змей», поскольку ему рассказывали о встречавшихся здесь изображениях змей, вырезанных в камне.

Информацию об основателе города, Вотане, Ордоньес нашел в книге майя, написанной на языке майя-киче. Эта книга была найдена около 1690 года в храме майя, и епископ Нуньес де Вега

скоро ее сжег. К счастью, перед этим он скопировал часть книги, а брат Ордоньес смог ее прочесть.

Вотан был высоким бородатым мужчиной, прибывшим в Новый Свет много веков назад. Он происходил из ближневосточного города под названием Валум Чивим. Согласно манускрипту, во время одного из четырех путешествий на родину Вотан посетил город, жители которого пытались построить башню до неба. Если речь идет о Вавилонской башне, значит, этот город — Вавилон, а действие происходит около 2500 года до н. э.

Отсылка к Вавилону могла бы объяснить, как индейцы майя, властителем и наставником которых стал Вотан, узнали о «ниневийском числе». Майя почитали Вотана как бога. Его символом был змей. Его называли и другими именами: Виракоча, Кон-Тики, Кецалькоатль («пернатый змей»).

В «затопленном храме» перед Каласасаей в Тиауанако стоит статуя высокого бородатого европейца, который, как считается, и есть великий наставник Виракоча. Он определенно был европейцем, поскольку индейцы не в состоянии отрастить большую бороду. Если эта статуя в самом деле изображает Виракочу, а город Тиауанако был основан до 10 000 года до н. э., значит, Вотан прибыл в Новый Свет задолго до строительства Вавилона. Еще одна легенда повествует о белом боге, который прибыл с востока после ужасного природного бедствия, и мы вправе предположить, что он был атлантом, пережившим потоп.

Разумеется, все это можно отвергнуть как домысел. Но один факт неоспорим: у майя имелся свой вариант «ниневийского числа», числа прецессии.

В 1841 году вести о культуре майя достигли цивилизации благодаря молодому американскому адвокату Джону Ллойду Стивенсу, который решил отправиться в Мексику, чтобы увидеть знаменитые руины собственными глазами. Стивене славился как путешественник по Ближнему Востоку, а книга «Incidents of Travel in South America» («Эпизоды странствий по Южной Америке») в одночасье сделала его знаменитым. По рисункам городов в джунглях, сделанных другом Стивенса, Джеймсом Кэтервудом, мир знакомился с архитектурой племени майя.

Эти обитавшие на территории Мексики индейцы, создатели самого точного календаря в мире (он был точнее даже римского юлианского календаря с его 365 днями в году), полагали, что год длится 365,242 дня. Поразительная точность! Как древним майя, так называемым классическим майя, которые строили города в джунглях и покинули их по неясным причинам около 890 года н. э., удалось создать столь точный календарь? Сегодня мы знаем, что длина года, измеряемая цезиевыми часами, составляет

365,2422 дня, что отличается от года майя всего на две десятитысячных.

Более того, майя изобрели символ для нуля, заложив тем самым фундамент математики. Ни у греков, ни у римлян нуля не было. Этот факт может показаться малозначительным, но без десятичной системы счисления невозможно записывать числа столбиком так, чтобы каждый следующий разряд был в десять раз больше предыдущего. Когда римлянам нужно было записать число 1944, они вынуждены были писать MCMXLIV.

Астрономия майя повергает в трепет. Она столь сложна и точна, что, если бы с ней случайно познакомился какой-нибудь ученый-марсианин, он решил бы, что майя — величайшие ученые на Земле.

Мы вычисляем длину года по Солнцу, так же поступали и майя. Но они, кроме того, рассчитывали длину года по Венере, а также по циклам Юпитера и Сатурна. Что до земного года, майя решили проблему, перед которой пасовали египтяне, греки и даже римляне, создав три различных календаря: солнечный календарь из 360 дней, к которым добавляли еще пять дополнительных дней (хотя, как было указано ранее, им была известна точная длина солнечного года), лунный календарь из 354 дней, а также специальный «священный» календарь из 260 дней под названием «цолькин», по которому проводились магические обряды и ритуалы. Цолькин делился на 13 месяцев по 20 дней в каждом.

Время измерялось по трем календарям сразу. Поскольку по цолькину второй год начинался, когда первый, обычный год едва подходил к концу, майя придумали «век», или глобальный цикл, в котором все три календарных цикла совмещались один с другим. Он длился 52 года. «Венерианский год» (584 дня) совмещался с каждыми двумя веками майя (104 года).

Существовал еще календарь, называемый «Длинный Счет», он использовался для измерения больших промежутков времени. Единицей измерения был период времени, равный 20 дням. 360 дней составляли тун. 20 тунов равнялись катуну, а 20 катунов (144 тысячи дней) бактуну. 13 бактунов составляли один Великий Цикл, или «земной век», в конце которого мир будет уничтожен и воссоздан заново. Нынешний земной цикл начался в 3114 году до н. э. и закончится в декабре 2012 года н. э.

Майя знали и о существовании Урана и Нептуна, между тем в Европе эти планеты были открыты только в середине XIX века. Роберт Темпл склонен полагать, что у майя имелись своего рода телескопы[45]. (То же относится к шумерам, которые представляли Сатурн как планету с кольцом, хотя

невооруженным глазом это кольцо не увидишь.)

Странно, но при всем том майя невозможно назвать развитой цивилизацией. Профессор Эрик Дж. Томпсон, ведущий эксперт по майя XX века, указывает на то, что майя, обладавшие выдающимися познаниями в области астрономии, так и не смогли изобрести ни колесо, ни арочный свод и не умели даже взвесить мешок зерна. Более того, как отмечают многие ученые, майя попросту не развивались. Их поздние искусство и архитектура практически неотличимы от ранних.

Сами майя утверждали, что получили знания от Вотана, прибывшего в Америку после ужасной катастрофы.

Что случилось с Вотаном, он же Виракоча, Кукулькан, Кецалькоатль и Кон-Тики? Согласно легенде, он был выдворен из государства майя в результате интриг и уплыл на плоту на запад, пообещав однажды вернуться и даже уточнив, где именно высадится. В 1519 году по невероятному совпадению испанец Фернандо Кортес с маленьким отрядом солдат высадился именно на берегу Вера-Крус. Ацтеки, наследники майя, решили, что к «им прибыл бог-наставник, покорились ему и были уничтожены.

Это потрясающее, почти невероятное совпадение позволяет нам понять, почему индейцы Центральной Америки были помешаны на звездах. Они ничуть не сомневались в том, что небеса предсказывают будущее.

Была и еще одна причина: необъяснимый страх. Индейцы страшились того, что однажды проснутся во тьме, ибо солнце не появится над горизонтом. Затем поднимется ветер, зарядит ливень, и на землю придет великий потоп, как это случалось уже не раз. Они боялись, что «небо упадет», и сосредоточились на календаре, ибо календарь отсчитывал время для религиозных ритуалов, в ходе которых жрецы умиротворяли богов.

Майя подкупали богов человеческими жертвоприношениями. Жертву помещали на каменную плиту, жрец делал на ее груди надрез кремневым ножом. Он погружал руку между ребрами, вырывал бьющееся сердце и поднимал его над головой.

Вот почему вторгшиеся в Мексику (а позднее и в Перу) испанцы пытали и убивали суеверных дикарей без угрызений совести. Они считали, что люди, привыкшие вырывать сердце из груди живого человека, заслужили подобное обращение.

О том, насколько кроваво и жестоко испанцы расправлялись с индейцами, можно прочесть в «History of the Conquest of Mexico» («История завоевания Мексики») Уильяма Г. Прескотта. Читать эту книгу без содрогания невозможно. Мы жалеем ацтеков, пришедших на смену майя, пока нам не рассказывают о том, как их восьмой император Ауитсотль приказал принести в жертву 80

тысяч пленников, дабы освятить новый храм. Кровь текла по водосточным желобам рекой. Хладнокровные убийства военнопленных длились четыре дня. Затем жрецы содрали с тел кожу и намазались жиром убитых, после чего оделись в их кожу словно в водолазные костюмы. Палачи и их семьи устроили каннибальский пир. Нелепо утверждать, будто этот ритуал был проведен из благочестия и набожности: любой криминалист скажет вам, что к садистским убийствам привыкают, как к наркотику.

В книге «The Mayan Factor» («Фактор майя») Хозе Аргуэльес доказывает, что это описание не относится к майя, при этом он допускает, что рассказ о кровавом жертвоприношении может быть всего лишь гиперболой. Однако, добавляет он, защищая майя, «куда более важно… то, что защита собственной территории и военные походы были необходимы, чтобы следить за циклами Земли посредством уникальной математической системы»[46].

Проблема заключается в том, что майя не сами открыли земные циклы. Индейцам поведал о них мудрый наставник, и ставить это открытие в заслугу майя нельзя. Когда ведущий специалист по майя Сильванус Гризуолд Мор-ли называет их «самыми толковыми туземцами Земли», он фактически хвалит майя за знания, которые они зазубрили[47]. Индейцы хранили эти знания, опасаясь конца света.

Очевидно, что неспособность майя изобрести колесо — куда лучшее мерило их интеллектуальных способностей. Нужно быть тупицей, чтобы жить в городе с длинными улицами и широкими площадями и не придумать запряженную волами повозку.

От кого майя переняли астрономические знания? Не исключено, что от ольмеков. Их культуру, которая процветала в Мексике, по всей вероятности, уже в 2000 году до н. э., открыли сравнительно поздно. В 1884 году археолог Альфредо Чаверо нашел гигантские каменные головы в болотистой местности к югу от города Веракрус близ Мексиканского залива. В начале 1930-х годов Мэтью В. Стерлинг обнаружил склад голов в Ла-Венте на лесистом холме посреди болота. За деревьями скрывалось сооружение в форме конуса высотой почти в 100 футов. Стерлинг обнаружил в нем огромные алтари и каменные головы. Бросались в глаза ярко выраженные негроидные лица голов, их толстые, чувственные губы. Позже археологи предположили, что это скульптурные изображения африканских рабов. Однако каменные лица слишком выразительны, чтобы принадлежать рабам. Кроме того, кому нужна 60-тонная голова раба? Куда более правдоподобной выглядит версия, по которой головы изображали богов или видных людей.

В конце концов Ла-Венту стали считать городом ольмеков, неизвестного прежде индейского народа Мексики, жившего тут около 1200 года до н. э. Ольмеки также почитали Кукулькана, пернатого змея, иначе говоря, именно он был наставником их пращуров. Одним из их главных божеств был ягуар-оборотень. Белая пирамида служила обсерваторией, которую несколько раз перестраивали, что доказывает, что ольмекским астрономам были знакомы небесные явления, связанные с прецессией.

Мы можем быть почти уверены в том, что именно ольмеки передали майя знание о прецессии равноденствий и календарь. Нам известно, что ольмеки, как и майя, и ацтеки, практиковали человеческие жертвоприношения, из чего можно сделать вывод, что они равно испытывали страх перед великой катастрофой. В том числе поэтому они следили за точностью календаря.

Одно из наиболее замечательных объяснений феномену майя дал блестящий инженер Морис Котрелл. Служа в торговом флоте, Котрелл изумлялся тому, что другие моряки часто вели себя именно так, как предписывал им их знак зодиака. Вероятно, многие люди, хоть чуточку знакомые с астрологией, имели возможность убедиться в том, что Тельцы часто упрямятся, Близнецы переменчивы, Львы стремятся доминировать, Весы обаятельны и так далее.

Научные исследования доказывают, что подобные взаимосвязи нельзя отвергать как порожденные суевериями.

В 1946 году радиоинженер Джон Нельсон исследовал влияние Солнца на радиопомехи и обнаружил в итоге удивительный факт: на радиосигналы влияет также положение планет. Когда две или более планеты расположены под углом 120˚, сигнал проходит без помех, и, напротив, углы 90˚ и 180˚ — проблемные. Астрологи всегда считали, что тригоны (120˚) благоприятны, а квадратуры (90˚) и оппозиции (180˚), напротив, неблагоприятны.

В 1950 году статистик Мишель Гоклен проанализировал астрологические характеристики огромного количества людей и пришел к выводу, что многие утверждения астрологов — чушь, но некоторые все же подтверждаются фактами. Так, астрология утверждает, что люди, родившиеся в нечетные месяцы (Овен, Близнецы, Лев и т. д.), — экстраверты, а родившиеся в четные месяцы, — интроверты и что выбор профессии диктуется восходящим знаком (созвездие, поднимающееся на горизонте в момент рождения человека). Гоклен обнаружил, что первое утверждение статистически корректно, а второе имеет под собой фактологическую базу: спортсмены часто рождаются под Марсом, актеры — под Юпитером, ученые и медики — под Сатурном.

Психолог Х.Ю. Айзенк, бихевиорист и бескомпромиссный материалист, решил проверить результаты Гоклена и был изумлен, обнаружив, что они подтверждаются. Совместно с Д.К.Б. Ниасом он написал книгу «Astrology: Science or Superstition?» («Астрология: наука или суеверие?»), в которой признает свое поражение.

Почему люди, рожденные под разными знаками зодиака, обладают разными характерами? Может быть, из месяца в месяц меняется какой-то космический фактор? Вряд ли тут можно ссылаться на звезды. Они расположены слишком далеко, чтобы хоть как-то на нас влиять. На деле звезды — всего только значки на циферблате; грубо говоря, они помогают ответить на вопрос «который час?».

Планеты к Земле куда ближе, но их гравитационное воздействие на нас минимально. Для Котрелла очевидный виновник — это Солнце, бушующий сгусток энергии, извергающий во все стороны космический аналог ураганного ветра. (Вот почему хвосты комет направлены в сторону от Солнца.) Пятна на Солнце, темные участки, часто наблюдаемые близ солнечного экватора, излучают потоки магнитных частиц, которые становятся причиной радиопомех и полярного сияния.

Котрелл выдвинул гипотезу, по которой астрология «работает» потому, что магнитное поле Солнца вообще и солнечные пятна в частности воздействуют на человеческие зародыши. Биологи знают, что слабое магнитное поле Земли оказывает воздействие на живые клетки и может влиять на синтез в них ДНК. Котрелл считает, что меняющееся магнитное поле Солнца с большой вероятностью воздействует на детей в момент зачатия.

Астрологи, которым он объяснял свою теорию, отнеслись к ней скептически: в астрологии считается, что характер накладывается на ребенка в момент рождения, а не при зачатии. Котрелл, впрочем, с этим и не спорил. Он говорил, что ребенок, зачатый, скажем, в июне, уже получает на тот момент свойства знака Рыб, под которым родится девять месяцев спустя.

Солнце состоит из плазмы (перегретого газа) и не вращается равномерно, как Земля: его экватор движется в 1,3 раза быстрее, чем полюса (26 дней в сравнении с 37 днями). Потому магнитные линии Солнца запутанны и временами выбиваются из светила, словно пружины из порванного матраса. Так возникают солнечные пятна.

Котрелл очень обрадовался, когда узнал, что тип солнечного излучения меняется раз в месяц и, более того, есть четыре типа солнечного излучения, которые сменяют один другой. Иначе

говоря, солнечная активность соответствует не только ежемесячной астрологической перемене «солнечных знаков», но и четырем типам этих знаков — водному, земному, воздушному и огненному.

Поскольку Земля также вращается вокруг Солнца, 26-дневное вращение светила занимает с нашей точки зрения 28 дней. Каждые семь дней Земля попадает под душ чередующихся отрицательно и положительно заряженных частиц.

Когда Котрелла взяли на работу в Крэнфилдский технологический институт, он не стал терять времени даром и обработал на мощном компьютере большие массивы информации. Котрелл хотел сопрячь взаимодействие двух солнечных магнитных полей, возникающих в результате разных скоростей вращения полюсов и экватора, с движением Земли вокруг Солнца. Компьютер выдал ему график, на котором был ясно запечатлен ритмический цикл длиной в 11,5 года. Астрономы высчитали, что цикл солнечной активности длится 11,1 года. Котрелл был близок к доказательству своей теории.

Два взаимодействующих магнитных поля Солнца возвращаются, если можно так выразиться, на исходные позиции каждые 87,45 дня. Этот период Котрелл назвал «битом». Изучив график, он увидел, что цикл солнечной активности повторяется и возвращается к исходной точке каждые 187 лет. Следовало учесть еще «нейтральный слой» — область по обе стороны от экватора, где юг и север находятся в полном балансе. Этот слой деформируется солнечным магнитным полем и смещается на один бит каждые 187 лет, проходя полный цикл за 18 139 лет. Итак, каждые 18 139 лет магнитное поле Солнца возвращается в исходную точку.

Котрелл подсчитал, что этот период разбивается на 97 периодов по 187 лет и состоит из пяти больших циклов: три по 19 и два по 20 187-летних периодов.

Тут Котрелл заметил, что 20 187-летних периодов равнозначны 1 366 040 дням, и это его воодушевило. Он заинтересовался астрономическим трактатом майя, известным как Дрезденский кодекс. По нему майя рассчитывали затмения, а также циклы Венеры, которым придавали огромное значение. Майя были твердо уверены в том, что Венера «родилась» 12 августа 3114 года до н. э. (Вероятно, позднее пролетавший мимо метеорит заставил эту планету вращаться против часовой стрелки.) Майя рассчитывали цикл Венеры с учетом периода в 260 дней (один цолькин). Согласно их расчетам, полный венерианский цикл составляет 1 366 560 дней. Котрелл заметил, что этот период равен периоду в 1 366 040 дней плюс два

цолькина.

Он спросил себя: может быть, майя предвосхитили расчет циклов солнечной активности и создали на его основе свой суперсложный календарь? А два дополнительных цикла Венеры добавили, чтобы подчеркнуть значение Венеры наряду с солнечными пятнами?

Котрелл знал, что он на верном пути, поскольку наткнулся на еще один любопытный факт: Солнце бомбардирует Землю выбросами радиации куда энергичнее в периоды низкой солнечной активности. Кажется, все должно быть наоборот: чем ниже активность, тем меньше выбросы, не так ли? Котрелл решил, что причина кроется в радиационном поясе вокруг Земли, известном как «пояс Ван Аллена» (он был открыт астрофизиком Джеймсом Ван Алленом в 1958 году). Этот пояс в составе магнитного поля нашей планеты улавливает солнечную радиацию, которая способна уничтожить на Земле все живое.

Собственное объяснение Котрелла звучит так: в периоды повышенной солнечной активности пояс Ван Аллена, защищающий Землю от радиации, перенасыщается. С другой стороны, в периоды низкой солнечной активности вся радиация достигает земной поверхности. Котрелл предположил, что она обусловливает бесплодие и врожденные нарушения.

Наиболее ожесточенная солнечная атака на Землю пришлась на 627 год н. э., то есть случилась в эпоху, когда начался медленный упадок майя. В 630 году н. э. закончился малый цикл майя длиной в 3744 года, начавшийся с рождением Венеры в 3114 году до н. э. В то же время возобновился магнитный цикл Солнца.

Специалисты по культуре майя говорят, что конец большого цикла (13 бактунов) падает на 22 декабря 2012 года, когда магнитное поле Солнца вновь «вернется в исходную точку», и мы (возможно) станем свидетелями некоего катаклизма. Волноваться, однако, не стоит: нужно помнить о том, что полный солнечный цикл (18 139 лет), начавшись в 3114 году до н. э., закончится только в 4367 году{3}. Потому у нас в запасе есть, по всей вероятности, еще два тысячелетия.

Специалист по майя Джон Мейджор Дженкинс рассказал в своей книге «Maya Cosmogenesis 2012» («Космогенезис майя 2012»), как он установил дату конца цикла в 2012 году.

Известно, что Солнце движется по небосводу по большому кругу небесной сферы, называемому эклиптикой, и проходит последовательно 12 созвездий зодиака от Овна до Рыб. Наша Солнечная система являет собой часть Млечного Пути, который по форме напоминает огромное увеличительное стекло. Посмотрев на Млечный Путь сверху, мы увидели бы нечто вроде

кольца или воронки, но мы смотрим, так сказать, сбоку и наблюдаем оттого высокую концентрацию звезд.

Млечный Путь пересекает эклиптику (не под прямым углом, а под углом в 60°) около созвездия Стрельца. Когда астрономы наблюдают в окуляры телескопов две планеты, проходящие одна близ другой, они говорят о сближении планет. 21 декабря 2012 года большой цикл майя завершится сближением Млечного Пути и Солнца. Центр звездной воронки называют центром галактики, там, судя по всему, расположена черная дыра. 21 декабря 2012 года с Солнцем сблизится «край» Млечного Пути.

Знали ли об этом майя, когда вычисляли конец цикла из 13 бактунов? Из всего, что нам известно об их чудесном календарю и математических знаниях, следует, что скорее всего знали. Дженкинс в этом уверен.

Более ранняя датировка, объясняет Котрелл, обусловлена тем, что сами майя обозначали эту дату как «Катун 13 Ахау» (равноденствие), что дает нам 21 декабря 2012 года или же может означать 7200-й день цикла 13, заканчивающийся в день Ахау. Эта дата наступает каждые 256 лет, что может дать нам 2048 год.

Котрелл говорит, что по его ощущению майя были куда умнее нас и не ошиблись, указав 2012 год. Я отношусь к этому объяснению скептически. Мне трудно согласиться с Котреллом и Аргуэльесом в том, что майя были существенно умнее, нежели мы: неспособность изобрести колесо или арочный свод свидетельствует об интеллекте, лишенном проницательности и гибкости.

Что до астрономии индейцев майя, то они называли Венеру «близнецами», потому что не могли сообразить, что утренняя звезда и вечерняя звезда — это одно и то же небесное тело. Более того, на уровне интуиции мне кажется, что склонность майя к массовым убийствам (я имею в виду человеческие жертвоприношения) говорит о деформации нравственного начала, из которой берут начало фашистские концлагеря. В самом ли деле боги желают потоков крови на алтарях? Я подозреваю, что однажды убийцы попросту надоели силам, стоящим за эволюцией, и те решили смести их с лица земли, дабы положить конец преступлениям.

Впрочем, у Котрелла имеется своя разумная гипотеза касательно исчезновения народа майя. Он полагает, что, как предсказывали сами майя, их культура пришла в упадок после 627 года н. э., когда вспышка солнечной активности увеличила число выкидышей и врожденных дефектов. В Паленке на надгробной плите владыки Пакаля мы видим женщину с разведенными ногами, которая откидывается назад. (Дэникен и

Шатлен ошибочно приняли ее за астронавта.) Под ней — два мертворожденных младенца. Бог Солнца касается женщины языком в попытке восстановить ее способность к деторождению.

Почему майя были склонны к пессимизму более других индейцев — непонятно. Котрелл убедительно доказывает, что они предвидели и предсказывали собственное будущее.

Дженкинс воспринимает историю месоамериканской астрономии как сагу о поиске неизменного центра галактики, космической оси, вокруг которой вращается Вселенная. У многих примитивных народов первым кандидатом на такой центр был Северный полюс, а не Полярная звезда. (Ее часто называли «железным гвоздем» или «гвоздем неба», поскольку считалось, что она укрепляет мировую ось.) Должно быть, ольмекские астрономы ужаснулись, когда Полярная звезда переместилась, и перестали ей доверять. Возможно, именно по этой причине они покинули Ла-Венту с ее белой пирамидой.

Судя по всему, в итоге они решили, что центром галактики является Млечный Путь. Само по себе это крайне загадочно. Дело в том, что мы видим Млечный Путь «сбоку» и не в состоянии понять, что у него имеется центр. Правда, нельзя забывать о том, что жречество майя наверняка располагало множеством шаманов, которые были обучены постигать тайны Вселенной в «космических битвах», выходя за пределы собственного тела. К этому важнейшему вопросу мы обязательно вернемся.

Во время съемок телефильма «The Flood» («Потоп») я побывал в одном из наиболее впечатляющих ольмекских городов на горе Монте-Альбан в регионе Оахака. Ольмеки пришли сюда около 500 года до н. э., срезали вершину горы, как мы срезаем верхушку яйца всмятку, и возвели на ней святилище. Понять, как они сделали это без землеройного оборудования, невозможно. Столь же сложно вообразить, как сапотеки, следующее племя, обитавшее на этой горе (около 100 года н. э.), заставили ольмеков сдаться. Вероятнее всего, они вырезали всех ольмеков до единого.

О том, что здесь произошла бойня, говорит многое. На резных каменных блоках мы видим человеческие фигуры в странных позах. Некоторые из изображенных людей — негроиды, чьи головы похожи на каменные головы Ла-Венты, другие — белые люди с бородами. Они лишены одежды, их половые органы отрезаны. Изображения выполнены в ольмекском стиле, но иероглифы на плитах — сапотекские.

Убитые бородатые европейцы и мужчины-негроиды — кто они? Может быть, «белые боги с востока» прибыли сюда с африканскими слугами, которые, служа белым, превосходили по рангу обычных ольмеков?

Не исключено, что сапотеки, решив расправиться с угнетателями, устроили бойню. Эта версия объясняет, почему изображения на каменных плитах выполнены столь неумело в сравнении с найденными ранее каменными головами: те, кто изображал бойню, были не столь искусны, как ольмеки. Затем Монте-Альбан превратился в сапотекское святилище и обсерваторию.

Столь же неясно, что произошло в Теотиуакане, великом тольтекском городе, не уступавшем по размеру древнему Риму. Именно здесь Рэнд Флэм-Ат понял, где нужно искать «древний Северный полюс» Хэпгуда: Дорога Смерти Теотиуакана указывает прямо на центр Гудзонова залива. Увы, продолжив линию, он понял, что ошибался. На изогнутой поверхности земного шара она прошла мимо залива. Впрочем, ошибка оказалась судьбоносной: Флэм-Ат принялся искать другое географическое решение. В результате он совершил свое главное открытие: если провести нулевой меридиан от Южного до Северного полюса через пирамиды Гизы, он становится «основанием» замечательной системы координат, в которой огромное число святилищ будет иметь долготу, кратную 10°.

Это открытие Флэм-Ата показалось мне наиболее интересным, в то же время я с самого начала отверг его теорию, по которой разного рода святилища служили древним людям маркерами: ученые Атлантиды создали их, дабы измерить смещение земной коры, а после гибели Атлантиды другие народы стали рассматривать маркеры как святилища. Эта теория казалась мне фантастической. Однако появление святилищ с промежутком в 10° доказывает, что они строились по определенному географическому принципу, и намекает на существование древней цивилизации, которая предшествовала всем известным нам культурам.

Начиная с 50 года до н. э. и до VII века христианской эры Мексика управлялась из огромного священного города Теночтитлана (ныне — Мехико-сити). Ацтеки называли его «город, где были созданы боги».

Когда в июле 1520 года Кортес прибыл в Мексику, он бежал от мстительных ацтеков и встретил индейский отряд в развалинах Теночтитлана. Испанцы победили индейцев, невзирая на стократное превосходство противника, поскольку устремились к их вождю и убили его. Остальные ацтеки бежали.

Теотиуакан уже тогда был мертвым городом, и его улицы были покрыты слоем земли. Кортес думал, что курганы — это гробницы, и назвал главную улицу Дорогой Смерти. В 1880-х годах археолог Клод-Жозеф де Шарне сделал любопытное

наблюдение: на посуде, найденной в этом городе, изображены люди с чертами европейцев, греков, китайцев, японцев и африканцев. Встречается даже семитский тип лица. Судя по всему, в Теотиуакане некогда царил настоящий космополитизм.

Как случилось, что великий город превратился в руины, засыпанные землей? Современные археологи едва подступились к ответу на этот вопрос.

Около 530 года н. э. Земля пережила губительную климатическую катастрофу. «Солнце потемнело, — писал видный церковный историк Иоанн Эфесский, — и тьма длилась 18 месяцев. Всякий день оно светило около четырех часов, и свет его был лишь бледной тенью. Все говорили, что никогда уже солнце не воссияет, как прежде»[48]. А римский чиновник Кассиодор Сенатор писал: «Солнце, кажется, утратило привычный свет и дарит нам синеватое сияние. Мы дивимся, не видя собственных теней в полдень, и ощущаем могущество солнечного тепла, что растрачено и истощено…»[49]

Что стало причиной этого ужасного катаклизма, по сути короновавшего Темные века, мы не знаем до сих пор. Возможно, винить во всем следует вулканическое извержение, тогда главный подозреваемый — это вулкан Кракатау в Зондском проливе. Когда он пробудился в августе 1883 года, в море образовалась воронка кипящей лавы, за чем последовала вспышка, равная по силе взрыву миллиона водородных бомб. Взрыв был слышен за 3000 миль, а последовавшая приливная волна достигала 100 футов в высоту и убила 36 человек. Из-за облака пыли, рассеявшейся по земной атмосфере, Земля потеряла 10 % солнечного света.

Однако последствия извержения Кракатау длились три года, а не 30 лет, как в случае с катаклизмом 532 года н. э. Потому более вероятно, что причиной той катастрофы было падение метеорита, подобного тому, что уничтожил динозавров 65 миллионов лет назад.

В результате установилась засуха, из-за которой год за годом урожай погибал на корню. Для правителей Теотиуакана это было сущее бедствие, ведь им и их жрецам вменялось в обязанность обеспечивать дождь и обильные всходы. Ни одна цивилизация Центральной Америки не знала даже примитивной демократии, все они отличались крайне негибкой властной структурой: наверху — бог-правитель, затем знать, затем жречество. В самом низу были рабочие, социальное положение которых оставалось неизменным. В отношении хозяев они ощущали уважение, смешанное со страхом. Когда рабочие начали голодать, страх переродился в ненависть.

Поднялось восстание, толпы вламывались в храмы и дворцы, зверски расправляясь со жрецами и знатными людьми. Рабочие развлекались, раскалывая их черепа, расчленяя тела, разбрасывая органы по комнатам и дворам. Затем они поджигали храмы, построенные из дерева и сырцового кирпича.

Уничтожались даже священные статуи. Двухфутовую статую богини разбили на кусочки и разбросали по территории площадью 8600 квадратных футов. Так голодающие выразили презрение к богине, которая не смогла послать им дождь. Будь эти люди посильнее, они сровняли бы с землей весь город. Безумствующие орды сносили стены, опрокидывали колонны, жгли все, что горело. В сравнении с ними варвары, уничтожавшие Рим, действовали вяло и нерешительно.

Теперь нам известно, что это произошло в 600 году н. э., а не веком позднее, как всегда полагали историки.

Мы по-прежнему не знаем, кто засыпал развалины землей. Возможно, это сделали ацтеки, потомки теотиуаканцев, продолжавшие считать город священным и жившие среди руин. Даже Пирамида Солнца была превращена в огромный холм.

В 1884 году бывший солдат Леопольдо Батрес, родственник известного диктатора Порфирио Диаса, убедил последнего назначить его главой Инспекции памятников и разрешить раскопки гигантских курганов. Батрес не был археологом, он был искателем приключений, алчущим золота.

Труднее всего было перелопатить тысячи тонн земли. Батрес нанял большой отряд рабочих, которым платил по нескольку центов в день, и построил железную дорогу для транспортировки земли. Вскоре из колоссального кургана стала проступать величественная ступенчатая пирамида, Пирамида Солнца. Ее основание примерно равно основанию пирамиды Хеопса в Гизе, по высоте Пирамида Солнца уступает ей в два раза.

В углах пирамиды Батрес обнаружил скелеты подростков, погребенных заживо в качестве приношений богам.

У вершины пирамиды он сделал любопытную находку — два слоя слюды, похожего на стекло вещества, используемого для изоляции. Это была особая слюда из бразильских рудников, расположенных за 2000 миль от Теотиуакана. Служила ли она особым магическим целям? Да или нет, Батрес продал ее, не задумываясь. К счастью, он не нашел два листа слюды под полом расположенного поблизости Слюдяного храма.

Пирамида Солнца построена частью из сырцовых кирпичей, частью из камней. Батрес нанес ей непоправимый ущерб: после него три из четырех стен лишились нескольких метров кладки.

Раскопки должны были завершиться в 1910 году после

«переизбрания» диктатора, но к этому времени правление Диаса породило столько недовольных, что он отказался от празднества. Годом позднее Диас был свергнут и перебрался за границу. Его родственник также исчез из истории, прекратив разрушать древние сооружения.

Инженер Хью Харлстон, изучавший Теотиуакан в 1960-х и 1980-х годах, предположил, что этот город является моделью Солнечной системы: большая пирамида — это Солнце, вокруг расположены объекты, олицетворяющие планеты, причем расстояния до них пропорциональны реальным расстояниям от планет до светила. Харлстон подметил также, что в Теотиуакане часто встречается мера длины в 378 метров и что если базовую меру длины этого города — 1,059 метра — помножить на 378, а потом на 100 000, мы получим точное значение длины окружности Земли. Мы можем сделать вывод, что строители Теотиуака-на, как и строители пирамиды Хеопса, знали точные размеры нашей планеты.

Мы не знаем, почему Теотиуакан опустел, мы знаем лишь, что его разрушили, сожгли и погребли под горами щебня. Скорее всего, миллионы тонн щебня были доставлены сюда для того, чтобы сохранить развалины священного города. Батрес раскопал руины с великим трудом; сколько же рабочих рук потребовалось, чтобы закопать Теотиуакан?

Нам известно, что мировоззрение месоамериканских индейцев было на редкость пессимистичным. Они ждали от богов бедствий и напастей. Видимо, нет лучшего способа привлечь беду, чем постоянно ее предсказывать, поэтому с Теотиуаканом случилось то, что случилось.

У Мориса Котрелла на сей счет имеется очень странная гипотеза. Он убежден в том, что история человечества управляется «сверхбогами», которых индусы называли аватарами. Среди этих богов — Кришна, Будда, Иисус и владыка Пакаль (из Паленке). Впоследствии Котрелл добавил к ним Виракочу, гробница которого, по его мнению, найдена в перуанской деревне Сипан, Тутанхамона и «великого владыку Циня», китайского императора, построившего Великую стену ценой миллионов человеческих жизней, вероятно, самого жестокого правителя во всей истории.

Так или иначе, об удивительной цивилизации майя, которая процветала два тысячелетия, мы знаем до нелепости мало — кажется, куда меньше, чем греки, японцы и семиты, в основном торговцы, посещавшие это государство в дни, когда римляне завоевывали Европу.

Еще одна цивилизация расцвела и погибла за несколько

тысяч миль отсюда, на западном побережье Южной Америки.

В феврале 1987 года банда «черных археологов» сделала подкоп под пирамиду (которая выглядела скорее горой щебня) около деревни Сипан на севере Перу. Это строение называли Пирамидой Луны. Когда главарь банды ударил ломом по потолку туннеля, тот обрушился, и на бандитов хлынул золотой дождь: они нашли сокровища, каких мир не видел со времени, когда Картер вскрыл гробницу Тутанхамона. Грабители вынесли из пирамиды 11 мешков с золотом — более чем достаточно, чтобы обеспечить каждому безбедную жизнь. Когда подошло время дележа, они рассорились. Одного грабителя застрелили, другой обратился в полицию. Главаря убили при попытке ареста. Увы, к тому времени большая часть трофеев уже была продана.

Чья это была гробница? Археологи решили назвать самую значительную мумию Пирамиды Луны «владыкой Си-пана». Перуанцы из долины Ламбайеке, где расположены пирамиды, передают из поколения в поколение легенду о вожде по имени Наймлап, который прибыл с запада на плоту из бальсового дерева и повел людей в глубь материка. Этот вождь выстроил дворец в миле от берега в районе Чот.

Подобно Кецалькоатлю или Кон-Тики, Наймлап почитался как бог. Когда он умер, племя похоронило его в пирамиде и объявило, что он улетел. Священник-иезуит Кабельо, записавший эту легенду, отметил, что Наймлапу наследовали 11 поколений вождей, и всех их хоронили в пирамидах.

Династия оборвалась, когда последний вождь, Фемпельек, был совращен демоном, принявшим облик прекрасной женщины. После этого боги наслали шторм, а затем великую сушь. Дабы умилостивить богов, племя связало вождя и бросило его в море, но было поздно: катастрофа уже произошла.

В то время, когда банда разграбила захоронение, в Перу жил исследователь Тур Хейердал, всю жизнь изучавший «путешествия древних» и доказавший, что океаны не были для них непреодолимым препятствием. Археолог Вальтер Альва привел Хейердала в разграбленную гробницу и показал золотую маску с яркими голубыми глазами, изображавшую явно не перуанца. Была ли это маска вождя Наймлапа? Если да, его лицо было лицом европейца.

Пирамида была построена индейцами моче. Расцвет их культуры пришелся на 100–700 годы н. э., возможно, они были потомками мексиканских индейцев. Моче исчезли внезапно. Почему — открылось лишь в 1990-е годы: ученые установили, что в VI веке н. э. в Перу случилась сорокалетняя засуха, когда перестали идти обильные дожди, вызванные феноменом Эль-

Ниньо. Моче либо вымерли от голода, либо покинули Перу.

Альва рассказал Хейердалу о том, что в 130 милях к северу в районе Тукуме есть и другие пирамиды. Всего их 17, и сырцовые кирпичи выглядят настолько древними, что пирамиды кажутся природными холмами. В них не нашли золота, зато обнаружили любопытные настенные рисунки, запечатлевшие бальсовый плот. Это еще одно доказательство того, что строители пирамид Тукуме были мореходами, плававшими на плотах того же типа, что и плот Тура Хейердала, на котором он отправился из Перу в Полинезию в 1947 году.

Как и индейцы Мексики, моче практиковали человеческие жертвоприношения: в пирамиде Уака-де-Луна археологи нашли сотню разделанных скелетов. Интересно, что, судя по всему, скелеты принадлежали не военнопленным, а воинам моче, которые проиграли в схватках с другими воинами и были отобраны для жертвоприношения. Портреты воинов запечатлели в глине, после чего их отправили на тот свет, буквально вышибив мозги дубинкой и для верности сбросив со скалы. В связи с этим возникает любопытная версия: возможно, жертвы, изображенные на плитах в Монте-Альбане, также были принесенными в жертву воинами, отобранными на турнире при дворе.

У завоевавших Перу инков также имелся обычай назначать ребенка «посланником к богам» и оставлять его связанным в горной пещере, где ребенок погибал от холода.

В 1988 году, через год после осмотра Тукуме, Хейердал напал на еще один странный след и в итоге доказал, что доисторические путешественники пересекали Атлантику, используя океанские течения. Долгое время его интересовал древний народ гуанче — высокие блондины, строившие пирамиды из черного камня на Тенерифе, одном из Канарских островов. Авторитетный ученый доктор Арисиу Нуньеш душ Сантуш заметил, что их язык близок к дравидийской семье языков родом из Индии, и предположил, что гуанче, разводившие овец и не любившие море, прибыли на Канары на плотах с семьями и стадами, возможно, бежав из Атлантиды, которую душ Сантуш помещает в районе Индонезии. Мы вряд ли сильно ошибемся, предположив, что Сантуш говорит не о той катастрофе и что гуанче скорее всего бежали от зондаландского катаклизма, вызванного кометой Тольманна.

Когда Хейердал узнал о пирамидах из черного камня на Канарских островах в 700 милях от испанского берега, он немедленно отправился туда, чтобы увидеть их собственными глазами.

Никто не обращал внимания на пирамиды гуанче, поскольку

эти ступенчатые пирамиды похожи на мексиканские; одна из них, с шестью террасами и плоской крышей, возвышается в самом центре Тенерифе. Хейердал смог уговорить норвежского бизнесмена приобрести пирамиды и устроить на Тенерифе музей.

Что до «гробницы Тутанхамона», найденной в пирамиде Сипана, любопытную гипотезу на ее счет выдвинул Морис Котрелл. Среди прочих статуэток в гробнице обнаружили золотую фигуру крабочеловека в два фута ростом.

Котрелл указывает на то, что краб обитает между морем и землей, там, где волны разбиваются, превращаясь в пену, и что имя «Виракоча» означает «морская пена». Поэтому эта гробница является не чем иным, как «последней гробницей Виракочи», доказывает Котрелл в книге «The Lost Tomb of Viracocha» («Белые божества инков»). Он предполагает, что в ней захоронен Виракоча из Тиауанако. Многие вожди Мексики именовали себя Кецалькоатлями, был и вождь по имени Виракоча. Но владыка Сипана был не просто вождем: судя по убранству гробницы, его считали богом, перевоплощением Виракочи.

Первые мысли о Виракоче посетили Котрелла в середине 1980-х годов, когда он поехал в Мексику с целью подкрепить доказательствами свою теорию, по которой майя знали о солнечных циклах и их влиянии на людей. Посещение гробницы Пакаля в Паленке стало для Котрелла величайшим откровением.

Храм Надписей был обнаружен отцом Рамоном де Ордоньесом в 1773 году. В 1952 году мексиканский археолог Альберто Рус обратил внимание на четыре пары круглых дыр в полу, просунул в них крючья и поднял плиту. Он увидел засыпанную щебнем лестницу, которая вела в самое сердце пирамиды. Внизу Рус обнаружил маленькую квадратную камеру, которую занимал огромный саркофаг с крышкой. В центре массивной, покрытой искусной резьбой известняковой плиты Рус увидел изображение человека, который позже был принят Дэникеном и Шатленом за астронавта. Внутри находилась мумия Пакаля с прекрасной нефритовой маской на лице.

Котрелл приобрел уменьшенную копию плиты. Вернувшись в Англию, он принялся ее изучать, отталкиваясь от вывода, который сделал в ходе прежних исследований: 260, число дней в священном году майя, — это срок, за который полярное и экваториальное магнитные поля Солнца завершают полный цикл взаимодействия. Проще говоря, Котрелл считал, что майя установили священный год, равный определенному солнечному циклу.

Отсюда вовсе не следует, что майя располагали приборами для измерения циклов солнечной активности. Должно быть, они

ощущали эти циклы интуитивно.

Вскоре Котрелл обнаружил, что для того, чтобы понять, какие боги племени майя изображены на плите, ее нужно перевернуть с ног на голову. Это логично: в конце концов, на крышке гроба символы должны быть «упакованы», как вещи в чемодане. Более того, границы плиты, разумеется, тоже полнились символами — летучих мышей и ягуаров, людей и богов, дня и ночи, рождения и смерти. Кроме того, отсутствовали два верхних уголка плиты, которые явно предлагали некий ключ к решению загадки.

Котрелл нашел крест в форме буквы «X», усеченный «линией обреза» одного из углов. В этот момент он сказал себе: «Эврика!» Крест X-образной формы может быть восстановлен отражением в зеркале, которое приставлено к правому краю плиты, удваивая все изображения.

Котрелл сфотографировал плиту и напечатал фотографии на прозрачной пленке. Расположив их рядом, он обнаружил, что может не только восстановить крест в форме буквы «X», но и все остальные символы по краю надгробия.

То же он проделал с противоположным краем. И вновь половинки изображений превратились в полновесные символы.

Одним из «пограничных» символов было человеческое лицо, рассеченное от лба до кончика носа узким длинным ромбом. Когда изображение дополнилось своим зеркальным отражением, ромб исчез, превратившись в промежуток между двумя носами. Над лицами помещалось изображение парящей летучей мыши, между тем отождествить с летучей мышью его половинку было невозможно. Более того, когда Котрелл накладывал одну пленку на другую под углом, создавался эффект, будто лицо с двумя глазами внимательно на него смотрит.

Когда Котрелл совмещал две пленки под разными углами, на них проступали разнообразные предметы и лица, птицы и животные.

Не оставалось никаких сомнений: создатель надгробия, кем бы он ни был (сам Пакаль?), наполнил его визуальными кодами. Два отсутствующих угла должны были дать наблюдателю ключ к разгадке.

Все это, однако, кажется полной бессмыслицей. В VII веке н. э. никаких фотографий на прозрачных пленках не было и в помине. Как сбитый с толку наблюдатель мог найти ключ к столь странному визуальному коду?

Котрелл решил проверить свою теорию на специалистах. Те сразу сочли Котрелла чудаком и потому были отвергнуты. Они выдвинули то же возражение, что я привел выше: Пакаль не мог заложить в надгробие подобный код, потому что в то время не

было фотографий на пленках.

Котрелл отвечал, что, вероятно, Пакалю такие пленки были не нужны: возможно, он мог увидеть все «оком сознания».

Этот феномен известен современным психологам и называется «эйдетическим видением» («эйдос» с греческого — «суть».) Есть люди, которые обладают способностью к такому видению. Как мы могли убедиться, гении от математики, которые могут моментально сказать, является ли огромное число простым (то есть делимым лишь на единицу и себя), способны, судя по всему, парить над числовым полем, подобно птицам. Говорят, что изобретатель Никола Тесла «построил» свой первый двигатель переменного тока в голове. Должно быть, Пакаль обладал способностью свободно совмещать визуальные образы.

Вероятно, у древних людей, сознание которых не загромождали умозаключения, эта способность была врожденной. С ее помощью они замечали прецессию равноденствий: их сознание, так сказать, «фотографировало» определенное расположение звезд и замечало 50 лет спустя, что одна или две из них слегка переместились…

«Пополь-Вух», священная книга майя, кажется, подтверждает эту гипотезу. Она рассказывает о древних людях: «Они преуспевали в видении, они преуспевали в знании всего, что имеется на свете. Когда они смотрели вокруг, они сразу же видели и созерцали от верха до низа свод небес и внутренность земли. Они видели даже вещи, скрытые в глубокой темноте; они сразу видели весь мир… велика была мудрость их»[50]. (Здесь и далее цитируется по: Пополь-Вух. Перевод Р.В. Кинжалова).

Однако потом, говорит «Пополь-Вух», Творец изменил свое решение. Он увидел, что достающееся без труда человек не ценит. Поэтому он решил изменить природу своих творений: «Пусть их зрение достигает только того, что близко; пусть они видят лишь немногое на лице земли!»[51]

Так человек стал «близоруким», был ослеплен «заурядностью быта», начал смотреть на вещи «с точки зрения червя».

«Глаза их были покрыты, и они могли видеть только то, что находилось близко»[52].

Что бы мы ни думали про месоамериканцев и их несчастливую склонность к человеческим жертвоприношениям, следует согласиться с тем, что они смотрели в самую суть человеческой природы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
ВЗГЛЯД ШАМАНА

Росс Сэлмон — ведущий программ радио и телевидения, который, будучи увлечен исчезнувшим миром инков, уподобился легендарному полковнику Перси Фосетту и отправился на поиски забытого города.

Росс был сотрудником телеканала Би-би-си в Плимуте, где довелось поработать в качестве телеведущего и мне, потому я хорошо его знал.

Легенда о затерянном городе в Южной Америке изложена в манускрипте под номером 512 из Государственной библиотеки Рио-де-Жанейро, обнаруженном в 1760-х годах. История начинается как приключенческий роман Конан Дойла (между прочим, путешествия полковника Фосетта легли в основу романа «Затерянный мир»), однако на деле являет собой отчет о том, как шайка португальских охотников за сокровищами десять лет скиталась по Бразилии.

В манускрипте утверждается, что эти люди нашли заброшенный город, построенный из огромных каменных блоков. Они решили, что одним им разграбить город не под силу, и отправили к вице-королю Бахии туземного гонца с посланием. Питер Флеминг, брат романиста Яна Флеминга, прочел этот манускрипт перед тем, как отправиться в экспедицию, описанную в его книге «Brazilian Adventure» («Бразильское приключение»). Полный текст послания был перепечатан также в книге Гарольда Уилкинса «Mysteries of Ancient South America» («Загадки Древней Южной Америки»),

Полковник Перси Фосетт, прославленный путешественник и искатель приключений, прочел манускрипт и отправился на поиски затерянного города в январе 1925 года. Он пропал без вести в бразильском штате Матто-Гроссо; скорее всего полковника убили туземцы. Многие экспедиции пытались выяснить его судьбу, но ни одна попытка не увенчалась успехом.

Однако интерес, который Росс Сэлмон питает к затерянным городам, о чем он рассказывает в книге «My Quest for El Dorado» («Мой поход в Эльдорадо»), не имеет с историей Фосетта ничего общего. Во время Второй мировой войны Росс служил в армии и мечтал о жизни, полной приключений, а после войны нашел себе работу на скотоводческом ранчо в Венесуэле. Затем его поставили руководить ранчо в соседней Колумбии. Там он начал читать книги об испанских конкистадорах и покоренных ими племенах.

Собирая информацию о живших в горах индейцах, Росс наткнулся на упоминание о племени иника: «голубые глаза» (белые люди) вынудили его уйти глубоко в джунгли, но однажды иника вернутся и убьют завоевателей. Слово «иника» звучит почти как «инка». С этого и начался поход Сэлмона в Эльдорадо.

Подрядившись снимать фильмы о путешествиях для Би-би-си, Росс оказался в Боливии, где искал город инков, называвшийся некогда Кочабамба. Молодой индеец вел Росса и еще одного англичанина по горам и руслам высохших рек, пока не привел к руинам города, потонувшего в растительности. Найденные ими древние артефакты убедили путешественников в том, что до них тут никто не бывал: местные индейцы сторонились города, опасаясь духов предков. Товарищ Росса чуть не умер от лихорадки, потому планы привести в Кочабамбу экспедицию пришлось отложить.

Росс вновь приехал в Боливию много лет спустя. Его манили не сокровища, но древние цивилизации.

Снимая документальный фильм в районе Бени к востоку от боливийских Анд, Росс обнаружил обширную равнину, покрытую каналами и холмоподобными курганами. Других следов от некогда обитавшего тут народа не осталось. Каждый год равнина затапливалась, на метр уходя под воду, и индейцы соорудили курганы, чтобы жить на них, пока вода не спадет. В 1962 году американский студент Билл Деневан осматривал курганы с аэроплана, но так и не смог убедить солидных ученых изучить долину. На снимках со спутника видны примерно четыре тысячи курганов, не тронутых археологами.

Доктор Виктор Бустос, специалист по ранней культуре инков, поведал Россу о том, что, судя по всему, «цивилизация курганов» была вынуждена покинуть долину после великого наводнения. Росс спросил, не имеет ли Бустос в виду библейский потоп. «Да, именно, — ответил Бустос. — Повсюду мы видим доказательства того, что около десяти тысяч лет назад на планету обрушились наводнения, за которыми последовали невиданные дожди»[53]. Бустос считал, что катастрофа произошла не внезапно: вода медленно прибывала на протяжении десятков лет.

Росс спросил: «Неужели курганы в то время уже существовали?» Бустос признал: «Да, возможно, уже в ту эпоху здесь имелась цивилизация. Не исключено, что после больших наводнений они ушли в Анды и много тысяч лет назад создали в горах первую цивилизацию»[54].

Другой археолог, доктор Карлос Понсе Сангинес, сказал Россу, что империя индейцев аймара достигла расцвета около 900 года н. э. в регионе Тиауанако. Прежде чем распасться, она,

вероятно, превзошла по размерам государства греков и римлян.

Я заинтересовался аймара после того, как прочел книгу Рэнда Флэм-Ата «Когда упало небо». На языке аймара и сейчас говорят более двух с половиной миллионов человек. Флэм-Ат сделал любопытную ремарку: «В 1984 году боливийский математик Иван Гусман де Рохас первым из разработчиков программного обеспечения показал, что [язык аймара] можно использовать как вспомогательный при синхронном переводе с английского на несколько других языков».

Как пишет Флэм-Ат, язык аймара обладает жесткой и простой структурой, «что означает, что его синтаксические правила не знают исключений и могут быть коротко выражены в виде своего рода алгебраической стенографии, которую понимают компьютеры. В самом деле, язык аймара столь однороден, что некоторые историки полагают, будто он не развивался, подобно другим языкам, а был сконструирован с нуля»[55].

Морис Шатлен непременно вычитал бы в этом утверждении намек на то, что язык аймара мог быть создан пришельцами как язык программирования.

Росс Сэлмон обнаружил интересный довод в пользу того, что язык аймара был создан искусственно. В древней инкской крепости Пукарилья, выглядящей как огромная природная пирамида, он нашел два любопытных предмета: инкский золотой хирургический нож с плоским лезвием в форме полумесяца и тонкий нагрудник размером с обложку небольшой книги. На одной стороне нагрудника вырезан квадрат, поделенный на 16 клеток, почти как в игре «крестики-нолики». Каждую клетку занимает один угловатый знак.

Подросток из племени кечуа Уанаку, проводник Росса, сообщил ему: «Это язык моих предков. Так они писали письма в другие города»[56].

Всмотревшись в таблицу, Росс уверился в том, что видит письменность, пусть ученые и утверждают, будто у инков письменности не было. В одной из своих телепередач Росс попросил откликнуться всех, кто может перевести написанное. С Россом связался Ноэль Биллингс из корнуолльской деревни Портрит. Он сказал, что ответ пришел к нему во сне: надпись сделана на математическом языке, созданном блестящими математиками, учеными и зодчими…

Дальнейшие попытки Росса дешифровать надпись не увенчались успехом. И все-таки не следует забывать о том, что семья языков кечуа, на одном из которых говорили инки, близка к языку аймара. И если Росс действительно обнаружил письменный язык, посредством которого общались пращуры Уанаку, его

открытие, возможно, доказывает, что в далеком прошлом индейцы Боливии создали куда более мощную цивилизацию, нежели та, что им сейчас приписывается.

Самая странная история из книги Росса «Мой поход в Эльдорадо» повествует о женщине по имени Уакчу из племени кальявайя, обитающего к северу от озера Титикака. Муж Уакчу, шаман, уезжал в город, чтобы заработать денег для племени, и Уакчу заподозрили в неверности. Совет старейшин и женщин не смог доказать, что она виновна, потому жрецы объявили, что разберутся в этом деле, «позвав кондора». Кальявайя верят в то, что люди перевоплощаются в кондоров. В частности, «великий кондор» — это реинкарнация великого вождя инков, завоевавшего этот регион.

Росса пригласили заснять обряд на пленку. Он наблюдал за тем, как Уакчу раздели до набедренной повязки и привязали к столбу на вершине скалы. Затем началась церемония: зазвучали нестройно барабаны, флейты и свирели. Шум усиливался эхом, которое прокатилось по горам.

Росс был более чем уверен в том, что ничего не произойдет. Он никогда не видел кондоров вблизи. Вскоре монотонная мелодия заглохла, и Росс начал подозревать, что индейцы винят в неудаче его, чужеземца.

Тут раздался радостный вопль, и над вершиной горы появились темные силуэты трех кондоров. Птицы с размахом крыльев в 12 футов летели вниз, к племени кальявайя: две черные самки и самец-предводитель, большой черный кондор с белым «воротничком», сиявшим в солнечном свете.

Музыка возобновилась, Уакчу попыталась сбросить с себя веревки. Самец-кондор приземлился в паре футов от Росса. Настала тишина; Росс благоговейно посмотрел на огромную птицу, что расхаживала туда-сюда, напоминая гладиатора. Затем, расправив крылья, кондор полетел к Уакчу, нацелившись клювом в ее горло. Помощник Росса подбежал к птице и отпугнул ее. Кондор побежал вниз по склону, затем воспарил над скалой. Старейшины закричали: «Виновна! Она должна наложить на себя руки!»[57]

Через десять дней Уакчу так и поступила, бросившись со скалы.

Я видел фильм Росса на канале Би-би-си. В 1979 году Росс издал книгу «Мой поход в Эльдорадо», и я немедленно ее приобрел.

К моему бескрайнему изумлению, история Уакчу описывалась в ней совсем по-другому. Росс сообщает нам, что Уакчу была избрана в качестве жертвы (кому, он не говорит).

Индеец кечуа по имени Херардо, помощник Росса, сказал, что амаута (жрецы) решили воспроизвести обряд с кондорами, чтобы Росс смог запечатлеть его на пленку[58].

Неверность Уакчу даже не упоминается, равно как и возглас «Она должна наложить на себя руки!». История резко обрывается на том, что кондоры улетают. О том, что Уакчу покончила с собой, — ни слова. Повествование лишается всякого смысла, ибо нам не говорят, что стало с «жертвой» дальше. Росс делает следующий вывод: «Поскольку кальявайя не обладают магическими способностями и не могут заставить кондора приземлиться у ног жрецов, мы должны искать иное объяснение» — и предполагает, что это был ручной кондор[59].

Столкнувшись с Россом на студии Би-би-си в Плимуте, я спросил его, почему история Уакчу так изменилась. Росс сказал, что какие-то «эксперты», видевшие его фильм, решили, что он сговорился с кальявайя — или что индейцам заплатили, чтобы те его обманули. Я сказал, что в это совершенно невозможно поверить. Росс опустил глаза и сказал, что тоже так думает…

Печально, что Росс позволил им себя убедить. Его фильм наглядно демонстрирует, что между кондорами и амаута существует связь наподобие телепатической.

Полковник Фосетт, предтеча Росса, сомневался в себе куда менее. В книге «Exploration Fawcett» («Фосетт-исследователь») полковник рассказывает о том, как писатель Райдер Хаггард подарил ему вырезанную из черного базальта статуэтку высотой в десять дюймов, привезенную из Бразилии. Она изображала мужчину, на груди у которого имелась дощечка, покрытая непонятными символами. Все, кому доводилось касаться этой фигурки, пишет Фосетт, ощущали, «как электрический ток бежит по их руке», так что многие тут же отдергивали руку[60].

Специалисты из Британского музея признали, что статуэтка — не подделка и что они «никогда не видели ничего подобного»[61]. Подделку создают, чтобы продать ее как древнее произведение искусства, а статуэтка не была похожа ни на один такой артефакт.

В итоге Фосетт решил изучить фигурку при помощи эксцентричного и нетрадиционного метода — психометрии. Так называют способность «ощущать» историю предмета, который ты держишь в руках. Может показаться, что подобный метод противоречит здравому смыслу, но это не так: он был всесторонне изучен учеными еще в 1840-х годах. Первооткрыватель метода Джозеф Роде Бьюкенен назвал его «психометрией», что означает «измерение сознания (души)»[62].

Психометр, к которому обратился Фосетт, сказал, что

статуэтка изображает священника и некогда находилась в храме под большим глазом над алтарем. Кроме того, он поведал Фосетту об острове-государстве и его жителях, а также о том, как остров был уничтожен, когда море восстало, «словно бы поднялся ураган»[63].

Фосетт показал идола другим психометрам и получил сведения, «практически совпадающие с вышеизложенным»[64]. У него не осталось сомнений в том, что статуэтка была изготовлена в Атлантиде. Полковник пишет: «Какими бы выдумками ни были приукрашены легенды, факт остается фактом: среди туземцев материка с древности бытуют истории о древних людях, последних представителях высокоразвитой цивилизации, причем рассказы о них можно услышать от индейцев в самых удаленных уголках континента, редко посещаемых белым человеком. Повествования эти удивительным образом схожи меж собой, и разумно заключить, что они опираются на фундамент истины»[65].

Фосетт убежден (для его эпохи это убеждение необычно) в том, что «проклятие великого катаклизма» пало на Южную Америку. Судя по всему, он готов был принять гипотезу о гибели в той же катастрофе платоновской Атлантиды[66].

Скорее всего верна гипотеза, по которой масштабный катаклизм породил приливные волны и катастрофы второго порядка в разных частях света. «Он стал причиной «поднятия Анд» (а значит, это случилось уже после ледникового периода) и привлек в Южную Америку представителей «белой расы», которые принесли здешним туземцам цивилизацию»[67]. Выводы Фосетта замечательно совпадают с выводами Чарльза Хэпгуда и Шваллера де Любича.

Выжившие, кроме прочего, построили города вроде того, что был обнаружен в 1753 году.

«Я ни на мгновение не сомневаюсь в существовании древних городов. Я видел множество таких поселений своими глазами — и решил для себя, что буду отыскивать их вновь и вновь. Мы нашли, кажется, лишь руины пограничных застав огромных городов…»[68]

Что имел в виду Фосетт, когда писал последнее предложение? Ответ может быть только один: он полагал, что древний город полностью скрыт джунглями, подобно руинам майя, которые обнаружили в 1830-е годы Стивенс и Кетервуд. Что означает, в свою очередь, что Фосетт знал, где искать этот город. Из его книги следует даже, что таких городов много.

По всей вероятности, целью его последней экспедиции не был заброшенный город, обнаруженный в 1753 году. Полковник узнал об «облаченных в одежду туземцах с европейской

внешностью»[69], которые избегали любых контактов с окружающим миром. «Задача нашей будущей экспедиции (я называю ее ради удобства «Z») — дойти до города, который считается необитаемым и населен, возможно, этими живущими вдали от цивилизации людьми…»[70]

В январе 1925 года Фосетт вновь покинул Англию ради Южной Америки и сгинул в ее джунглях. Книгу «Фоссетт-исследователь» он закончил еще до отбытия.

В 300 милях к западу от района, где живут индейцы кальявайя, лежит пустынная равнина Наска, покрытая рисунками исполинских птиц и животных, а также прямыми линиями и геометрическими фигурами, простирающимися до горизонта.

Впервые линии заметил в 1927 году перуанский археолог Ксесспе, однако о них почти не говорили до 1940 года, когда Фосетт написал о Наске статью{4}. В июне 1941 года историк из Университета Лонг-Айленда доктор Пол Косок летал над Наской в надежде найти древние каналы (линии тогда уподобили каналам Марса) и увидел на багровой поверхности пустыни силуэты птицы и гигантского паука. Его взору открылись также кондор, ящерица, касатка и цветок На склоне скалы был изображен человек ростом в 900 футов, распростерший руки словно бы в приветствии.

Косок принялся изучать линии и рисунки. Вскоре к нему присоединилась немецкая студентка Мария Райхе, которая проведет в Наске всю свою жизнь. Она признавалась, что не понимает, зачем нарисованы эти линии, но предполагает, что они связаны с астрономией: может быть, это гигантский календарь. Что до изображений, теория Райхе гласит, что в дни экономического процветания индейцы племени наска разделились на кланы, и фигуры были символами этих кланов.

Индейцы создавали линии и рисунки, аккуратно очищая Землю от красно-бурых камней. В пампасах почти нет ветра, поэтому линии оставались нетронутыми около тысячи лет. Датировать камни, разумеется, невозможно, однако артефакты вроде посуды и похоронных принадлежностей свидетельствуют, что индейцы наска и их северный сосед, племя моче, были современниками.

Археологам потребовалось немало времени, чтобы установить, что около 535 года н. э. атмосфера Земли в результате некоего катаклизма наполнилась пылью, из-за чего потускнело солнце, а затем наступило столетие катастроф. Никто не знает, что стало причиной этого катаклизма, хотя журналист-археолог Дэвид Киз доказывает в своей книге «Catastrophe» («Катастрофа»), что имело место обильное извержение вулкана в

районе Зондского пролива — судя по всему, проснулся Кракатау. Впрочем, падение еще одной кометы также нельзя исключать. Весь мир страдал тогда от чумы и засухи.

Индейцев моче уничтожила великая сушь; мы можем заключить, что племя наска постигла та же судьба, а гигантские изображения, которые можно увидеть только с воздуха, были воззванием к богам с просьбой о дожде.

В книге «Воспоминания о будущем» Эрих фон Дэникен предполагает, разумеется, что линии Наски были проведены пришельцами из космоса. Его гипотеза, по которой длинные прямые линии служили взлетно-посадочными полосами для инопланетных кораблей, не выдерживает критики: кто станет приземляться на неровные камни? Однако в книге «День, когда явились боги» (1997) Дэникен продолжает именовать линии «взлетно-посадочными полосами».

Поскольку мы знаем о великой засухе, ответ на вопрос «почему?» у нас имеется. Остается главный вопрос: как создатели линий, не располагая воздушными шарами, оценивали результат своего труда?

Но, вероятно, они вообще не смотрели на линии с высоты. Им достаточно было масштабировать маленький наброски на песке, используя простые инструменты вроде веревок и палочек.

Самый любопытный объект пустыни Наска — это рисунок обезьяны, которая не водится в пампасах; ее родина — дождевые леса к востоку от перуанских Анд. Дело в том, что в дождевых лесах, как мы увидим, живут шаманы, утверждающие, что они могут выходить из тел с помощью наркотических средств, которые мы назвали бы «психоделическими».

Признаки употребления таких наркотиков — обильное выделение слизи из носа, а также рвота. На черепке из пустыни Наска мы находим изображение человека, страдающего тем и другим. В районе Наска галлюциногенным наркотиком является кактус Сан-Педро.

Этот любопытный факт, упомянутый в телепрограмме Би-би-си «Горизонт», может объяснить, как создателям линий Наски удавалось видеть их с воздуха без космических кораблей или воздушных шаров. Галлюциногены дарят чувство полета, который, как заверяют все шаманы без исключения, позволяет превратиться в огромную птицу и смотреть на землю с высоты.

В своей книге «Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy» («Шаманизм: архаические техники экстаза») румынский ученый Мирча Элиаде упоминает о распространенном мифе, согласно которому шаманы высиживаются исполинской птицей на ветвях Древа Мира, и замечает, что «способность превращаться в птицу

— обычное свойство всех шаманов мира»[71]. У шамана есть много помощников из мира зверей, от ягуаров до мышей, ему помогают и его наставляют даже растения.

В книге «От Атлантиды до Сфинкса» я сделал попытку показать, что во главу угла эта традиция ставит отношения шамана с природой. К примеру, книга Ф. Брюса Лэма «Wizard of the Upper Amazon» («Колдун с верховьев Амазонки») повествует о перуанском юноше Мануэле Кордове, которого бразильские индейцы амауака с верховьев Амазонки похитили, чтобы сделать из него шамана. Туземцы (включая Кордову) пили они-сума, «настойку видения», и всю нрчь напролет им являлись одни и те же образы змей, птиц, зверей. «Песнь боа» призвала исполинского боа-констриктора, который скользил по поляне; вслед за ним ползли другие змеи, затем появилось множество птиц, включая гигантского орла, который расправил перед зрителями крылья, сверкнул желтыми глазами и щелкнул клювом. За птицами пришли животные. Кордова объясняет, что помнит о них немного, «поскольку знание не проистекает из моего сознания»[72].

В другой раз после «совместного видения» камышовых котов Кордова вдруг вспомнил о встреченном однажды черном ягуаре, и ягуар немедленно появился, чтобы прошествовать среди трясущихся от страха туземцев. Осознав, что это видение было вызвано Кордовой, они прозвали его «черным ягуаром». В процессе обучения будущий шаман стал контролировать наркотические видения при помощи песнопений (что вновь подтверждает значительную роль музыки).

Кордова говорил, что индейцы амауака загоняют стадо диких свиней в западню, совершая обряд, который включает в себя закапывание в землю свиной головы.

Исследователь из Филадельфии Гарри Б. Райт описал в книге «Witness to Witchcraft» («Свидетель колдовства») «танец леопарда» в Дагомее (Западная Африка): пока голая девушка танцевала под барабанные ритмы и заклинания жреца, туземный спутник Райта спросил у него: «Видишь двух леопардов рядом с ней?»[73] Райт никаких леопардов не видел, однако другие туземцы внимательно следили за их перемещениями. Ближе к середине церемонии троица леопардов вышла из джунглей и пересекла поляну. Райт был уверен в том, что леопарды были настоящие; может быть, их призвали воображаемые леопарды ритуала.

В книге «От Атлантиды до Сфинкса» я цитировал колониального чиновника сэра Артура Гримбла. В своем труде «Pattern of Islands» («Узор островов») он рассказал о том, как наблюдал на островах Гилберта за впавшим в транс шаманом, каким-то образом заставившим десятки морских свиней

выброситься на берег, дабы ими полакомились туземцы. Шаман настаивал на том, что дух покинул его тело и пригласил морских свиней на берег.

Рисунки в пещере Кро-Маньон, изображающие шаманов в шкурах бизонов, расценивались как первобытное искусство до тех пор, пока антропологи не установили, что подобные наряды были частью шаманского ритуала, призванного гарантировать успешность охоты. Нашему цивилизованному мышлению трудно принять тот факт, что ритуалы такого рода почти наверняка были действенными. В книге «Dawn behind the Dawn» («Рассвет за рассветом») Джоффри Эш цитирует антрополога Мириам Стархоук

«В изобильной, кишащей зверями тундре маленькие отряды охотников преследовали убегающих северных оленей и огромных бизонов. Охотники были вооружены лишь самым примитивным оружием, однако некоторые племена могли призвать стада к отвесной скале или западне, где животные сознательно приносили себя в жертву и попадались в ловушку. Обладавшие даром шаманы могли настроить свое «я» созвучно духу стада; так они узнавали о пульсирующем ритме, что пронизывает вселенную, о танце двойной спирали, о том, как можно смерчем ворваться в существование — и вырваться из него…»[74]

Мысль о том, что животное может добровольно участвовать в охоте, звучит дико, но все шаманы полагают, что это правда. Они верят в то, что животное приносит себя в жертву людям, как это сделали морские свиньи Гримбла. Поскольку люди ощущают, что должны отдавать что-то взамен, появляется сосуд с кровью животного, и кровь эта проливается на алтарь. Иногда в жертву приносится животное целиком. Это действие обосновано: охотник, который берет, ничего при этом не отдавая, однажды умрет с голоду.

Картина, которая начинает прорисовываться, чужда нашему образу мысли, тем не менее ее приемлют первобытные народы, живущие на одной планете с нами. Они знают, что природа жива и есть священные места, где обитают духи, к которым нужно относиться с уважением, если мы не хотим испытать на себе их немилость.

То же мировоззрение мы находим и в истории, рассказанной Джакеттой Хоукс в ее книге «Man and the Sun» («Человек и солнце»). Она пишет: «Отсутствие в искусстве палеолита солярных изображений или символов вовсе не обязательно означает, что первобытные художники не считали солнце чем-то особенным. Обряд, практикуемый пигмеями Конго, предостерегает нас от подобных выводов. [Антрополог Лео]

Фробениус кочевал по джунглям вместе с искусными и храбрыми маленькими охотниками. Однажды ближе к вечеру у пигмеев возникла нужда в свежем мясе. Белый человек спросил своих спутников, могут ли они убить антилопу. Они удивились этой сумасбродной просьбе и объяснили, что сегодня охота не увенчается успехом, поскольку к ней должным образом не приготовились. Пигмеи пообещали выйти на охоту на следующее утро.

Фробениусу стало интересно, что представляют собой приготовления к охоте, поэтому он проснулся до зари и спрятался на вершине холма. Появились все пигмеи отряда, три мужчины и женщина. Они разгладили участок песка и что-то на нем нарисовали, а затем принялись ждать. Когда солнце взошло, один из мужчин выпустил в рисунок стрелу, а женщина воздела руки к солнечному диску и стала голосить. Пигмеи быстро скрылись в лесу.

Приблизившись к рисунку, Фробениус увидел, что пигмеи изобразили на песке антилопу; стрела пробила ей горло. Позднее, когда отряд охотников приволок из чащи большую антилопу с пронзенным стрелой горлом, пигмеи поместили на изображение зверя пучки его шерсти, облили их его кровью и стерли рисунок»[75].

Джозеф Кэмпбелл комментирует: «Для пигмейского обряда решающим обстоятельством являются его проведение на рассвете и стрела, летящая в антилопу точно в момент, когда ее поражает первый луч солнца…»[76]

Размышляя над этим отрывком в книге «От Атлантиды до Сфинкса», я говорю: «Легко видеть, что использующий подобную технику кроманьонский охотник чувствует то же, что чувствует современный охотник на крупную дичь, когда в руках у него оказывается мощная винтовка с оптическим прицелом. По сравнению с этой техникой прежняя магия неандертальцев должна казаться грубой, как лук и стрелы — в сравнении с винтовкой.

Я склонен думать, что именно по этой причине кроманьонцы стали праотцами нашей цивилизации. Их власть над магией давала им оптимизм и чувство цели и контроля, каких не было прежде ни у одного животного»[77].

Какой бы нелепой ни казалась нам шаманская магия, именно с ее помощью Homo sapiens выстроил цивилизацию, ибо магия превратилась в науку, а наука сделала нас царями природы. В книге «От Атлантиды до Сфинкса» я доказываю, что шаманы, обладавшие магическими способностями, становились жрецами-вождями и создавали ранние цивилизации, такие как Шумер и

Египет.

Первым западным человеком, заметившим существование шаманов, стал русский протопоп Аввакум, старообрядец, который в 1652 году противостоял попыткам нового патриарха Никона сблизить Русь с Греческой православной церковью. В 1666 году старообрядцев скопом отлучили от Церкви. Пятью годами ранее, в 1661 году, царь сослал Аввакума в Сибирь, где тот узнал о существовании шаманов. По возвращении из Сибири в 1667 году Аввакум провел 15 лет в тюрьме, где написал свое «Житие», ставшее классикой русской литературы.

Разумеется, сторонник старообрядческих догм видел в шаманах слуг дьявола. Он повествует о том, как предводитель военной экспедиции Пашков решает послать сына Еремея воевать «в Мунгальское царство» и призывает местного шамана, дабы тот дал ему совет. «Волхв же той мужик, близ моего зимовья, привел барана живова в вечер и учал над ним волхвовать, вертя ево много, и голову прочь отвертел и прочь отбросил. И начал скакать, и плясать, и бесов призывать и, много кричав, о землю ударился, и пена изо рта пошла». Шаман заверил Пашкова, что поход удастся: «С победою великою и с богатством большим будете назад». Аввакум немедленно начал молиться Богу: «Да не возвратится вспять ни един от них, и гроб им там устроивши всем, приложи им зла, господи, приложи!..»[78]

Когда Еремей возвратился из похода с единственным товарищем и рассказал о том, что монголы вырезали всех остальных, Пашков обратил свой гнев против Аввакума, и тот не был убит на месте лишь благодаря вмешательству Еремея.

Аввакума сожгли в 1682 году.

На протяжении следующих двух с половиной веков исследователи относились к шаманам так же, как протопоп. Джереми Нарби и Фрэнсис Хаксли цитируют в антологии «Shamans through Time» («Шаманы в истории») многих ученых и рационалистов XVIII века, которые объявляли шаманов самозванцами и обманщиками.

Из этой книги становится ясно в первую очередь, что шаманы по сути своей — целители. Африканских шаманов не зря именуют «колдунами-лекарями»: шаман — это врач. Основное различие между шаманами и западными врачами кроется в их образовании. Врач Запада обязан пройти четыре курса факультета медицины и усвоить обновленный вариант научного аппарата, разработанного греческим врачом Галеном. Шаман обязан пройти курс, больше напоминающий школу средневекового аскета, который бичует себя, постится и спит на доске. Кроме того, шаман не выбирает свой жизненный путь: его избирают духи, и,

если он отказывается, наказанием может стать смерть.

Иногда шаман должен пройти через ужасные мучения. Он начинает терять вкус к обычной жизни и может впасть в депрессию, уйти из дома и стать странником. Он обретает безразличие к мирским богатствам. В классической работе «Шаманизм: архаические техники экстаза» Мирча Элиаде цитирует дочь чилийского рыбака из племени арауканов: «Я собирала ракушки между рифами, когда почувствовала как бы удар в грудь, и очень отчетливый голос изнутри сказал мне: «Стань мачи! Такова моя воля!» И тут от сильной боли внутри я потеряла сознание. Конечно же, это Нгенечен, владыка людей, вошел в меня»[79].

Далее Элиаде пишет про длительные бессознательные состояния и летаргический сон. Шаманы практикуют болезненную церемонию посвящения, включающую в себя символическую смерть через расчленение. Неофиту полагается голодать, пока он не окажется на грани жизни и смерти, либо пребывать на холоде, пока он не замерзнет. По словам антрополога Вальдемара Богораза, этот период жизни неофита можно сравнить с долгой и серьезной болезнью. Если он выздоравливает, на него нисходит «вдохновение», и он постигает искусство бить в барабан и петь[80].

В 1930 году Кнуд Расмуссен писал об эскимосском шамане, который рассказывал: «Осознав свое предназначение, я решил, что подвергнусь страданиям от двух наиболее опасных врагов человека: голода и холода. Сначала я голодал пять дней подряд, лишь затем мне позволили выпить глоток теплой воды… После этого я ничего не ел еще пятнадцать дней — и опять мне дали глоток теплой воды. После этого я голодал десять дней…

Дни «поиска истины» очень утомили меня: какой бы скверной ни была погода, я должен был все время идти и мог делать лишь короткие передышки…»[81]

Подобные страдания, как и муки, которым подвергают себя аскеты, направлены на то, чтобы неофит отбросил старое «я» и все прежние привычки и приобрел взамен то, что Гурджиев называл «сущностью»: твердую сердцевину реальности, сравнимую с закаленной сталью.

Шаманизм принимает существование духов как само собой разумеющееся. Этот подход в корне отличается от мировоззрения западной цивилизации, представители которой могут верить или не верить в существование духов или привидений, но никоим образом не считают эту веру фундаментом всей своей жизни. Шаманы не только верят в духов — они их видят и с ними говорят. Нет оснований считать, будто шаманы обманывают себя

или предаются безудержным фантазиям. Они бы сказали, что, напротив, в пересмотре нуждается западное мировоззрение.

При изучении эволюции взглядов Запада на шаманизм по работам вроде «Шаманов в истории» меня изумляли догматичность и подозрительность, с которыми подходили к делу антропологи XIX века. В сборнике приводится запись Эверарда Ф. Турна, который в конце 1880-х годов жил в племени макуси в Британской Гвиане. Когда местный шаман («пейаман») предложил излечить его лихорадку колдовскими методами, Турн охотно согласился. После захода солнца он отправился в большой дом пейамана. Собралась толпа, желавшая поглазеть на исцеление. Во тьме Турн лег на пригорок, рядом находился переводчик, юноша из того же племени.

Шаман «неописуемо и ужасно заревел-, его крики и возгласы наполнили дом, потрясая стены и крышу, временами они переходили в звериный рык, временами же затихали, превращаясь словно бы в далекий рокот. Он ревел не останавливаясь шесть часов кряду. Громовой вопрос рождал вскрик в ответ…

Во время обряда параллельно безумному гвалту раздавался некий звук, поначалу низкий и неразличимый, затем нараставший, как если бы огромное крылатое создание слетало к дому из поднебесья, проходило сквозь крышу и опускалось тяжело на пол; проходило время — и вновь били крылья, и снова повторялось то же действо. Всякий раз, когда загадочное существо прилетало и затем исчезало, я ощущал на лице движение воздуха, будто потревоженного крыльями. То были кенаима [злые духи], что приближались и удалялись.

Их вопли были поначалу едва различимы, но делались все громче, пока дух не приземлялся на пол дома и не распрямлялся. Первым делом каждый из кенаима нарочито шумно хлебал табачную воду из бутылки на полу. Пока он пил, пейаман продолжал голосить; наконец, кенаима был готов отозваться. Он произносил свое имя, обещал не беспокоить меня и улетал, шурша крыльями. Духи принимали вид тигров, оленей, обезьян, птиц, черепах, змей, а также индейцев племен акавои и аракуна…».

Здесь Турн делает поразительное замечание: «То было тщательно продуманное сочетание чревовещания и актерской игры. Всякий ужасавший меня звук исходил из горла пейамана; возможно, ему помогала жена… Шуршание крыльев кенаима, а также глухой удар, раздававшийся, когда каждый из них опускался на пол, воспроизводились, как я обнаружил позднее, вот как покрытые листьями ветви должным образом шевелили, а

затем бросали на землю… Однажды, вероятно, по случайности, ветви коснулись моего лица; тогда-то я и понял, что они собой представляют, ибо ухватил несколько веточек зубами»[82].

Турн впал в полутранс; когда он очнулся, у него по-прежнему болела голова. Он расплатился с шаманом зеркальцем за четыре пенни, оставаясь убежденным в том, что тот — шарлатан. Неясно, как объяснял Турн тот факт, что голоса звучали словно бы издалека и проходили сквозь крышу. Кажется, он полагал, что чревовещание — это способность «говорить, не открывая рта», очевидно, не понимая того, что чревовещание на сцене требует света дня, при котором публика заключает, что голос исходит изо рта куклы.

Венцеслас Серошевский, поляк, сосланный в 1870-х годах в Сибирь, не сомневался в магических способностях якутских шаманов и описал их как «диких и свободных духов»[83]. Другой сибирский ссыльный, Вальдемар Богораз, также считал шаманизм реальным явлением. Он отмечает, что, если юноша медлит, не подчиняясь зову духов, те скорее всего явятся, чтобы поинтересоваться, почему тот медлит. Молодежь, говорит Богораз, часто не желает подчиняться духам. Он продолжает: «Родители молодых людей, «обреченных на вдохновение», ведут себя по-разному… Иногда они противостоят зову, что услышал их ребенок, и пытаются убедить его отвергнуть духов и жить обычной жизнью. Это чаще происходит, когда в семье есть лишь один ребенок, ибо шаманское призвание таит в себе опасности, особенно на начальном этапе. Родительский протест, однако, делу не помогает: отвергать духов куда опаснее, нежели последовать их зову. Молодой человек, противящийся такому зову, может заболеть и вскоре умереть, в ином случае духи побудят его оставить свой дом и отправиться туда, где он сможет освоить профессию шамана без каких-либо препятствий»[84].

Богораз добавляет, что большинство знакомых ему шаманов утверждали, что учителей у них не было и они развили свои способности в одиночестве. Способности шамана нельзя унаследовать. В этом их отличие от способностей ведьм, которые передаются по наследству и от наставницы к ученице. Разумеется, существуют семьи шаманов, где сын становится шаманом вслед за своим отцом, но обучением его занимается не отец, а духи.

Барабан — основной рабочий инструмент шамана: судя по всему, он вводит сознание в состояние, в котором становится возможно общение с духами. Шаман племени оглала-сиу Черный Лось рассказал антропологу Джону Дж Нихардту: «Четырежды прокричал я «хей-а-а-хей», стуча в барабан, взывая к Духу Мира и ощущая, как сила проходит сквозь меня, как она растет,

поднимаясь от моих ступней, и я знал, что могу исцелить маленького мальчика»[85].

Уиллард З. Парк, американский антрополог, живший среди павиотсо, индейцев Северной Невады, акцентирует внимание на еще одном важном аспекте шаманизма: способности привораживать зверей. После того как разведчик определит местонахождение стаи (или то же сделает шаман во сне), строится загон, и шаман проводит «церемонию привораживания»: все ее участники танцуют (танец может продолжаться всю ночь), а шаман, ведомый духом антилопы, входит в транс и поет антилопью песню. Затем мужчины, женщины и даже дети «преследуют антилопу» с целью направить животных в загон.

Книга «Шаманы в истории» прослеживает любопытный путь от полного недоверия к шаманам через отстраненное наблюдение антропологов вроде Парка к более вовлеченному исследованию, которое показалось бы прежним наблюдателям ненаучным. Широкая общественность узнала о существовании шаманизма в 1957 году, когда американец Р. Гордон Уоссон описал в журнале «Лайф» опыт поглощения волшебных грибов в компании мексиканского шамана.

Уоссон и его друг сидели на подстилке и смотрели на женщину-шамана Марию Сабину сквозь дым от ладана, пока она приготовляла грибы и раздавала их двум десяткам человек Когда они проглотили грибы, начались видения — «яркие, цветные, неизменно гармоничные. Они начались с угловатых красивых узоров, которые могли бы украсить ковры, ткани или обои… Потом эти узоры превратились во дворцы с двориками, аркадами, садами — изумительными садами, выложенными полудрагоценными камнями. Потом я увидел мифического зверя, запряженного в царскую колесницу. Позднее стены нашего дома словно бы растворились, мой дух воспарил, и я застыл в воздухе, наблюдая гористые пейзажи, караваны верблюдов, что медленно бредут по склонам, горы, которые ярус за ярусом возносились к небесам». Уоссон добавляет: «Я ощущал, что ясно вижу мир как он есть, в то время как обычное зрение всегда искажает картину; я видел архетипы, Платоновы идеи, которые лежат под искаженными образами повседневности. Меня посетила мысль: возможно, божественные грибы — ответ на загадку древних Мистерий? Может быть, чудесные способности, которыми я наслаждаюсь, лежат в основе рассказов о полетах ведьм, играющих столь важную роль в фольклоре и сказках Северной Европы?»[86]

Статья привлекла в Мексику множество американских туристов, которые страстно желали бежать от скучной

повседневности, дабы, по выражению Артюра Рембо, «обоснованно вывести из равновесия свои чувства»[87].

Когда к Марии Сабине стали приходить американцы, желавшие найти Бога, она поняла, что прославилась. В интервью мексиканскому журналисту она сказала горестно: «До Уоссона никто не принимал грибы лишь затем, чтобы найти Бога. Их ели для того, чтобы исцелить больного»[88].

Однако убежать от славы было уже невозможно, и местный мэр приказал Марии Сабине отдать себя в распоряжение группы иностранцев. Проблема заключалась в том, что молодые поклонники, искавшие общества Марии Сабины, принимали священные грибы в любое время и в любом месте, а не только ночью, как полагалось. Женщина-шаман обнаружила, что иностранцы выпили часть ее собственной силы.

Волшебные грибы вошли в моду, и ничто не могло повернуть стрелки часов назад. У истоков этой моды стоял Олдос Хаксли, который в 1952 году рассказал о грибах, описав собственный мескалиновый опыт в книге «The Doors of Perception» («Двери восприятия»). В 1960-х его дело продолжили гарвардский ученый Тимоти Лири и Ричард Альперт. Ральф Метцнер, друг Лири, придумал слово «психоделический» (оно означает «изменяющий сознание»), Вскоре Лири с Альпертом оставили науку. Лири прославился, посоветовав молодым современникам «включаться, настраиваться, отпадать»[89].

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
БОЛЕЕ МОГУЩЕСТВЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Еще в 1951 году Мирча Элиаде посвятил теме шаманизма свой важнейший труд «Шаманизм: архаические техники экстаза». Однако Элиаде был специалистом по истории религии, а не антропологом, поэтому другие ученые были склонны игнорировать его книгу. Кроме прочего, антропологи в то время были уверены в том, что шаманы — либо хитрецы, либо психически больные люди. «Если коротко, — сказал антрополог Джордж Девере, — мы считаем шаманов помешанными»[90].

При всем том влияние работы Элиаде росло; в конце концов именно благодаря ей ученые стали относиться к шаманизму со всей серьезностью и уже не отмахивались от него как от смеси суеверия и помешательства.

В 1956 году Майкл Харнер уехал жить на восточные склоны Анд с целью изучить культуру индейцев хибаро, «охотников за головами», и (как рассказано в предисловии к этой книге) решил попробовать их наркотик аяуаску. Харнер увидел «древних»; он писал, что эти драконоподобные создания создали все живые существа на Земле, чтобы прятаться у них внутри. Харнер отметил связь между этим утверждением и молекулой ДНК, открытой Криком и Уотсоном в 1953 году. Когда он рассказал двум миссионерам о встрече с исполинским крокодилом, из пасти которого хлестал поток воды, они напомнили Харнеру об отрывке из книги Откровения о змие, что пустил «из пасти своей вслед жены воду как реку, дабы увлечь ее рекою»[91].

Когда Харнер рассказал о своем видении слепому шаману хибаро, упомянув о «драконах», считавших себя владыками Земли, тот улыбнулся и сказал: «Они всегда так говорят. На деле они — всего лишь Владыки Внешней Тьмы». Харнер не говорил о том, что «драконы» прилетали из космоса.

В 1964 году он вернулся в Эквадор с целью изучить шаманизм, общаясь непосредственно с шаманами. Харнер поехал в северо-западную часть страны, где, по его сведениям, жили наиболее могущественные шаманы, и поселился в отдаленной деревеньке Макас близ неспящего вулкана Сангай.

Вместе с проводником из племени хибаро он потратил день на то, чтобы дойти до дома известного шамана Акачу, жившего в лесной чащобе. В обмен на ружье Акачу согласился посвятить

Харнера в шаманы. Сперва ему следовало искупаться в священном водопаде.

Дорога вела их вверх по склону холма в мглистый лес. Харнеру было велено поспешить: «Ты должен страдать, чтобы предки пожалели тебя»[92]. На третью ночь начался дождь, и они разбили лагерь в темноте. Было холодно, еды не было, спать было невозможно. Тьму освещали только вспышки молний.

Вскоре Харнер потерял двух своих спутников, на его крики никто не отзывался. Он миновал немало развилок, будучи вынужден вновь и вновь выбирать дорогу. Целый день он бродил по лесу в одиночестве и вечером наломал веток, чтобы соорудить из них укрытие. На следующее утро Харнер услышал выстрел из ружья и побежал на этот звук. Он вскарабкался по крутому склону каньона. Наконец, он увидел своих товарищей — они стояли у ревущего водопада. Подойдя к ним, Харнер от слабости повалился на землю.

Под ужасным ливнем они брели сквозь туман. Акачу привел Харнера в священную пещеру за водопадом. То был Дом Предков. Холод пробирал до самых костей, но Харнер ощутил вдруг бездонное спокойствие.

В конце концов Акачу привел его в каньон, и они вскарабкались по отвесному склону, скользя по глине, пока не оказались на площадке у вершины водопада. Тут Акачу принялся чистить зеленые стебли и выжимать из них сок в чашку из тыквы. Эту жидкость Харнеру предстояло выпить. Его предупредили: увидев нечто пугающее, он не должен убегать. Харнер знал, что были случаи, когда индейцы, испившие дурманный сок, в панике бежали и погибали, утонув или бросившись с обрыва.

Прошло два или три часа; в полной темноте Харнер пил сок, неприятный вкус которого напоминал ему о зеленых помидорах. Он словно бы оцепенел, затем его обуял великий страх. Он был уверен в том, что спутники сговорились его убить. Когда индейцы укладывали его на землю, Харнеру казалось, что на него набросились орды дикарей. Затем он лишился чувств.

Когда Харнер очнулся, вокруг блистали молнии. Земля сотрясалась. Он вскочил на ноги, но ураганный ветер тут же повалил его навзничь. Затем Харнер увидел медленно приближавшееся к нему змеевидное чудовище. Он хотел было убежать, но вспомнил про посох, который приготовил для него шаман. Посоха не было, зато Харнер нашел палку. Когда монстр разделился на две перевившиеся змеи, Харнер выставил палку перед собой. Раздался пронзительный визг, внезапно лес опустел и воцарилась тишина. Ощутив легкость и безмятежность, Харнер вновь потерял сознание.

Очнувшись в полдень, он почувствовал голод и набросился на обезьянье мясо и теплое пиво. Харнер начал было рассказывать Акачу и проводнику о том, что видел, но шаман велел ему замолчать, предупредив: если Харнер скажет еще хоть слово, все его страдания окажутся напрасными.

Харнер вернулся в дом Акачу и начал учиться собирать магические иглы-ценцаки, в которых жили духи-помощники, помогавшие ему исцелять больных.

Позднее Харнер изучал пути шаманов разных племен североамериканских индейцев и понял, что шаман может действовать без аяуаски или иных наркотиков.

По возвращении он опубликовал несколько статей, в которых описал увиденное, и заработал себе репутацию в ученых кругах. Затем он разрушил эту репутацию, написав книгу «Путь шамана», в которой попытался объяснить, как другие люди могут практиковать шаманизм. Своеобразное «пособие» вызвало ожесточенную реакцию коллег Харнера, посчитавших, будто он влился в ряды калифорнийских гуру. Для научных кругов Харнер превратился в парию, что не помешало книге стать своего рода классикой.

«Путь шамана» Харнера (в числе прочего) сподвиг антрополога Джереми Нарби отправиться в 1985 году на перуанскую Амазонку в долину Пичис, чтобы изучить культуру индейцев ашанинка.

Вот первое предложение его книги «Власть змеи»: «Когда индеец ашанинка в первый раз сказал мне, что познал целебные свойства растений, испив галлюциногенный напиток, я подумал, что он шутит»[93]. Со временем Нарби научился принимать подобные заявления всерьез. Он убедился в том, что при помощи аяуаски можно узнать великое множество интересных вещей, включая свойства ДНК

Причина, по которой Нарби интересовался лекарственными снадобьями, проста: в тропическом лесу растет около 80 тысяч видов растений, следовательно, для того, чтобы создать лекарственное средство, смешав два растения, нужно испробовать более трех миллиардов различных комбинаций. Поражающий нервную систему яд кураре, например, получают, смешав несколько растений. На первом этапе их варят трое суток подряд, не приближаясь к кипящей жидкости, пары которой токсичны. Конечный продукт, которым стреляют из духовой трубки, убивает обезьян, но не заражает токсинами их мясо, при этом обезьяны ослабляют хватку и падают на землю вместо того, чтобы прилипнуть в предсмертной судороге к дереву. Как индейцам удалось создать вещество со столь замечательными свойствами?

«Галлюциногенный напиток» аяуаска изготовляется из двух растений. Одно из них содержит мощнейший галлюциноген, гормон диметилтриптамин, секретируемый человеческим мозгом. В желудке этот гормон обрабатывается энзимами и становится безвредным. Растение должно быть смешано с еще одним, ползучим, чтобы энзимы не уничтожали галлюциноген. Только тогда он вызывает необыкновенные видения.

В этой части Перу шаманов называют «аяуаскеро», а сами они утверждают, что способность исцелять и предсказывать будущее дарует им наркотик, точнее, духи, которые общаются с ними, когда они пребывают под влиянием наркотика. Нарби весьма впечатлили «поликультурные» сады, «в которых растет до 75 видов растений, перемешанных бессистемно, но с умыслом»[94]. Он спросил у шамана по имени Руперто: «Как вы всему этому научились?» — и получил ответ: если он хочет понять это, нужно выпить аяуаски[95].

Колумбийский антрополог Луис Эдуардо Луна подтверждает это в эссе, опубликованном в «Вестнике этнофармакологии» и включенном в книгу «Шаманы в истории». Опросив четырех шаманов из перуанского города Икитос, он получил один и тот же ответ: «Духи растений учат нас тому, что нам нужно знать». Один из шаманов, дон Сельсо, сказал Луне, что по этой причине шаманы лучше западных докторов. Западные доктора учатся по книгам, а «мы просто пьем жидкость (аяуаску), соблюдаем диету и так учимся»[96].

Прошло две недели, и Руперто предложил Нарби бутылку с красноватой жидкостью, которую Нарби описал как грейпфрутовый сок с резким вкусом. Нарби вырвало, однако Руперто велел ему выпить еще.

«Внезапно я понял, что окружен двумя исполинскими боа-констрикторами по пятьдесят футов в длину каждый. Я был перепуган до смерти… пока в голове моей проносились обрывочные мысли, змеи начали говорить со мной без слов. Они объяснили мне, что я всего лишь человек. Я ощутил, как мое сознание треснуло, и увидел в трещинах бездонное высокомерие моих предрассудков. Более чем верно то, что я — всего лишь человек, и хотя большую часть времени мне кажется, будто я понимаю все, что происходит, в тот момент я оказался в более могущественной реальности, которую не понимал; будучи ослеплен высокомерием, я даже не подозревал о ее существовании»[97].

В этот момент Нарби вынужден был подчиниться позывам рвоты и вышел вон, переступив через «флюоресцирующих змей».

У нового ощущения реальности имелись и отрицательные

стороны: «Сам язык казался мне неадекватным. Я пытался назвать то, что видел, но почти всегда слова не желали прикрепляться к образам. Меня это вгоняло в ступор: мое последнее связующее звено с «реальностью» оказывалось непрочным, а сама эта реальность оказывалась не чем иным, как отдаленным, одномерным воспоминанием»[98]. Вместо рвоты Нарби исторгал из себя цвета, одновременно он видел двух существ по разные стороны от себя, одно белое и одно черное.

Откуда-то извне поступали приказания: пришло время остановить рвоту, время сплюнуть, время прополоскать рот. Нарби пребывал в этом странном мире много часов, пока не заснул от усталости.

Через два дня друг-индеец заметил, что Нарби следует принести фотокамеру и сфотографировать змей. Тот сказал, что видения не появятся на пленке, на что получил возражение: «Нет, они появятся, они же такие яркие»[99]. Нарби заверил друга, что тот говорит чепуху. Позднее он осознал, что индеец почти всегда говорил разумные вещи.

В другой раз индеец сказал, что может вылечить давний радикулит Нарби при помощи глотка растительного чая в новолуние. Нарби вновь отнесся к его словам со скепсисом. Выпив чай, он ощутил, что замерзает, его ноги сделались как резиновые. Боль в спине при этом исчезла и больше не появлялась.

Нарби узнал нечто еще более странное. Индеец показал ему растение, которое могло помочь от смертельного укуса ямкоголовой гадюки. Нарби заметил, что у растения имеются маленькие крючки, напоминающие клыки. «Это знак, который дает природа», — ответил индеец[100]. Нарби и тут проявил скепсис: ему казалось, что «клыки» растения — не более чем совпадение, а вовсе не данный природой «знак».

Он наблюдал за тем, как шаман лечил больного младенца: окурил его табачным дымом, пососал пятнышко на животе и сплюнул. Расспросив шамана, Нарби узнал, что табак — это мать аяуаски. Матерью же табака была змея. Ему сказали также, что «души» (манинкари) любят табак. Спросив, что такое эти души, он узнал, что они невидимы и летают по воздуху наподобие радиоволн, но их можно увидеть при помощи табака или аяуаски. Все эти объяснения Нарби отверг как суеверия.

Вернувшись домой в Швейцарию, он получил степень магистра, после чего начал писать книгу о том, что видел в Перу. «А вдруг природа действительно общается с нами посредством знаков? Может быть, ее и вправду можно понять, подмечая общее в формах?»[101]

Нарби начал читать работы о шаманизме и был поражен одним замечанием: «Ты должен расфокусировать свое зрение, чтобы воспринимать науку и природные видения одновременно»[102].

Исследование Нарби началось с изучения химического состава галлюциногенов. Их действие основано на подражании гормону серотонину, вырабатываемому в шишковидном теле в центре мозга, в так называемом «третьем глазе».

Серотонин по-прежнему являет собой загадку. Судя по всему, он как-то связан с эволюцией головного мозга.

У людей серотонина больше, чем у животных. Вероятно, его назначение — развивать умственные способности и подавлять половое созревание. В частности, поэтому люди с замедленным половым развитием часто умнее людей, которые созрели рано. Серотонин проявляет себя как химический посредник между клетками мозга. По некоторым предположениям серотонин и галлюциногены наподобие мескалина и аяуаски «отпирают» мозг, как ключи отпирают замок. Но может ли все это объяснить необыкновенные ботанические познания перуанских индейцев?

Первый (и самый важный) вывод, к которому пришел Нарби: когда индейцы говорили, что получили информацию о растениях из аяуасковых видений, они не лгали.

Большинство ученых считает (и небезосновательно), что вызываемые галлюциногенами видения рождаются в подсознании, как и сны. Нарби, однако, уверен в том, что сверкающие змеи, сообщившие ему, что он всего лишь человек, — не просто образы из подсознания. Так появилась его очевидно безумная гипотеза, согласно которой о свойствах трав шаман узнавал от самих трав. Юнг, в конце концов, считал, что может общаться с рядом сущностей, населявших его подсознание, и что эти люди существуют объективно[103].

Для Нарби ключевым стало замечание Майкла Харнера о том, что его видения исходили от исполинских рептилий, покоившихся на самом дне мозга (курсив мой). Не будем забывать о том, что в сноске Харнер добавлял: эти создания были «похожи на ДНК»[104].

Нарби поразил тот факт, что молекула ДНК выглядит в точности как две свившиеся змеи. Более того, эти змеи соединены ступеньками, что делает молекулу ДНК похожей на спиральную лестницу.

Из книги Элиаде Нарби узнал, что шаманы всего мира часто рассказывают о том, как взбираются по лестнице на небо. Элиаде добавляет, что в виде лестницы наши предки представляли себе «мировую ось»[105]. (Антрополог Барбара Майерхофф, которая в

1970-е годы жевала бутоны пейота под руководством шамана Рамона Медины из племени уичоли, ощутила себя словно бы пронзенной этой осью, «гигантским деревом, чьи корни уходят глубоко под землю, а ветви теряются из вида за облаками».)[106]

Дочитав книгу Нарби до этого места, я вспомнил о том, что Кит Критчлоу также упоминал о мировой оси, и вернулся к книге «Время останавливается». Критчлоу замечает, что представление об оси мира увязывается с Полярной звездой, которую, как упоминалось ранее, часто называют «звездой-гвоздем» или «гвоздем неба», поскольку она словно бы укрепляет мировую ось. В домах шаманов имеется центральный столб, проходящий сквозь крышу и символизирующий мировую ось, по которой шаманы могут взбираться на небеса; этот столб делится на семь ярусов, а шаманская лестница имеет семь ступеней. Столб позволяет шаману проникнуть в семь космических зон, которые мы часто упоминаем в завуалированной форме, когда говорим, что были «на седьмом небе от счастья».

Более того, число 7 красной нитью проходит сквозь мифологию, магию и религию. В книге «Brewer's Dictionary of Phrase and Fable» («Словарь фразеологии и мифологии Брюэра») это число определяется как «мистическое или священное». Но почему оно повсеместно связывается с мистицизмом и волшебством? Британский ученый Джоффри Эш предположил однажды, что виной тому — семь звезд Большой Медведицы, однако это созвездие северного полушария, между тем число 7 почитается как священное по всему миру. (Эш мог бы обратить внимание на то, что Плеяды также известны как «семь сестер».)

Я предполагаю, что ответ нужно искать в шаманизме, который, как и представление о лестнице с семью ступенями, един по всему миру. (Необходимо добавить: и Элиаде, и Критчлоу указывают на то, что в шаманизме центральное место занимает также число 9 — на коньках крыш шаманских домов часто имеется девять засечек.)

Австралийские аборигены заявляют, что мир был создан змеей, окрашенной в цвета радуги, при помощи горного хрусталя. В легендах индейцев десана, которые живут на берегах колумбийской Амазонки (и пьют аяуаску), также появляются космическая анаконда и горный хрусталь. Когда Нарби узнал об этом, он понял, что это не совпадение.

Исследуя четырехтомную работу Джозефа Кэмпбелла о мировой мифологии, Нарби обнаружил, что свившиеся змеи появляются «в большинстве изображений, повествующих о священных событиях»[107]. Он узнал, что космические змеи породили мир в мифах народов Амазонии, Мексики, Австралии,

Шумера, Египта, Персии, Индии, Тихого океана, Крита, Греции и Скандинавии. На Леванте змей, сотворивший мир, почитался по меньшей мере за семь тысячелетий до создания книги Бытия.

В скором времени Нарби перестал сомневаться в том, что свившиеся змеи — это символ ДНК и шаманы, пусть это и спорно, каким-то образом общаются с ДНК, а точнее, ДНК общается с шаманами. «В своих видениях шаманы способны настраивать сознание так, чтобы оно проникало на молекулярный уровень»[108]. Нарби отмечает, что антрополог Херардо Рейхель-Долматофф, изучавший племена Амазонии, описывал собственные аяуасковые видения как «микрофотографии растений»[109]. Поэтому «когда индейцы говорят, что рецепт кураре был дан им существами, сотворившими жизнь, это не метафора. Когда они говорят, что знание пришло к ним от существ, которых они видели в галлюцинациях, они именно это и имеют в виду»[110].

Нарби продолжает: «Я был поражен. Кажется, никто не заметил возможной связи между «легендами примитивных народов» и молекулярной биологией. Никто не увидел, что двойная спираль была символом первоисточника жизни на протяжении тысячелетий по всему миру»[111].

Действительно, факт потрясающий. Если ДНК может выступать в роли наставника шаманов, мы должны признать концепцию, которая приводит в ярость любого ученого. Речь о телеологии, интуитивной целесообразности бытия. Наука являет собой попытку изучить явления под микроскопом, что лучше всего получается, если эти явления обездвижены. Тогда вселенную, жизнь, материю можно объяснить в терминах механики, и не возникает никаких неудобных вопросов.

Однако Нарби, как и Фрэнсис Крик, один из первооткрывателей ДНК, считает, что подобный взгляд чреват большими проблемами. Крик возражал, когда ему говорили, что живые клетки (белки) случайным образом самозародились в «первичном бульоне». Он высчитал, что вероятность случайного появления белка составляет 20 в двухсотой степени, что в триллионы раз больше, чем число атомов во вселенной.

Нарби делает также важное замечание: «Шаманы по всему миру считают, что общение с духами устанавливается через музыку»[112]. Вот почему шаманы поют и танцуют. Ключевую роль музыки отмечал в середине 1970-х годов американский этномузыковед Дейл Э. Ольсен. Изучая индейское племя варао в дельте Ориноко в Венесуэле, он заметил, что при вхождении в транс музыка играет куда большую роль, нежели табак. (Изменяющие сознание наркотики племя варао не использует.) «Я

полагаю, что музыка в сочетании с культурными установками вводит человека в совершенный транс, схожий с медитативным трансом, в который впадают буддисты, использующие музыку для достижения просветления»[113]. Ольсен замечает, что шаманы варао не становятся одержимыми, они погружаются в глубокую медитацию, во время которой им удается установить контакт со сверхъестественными духами-помощниками.

Шаман племени варао согласился спеть «колдовскую песню», которой его научил сверхъестественный наставник, но прежде объяснил: песня уничтожит оба магнитофона — и дорогое устройство, предоставленное взаймы Калифорнийским университетом, и дешевый магнитофон Ольсена. В конце длинной песни шаман упомянул «огромные ножницы мира духов»[114], которые уничтожат приборы чужестранца. Они будут выведены из строя не сразу; если бы шаман желал уничтожить их мгновенно, он курил бы не короткую, а длинную сигару.

Прошло две или три недели, и пророчество исполнилось: кислота, просочившаяся из батареек магнитофона Калифорнийского университета, уничтожила записи, в то время как собственный магнитофон Ольсена начал зажевывать пленки. Когда Ольсен принялся его чинить, устройство развалилось окончательно.

Здесь возникает уместный вопрос: может ли шаман использовать свои способности для причинения вреда? Судя по всему, да, но при этом шаман неизбежно вредит и себе. В «Интервью с убивающим шаманом» шаман по имени Ашок с запада Непала рассказал датскому антропологу Петеру Скафте о том, как его надули торговые партнеры. Рассвирепев, Ашок «направил на них смертельную мантру»[115]. Все они умерли: один скончался скоропостижно, другой подхватил дизентерию, третий погиб в автомобильной катастрофе. Ашок был в ужасе, ведь он обещал богам, что станет использовать силу лишь для того, чтобы помогать другим. «И мои кошмары стали явью. Мой маленький сын и моя дочь заболели, страшно мучились и умерли в течение месяца»[116].

(Этот «эффект бумеранга» наблюдается и в европейском колдовстве: колдун или ведьма, использующие силу для причинения вреда другим людям, непременно падут жертвами собственных проклятий.)

Фернандо Пайягуахе, шаман эквадорского племени секойя, надиктовал своим внукам книгу, которую те перевели на испанский и издали под названием «The Yage Drinker» («Пьющий яге»; яге — это аяуаска). В ней шаман разъясняет, как яге может научить колдовству. «Некоторые пьют яге и достигают лишь

одной цели — обрести силу, дабы практиковать колдовство. Куда больше усилий и яге требуется для того, чтобы подняться на высший уровень, получить доступ к видениям и силе исцеления.

Стать колдуном легко и просто. Я стремлюсь не к этому, а к тому, чтобы расширить свой дух и вместить в него как можно больше знаний»[117]. Дальше Пайягуахе рассказывает о том, как, достигнув однажды этого уровня, «я ощутил, что в моих силах колдовать и убивать других, чего я никогда не делал, ибо меня сдерживал совет моего отца: «Ты сможешь убить кого-нибудь при помощи силы — и навсегда останешься всего-навсего колдуном»[118].

Американский антрополог Майкл Ф. Браун изучал обычаи перуанских индейцев из племени хибаро-агуаруна и заметил, что они приравнивают колдовство к попытке совершить умышленное убийство и считают, что колдунов необходимо казнить. Колдуны, подобно шаманам, используют «духовные дротики»; колдун посылает их, дабы навлечь муки на врагов, шаман подавляет этим же оружием пагубную деятельность колдуна.

Подчеркнем: все шаманы (и их пациенты) считают, что любые смертельные недуги насылаются колдунами. Для западной цивилизации это утверждение звучит, разумеется, абсурдно. В 1985 году западный антрополог Эдит Тернер записала свои впечатления от обряда исцеления в Замбии, во время которого увидела вместе с остальными участниками действа «злокозненного духа», огромный сгусток серой плазмы, отделившийся от спины пациентки. «В тот момент я поняла, что африканцы правы, причиной болезни стал дух; речь не о метафоре, не о символе, даже не о психологическом воздействии»[119]. Серый сгусток Эдит Тернер описала так: «Это был жалкий объект, очень нездоровый, потерявший всякую энергию, очень похожий на немощных духов, которые доводят людей до самоубийства»[120]. Получается, что «сгусток» был своеобразным энергетическим вампиром.

Грэхем Таунсли, британский антрополог, живший в начале 1990-х годов среди индейцев яминауа на берегу перуанской Амазонки, услышал о тайном языке шаманов. Он решил непременно расшифровать его и преодолеть «силовое поле» между концепциями шаманов и собственным мировоззрением.

Таунсли говорит, что ключевым понятием племени яминауа является «йоши», то есть «дух», или «животная сущность». Все сущности мира обязаны йоши своими свойствами.

Но йоши — это не только суть вещи или живого существа; оно существует независимо от них в сверхчувственном царстве и не поддается точному описанию, оно «похоже и не похоже», «то

же, но другое».

В человеке яминауа выделяют три части: его тело; его общественное «я», с которым связаны разум и язык; наконец, сущность, которая не является ни общественной, ни человеческой и легко смешивается с другими йоши. В числе свойств йоши — фундаментальное тождество людей и прочих существ, поэтому человек легко превращается в нечеловека, люди становятся животными.

Пение — квинтэссенция шаманизма и главное орудие шамана. Под воздействием аяуаски шаман племени яминауа учится «петь, читать нараспев могущественные заклинания, осторожно нанизывать на мелодию вербальные образы, выраженные на трудном для понимания метафорическом языке шаманской песни, и следовать за ними. Песня становится тропой: шаман делает ее прямой и ровной прежде, чем пойти по ней»[121]. Целительные силы шамана берут начало в его песнопении, его кошуити. «Кош» — это имитирование звука, который мы издаем, когда дышим тяжело и отрывисто.

Язык кошуити состоит из необычных слов, обозначающих простые вещи. Песнопения метафоричны, в них описываются аналоги реальных ситуаций, на которые песня должна повлиять. «Борясь с недугом, шаман обращается с песней к луне, к зверю, иногда излагает легенду»[122]. Песня шамана предназначена для йоши-нелюдей, населяющих мир духовидческих видений. Язык таких песен «сугубо метафоричен».

Ночь превращается в «стремительных тапиров», лес становится «пророщенным арахисом», рыбы — это «пекари», ягуары — «корзины», анаконды — «гамаки». В результате, говорит Таунсли, песня имеет смысл единственно для шаманов. Рыба — это «пекари с белыми полосками на шее», поскольку рыбьи жабры похожи на белые полоски на шеях диких свиней. Ягуары — «корзины», поскольку волокна корзин напоминают узор на шкуре ягуара. Шаманы яминауа называют свой язык «плетеным». Песни и образы делают видения духовидца предельно ясными. Шаман утверждает, что обычные слова заставили бы его «разрушить действительность»[123].

Все это заставляет вспомнить американского учителя, отправившегося в 1917 году на Гавайи и изучавшего древнюю веру гавайских индейцев хуна, которую сохраняли жрецы, именовавшиеся «кахуна». Он обнаружил, что главная тайна этой веры заключена в языке.

Учителя звали Макс Фридом Лонг. Свою историю он изложил в замечательной книге «The Secret Science Behind Miracles» («Тайная наука в основе чудес»), Лонг родился в 1890 году,

окончил Калифорнийский университет и поехал на Гавайи, чтобы учить там детей правительственных чиновников. Он работал в уединенной долине и решил узнать как можно больше о древней религии народа хуна, запрещенной к тому времени чиновниками, белыми христианами. Лонг встретился с куратором музея Уильямом Тафтсом Бригемом, который сказал ему, что кахуна могут убить, прочитав молитву смерти. Лонг слышал о том, что христианский священник был вызван одним из кахуна на «молитвенное соревнование» и пришел в ужас, узнав, что его прихожане гибнут один за другим от странного паралича. Священник убедил какого-то гавайца научить его молитве смерти, и через три дня колдун умер. Лонг слышал также о подростке, который забрался в запретный храм, чтобы доказать, что он ничего не боится. У подростка отнялись ноги, домой его доставили соседи. Мальчик был вынужден обратиться к кахуна, чтобы исцелиться.

Уже в Америке Лонга осенило: он может узнать главные тайны кахуна из их языка. Гавайские слова построены из более коротких слов, а значит, в священных терминах заключена важная информация. Лонг посмотрел в словаре слово «дух» и нашел два перевода: «унихипили» и «ухане». Он вспомнил о том, что, по словам христианских миссионеров, у человека есть две души.

Позднее Лонг понял: хуна верили в то, что у человека есть не две, а три души. Кроме унихипили и ухане есть еще душа под названием «аумакуа». Лонг заключил, что унихипили — это нижнее «я», то, что Фрейд называл «бессознательным». Аумакуа можно назвать верхним «я» или «сверхсознательным». Иначе говоря, в дополнение к подсознанию человек обладает еще и надсознанием, которое настолько же выше обыденного сознания, насколько подсознание — ниже.

Исследователь психических явлений Ф.У.Г. Майерс предложил аналогичную теорию в своей классической работе «Human Personality and Its Survival of Bodily Death» («Личность человека и преодоление ею смерти тела»), Майерс называл «я», способное контактировать с неизвестными силами, «подпороговым я». В своем предисловии к переизданию книги Майерса 1961 года Олдос Хаксли перефразировал его мысль так: у человека имеется фрейдовское бессознательное (своеобразный подвал), сознательное «эго» и сверхсознательный чердак, о котором никто из нас ничего не знает. Эти три «я», судя по всему, соответствуют трем «я» народа хуна. Нижнее «я», говорят хуна, живет в солнечном сплетении, его задача — производить жизнетворную силу под названием «мана».

Мана — это жизненная сила, которая берется из пищи и

используется двумя высшими «я» при одном условии: ее вибрации должны усилиться.

Несмотря на то что нижнее «я» — слуга среднего, оно часто ведет себя строптиво и не подчиняется приказам. Оно хочет, чтобы выполнялись его желания. Это «я» естественным образом вспыльчиво и капризно, как избалованный ребенок. Хуна говорят, что среднее «я» (т. е. «мы») должно пытаться дисциплинировать низшее «я» и воспитывать его, а не опускаться до его уровня, как это случается с людьми, которые во всем себе потакают. Люди, позволяющие низшему «я» биться в припадках, вредят самим себе. Это заметно по преступникам (особенно тем, что совершают преступления на сексуальной почве). Хуна считают, что верхнее «я» можно понимать как ангела-хранителя, которому ведомо будущее и который может его контролировать. Получается, что верхнее «я» — это та часть нас, что отвечает за синхронность и вещие сны.

На деле среднее «я» («повседневная личность») может общаться с верхним «я». Проблема в том, что это общение возможно лишь при посредничестве низшего «я». Представьте себе, что телефонный кабель проходит через нижнее «я» и лишь затем поднимается к верхнему. Так как нижнее «я» обычно переполняют отрицательные эмоции, помехи на линии столь сильны, что разговаривать почти невозможно. И только когда нижнее «я» пребывает в спокойствии или, будучи хорошо воспитанным, ведет себя прилично, становится возможно общаться через него с верхним «я» и получать информацию о будущем.

Согласно Лонгу, молитва смерти воздействует на человека через нижнее «я», которое отделяется в момент гибели. Именно нижние «я» становятся причиной, например, полтергейста. Мы воспринимаем эти отделившиеся «я» как земных духов, глупых, но не особенно зловредных.

Средние «я» также отделяются в момент смерти, но они не обладают памятью, поскольку память — свойство нижнего «я». Средние «я» превращаются в привидения, они существуют в вечном настоящем и не способны его покинуть.

Впрочем, было бы ошибкой считать, что нижнее «я» — это нечто вроде малолетнего преступника. Ученики Лонга стали именовать нижнее «я» Джорджем и говорили, что Джордж может быть исключительно полезен. Он смотрит на мир с детской проницательностью, и если спросить Джорджа, что он думает о том или ином человеке, он сообщит нам все, что нам нужно знать. Среднее «я» может увериться в том, что человек умен и убедителен, а Джорджу достаточно взглянуть на него, чтобы

понять: перед нами — прохиндей.

Лонг заверяет, что с Джорджем возможно вступить в контакт и вести беседы. Человеку, который сблизится со своим «Джорджем», куда легче завести отношения и со своим верхним «я».

Верхнее «я», как уже упоминалось, способно заглядывать в будущее и вполне может быть той сущностью, что отвечает за предвидение в случаях, описанных Дж У. Данном в книге «An Experiment with Time» («Эксперимент со временем»).

По словам доктора Бригема, жрецы-кахуна также способны видеть будущее и менять его в интересах «клиентов», то есть тех, кто прибегает к их услугам. Тут есть одно «но»: клиент не может находиться под влиянием нижнего «я», поскольку цели и намерения этого «я» меняются поминутно. Лонг замечает:

«Как именно работает этот механизм — неясно, поскольку эта работа осуществляется на следующем уровне сознания; сами кахуна говорят о формах как о «семенах», которые, будучи посеянными аумакуа (верхним «я»), прорастают в будущих событиях или ситуациях.

Кахуна считают, что человеку в высшей степени необходимо делать частые остановки, размышлять о собственной жизни и принимать конкретные решения: каким я желал бы видеть себя? Что в моей жизни должно произойти? Обыватель, как правило, склонен отдавать бразды правления нижнему «я», что очень опасно: оно живет по законам животного мира, где все происходит словно бы случайно и якобы лишено логики. Задача и обязанность среднего «я» — стать проводником нижнего «я», направлять его силой побуждающего разума и воли, дабы здраво планировать собственное существование и понимать, какие адекватные усилия следует приложить, чтобы воплотить эти планы в жизнь».

Лонг добавляет: «В прошлом кахуна практиковали преимущественно один вид колдовства: они изучали прозрачное как хрусталь будущее клиента и изменяли это будущее, дабы сделать его более приемлемым»[124].

Сам Лонг воспользовался магией кахуна (женщины) во время Великой депрессии, когда в 1932 году магазинчик фотоаппаратов, которым он владел, оказался на грани банкротства. Колдунья сказала Лонгу, что он должен очень четко представить себе, чего именно желает, и объяснила, как нужно молиться верхнему «я», чтобы просьба звучала недвусмысленно. С помощью кахуна Лонг сумел продать свой магазин за удовлетворившую его сумму. Колдунья предсказала также, что Лонг напишет восемь книг, и это предсказание сбылось.

После всего этого Лонгу, естественно, захотелось узнать, откуда пришел народ хуна и встречается ли колдовство, похожее на магию кахуна, у других народов. Увы, разузнать что-либо было почти невозможно, поскольку хуна боялись молитвы смерти. У тех, кто становился жертвой этой молитвы, сначала отнимались ступни, потом ноги, постепенно паралич распространялся на торс — и люди умирали.

Доктор Бригем рассказал Лонгу о гавайском подростке, который сопровождал его в экспедиции на гору Мауна-Лоа, где Бригем собирал образцы растений. На полпути к вершине горы мальчик начал ощущать одеревенение ступней, а затем и ног. Другие гавайцы, сопровождавшие Бригема, заверили его, что подросток пал жертвой молитвы смерти. Бригем спросил об этом у мальчика, и тот сказал, что старый кахуна запретил жителям его деревни иметь дело с белыми людьми под страхом смерти.

Гавайский старик принялся умолять Бригема, которого туземцы также считали колдуном, остановить действие молитвы смерти. Бригем абсолютно точно знал, что колдовать не умеет, но в конце концов вынужден был согласиться. Он понимал, что посредниками, которые выполняют приказы кахуна, были скорее всего духи — нижние «я», отделившиеся от остальных «я» в момент смерти. Эти духи при всем том легко поддавались внушению. Бригем встал над больным мальчиком и начал спорить с духами. Он сказал им, что считает их хорошими и разумными созданиями и что ему очень жаль, что кахуна обратили их в рабство. Он сказал им, что их истинное предназначение — отправиться на небеса и что, убивая мальчика, они всего лишь подчиняются воле злого человека. Несколько слушавших Бригема гавайцев начали плакать, так их тронули прозвучавшие доводы.

Наконец, Бригем приказал духам отстать от мальчика и напасть на кахуна. Последовало долгое ожидание, и внезапно Бригем осознал, что всякое напряжение словно бы исчезло. В этот самый момент мальчик понял, что может двигать ногами. Вскоре после этого происшествия Бригем отправился в деревню, где жил мальчик, и узнал, что кахуна умер в ту ночь, когда он боролся с духами. Кахуна проснулся с воплем и начал биться с наступавшими духами, но не смог наложить на себя защиту, стал уязвим и умер до восхода солнца.

Несложно понять, почему Лонгу так долго не удавалось узнать ничего ни о религии кахуна, ни о молитве смерти.

Лонг рассказывает также о мальчике, который, расхрабрившись, вошел в запретный храм в лесной чаще. Нижнюю половину его тела охватил паралич. Мальчик избавился

от проклятия, только когда к нему вызвали жреца-кахуну.

Случилось так, что вскоре после книги Лонга я наткнулся на роман «The Empire of Darkness» («Империя тьмы») пера французского египтолога Кристиана Жака и был поражен одним совпадением. Эта книга — первая из трилогии «The Queen of Freedom» («Царица свободы») о царевне Аххотеп из Фив, которая в XVII веке до н. э. подняла восстание против иностранных захватчиков гиксосов, «царей-пастухов».

В седьмой главе царевна Аххотеп, презрев совет жрецов Амона, входит в храм богини Мут в Карнаке, дабы просить у нее помощи в борьбе с захватчиками. Жак пишет: «Да, этот храм жил своей жизнью… Он источал собственную силу…».[125] Царевна перепугана и убеждена в том, что может умереть, и все-таки она вступает в святилище Мут, чья статуя изображает богиню в виде львицы. Аххотеп молится вслух, однако «единственным ответом ей была тишина. То не была тишина запустения: Аххотеп ощущала, как все вокруг словно бы говорит с ее душой…»[126]. Когда царевна пытается завладеть скипетром власти, который держит статуя, тот обжигает ее руку, и Аххотеп падает без чувств.

Вдруг меня осенило: когда Жак называет храм живым, Это не метафора, он говорит о том же самом, о чем Эмиль Шейкер сказал мне в храме Эдфу. Такие храмы обладают силой наподобие той, что поразила мальчика в святилище на Гавайях. Речь не о первобытном суеверии: народ хуна признает силу невидимок, о существовании которых Хар-нер и Нарби узнали в Южной Америке. Впервые я ощутил, что приближаюсь к пониманию древнеегипетской религии.

После появления книги «Recovering the Ancient Magic» («Воссоздание древней магии») Макс Фридом Лонг получил письмо от вышедшего на пенсию английского журналиста Уильяма Реджинальда Стюарта, которое, может быть, проливает свет на историю народа хуна.

В бытность корреспондентом «Крисчен Сайенс Монитор» Стюарт жил какое-то время в Африке. Однажды ему рассказали о женщине, обладавшей магическими способностями; она принадлежала к берберам, туземному населению Северной Африки. Стюарта настолько заинтересовала история этой женщины, что он нанял проводников и отправился искать ее в Атласские горы. Он встретился с колдуньей и узнал, что соплеменники называют ее «куаху-на» (очевидно, это вариант гавайского слова). Приложив массу усилий, Стюарт убедил племя принять его в свои ряды и сделался приемным сыном колдуньи, которую звали Лукки. Ее семнадцатилетняя дочь уже училась искусству куахуна, Стюарту было позволено стать вторым

учеником.

По словам Лукки, изначально двенадцать племен, в которых имелись колдуны-куахуна, жили в пустыне Сахара, которая была тогда цветущей и плодородной. Затем, говорила Лукки, реки высохли, и племена ушли в долину Нила. Там они выстроили при помощи магии пирамиду Хеопса. Они сделались правителями Египта. Соседи уважали их, поскольку им было ведомо колдовство.

Дальше Лукки рассказала о том, как куахуна, которые могли заглядывать в будущее, увидели, что на Земле наступит эпоха интеллектуального опустошения и тайны их магии будут утрачены. Потому двенадцать племен принялись искать удаленные страны, в которых их секреты могли бы пережить эту эпоху. «Секрет» по-гавайски — «хуна». Они изучали мир, но не физически, а экстрасенсорно. В конце концов племена обнаружили пустынные тихоокеанские острова. Они отправились по каналу в Красное море и плыли вдоль побережья Африки, собираясь держать курс на Индию. Двенадцатое племя, однако, решило остаться в Африке и поселилось в Атласских горах. Там они жили много столетий, храня свои тайны и практикуя магию, пока Лукки не осталась единственной куахуна.

Большая часть сведений, полученных Стюартом от Лукки, отлично согласуется с книгой Макса Фридома Лонга. Кроме того, Стюарт описывал магические способности Лукки: она исцеляла, контролировала погоду и подчиняла своей воле диких зверей.

Лукки погибла глупой смертью. Две враждующие группировки начали палить одна в другую, и шальная пуля убила последнюю из куахуна. Это случилось еще до Первой мировой войны. 30 лет спустя Стюарт прочел первую книгу Лонга и написал ему письмо.

Таким образом, нельзя исключать, что магия кахуна берет начало в Африке в эпоху до строительства пирамиды Хеопса. Оттуда она распространилась по Тихому океану.

Лонг замечает, что, согласно гавайской легенде, некогда гавайцы жили далеко от островов и увидели Гавайи «надмирным зрением». Их путешествие началось близ «Красного моря Кане». Они передвигались от берега к берегу на больших двойных каноэ.

Лонг добавляет также, что следы магии кахуна можно найти в Индии.

«Проклятия», которые убивают проклинаемого, могут показаться нам чем-то абсурдным, однако скепсис рассеивается, когда видишь все своими глазами, как это произошло со знаменитым исследователем психических явлений Гаем Лионом Плейфером, когда в 1961 году он, окончив университет,

отправился в Рио-де-Жанейро, где стал школьным учителем. В книге «The Flying Cow» («Летающая корова») Плейфер рассказывает о том, как заинтересовался целителем по имени Эдивальдо — тот умел открывать желудок пациента голыми руками, оперировать, а после закрывать рану, которая немедленно срасталась.

Эдивальдо провел операцию на желудке Плейфера, и тот ощущал руки целителя внутри себя. Плейфер не чувствовал боли, словно пребывал под местной анестезией. Когда Эдивальдо закрыл отверстие в коже, на животе осталась лишь тонкая красная линия. После второй похожей операции пациент выздоровел.

Плейфер рассказывает о том, как присоединился к бразильской организации, местному аналогу Общества изучения психических явлений, и расследовал несколько случаев полтергейста. Он быстро пришел к заключению, что полтергейст — это не просто ПСПК, повторящийся спонтанный психокинез, как полагает большинство западных исследователей паранормальной активности. На самом деле полтергейсты — это духи (впрочем, не исключено, что в некоторых случаях это ПСПК). Плейфер обнаружил, что бразильские знатоки умбанды (магии духов) способны накладывать на людей заклятия и устраивать полтергейст в их домах.

Он изучил случаи потустороннего вмешательства, которые не прекращались в течение шести лет, и смог нащупать ответ благодаря группе людей, которую возглавлял колдун кандомбле («кандомбле» — это бразильский эквивалент вуду). Плейфер приводит различные примеры призраков, вызванных при помощи черной магии, в главе «Преисподняя пси» своей книги «The Indefinite Boundary» («Нечеткая граница»).

Сам Плейфер, к счастью, никогда не становился жертвой подобного проклятия. Эта участь выпала на долю его другу Дэвиду Сент-Клеру, написавшему книгу «Drum and Candle» («Барабан и свеча»). На протяжении восьми лет Сент-Клер жил в Рио-де-Жанейро в уютной квартире с замечательным видом из окна. Ему прислуживала красивая смуглая девушка по имени Эдна. Сент-Клер заверяет читателей, что она была только служанкой, никем больше. Эдна много страдала: отец бросил ее семью, и та вынуждена была ютиться в трущобной лачуге.

Девушка, безусловно, была довольна спокойной и безопасной работой у Сент-Клера. Она стала членом ансамбля народного танца, который показали по телевидению, после чего Эдна в одночасье сделалась местной знаменитостью. Настал день, когда Сент-Клер сказал девушке, что вскорости покинет Бразилию. Эдна

справлялась с обязанностями настолько хорошо, что с легкостью нашла бы себе другую работу. Сент-Клер заверил девушку, что выплатит ей жалованье за полгода.

С этого момента все пошло наперекосяк. Вдруг застопорилась работа над книгой, которую писал Сент-Клер: машинистка сначала перепутала все, что можно было перепутать, а потом заболела, и несколько недель jc рукописи в ящике ее стола никто не притрагивался. От книги отказался нью-йоркский издатель. Наследство, на которое рассчитывал Сент-Клер, никак не могло до него добраться. Он надеялся переселиться в Грецию, но вынужден был пересмотреть свои планы. Возлюбленная Сент-Клера его отвергла, друг отказался дать взаймы. Сам Сент-Клер заболел малярией.

Однажды он повстречал на авеню Копакабана подругу-медиума. Бросив взгляд на Сент-Клера, она сказала: «Тебя кто-то сглазил. Перед тобой закрыты все пути»[127]. Несколько дней спустя друг написал Сент-Клеру о том, что в ходе обряда умбанды дух предупредил его: один из твоих друзей подвергается серьезной опасности, кто-то его проклял, и все пути перед ним закрылись.

Еще один друг Сент-Клера, актер, сразу же предположил, что его прокляла Эдна. Сент-Клер решил, что это нелепо. Начать с того, что Эдна была католичкой и часто осуждала спиритизм и умбанду. Актер сказал, что был на спиритическом сеансе и получил информацию о том, что на квартире Дэвида Сент-Клера лежит проклятие. СеНт-Клер спросил, как Эдна могла добиться столь впечатляющего результата. Ей всего-то и надо было, ответил актер, поучаствовать в ритуале культа кимбанда (черной магии), прихватив с собой какую-нибудь деталь гардероба Сент-Клера, посредством которой можно наслать порчу. Когда друг заговорил об этом, Сент-Клер припомнил, что не так давно у него пропали носки. Эдна утверждала, что ветер сдул их с бельевой веревки.

Сент-Клер сказал Эдне, что ему кажется, будто его сглазили, но она высмеяла эту идею. Тогда он попросил Эдну отвести его на сходку колдунов умбанды. Девушка долго протестовала, но в конце концов вынуждена была согласиться.

В субботу вечером Эдна привела Сент-Клера в узкий белый дом на задворках Рио. На стенах дома имелись изображения дьявола, Эшу. Ближе к полуночи раздался гром барабанов, и сидевшие на полу нефы затянули песню. Началась ритуальная пляска. В помещение ураганом ворвалась жрица умбанды, огромная негритянка в платье с ярусами кружев и белой шелковой шляпке.

Она плясала, и другие женщины начали дергаться словно одержимые. Жрица удалилась; когда она появилась вновь, на ней было красное платье, а красный — это цвет Эшу/Сатаны. Она выпила вина, раскурила сигару. Жрица бросилась в пляс, заметила Сент-Клера и предложила ему отхлебнуть из бутылки, горлышко которой было покрыто ее слюной. Затем она выплюнула вино ему в лицо.

Пение длилось и длилось, затем медиума спросили, кто наложил на Сент-Клера проклятие. Она ответила: «Тот, кто сегодня привел его сюда! Она хочет, чтобы он на ней женился. Или же купил ей дом и участок земли…»[128] Жрица приказала Эдне удалиться. Затем она сказала: «Теперь мы освободим тебя от проклятия»[129]. Снова загрохотали барабаны, негры запели, после чего жрица сказала: «Теперь ты свободен. Проклятие снято и падет, усилившись вдвойне, на того человека, что наложил его на тебя»[130]. Сент-Клер сказал, что не согласен, но жрица ответила, что возмущаться поздно: все уже произошло.

Три дня спустя Сент-Клер получил телеграмму из журнала с предложением опубликовать рассказ, который прежде был отвергнут этим же журналом. Внезапно редакция переменила решение и прислала гонорар. Неделю спустя Сент-Клер получил долгожданное наследство. Он нашел издателя для своей книги. Через десять дней он получил письмо от возлюбленной — та осведомлялась, нельзя ли просто забыть о разрыве и продолжить встречаться. Затем Эдна заболела. Врачи диагностировали вздутие живота. Девушку оперировали, за ее лечение заплатил Сент-Клер. Однако состояние Эдны продолжало ухудшаться. Она пошла к жрецу умбанды, который сказал ей, что наложенное на Сент-Клера проклятие перешло на нее и она не прекратит страдать, пока он будет рядом с ней. Эдна призналась Сент-Клеру в том, что пыталась заставить его жениться на ней, применив черную магию. Она отказалась от его предложения купить ей дом или квартиру и ушла из жизни Сент-Клера навсегда.

Шаманы знают, что мир духов реален, и подобное мировоззрение находит приверженцев не только среди антропологов, но и среди тех, кому довелось исследовать паранормальные явления, а таких исследователей становится все больше.

Как мы увидим далее, с шаманами согласился бы и Чарльз Хэпгуд — иначе он не пришел бы к мысли о существовании «развитой науки уже сто тысяч лет назад».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
ГОРЯЩИЕ ГОРЫ ЕНОХА

На протяжении первых двух веков нашей эры огромной популярностью пользовалось странное сочинение под названием «книга Еноха». Оно считалось частью Ветхого Завета. Я полагаю, что читатели в ту пору воспринимали ее как диковинный приключенческий роман: ангелы устраивают главному герою, пророку Еноху, экскурсию по небесам и приводят в место, очень напоминающее ад. Более того, в этой книге описывается своего рода скандал: мятежные ангелы, которые названы Стражами, решили насладиться сексом с земными женщинами и зачали расу буйных исполинов.

Затем по причине, которую так и не удалось установить, книга Еноха исчезла. Была ли она запрещена Церковью? Так или иначе, очень скоро об этой книге заговорили как о сочинении, которое непременно следует прятать от детей.

Книгу Еноха открыли вновь в конце XVIII века, когда шотландец Джеймс Брюс обнаружил ее текст в монастыре в Абиссинии (ныне Эфиопия). Брюс был масоном, принадлежавшим к килвинингской ложе «Кэнонгейт»; возможно, он отправился в поход, будучи движим романтическим желанием отыскать Ковчег Завета, который по одной легенде находится именно в Эфиопии.

Брюс добрался до Гондара, столицы Абиссинии, по озеру Тана и повстречал удивительных людей, которые вполне могли быть потомками непослушных великанов из книги Еноха: они ели куски сырого мяса, отрезанные от живой коровы, вешали на копья яички врагов и в разгар пира валились под стол, дабы предаться там любви. Огромный и бородатый Брюс понравился их царю и был назначен главнокомандующим. Со временем он принялся изучать местность и побывал у истока (как уверял его проводник) Белого Нила; оказалось, что из этого истока рождается куда менее полноводный Голубой Нил.

В монастыре Брюс нашел хронику «Кебра Нагаст» («Книга славы царей»), повествующую о том, как царь Соломон усыновил ребенка царицы Шебы, столица которой располагалась в Абиссинии. Их сын в конце концов вернулся в Абиссинию, забрав с собой Ковчег Завета.

В том же монастыре Брюс обнаружил книгу Еноха, которую, по преданиям, сочинил пророк Енох, внук Адама и прапрадед Ноя. На деле она была написана около 200 года до н. э., однако, по мнению профессора Александра Тольманна, описанные в ней

семь горящих гор, которые спустились с небес и низринулись в море, вызвав потоп, являются не чем иным, как кометой 7600 года до н. э.

Великий потоп — важнейшее событие в масонской версии древней истории, потому Брюс, должно быть, понимал, что нашел весьма ценную книгу, которая прославит его имя среди собратьев по масонству. Он привез ее с собой в Лондон. Завистливые домоседы отнеслись к рассказам о раскованных эфиопах более чем скептически, а доктор Джонсон фактически назвал Брюса лжецом. Его великую книгу «Travels to Discover the Source of the Nile» («Путешествие с целью открыть истоки Нила») почти никто не заметил; впрочем, сочувствовать ее автору невозможно — известно, что Брюс нанял переписчиком прозябавшего в бедности священника, пообещав ему заплатить позже, и попытался надуть его, выгнав с пятью гинеями. Брюс впал в депрессию и умер в 1794 году в возрасте 64 лет — он упал с лестницы и свернул себе шею.

Книгу Еноха перевели на английский только в 1821 году, что удачно совпало с расцветом романтизма и модой на мятежных ангелов и запретные связи.

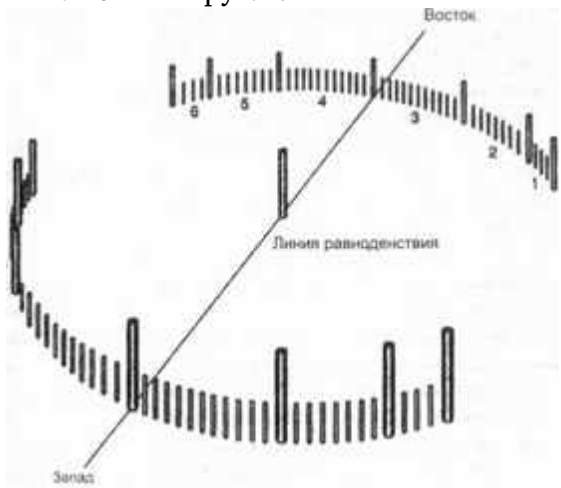
На этом этапе моего исследования я прочел книгу «Uriel's Machine» («Машина Уриила») Кристофера Найта и Роберта Ломаса и был ошеломлен их описанием той части книги Еноха, которая называется «Книгой об обращении светил небесных» и посвящена в основном астрономии. Ангелы заводят Еноха в северные широты. На это намекает единственное обстоятельство: день длиннее ночи на девятую часть, день заключает в себе ровно десять частей, а ночь — восемь частей. Найт и Ломас приходят к выводу, что эта холодная земля расположена между 51-м и 59-м градусами долготы. Именно там помещаются Стоунхендж в Уилтшире, Нью-Грейндж в Ирландии, Калланиш на Гебридах и многие другие доисторические обсерватории.

Эти сооружения были возведены «людьми гребенчато-ямочного неолита», названными так по типу создававшейся ими керамики. Найт и Ломас задаются вопросом: случайно ли в «астрономической» главе книги Еноха заходит речь о широтах различных доисторических обсерваторий? В какой-то момент Енох переносится к «твердой как кремень скале» на западе:

«И я видел шесть врат, в которых солнце заходит; луна также восходит и заходит чрез те же врата… а также много окон направо и налево от тех врат»[131].

Ломасу и Найту это описание напомнило о Стоунхендже с его «окнами» в трилитонах — дольменах, составленных из трех камней.

В начале 1960-х годов британский астроном Джеральд Хокинс приступил к проверке гипотезы, согласно которой Стоунхендж может представлять собой своеобразный компьютер каменного века, сооруженный для того, чтобы вычислять время восхода Солнца и Луны в периоде длительностью 18,6 года. Книга Хокинса «Stonehenge Decoded» («Расшифрованный Стоунхендж») немедленно стала бестселлером, хотя ряд астрономов она не убедила. Тем не менее идеи Хокинса широко распространились, а в 1970-е годы его теорию поддержал труд профессора Александра Тома о древних каменных кругах.



«Машина Уриила»

Ключевая идея Хокинса проста: стоя в центре каменного круга, вы можете наблюдать восход Солнца (или Луны) и предсказывать погоду по положению светила относительно маркеров.

Ломас и Найт решили попробовать соорудить «машину Уриила» на холме в Йоркшире — иначе говоря, они построили простейшую обсерваторию. Раз за разом отмечая из центра круга положение Солнца в момент восхода или заката, они устанавливали один маркер за другим. Строительство продолжалось год, его результатом стали два изогнутых ряда столбов — один против другого. Ломас и Найт усвоили (как усвоили это и древние строители Стоунхенджа), что год не делится на четыре равные части солнцестояниями и равноденствиями. Земля вращается вокруг Солнца по эллиптической орбите, потому от зимнего до летнего солнцестояния оно восходит 182 раза, а от летнего до зимнего — 183 раза. Та же неравномерность проявляется и в отношении весеннего и осеннего равноденствий.

Благодаря этим наблюдениям Ломас и Найт поняли также,

почему строители древних монументов, эти «Эйнштейны каменного века», приняли за единицу длины расстояние в 32,64 дюйма — мегалитический ярд, как назвал его Александр Том. Сам Том признавал, что удвоил меру длины в 16,32 дюйма (которую установил, обмеряя мегалиты), чтобы приблизить ее к современному ярду.

Ломас и Найт обнаружили, что их «машина» считает, что в году 366 дней (между двумя зимними солнцестояниями). Отсюда они вычислили мегалитический градус, одну триста шестьдесят шестую долю вращения Земли. Установив столбы на расстоянии мегалитического градуса, они выяснили, что светило перемещается от вершины одного столба к вершине другого за 3,93 минуты.

Судя по всему, строители мегалитов измеряли время при помощи маятника. Промежуток времени, за который маятник завершает одно колебание, определяется, как мы знаем, длиной маятника. Ломас и Найт обнаружили, что длина маятника, который колеблется 366 раз за 3,93 минуты, должна составлять в точности 16,32 дюйма. Вот почему «Эйнштейны каменного века» приняли расстояние в 16,32 дюйма за основную меру длины. Ломас и Найт решили проблему, которая поставила в тупик Тома.

«Машину Уриила» (состоящую, по сути, из ряда деревянных столбов) можно использовать не только как калькулятор для вычисления времени восхода Солнца и Луны, но и как обсерваторию для наблюдений за кометами. Если коротко, с ее помощью можно определить, врежется данная комета в Землю или нет.

Ломас и Найт предположили, что подобные наблюдения составляли важную часть работы астрономов в древних обсерваториях. Две расположенные по линии «восток — запад» ямы под столбы на стоянке автомашин близ Стоунхенджа доказывают, что первый Стоунхендж был заложен около 8000 года до н. э., более чем за три столетия до вызванной кометой Тольманна катастрофы, покрывшей Шотландию слоем песка и занесшей морские ракушки на Сноудон, самую высокую гору Уэльса. Археологи обнаружили следы еще двух ям, вырытых за тысячу лет до того.

Открытие Ломаса и Найта дает ответ критикам гипотезы мегалитического ярда, которые полагают абсурдной гипотезу, по которой на площади в тысячи квадратных миль на протяжении дюжины веков использовалась единая мера длины. Эти критики полагают, что, будь мегалитический ярд реальностью, должен был бы иметься его эталон из железа или дерева, который копировали древние люди. На деле достаточно было поставить

два деревянных столба на расстоянии мегалитического градуса и укорачивать или удлинять маятник до тех пор, пока он не станет колебаться 366 раз в течение времени, пока Солнце движется от одного столба к другому. Длина маятника и будет мегалитическим ярдом.

Многое прояснила и книга «Историческая метрология», написанная А.Э. Берриманом, инженером, который был одержим мерами и весами.

Берриман указывает на то, что основной греческой мерой длины был стадий (отсюда — слово «стадион»), приблизительно равный длине футбольного поля, 185 метров. Удивительно, но в полярной окружности Земли — ровно 216 000 стадиев, а 216 000 — это, в свою очередь, 60 в кубе. Или 3600, помноженное на 60. Легко заметить, что каждый градус земной окружности должен быть равен 60 стадиям. Один градус равен 60 минутам, иначе говоря, одна минута равна одному стадию. Минута делится на 60 секунд, то есть секунда равна одной шестидесятой греческого стадия или, в свою очередь, ста греческим ступням (футам).

Все это более чем странно, потому что ученые Греции классического периода понятия не имели о размере Земли — Эратосфен вывел его около 250 года до н. э. в ходе эксперимента с глубоким колодцем в Сиене. Древнегреческая система измерений доказывает, что понятие «стадий» греки переняли у какой-то более ранней цивилизации, которой размеры Земли были известны. Сразу приходит мысль о шумерах, которые придумали минуту, равную 60 секундам, и час, равный 60 минутам. Но шумеры не были великими мореплавателями, они скорее всего понятия не имели о длине земной окружности. На эту роль куда лучше подходят древние морские цари Хэпгуда — атланты.

Желая поближе познакомиться с масонскими ритуалами, Ломас и Найт из любопытства присоединились к масонской ложе. Считается, что масонство зародилось в средневековых гильдиях, своеобразных профсоюзах, в которые объединялись строители кафедральных соборов вроде тех, что стоят в Шартре и Сен-Дени. Однако пристальное изучение масонских обрядов убедило Ломаса и Найта в том, что эти обряды оформились куда раньше, во времена Иерусалимского храма, Иисуса и его брата Иакова, и что древние масонские традиции появились еще во времена потопа, около 9600 года до н. э.

Принять подобную идею легче, чем кажется. Если воспоминания о потопе обнаруживаются в легендах канадских индейцев, что мешает им проявиться в религиозной традиции Ближнего Востока, где их сохраняли сначала иудеи, а потом

христиане?

Ломаса и Найта особенно заинтриговала часовня Росслин недалеко от Эдинбурга, один из наиболее замечательных религиозных памятников Шотландии. Я посетил ее, когда мы с Джой побывали в Эдинбурге в мае 1996 года. Эта часовня, построенная Вильямом Сен-Клером в середине XV столетия, представляет собой строение скорее языческое, нежели христианское. Ее стены и колонны покрывают барельефы, изображающие виноградные лозы, море цветов и фруктов. Повсеместно встречается языческая фигура «зеленого человека».

Что он делает в христианском храме? В мифологии «зеленый человек» олицетворяет весеннее возрождение природы и связанные с ним языческие празднества.

В книге «Mysteries» («Мистерии»), написанной 20 лет назад, я сообщал о древнем культе лунной богини Дианы, который был запрещен христианами, но отказывался исчезать. Как указывалось выше, чудоковатая исследовательница Маргарет Мюррей считала даже, что ведьмы были жрицами древнего культа Дианы и что шабаши, которыми, как утверждалось в ходе процессов над ведьмами, руководил дьявол, были на деле языческими обрядами плодородия, а руководил ими верховный жрец, изображавший бога Пана с козлиными копытами и рогами.

Я задал себе вопрос: являлся ли Вильям Сен-Клер (или Синклер, как его стали называть позднее) набожным христианином, каким хотел казаться?

Росслинскую часовню, безусловно, переполняет мистика. Начать с того, что здесь можно встретить изображения растений американского происхождения, например сахарной кукурузы и алоэ (оно выглядит как лилия и имеет горький вкус). Однако часовня была построена за полвека до того, как Колумб открыл Америку.

В поезде, который вез меня обратно в Корнуолл, я прочел купленную в росслинской книжной лавке книгу «Ключ Хирама» Роберта Ломаса и Кристофера Найта, повествовавшую о часовне Росслин. Книга усилила мои подозрения: судя по всему, Вильям Сен-Клер был хранителем странного (и нехристианского) культа.

Современные масоны склонны думать, что их необычная церемония посвящения (посвящаемый надевает на шею петлю, обувает одну ногу в туфлю, а на второй закатывает штанину до колена, после чего дает невнятные ответы на столь же невнятные вопросы) появилась на пустом месте. Ломас и Найт решили, что на самом деле эта церемония являет собой секретный код. Они пришли к заключению, что масонское братство изначально возникло на основе средневековой организации рыцарей-

тамплиеров, которые, в свою очередь, хранили тайны, известные со времен великого потопа.

Своим названием тамплиеры (они же храмовники) обязаны иерусалимской штаб-квартире ордена, которая располагалась на подвальном этаже Храма Соломона (правильнее говорить о руинах храма, разрушенного римлянами в 70 году н. э., спустя всего четыре года после того, как Ирод его восстановил).

Христианские рыцари захватили Иерусалим в 1099 году в ходе Первого крестового похода. Прошло 20 лет, и 9 французских рыцарей из Труа, явившись к королю Иерусалима Балдуину II, сказали ему, что поклялись защищать дороги, чтобы обеспечить безопасность христианских паломников. Они спросили короля, не разрешит ли тот построить дом на Храмовой горе, и Балдуин выделил рыцарям участок земли, включавший «подвал» Храма Соломона, где они устроили конюшню.

Тут начинается самое интересное: девять рыцарей не стали создавать отряд, который мог бы защитить пилигримов (в любом случае девять человек вряд ли могут обеспечить безопасность на всех дорогах). Вместо этого они в течение семи лет раскапывали «конюшню» и сидели тише воды ниже травы. Они явно надеялись что-то найти. В 1970-х годах израильские археологи обнаружили один из выкопанных рыцарями туннелей.

Что они искали? Разрушив Храм, римляне вывезли все его сокровища. Может быть, остатки этих сокровищ были зарыты под Храмом?

Как бы то ни было, тамплиеры, судя по всему, ничего не нашли, ив 1126 году, через семь лет после начала раскопок, предводитель рыцарей Гуго де Пейен вернулся во Францию. Казалось, попытка основать орден провалилась.

Тут объявился его спаситель. Цистерцианец Бернар Клервоский (позднее — святой Бернар) был одним из наиболее могущественных прелатов Франции, пусть он и отказывался принимать официальные титулы, оставаясь всего лишь аббатом. Бернар, кроме прочего, приходился племянником одному из девяти рыцарей, Андре де Монбару. Именно Монбар сопровождал Пейена на пути во Францию.

Через два года в городе Труа был созван собор, целью которого было убедить Церковь поддержать начинания рыцарей-тамплиеров. В 1128 году был основан «Орден Бедных Рыцарей Иисуса и Храма Соломона». Он был подотчетен одному только папе римскому. При поддержке св. Бернара в орден стекались и средства, и рекруты, в итоге тамплиеры стали богатейшим из религиозных орденов Европы.

Второй крестовый поход, объявленный по инициативе

Бернара Клервоского после падения Эдессы в 1144 году, окончился неудачей: в 1187 году мусульмане под предводительством Саладина вернули себе Иерусалим. Невзирая на семь крестовых походов, которые объявлялись на протяжении следующего столетия, восстановить власть христиан на Востоке не удалось. Их разгром завершило падение Акры в 1291 году. Рыцари-храмовники были уже не нужны.

Однако при них остались власть и богатство (которым рыцари были отчасти обязаны налоговым льготам). Орден возглавил великий магистр Жак де Молэ, тамплиеры зализали раны на Кипре и стали думать, что делать дальше. Оставаться на Кипре было небезопасно — мусульмане совершали набеги на Лимасол и захватывали пленников, за которых надо было платить выкуп. Тамплиеры думали о возвращении во Францию, но тут их поджидала проблема: король Филипп Красивый (1265–1314) враждовал с папой Бонифацием VIII. Поскольку тамплиеры считали понтифика своим владыкой, их возвращение во Францию могло не понравиться королю.

Что до самого короля, то он не жаловал храмовников из общих соображений: заносчивые рыцари, как и их римский владыка, его раздражали. (Возможно, потому, что однажды Филипп пытался вступить в орден, но получил отказ.) Король вышел из этой схватки победителем. Когда папа пригрозил отлучить Филиппа Красивого от Церкви, тот объявил Бонифация еретиком и взял его под стражу в собственном доме; Бонифаций скончался вскоре после того, как вновь оказался на свободе.

Его преемник, Бонифаций IX, возобновил войну, проигранную его предшественником, и Филипп избавился от него, приказав отравить. Затем король вознамерился посадить на папский престол собственного ставленника Бертрана де Го, архиепископа Бордо.

Филипп заранее обговорил множество условий, на которых соглашался поддерживать кандидатуру Бертрана. В частности, новый папа должен был перенести папский престол во Францию. Одно условие хранилось в тайне и никогда не разглашалось: судя по всему, папа согласился не выступать против планов короля арестовать тамплиеров и присвоить их деньги.

В 1305 году Бертран стал папой Климентом V, и король немедленно приступил к реализации плана захвата чужого имущества, одного из самых необычных за всю историю человечества. Он решил взять под стражу всех живших во Франции тамплиеров (15 тысяч человек) и обвинить их в ереси. Представьте себе современного короля, который хочет арестовать всех офицеров армии, флота и ВВС!

Удивительнее всего то, что Филипп Красивый добился своего. Запечатанные приказы разлетелись по Франции за четыре недели до атаки на орден, и в пятницу, 13 октября 1307 года тамплиеры были арестованы.

Храмовников обвинили в гомосексуализме и в том, что они поклонялись демону Бафомету, а также плевали на крест. Под ужасными пытками (рыцарей держали над раскаленными жаровнями) многие сознались в содеянном. В их числе был и великий магистр Жак де Молэ. Однако 18 марта 1314 года, когда тамплиерам был вынесен приговор, Молэ отказался от своих слов и заявил, что признался под пыткой. Планы короля оказались под угрозой, и разъяренный Филипп тут же приказал сжечь Молэ и его друга Жоффруа де Шарне на медленном огне.

Этот приказ был приведен в исполнение на следующий день на Еврейском острове посреди Сены. Говорили, будто Молэ предсказал, что не пройдет и года, как король и папа встретятся с ним перед престолом Всевышнего. Прошло три месяца, и оба были мертвы: Филипп погиб во время охоты на кабана, Климент скончался от недуга.

Аресту подверглись далеко не все тамплиеры. Их пришвартованные в Ла-Рошели корабли за день до атаки на орден снялись с якоря и исчезли. Капитаном одного из этих кораблей был сеньор де Го, родственник папы, Бертрана де Го. Не исключено, что Бертран предупредил его о готовящихся арестах.

Мы знаем, что случилось по меньшей мере с одним кораблем. Им командовал рыцарь Анри де Сен-Клер, осевший в Шотландии. Один из его потомков построил часовню Росслин.

Заманчиво предположить, что другие корабли флота тамплиеров за два века до Колумба пересекли Атлантику, а один из них позднее возвратился в Шотландию. Иначе почти невозможно объяснить, откуда на стенах Росслинской часовни взялись изображения кукурузы и алоэ.

Есть и другая проблема, не менее занимательная. Если тамплиерские флотоводцы знали о существовании Америки, откуда они получили эти сведения? Должно быть, они читали манускрипты или видели карты, на которых была изображена Америка, «карты древних морских царей». Но где они их нашли? Вернее всего, эти манускрипты и карты были извлечены из-под земли в подвале Иерусалимского храма, где тамплиеры жили и раскапывали «конюшню».

Но кто спрятал там древние документы? Ясно, что не иудейские священники — их интересовало лишь одно: как спасти сокровища Храма от римлян.

Известно, однако, что в 66 году н. э., когда в Иудее случилось

восстание, в этой местности жили люди, обладавшие некими сокровищами и желавшие укрыть их от посторонних глаз. Речь о ессеях, секте, которая удалилась в пустыню, дабы выразить тем самым недоверие израильско-иудейской династии Хасмонеев или Маккавеев. Последние были потомками знаменитого иудейского партизана Иуды Маккавея, который двумя столетиями ранее поднял восстание против сирийского господства. Когда Иуда погиб в бою, во главе партизанских отрядов встал его брат Ионафан; спустя некоторое время он сделался первосвященником и основал маккавейскую династию. Ортодоксальные иудеи его не признавали, поскольку Закон гласит, что первосвященники должны быть из рода Ааронова. Они создали оппозиционную партию — фарисейскую.

Ессеи, ведомые пророком, который называл себя Учителем Праведности, пошли еще дальше: они обосновались в Кумране, в пустыне близ пещер Мертвого моря. Судя по всему, они жили в палатках и использовали пещеры как книгохранилища. Прошло почти две тысячи лет прежде, чем ессейские священные книги были извлечены из пещер и произвели сенсацию. Их стали называть «свитками Мертвого моря».

Ломас и Найт придерживаются широко распространенной теории, по которой Иисус был ессеем. Его младший брат Иаков унаследовал титул Учителя Праведности. Иисус был распят после того, как попытался поднять восстание против римлян. Иакова жрецы сбросили со стены Храма и забили камнями до смерти. Когда в 66 году н. э. император Веспасиан явился вместе со своим сыном Титом, чтобы подавить иудейское восстание, ессеи приготовились биться до последней капли крови и, как утверждают Ломас и Найт, зарыли самые ценные священные книги в Храме. Большая часть ессеев погибла в боях с захватчиками, Тит сровнял Храм с землей и увез его сокровища в Рим. Однако предания о спрятанных манускриптах сохранились (в следующей главе мы рассмотрим связанную с ними ошеломляющую теорию), и когда Церковь объявила Крестовый поход с целью завоевать Святую землю, хранители преданий поняли, что появилась возможность вернуть утерянные книги.

В первую очередь эти книги надлежало перевести. Один из рыцарей, Жоффруа де Сент-Омер, был знаком со старым ученым по имени Ламберт (ныне он известен как Ламберт Сент-Омерский); вероятно, около 1119 года Жоффруа отвез ему несколько свитков. Так или иначе, сейчас имя Ламберта чаще всего связывается с копией рисунка «Небесный Иерусалим», на котором появляются все основные символы масонства — две колонны, масонский треугольник и компасы. Масонское братство

в Европе было основано якобы пять веков спустя.

Ломас и Найт указывают на то, что Небесный Иерусалим (или Новый Иерусалим) упоминается в свитках Мертвого моря как часть видения Иезекииля. Их доказательство слишком сложно, чтобы привести его целиком. Они приходят к следующему выводу: «Открытие свитка о Новом Иерусалиме… убеждает нас в том, что тайны ордена тамплиеров были записаны в манускриптах, закопанных назореями (или ессеями Кумрана…)»[132].

Если этот свиток был одним из пергаментов, обнаруженных под Храмом, значит, ессеям были ведомы масонские секреты.

Далее Ломас и Найт обращают наше внимание на Палестину времени Иисуса. Открытия следуют одно за другим. Вскоре становится ясно, что христианский Иисус из Назарета и Иисус, каким его знали современники, — это две совершенно разные фигуры. Во времена Иисуса город Назарет вообще не существовал. Иисуса называли «Иисусом Назореем», а не Назаретянином. Сегодня мы описали бы назореев как иудейских пуритан. Они строго придерживались вегетарианского рациона, отвергали приношение в жертву животных и отказывались считать, будто Моисей получил божественное откровение. Шарль Гиньбер писал, что «в некоторых аспектах они напоминали ессеев», однако Ломас и Найт убедительно доказывают, что назореи и были ессеями[133].

Ломас и Найт обнаружили также сегодняшних назореев, живущих на юге Ирака. Ныне эта секта называет себя мандейской. Христиане ли они? Не совсем. Они поклоняются не Иисусу, а его родственнику Иоанну Крестителю. Иисуса мандеи считают всего-навсего повстанцем и еретиком, который не сохранил доверенные ему тайны.

В книге «A History of Secret Societies» («Тайные общества») Аркон Дарол утверждает, что мандеи «исповедуют древнюю форму гностицизма, включающую инициацию, блаженство и различные ритуалы, некоторые из которых напоминают масонские»[134].

Более того, у мандеев есть специальное рукопожатие и обряд, во время которого (точно как у масонов) посвящаемый воскресает.

Ломас и Найт считают эти «совпадения» достаточными, чтобы заключить: масонство зародилось не в XVII веке, оно куда старше. С ними трудно не согласиться.

Отсюда мы перейдем к странным и весьма нетрадиционным взглядам на христианство.

Ломас и Найт доказывают, что Иисус не просто проповедовал

вселенскую любовь; он хотел освободить свою страну от римлян и был готов поднять ради этого восстание. Многие считали, что он не прав.

«Судя по всему, Иисус, или Иешуа бен-Иосиф (под этим именем его знали современники), не пользовался любовью ни в Иерусалиме, ни в Кумране. Он желал радикальных перемен, которые не готовы были принять ни его семья, ни обитатели Кумрана. Как мы покажем далее, все факты указывают на то, что большинство, включая Марию и Иосифа, поддерживало Иакова»[135].

Ессеи, утверждают Ломас и Найт, считали Иисуса и Иоанна Крестителя мессиями, «двумя колоннами», которые поддерживают масонство. Слово «кумран» означает «арочный проход», а также арку, которая соединяет колонны Бога.

После смерти Иоанна Крестителя, говорят Ломас и Найт, взгляды Иисуса сделались еще более резкими, и он взял на себя роль Иоанна, то есть «второй колонны». Жителям Кумрана это не понравилось. (Я должен подчеркнуть, что Ломас и Найт подкрепляют самые возмутительные выводы цитатами из исторических текстов.) Служение Иисуса продолжалось год, все это время он искал сторонников, проповедуя в глухомани, куда римляне почти не заглядывали.

Затем он решил, что настало время действовать. Иисус въехал в Иерусалим на осле, дабы, исполнилось предсказание пророка Захарии, сказавшего, что царь прибудет на осле. Иисус отправился в Храм и поднял мятеж, напав на ростовщиков. Затем он отступил к селению Вифания и стал ждать революции.

Римляне издали плакат (сохранившийся до наших дней), на котором разыскиваемый преступник Иисус изображен маленьким (около 4 футов 6 дюймов), лысым и горбатым[136]. Сначала был арестован Иаков, брат Иисуса, потом и он сам — в Гефсиманском саду, через пустырь от Храма. Оттуда Иисус должен был видеть две колонны восточных врат и соединяющую их арку, две колонны Нового Иерусалима, которыми на деле был он сам.

Анализ фактов доказывает, что Иисус не ожидал ареста. Он нанес первый удар, вскоре за ним должна была восстать вся Иудея, весь народ Израиля. Иисус рассчитывал при помощи Яхве сделать для своего народа то, что сделал для него двумя веками ранее Иуда Маккавей. Однако Иисус недооценил римлян и их еврейских прихвостней. Они решили подавить восстание в зародыше.

Мой старый друг Хью Шонфилд, известный еврейский ученый, был твердо убежден в том, что Иисус не погиб на кресте: ему дали снадобье, позволявшее имитировать смерть. Шонфилд

написал об этом книгу «The Passover Plot» («Пасхальный заговор»), Генри Линкольн, Ричард Ли и Майкл Бейджент разрабатывают ту же версию в книге «The Holy Blood and the Holy Grail» («Святая Кровь и Святой Грааль»),

Итак, в возрасте 33 лет Иисус был распят, и его тело поместили в специально приготовленную гробницу. Спустя два дня тело исчезло; несколько учеников Иисуса видели его живым. Что касается дат, они спорны. Скорее всего, Иисус родился в 7 году до н. э. Иначе говоря, миллениум следовало отмечать в 1993 году[137].

Далее мы переходим к Савлу, еврею и римскому гражданину. Он сменил имя на «Павел», когда стал гражданином Рима (а не когда, вопреки расхожей версии, был обращен в христианство). Ему было поручено выкорчевать остатки движения за свободу Иудеи, чем он и занялся примерно через десять лет после распятия Иисуса, в 43 году н. э. Среди первых жертв Павла была секта мандеев, которых изгнали в Ирак. 17 лет спустя он ослеп «по дороге в Дамаск» и стал во главе христиан.

Скорее всего, тут речь идет не о сирийском Дамаске (Павел не имел там никакой власти), а о Кумране, который назван Дамаском. Ломас и Найт предполагают, что Павел собирался взять под стражу брата Иисуса, Иакова, которого теперь называли Иаковом Праведным. Когда у Павла восстановилось зрение, он очаровался романтической доктриной, позже распространившейся под именем христианства.

Вероятно, Иакова испугали вести о том, что его гонитель прибыл в Кумран и умоляет рассказать ему все об Иисусе. Судя по всему, то, что Иаков и другие члены общины рассказали Павлу, вдохновило его на создание собственной религии, центром которой стал Иисус. Когда кум-ранцы узнали о том, что новообращенный взялся за проповеди, они прозвали его «человеком лжи».

Согласно Павлу, есть две истории жизни Иисуса: собственная история Павла и история Иакова Праведного. Павел считал, что Иисус был сыном Бога и умер на кресте, дабы спасти человечество от последствий греха Адама. Эта история была придумана для гоев, в особенности для тех из них, кто ценил эллинскую культуру (подобно римлянам). Иисус, по Павлу, был подобием греческого бога, принявшим смерть ради того, чтобы его последователи попали на небо.

Иаков и назореи были известны также как мессианисты — они по-прежнему ждали прихода Мессии, а часть их, видимо, считала, что принявший мученическую смерть революционер Иисус воскреснет и поднимет вооруженное восстание против

римлян. (Эти экстремисты называли себя «зелотами».) Мессия, которого они ждали, был ортодоксальным иудеем, таким же, как Иуда Маккавей. Вслед за Иисусом мессианисты верили также в то, что вскоре наступит конец света и они одни будут спасены.

Однако христианство Павла, которое он проповедовал среди неевреев, было куда более привлекательным. В своей книге «A Criminal History of Mankind» («Уголовная история человечества») я отмечаю:

«Эта новая версия христианства привлекала в равной мере и гоев, и евреев. Для того чтобы понять, что Павел имел в виду под грехопадением, любому разумному человеку достаточно было взглянуть на Рим Тиберия, Калигулы и Нерона. Эти помешанные на сексе алкоголики являлись живой иллюстрацией того, что Рим погряз в безнравственности. Римская матрона, торговавшая своим телом ради удовольствия, доказывала, что Ева пала столь же низко, как Адам. Мир тошнило от римской жестокости, римского материализма, римского блуда. Христианство, обращаясь напрямую к духу, предлагало смысл жизни и цель; оно было глубокомысленно. Сильному оно обещало новые высоты знания. Слабому оно говорило о мире и примирении, о том, что уставший отдохнет, а смиренного ждет награда. Всем и каждому христианство обещало конец царства Цезаря с его распятиями, избиениями и экзекуциями по воле власть имущих. Христиане надеялись на скорый конец этого мира»[138].

По иронии судьбы именно иудейское восстание 66 года привело к победе христианства Павла над мессианизмом Иакова. Поводом для этого восстания (по крайней мере, одним из поводов, как утверждал еврейский историк Иосиф Флавий) послужило убийство Иакова священниками в 62 году. Нерон был вынужден послать на подавление восстания полководца Веспасиана. Когда Нерон покончил с собой, войска провозгласили Веспасиана императором.

Веспасиан вернулся в Рим, оставив своего сына Тита осаждать Иерусалим. Город пал в сентябре 70 года. Храм был сожжен, мятежники, включая мессианистов, зверски убиты, сокровища Храма Тит увез в Рим. Когда мессианистов не стало, у придуманной Павлом религии распятого спасителя, о котором он проповедовал вне Иудеи, не осталось конкурентов. Путь к завоеванию мира был свободен.

Христианство было популярно именно в силу того, что предвещало конец света. Иисус говорил, что Армагеддон, последняя битва между силами добра и зла, произойдет до того, как его слушатели отойдут в мир иной. Если учесть, что Иисуса слушали дети, получалось, что это событие должно было

произойти около 90 года н. э.

Сейчас мы сказали бы, что Иисус воспринимал действительность искаженно — он считал, что о скором светопреставлении ему поведал Бог. Столь же искаженно воспринимали реальность евреи, которые подняли восстание, уверившись в том, что Яхве не позволит чужакам захватить их Храм. 90 год прошел, конец света не наступил, но никто этого не заметил. Христиане к тому времени терпели гонения от безжалостного римского императора Домициана, младшего сына Веспасиана. Этот император настаивал на том, чтобы к нему обращались «господин и бог», и казнил тысячи христиан, которые отказывались признавать его божественность. Домициан был убит заговорщиками в 96 году.

С этого момента и на протяжении 200 лет к христианам относились по-разному. Чаще их преследовали (императоры полагали, что народ следует развлекать, время от времени бросая кого-нибудь на растерзание львам). По большей части христиане были рабами и отверженными, и сильные мира сего их презирали. Когда Плиний Младший решил расспросить о христианстве двух молодых рабынь, которые оказались диаконисами, он посчитал, что естественнее всего будет подвергнуть их пыткам. Позднее он ничуть не раскаивался в своем поступке, уверяя, что не нашел в их словах ничего, кроме только «искаженного и безбрежного суеверия»[139]. Ломас и Найт в целом с ним согласились бы.

Того же мнения придерживался и папа Лев X. Ломас и Найт цитируют его слова: «Она хорошо нам послужила, эта легенда о Христе»[140].

В 312 году н. э. гонимое христианское меньшинство не могло поверить своему счастью: император Константин сделал христианство государственной религией империи. Сам он говорил, что накануне решающей битвы у Муль-вийского моста увидел крест в небе и слова «Сим победиши!».

В правдивости этой истории следует усомниться, поскольку сам Константин так и не стал христианином, оставаясь последователем солнечного бога Sol Invictus («непобедимое солнце»), культ которого установил император Аврелий. Тем не менее Константин победил собственного брата Максенция и бросил его тело в Тибр. Христиане оказались в положении бедных родственников, которые неожиданно сделались единственными наследниками огромного состояния.

Судя по всему, «обращение» Константина состоялось по сугубо политическим причинам. Во II веке за 17 лет сменилось более 70 императоров, из которых немногие умерли своей

смертью. По всей империи восставали варвары. Император Диоклетиан, захвативший власть в 284 году, удержал государство от распада только силой воли и жестокостью. Он сковал империю цепями и повелел городам и деревням, в которых стояли армейские гарнизоны, кормить солдат, не требуя платы. Налоговое бремя при нем стало тяжким, как никогда ранее. При всем том Диоклетиан вынужден был назначить еще трех «соимператоров», которые помогали ему управлять империей. Когда он решил уйти на покой и выпустил из рук бразды правления, государство немедленно начало распадаться.

Нужно было что-то делать, и Константин, сын одного из «соимператоров», знал, что именно. Возможно, озарение посетило его накануне битвы у Мульвийского моста, отчего он и говорил впоследствии о видении. Константин осознал, что империи требуется не огромная армия, а новая религия. Возможно, его выбор пал на христианство потому, что его мать, британская принцесса Елена, была христианкой{5}. Хотя христианство и распространилось по всей империи, оно оставалось религией меньшинства: христианином являлся в те времена лишь каждый десятый. С другой стороны, христиан можно было отыскать в любом городе и любой деревне. Передав им власть, Константин обретал сторонников повсюду. В каждом городе, где имелся христианский епископ, фактически появлялся со-император.

Константин успешно воплотил задуманное в жизнь, но столкнулся с новой головной болью. Кроткие и миролюбивые христиане начали нападать друг на друга столь же неистово, как иудеи тремя веками ранее. Причина раздора была схожа с той, что развела евреев Иерусалима: половина христиан считала другую половину «пособниками». Император Диоклетиан преследовал христиан и приказывал им избавляться от священных книг. Многие христиане предпочли отказаться от книг и не принимать мученическую смерть. Теперь люди, считавшие, что компромиссы с языческой властью невозможны, желали наказать отступников.

Проведенный в Арелате (ныне Арль) собор епископов не смог ничего изменить, и встревоженный император бежал в Византию, явно жалея о безрассудном решении передать власть в руки грызущихся фанатиков. Но и в Византии ему не было покоя. Тамошним яблоком раздора было мировоззрение александрийского священника Ария, который пришел к безупречному выводу: Иисус, сын Бога, сам Богом не был. К тому времени романтический взгляд Павла на Иисуса укоренился настолько, что это толковое и здравое заключение было расценено как богохульство.

Константин решил раз и навсегда положить конец раздражавшим его распрям. В 325 году он созвал собор в Никее (на территории сегодняшней Турции) и пригласил на него церковных иерархов со всей империи. Явившись на собор, Константин волевым решением определил, каким должно быть христианство. Арий проиграл спор, его взгляды были осуждены как «арианская ересь».

Его отправили в ссылку. Христианство с той поры определялось никейским Символом Веры, который констатировал, что Иисус «единосущен» Богу-Отцу, в то время как Святой Дух, «третий лишний», всего лишь «исходит» от Отца и Сына. Так Иисус, хотел он того или нет, был превращен в Бога, что глубоко шокировало бы его как ортодоксального иудея.

Константину, который не был христианином, было все равно, что именно решит Никейский собор. Он был рад тому, что иерархи наконец приняли какое-то решение и перестанут убивать друг друга, подрывая безопасность государства. (Дочь императора Констанция в это не верила и вмешалась, дабы возвратить Ария из ссылки и восстановить его в правах.) Елена, мать Константина, оказала ему неоценимую помощь — она обнаружила «истинный крест», на котором имелась табличка «Царь Иудейский». Было установлено, где именно Иисуса распяли и где находилась его гробница. Елена, кроме того, обнаружила место, на котором Господь говорил с Моисеем из горящего куста, и десятки других мест, упомянутых в Священном Писании; на каждом из них она строила церковь. Все эти места, разумеется, стали привлекать туристов.

Это было лишь начало. Как пишут о том Ломас и Найт: «Ранняя римско-католическая церковь поставила перед собой цель уничтожить все, что не стыковалось с установленной догмой. Истина была неважна; мнение церкви становилось реальностью, а все, что противоречило этой реальности, исчезало»[141].

В 415 году голосящая толпа христианских фанатиков под предводительством патриарха Кирилла сожгла Александрийскую библиотеку. Женщина-ученый Ипатия, один из ведущих математиков свой эпохи, была раздета донага, и монахи заживо содрали с нее кожу устричными ракушками. Прошло время, и Кирилла причислили к лику святых.

Цезари сменялись один за другим, а Римско-католическая церковь продолжала существовать. Иерархи подделали документ под названием «Дар Константина», согласно которому Церковь обладала абсолютной властью в делах не только духовных, но и светских. Ощутив приятный вкус власти, Церковь намеревалась

удерживать ее и впредь.

По понятным причинам она отказывалась признавать изложенный выше взгляд на основание христианства и упорствовала, почти не встречая сопротивления, вплоть до 1947 года. Затем в пещерах близ Кумрана на Мертвом море были обнаружены свитки, позволившие потрясти церковную доктрину до основания.

Где-то в начале 1947 года пастушок из бедуинов искал на скалах Кумрана пропавшую козу и обнаружил на высоте расщелину. Он бросил в нее камень и услышал, как разбилась какая-то глиняная посуда; тогда пастух вскарабкался по скале и оказался в пещере. Он увидел множество глиняных кувшинов высотой около двух футов каждый.

Один из кувшинов содержал кожаные свитки, завернутые в куски рассыпавшейся льняной ткани. Для бедных арабов кувшины представляли куда большую ценность, нежели их содержимое, потому несколько кувшинов опорожнили и заполнили водой, а свитки из них бросили вместо хвороста в костер. Один из свитков чудом попал в руки христианскому лавочнику. Тот показал его архиепископу. Наконец, часть свитков попала в Доминиканский археологический институт в Иерусалиме, и его сотрудники пришли к выводу, что свитки подделаны. Только в марте следующего года Уильям Ф. Олбрайт из Университета Джона Хопкинса объявил о том, что часть свитков датируется 100 годом до н. э.

Двумя годами ранее в Наг-Хаммади в Египте также были найдены древние свитки, но рассказ о них я отложу до следующей главы.

Свитки Мертвого моря, извлеченные из пещер Кумрана, доставлялись в Палестинский археологический музей (ныне Музей имени Рокфеллера) в Иерусалиме, где поступали в распоряжение строгого традиционалиста доминиканца Ролана де Во. Научный мир не проявлял к ним интереса, поскольку ученые решили, что свитки являются всего лишь древними копиями книг Ветхого Завета, например, книги пророка Исайи. Когда де Во осознал истинное значение кумранских свитков, он понял, что в интересах Церкви — не обнародовать их содержание. Свитки Мертвого моря доказывали, что Римско-католическая церковь покоится на фундаменте лжи.

В 1954 году, на беду Церкви, свитками заинтересовался Джон М. Аллегро, независимый ученый, представлявший в международной группе археологов Британию. Аллегро по наивности полагал, что работает бок о бок с не имеющими предрассудков специалистами, которые не будут возражать, если

он оповестит общественность о том, что, судя по свиткам, Иисус был не сыном Бога, а еврейским революционером. Когда стало ясно, что результаты исследования публикуются невероятно медленно просто потому, что их не хотят публиковать, а материал для публикации отобран по признаку безобидности, Аллегро решил действовать.

Он не первым понял, что ученые мошенничают. В 1955 году в «Нью-Йоркере» появилась статья о свитках американского литературного критика Эдмунда Уилсона, снискавшая такой успех, что он решил написать о них целую книгу. Уилсон придерживался левых и антикатолических взглядов. Он обратил внимание на проволочки с публикацией результатов исследования свитков, а также на напряженные отношения коллектива Музея имени Рокфеллера с независимыми учеными вроде сорбоннского профессора Андре Дюпона-Соммера, который пятью годами ранее заметил, что в свитках Мертвого моря описывается распятый Учитель Праведности, очень похожий на Иисуса. Дюпон-Соммер удивился, узнав о том, что на него ополчились оппоненты-католики.

В 1956 году Джон Аллегро трижды выступал в передачах о свитках на английском радио и посоветовал другу, который спросил его о команде де Во, не становиться теологом, поскольку «ко времени, когда я закончу исследование, никакой церкви уже не будет»[142].

В Англии радиопрограммы с его участием прошли почти незамеченными. Эстафету подхватила газета «Нью-Йорк Тайме», в которой появилась информация о том, что ранние кумранские манускрипты повествуют о христианстве за 100 лет до Иисуса. Журнал «Тайм» опубликовал статью «Распятие до Христа». К этому времени католические ученые уже приготовились к обороне. Они объявили Эдмунда Уилсона невежей и дилетантом, однако ученый из команды де Во был куда опаснее.

Их следующий ход изумил Аллегро. Они написали в «Тайме» совместное письмо, в котором разоблачали его и утверждали, что ни «учитель», ни распятие в исследуемых текстах не упоминаются. Аллегро поразился тому, что они готовы защищаться в открытую; казалось бы, им следовало всячески замалчивать факт существования свитков. Он не понял, что то был лишь первый ход в игре, целью которой была дискредитация Аллегро как ученого. Он был слишком наивен, по-прежнему считал себя членом команды де Во и поддерживал с коллегами дружескую переписку, продолжая спорить о значении свитков.

Затем мир узнал о Медном свитке. В 1952 году в пещере Кумрана был найден свиток из меди, на поверхности которого

были выдавлены буквы. Свиток состоял из двух фрагментов, оба были свернуты и столь хрупки, что развернуть их было нельзя. Друг Аллегро, профессор Г. Райт-Бейкер из Манчестерского колледжа сконструировал аппарат, который разрезал фрагменты на куски. Оказалось, что это список сокровищ Храма.

Команда де Во вновь встревожилась. Ессеи считались врагами саддукеев, которые управляли Храмом, между тем Медный свиток говорил об обратном. Ранее международный коллектив ученых настаивал на том, что ессеи жили изолированно; теперь было ясно, что ученые ошибались.

Де Во не хотел распространяться о Медном свитке и по другой причине. Достаточно было объявить о спрятанных сокровищах, как к Кумрану устремились бы тысячи бедуинов с лопатами. Это понимал и Аллегро; он решил, что рано или поздно текст Медного свитка будет опубликован, и согласился держать язык за зубами. Он даже не упомянул о нем в своей книге о свитках Мертвого моря. Когда в мае 1956 года появилось официальное сообщение, согласно которому сокровища, по всей вероятности, никогда не существовали и в любом случае были спрятаны не в Кумране, Аллегро ощутил, что ему нанесли удар в спину.

Благодаря развернувшейся вокруг свитков полемике книга Аллегро «The Dead Sea Scrolls» («Свитки Мертвого моря») стала бестселлером. Когда канал Би-би-си предложил Аллегро сделать на ее основе телефильм, он не колебался ни секунды. Съемочная группа Би-би-си прибыла в рокфеллеровский музей — и получила отказ безо всяких объяснений. Когда телевизионщики сказали, что фильм будет снят в любом случае, согласится де Во помогать им или нет, ученые из команды де Во признали, что они не имеют ничего против самого фильма, но не станут сотрудничать, если Би-би-си привлечет к его съемкам Аллегро.

Вопреки всему к концу 1957 года фильм был завершен. Появление его в эфире откладывалось до конца 1959 года, когда фильм выпустили в ночной эфир. Видимо, Аллегро не ошибался, когда заключил, что международная команда ученых добралась и до Би-би-си.

Казалось, Аллегро одержал победу, когда убедил иорданцев национализировать Музей имени Рокфеллера, что и произошло в конце 1966 года. Затем случилась Шестидневная война, и Иерусалим стал собственностью Израиля. Израиль не хотел расстраивать папу римского. Коллектив рокфеллеровского музея мог бить баклуши сколько вздумается.

Удивительно, но с этого момента Аллегро словно бы подыгрывает своим противникам. В 1970 году он издает книгу

«The Sacred Mushroom and the Cross» («Святой гриб и крест»), в которой, основываясь на филологических доказательствах, приходит к выводу, что Иисус никогда не существовал, он был символом божества, которое «материализовалось» на глазах последователей культа изобилия, наевшихся психоделических грибов. Это звучит нелепо, ведь Аллегро читал ессейские свитки, не оставляющие сомнений в том, что Иисус (или по меньшей мере распятый Учитель) был реальным историческим лицом. Удивительное умопомрачение Аллегро нельзя отнести и на счет наркотиков, поскольку он не пил и не курил.

Как бы там ни было, Аллегро уничтожил свою репутацию и отдал победу рокфеллеровской команде. К нему перестали прислушиваться, он утратил доверие и коллег, и широкой общественности. Аллегро скоропостижно скончался в 1988 году в возрасте 53 лет. (Его главный враг де Во умер в 1972-м.)

Проживи Аллегро на два года больше, он стал бы свидетелем саморазоблачения выдающегося коллеги де Во, ответственного редактора статей о кумранских свитках Джона Страгнелла. Как и другие ученые рокфеллеровского музея, Страгнелл был яростным антисемитом. Когда в ноябре 1990 года израильтяне назначили соредактором проекта еврейского ученого Эммануэля Това, Страгнелл заявил в интервью, что рассматривает иудаизм как «отвратительную религию… и христианскую ересь»[143]. Он добавил, что всем евреям следует обратиться в христианство. Высказывания Страгнелла были перепечатаны газетами всего мира, и через пару недель его уволили.

Битва за доступ к свиткам была выиграна лишь в сентябре 1963 года. Тогда Хантингдонская библиотека Калифорнии напугала рокфеллеровскую команду, объявив о том, что располагает полным комплектом фотокопий свитков. Эти фотокопии были сделаны в 1953 году, еще до того, как де Во вцепился в свитки мертвой хваткой. Коллектив музея попросил вернуть фотографии, но не получил ответа. Хантингдонская библиотека заявила, что намерена изготовить копии на микропленке и продавать их ученым по 10 долларов за комплект. Так свитки наконец были опубликованы.

Согласно Ломасу и Найту, первоначальная Иерусалимская церковь, созданная ессеями, исчезла с лица земли, когда Тит сжег Храм и уничтожил выживших ессеев. Тем не менее ессейская традиция сохранилась в ряде документов. Ломас и Найт обнаружили письмо Климента Александрийского, богослова II века, который пишет о тайном евангелии и тайных обрядах, проводившихся самим Иисусом.

Вспомним о мандеях, назореях (они же ессеи), которые

бежали в Персию до того, как Тит подавил восстание: они почитают Иоанна Крестителя, полагают, что Иисус был предателем, их обряды напоминают масонские ритуалы. Судя по всему, обряды мандеев доказывают вывод Ломаса и Найта: масонство уходит корнями к ессеям и их Иерусалимской церкви.

Другими словами, ессеи практиковали церемонии посвящения, во время которых одобрялись особым образом отобранные кандидаты. Во время такой церемонии, как и во время масонского ритуала, неофит проходил через ритуальную смерть и воскресение.

Вскоре после начала иудейского восстания 66 года произошло удивительное событие, до сих пор не объясненное историками. Прежде чем в Палестину послали Веспасиана, в Иерусалим прорвался римский полководец Цестий Галл со своим войском. Он не встретил никакого сопротивления. Римляне осадили Храм и пробили его стены, а потом решили свернуть осаду и оставили город. Изумленным евреям оставалось только предположить, что Яхве защитил их, как защитил некогда евреев, бежавших из Египта. Они преследовали бежавших римлян и убили около 6000 римских воинов.

Вскоре Рим отомстил, прислав Веспасиана, который продвигался по местности, уничтожая иудейские города и селения, чтобы повстанцам негде было укрыться. Война продолжалась четыре года и закончилась победой римлян и поражением евреев.

Скорее всего именно в тот момент, когда Цестий Галл шел на Иерусалим, ессеи решили спрятать свои священные книги. Не представлявшие особой ценности манускрипты они разрезали на части и укрыли в кувшинах в пещерах с видом на Мертвое море. Самые ценные документы были зарыты под Храмом. Эти свитки, предполагают Ломас и Найт, и были обнаружены тамплиерами.

Однако Вильям Сен-Клер построил Росслинскую часовню за 200 лет до того, как в Англии появились масоны. Почему мы должны думать, что он тоже был масоном?

Ломас и Найт обнаружили множество свидетельств тому в Росслине, о чем написали книги «The Hiram Key» («Ключ Хирама») и «The Second Messiah» («Второй Мессия»), Одно из наиболее убедительных доказательств приводится ниже: это резное изображение на стене внешней стене Росслинской часовни.

На нем мы видим масонский обряд: у неофита завязаны глаза, он стоит на коленях с петлей на шее. Человек, который держит веревку, — рыцарь-храмовник, на его плаще имеется крест. Не остается сомнений в том, что Сен-Клер был тамплиером, а тамплиеры были масонами.

Ломас и Найт считают, что строительство Росслинской часовни было одним из первых деяний масонов на английской земле.

Ломас и Найт тщательно изучили историю Сен-Клеров из Росслина. Судя по всему, Вильям Сен-Клер был норманном, который прибыл в Англию вместе с Вильямом Завоевателем в 1066 году. Этого сына Анри Сен-Клера называли еще Вильямом Благовидным. Он отправился в Первый крестовый поход в 1095 году и сражался у стен Иерусалима бок о бок с Гуго де Пейеном. Гуго женился на племяннице Анри, Катерине Сен-Клер. Связи между Сен-Клерами и тамплиерами и вправду были весьма тесными.

Когда в 1307 году корабли тамплиеров уплыли из Ла-Рошели, часть храмовников отправилась в Шотландию, где около 1140 года, в период расцвета ордена, было построенно аббатство Килвиннинг. Оно располагалось к югу от Глазго и служило пристанищем многим тамплиерам. Аббатство было идеальным убежищем, к тому же неподалеку от него, в Росслине, обитало семейство Сен-Клер. Шотландский король Роберт Брюс был отлучен от Церкви, поэтому в Шотландии тамплиеры могли чувствовать себя как дома.

Один из основных аргументов «Ключа Хирама» состоит в том, что зодчий, строивший Росслинскую часовню, сознательно имитировал Храм Ирода (который, что удивительно, не превосходил по размеру приходскую церковь) и возвел хранилище бесценных свитков, которые были главным сокровищем тамплиеров. Ломас и Найт доказывают, что даже незаконченная внешняя стена Росслинской часовни, которая выглядит так, будто строительство в какой-то момент забросили, являет собой точную копию незаконченной стены Храма Соломона, заново отстроенного Иродом.

Резное изображение в Росслинской часовне: рыцарь-храмовник посвящает неофита в масоны

В 1447 году, когда строилась Росслинская часовня, в донжоне замка Росслин случился пожар. Вильям Сен-Клер чуть не сошел с ума от волнения; он успокоился, когда выяснил, что священнику удалось спасти четыре огромных сундука с рукописями; тогда, говорит хроника, «он стал весел».

Как отмечают Ломас и Найт, странно, что Сен-Клер больше беспокоился о четырех сундуках «рукописей», чем о своем донжоне, не говоря о жене и дочери, которые тоже находились внутри замка. Если, однако, в этих сундуках хранились тайные свитки из Иерусалима, которые предстояло закопать под Росслинской часовней, странное поведение Сен-Клера становится более чем понятным.

Все указывает на то, что Сен-Клер был масоном, а ессеи и масонство напрямую связаны между собой. Становится понятной и враждебность, с которой Католическая церковь искони относилась к масонам. Ессеи восставали против иудейских первоиерархов; сам Иисус был революционером, возглавившим восстание против священников и римских оккупантов. Он был распят по политическим причинам. Святой Павел изобрел собственную религию, которую Бернард Шоу назвал «крестианством» и которая по сей день является религией Римско-католической церкви. Тамплиерам была ведома истина; они отвергали представление об Иисусе как о сыне Бога. Вот почему их обвиняли в том, что они плюют на крест, и пытали до смерти. Вот почему Росслинская часовня не являет собой христианскую церковь и полнится изображениями «зеленого человека».

Мы не получили ответа на главный вопрос: почему Росслинская часовня копирует Храм Соломона? Почему Храм Соломона столь важен для масонов? Почему архитектор Храма, Хирам Абиф, играет в масонстве ключевую роль? Во время обряда посвящения в масоны разыгрывается убийство Хирама тремя рабочими, после чего он восстает из мертвых.

Когда Хирам воскресает, громко произносятся определенные слова. Они звучат как абракадабра: «Ма'ат-неб-мен-аа, Ма'ат-ба-аа».

Однако Кристофер Найт знал, что «ма'ат» — это древнеегипетское слово. Изначально оно означало «упорядоченный и симметричный» (как, например, основание храма). Затем это слово стало означать праведность, истину и справедливость, ключевые концепции масонского братства. Найт понял, что на самом деле «абракадабра» — это древнеегипетские слова, означающие «Велик хозяин Ма'ат, велик дух Ма'ат»[144].

Судя по всему, Хирам, пришедший из Тира, был не просто зодчим Храма, но главным архитектором, который руководил строительными работами. Трое напавших на Хирама рабочих нанесли ему три удара и убили его, очевидно, потому, что он отказался открыть им тайный знак, который позволил бы строителям претендовать на высокие должности (и большую оплату). Эта версия достаточно неправдоподобна: ясно, что совершившие ужасное преступление строители не могли избежать наказания. Ломас и Найт подозревают, что в истории Хирама Абифа скрыта некая важная историческая истина.

Далее, почему масонские обряды полнятся намеками на древнеегипетские реалии? Почему одним из главных символов масонства является Великая Пирамида? Благодаря отцам-основателям современной Америки, которые все поголовно были масонами, эта пирамида появилась на долларах.

Ветхий Завет подробно рассказывает о связях между евреями и египтянами, потому Ломас и Найт посчитали, что ответ, по всей вероятности, следует искать в общей истории того и другого народа. Возможно, он кроется в событиях, которые произошли до того, как Соломон построил Храм.

Согласно книге Бытия, евреи появились после того, как Иаков бился с ангелом и его имя было изменено на Израиль. Двенадцать сыновей этого патриарха дали имена двенадцати коленам Израиля. Эти события, как мы вскоре увидим, датируются серединой XVI века до н. э.

Еврейский историк Иосиф Флавий считал, что так называемые гиксосы, «цари-пастухи», и евреи Ветхого Завета — это один и тот же народ. Гиксосы, смешанная группа семитов и

азиатов, пришли в Египет около 1750 года до н. э. не как завоеватели, а как беженцы, которых согнала с их земель засуха. Около 1630 года они свергли фараона Атум-хаду, захватили власть и правили 108 лет, пока не были изгнаны в ходе восстания, которое началось в Фивах (ныне Луксор). Современные ученые считают, что Иосиф был не слишком точен, и все же в том, что гиксосы были предками евреев, сомневаться почти не приходится.

Гиксосские цари правили северным Египтом («Нижним Египтом»), в то время как в Фивах властвовал египетский фараон Секененра, старший сын которого поднял антигиксосское восстание.

Ломас и Найт задались вопросом: существовал ли египетский фараон, который мог быть действующим лицом в истории Хирама Абифа? Да, такой фараон существовал, причем только один — Секененра.

Судя по всему, правившего тогда гиксосского царя звали Апофис или Апопи. Кристофер Найт вспоминает о книге египетских ритуалов «Книга повержения Апопа», в которой приводятся волшебные заклинания с целью избавиться от Апопи{6}. Гиксосские цари сделались еще более непопулярны, когда стали почитать Сета, бога бури, которого большинство египтян считало злым божеством.

Когда фараон восходил на трон, он принимал участие в обряде, который превращал его в бога Гора, сына Осириса. Умерев, фараон становился Осирисом. Существовал важный обряд под названием Открывание Рта, в ходе которого губы умершего фараона раздвигали при помощи струга, чтобы душа могла взлететь на небеса к собратьям по божественности и ходатайствовать перед ними за египетский народ.

Почему Апопи жаждал выведать тайну этого обряда? Потому что два века спустя гиксосы стали похожи на египтян и верили в то, что обряд превращает фараона в бога. Они считали себя выскочками и желали стать настоящими египтянами. Что до царя Апопи, то он попросту хотел стать божеством. (В тот момент гиксосы, разумеется, полагали, что они будут править Египтом и тысячу лет спустя.)

Секененру убили, проломив ему череп; мы знаем это, поскольку располагаем его мумией. В книге Ломаса и Найта помещена ужасная фотография этой мумии с глубокими ранами и без одного глаза. Первым подозреваемым в убийстве фараона является гиксосский царь Апопи.

Если Секененра был прототипом Хирама Абифа, значит, тайна, которую трое убийц пытались у него выпытать, — это

обряд, превращающий новокоронованного фараона в бога Гора.

Согласно описанию Ломаса и Найта, основанному на масонском ритуале, к фараону Секененре подошли трое мужчин, Юбела, Юбело и Юбелум, желавшие выведать у него тайну обряда. Фараон отказался выдать его секрет, возможно, он повел себя грубо и высокомерно — цари не любят, когда им угрожают. Три злодея нарушили данные им инструкции и убили фараона тремя ударами. (Это еще одна важная особенность масонского обряда: злодеи не должны были убивать Хирама Абифа, им было приказано только узнать его секрет.)

Основываясь на датах жизни Секененры, Ломас и Найт делают ошеломляющее предположение: «великим визирем» Апопи, стоявшим за попыткой выведать у фараона его тайну, был не кто иной, как Иосиф, сын Иакова, проданный в рабство собственными братьями. Авторы идут дальше и предполагают, что двое из троицы убийц — это братья Иосифа Симеон и Левий. Третьим убийцей, считают они, был молодой жрец из храма Секененры, которого заставили предать фараона угрозами: если Апопи не узнает тайну обряда, превращающего царя в бога, он непременно разрушит Фивы.

Ломас и Найт обнаружили замечательные доказательства собственной теории. Мумифицированная голова Секененры, как уже отмечалось, несет на себе следы побоев, в частности, у фараона выбит один глаз. Рядом с фараоном в его гробнице помещалась мумия, состояние которой изумило египтологов. Благодаря сухому воздуху гробницы плоть мумифицировалась, однако внутренние органы не подверглись бальзамации. Умерший был кастрирован, его лицо искривилось от боли. Очевидно, он был заживо завернут в пелены и скончался от удушья.

Вряд ли можно сомневаться в том, что эта мумия принадлежит убийце фараона. Тот факт, что он умер страшной смертью и был захоронен возле Секененры, заставляет предположить, что перед нами не гиксос, а некто из ближнего окружения фараона, наказанный за предательство. Двух других убийц, иностранцев, попросту казнили.

Почему покойный был кастрирован? Потому что бог Гор, решив отомстить за смерть своего отца Осириса, вызвал на бой Сета; Гор потерял глаз, а Сет — яички. Потому вероломный жрец был наказан соответствующим образом — в частности, еще и потому, что Секененра потерял глаз.

Сын Секененры Камос отомстил за смерть отца, подняв восстание, в результате которого гиксосы были выдворены из Египта. Камос основал новую фараонскую династию. У обряда

убийства и воскресения Осириса, через который он прошел во время коронации, появился еще один смысл — смерть и воскресение Секененры. (Сохранился ли исходный обряд, превращавший фараона в бога, — это, разумеется, вопрос.)

Если Ломас и Найт правы в том, что царем, благодаря которому Иосиф стал управлять Египтом, был Апопи (а хронология указывает именно на это), убийство Секененры обретает еще более глубокое значение. Как уже упоминалось, Иаков, отец Иосифа, стал Израилем, патриархом еврейского народа. Если Иосиф и его семья были в числе гиксосов и вынуждены были бежать из Египта, убийство Секененры, по сути, создало еврейскую нацию.

Тогда становится понятно, почему евреи считали смерть Секененры настолько важным событием, что трансформировали его в убийство Хирама Абифа, архитектора Храма Соломона.

Теперь мы можем изложить наиболее смелую и любопытную часть выдвинутой Ломасом и Найтом теории. Изучая историю масонского братства, они сделали множество удивительнейших открытий.

Отождествление Секененры с Хирамом Абифом — лишь первое из них. После убийства Хирама Абифа древнеегипетская мифология была превращена в еврейскую мифологию. А значит, масонство в какой-то форме (включая обряд смерти и воскресения) сохранилось с эпохи Секененры.

Меня убедили отсылки Ломаса и Найта к пророку Еноху. В книге «Ключ Хирама» они вспоминают о Енохе, пусть и коротко, по меньшей мере трижды. Ближе к концу «Второго Мессии» есть пассаж о тринадцатом градусе шотландского масонства. На этой ступени посвященный узнает о том, как «задолго до Моисея и Авраама древний пророк Енох предвидел апокалиптическую катастрофу, мировой потоп или пожар, и решил сохранить хотя бы часть доступных человечеству знаний, чтобы передать их будущим цивилизациям или выжившим. Потому он записал иероглифами великие научные тайны на двух столпах: одном из кирпичей и другом из камня.

Масонская легенда утверждает, что эти столпы были почти полностью уничтожены, однако фрагменты их пережили великий потоп и были впоследствии найдены евреями и египтянами…»[145].

Так, согласно масонам, истоки масонского братства — две колонны, которые играют в его ритуалах центральную роль, — восходят к Еноху.

Прочитав «Ключ Хирама» в первый раз, я решил, что авторы сделали очередную попытку более или менее правдоподобно

обосновать древность масонского братства. К тому времени, когда я закончил «Второго Мессию», мой скепсис почти развеялся. Мне кажется, что Ломас и Найт более чем достоверно доказали, что масонство уходит корнями в Древний Египет, а также проследили путь тайных знаний, передававшихся через Храм Соломона, ессеев и тамплиеров.

Ломас и Найт подчеркивают: Енох и великий потоп занимают в масонских легендах центральное место. В третьем томе их исследования («Машина Уриила») Енох фактически превращается в главного героя. Как уже отмечалось, Ломас и Найт доказывают, что великий потоп случился в результате столкновения Земли с кометой в 7640 году до н. э. и наши предки смогли предсказать это столкновение, используя «машину Уриила». Авторы 32 раза упоминают Венеру, которая, как они объясняют, «символизирует перерождение в иудаизме, масонстве и других древних традициях»[146].

Так пересекаются масонские легенды и древние цивилизации, о которых мы говорили ранее.

Повторим кратко то, о чем мы рассказали в этой главе. Ломас и Найт привели исчерпывающие доказательства того, что египетский обряд, из-за которого убили фараона Секененру, был одним из главных секретов ессеев; эту тайну они в числе прочих укрыли под Храмом после распятия Иисуса, в истории которого воскресение также играет важную роль.

Хранившие эту тайну ессеи были уничтожены Титом, а Храм был разрушен. Ломас пишет о масонском ритуале, который «обращается к прошлому и повествует о падении назореев в 70 г. н. э., о том, как предшественники масонов покинули Иерусалим и расселились по Европе»[147]. Ломас сообщает также, что выжившие «верили в то, что в них течет кровь двух Мессий, Давида и Аарона, которые однажды вернутся и установят царство Бога на земле»[148].

Иисуса, которого поклонники Иоанна Крестителя мандеи (потомки ессеев) считают самозванцем, объявил богом апостол Павел. Когда Константин использовал христианство, чтобы удержать от распада агонизирующую империю, Церковь стала претендовать на исключительную власть благодаря Воскресению.

Именно эта власть уничтожила большую часть тамплиеров в 1307 году. Однако тамплиерский флот бежал, и несколько кораблей достигли берегов Америки. Другие тамплиеры отправились в Шотландию, где около 1140 года, во времена расцвета ордена храмовников, было выстроено аббатство Килвиннинг.

Что до Хирама Абифа, человека, построившего Храм, у меня

появилась любопытная версия о том, кем он был на самом деле. Хирам, как известно, был из Тира. Я посетил Тир в ходе поездки по Ливану и знал, что это был финикийский город, а финикийцы не поклонялись Яхве. Почему Соломон выбрал именно финикийского архитектора?

Возможно, потому, что Хирам Абиф был великим мастером своего дела. Тем не менее этот выбор кажется странным. Верховным богом финикийцев был Ваал, или Бел, к которому авторы Ветхого Завета относятся с подозрением и неприязнью. Верховной богиней финикийцев была Астарта, ее называли также Ашторет и Иштар.

В книге «The Temple and the Lodge» («Храм и ложа») Майкл Бейджент и Ричард Ли делают ошеломляющее заявление: «Современное археологическое исследование показывает, что Храм Соломона… со всей очевидностью напоминает храмы, которые строили финикийцы». Они продолжают: «Возможно, этим дело не ограничивается. В Тире храмы возводились в честь финикийской матери-богини Астарты… склоны холмов и гор (взять хотя бы гору Хер-мон) изобиловали ее святилищами»[149]. Авторы указывают на то, что царь Соломон тоже (3 Царств, 3:3) «приносил жертвы и курения на высотах»[150].

Ломас и Найт обращают внимание на тот факт, что религия Соломона не была ортодоксальной. Когда царь постарел, «жены его склонили сердце его к другим богам… И стал Соломон служить Астарте…»[151]. (3 Царств, 11:4–5). Они утверждают даже, что знаменитая Песнь песней — это гимн Астарте. Затем они задаются удивительным вопросом: «Кому был посвящен Храм — богу Израиля или богине Астарте?»[152] Вопрос может казаться отвлеченным лишь до тех пор, пока мы не вспомним, что грекам Астарта была известна как Афродита, богиня любви (отсюда слово «афродизиак»), а римлянам — как Венера. Иначе говоря, человек, построивший Храм Соломона, поклонялся Венере, и его работодатель склонялся к тому же. Как будет показано в следующей главе, языческая богиня может послужить ключом к значению древних ритуалов.

Венера — богиня не только любви, но и магии. Дело в том, что планета Венера отличается от остальных планет некоторыми особенностями орбиты. Если представить себе, что Земля — это центр Солнечной системы (как считали люди в древности), станет очевидно, что в какой-то момент каждая планета будет затмеваться Солнцем, которое периодически оказывается между этой планетой и Землей. Меркурий, к примеру, затмевается три раза в год, и если мы соединим точки затмения прямыми линиями, у нас получится неправильный треугольник. Марс

затмевается четыре раза, его фигура — неправильный прямоугольник. Неправильны фигуры всех планет, кроме одной — Венеры. Ее фигура — правильный пятиугольник, пентаграмма.

Если теперь вписать в пентаграмму пятиконечную звезду, мы получим фигуру, известную всякому магу в истории, — пентакль, часто символизирующий человека с двумя руками, двумя ногами и головой. Знаменитый рисунок Леонардо «Витрувианский человек» являет нам человека с широко расставленными руками и ногами в форме пятиконечной звезды.

Кроме того, Венера — это верховная богиня самой древней земной религии, культа природы. Именно этот культ процветал в Тире, именно его приверженцем мог быть царь Соломон. Масоны считают, что Храм Соломона был спроектирован почитателем Венеры, Хирамом из Тира.

Безусловно, девять рыцарей-основателей ордена тамплиеров были христианами, а не почитателями Венеры. Однако история ордена и факт уничтожения тамплиеров говорят за то, что они не верили в «теорию Спасителя», придуманную св. Павлом, и не придерживались никейского Символа Веры. Они исповедовали ту же религию, что и неизвестные рисовальщики, изобразившие Небесный Иерусалим. Их можно назвать словом, которое появилось, лишь в 1554 году, когда Вильям Сен-Клер построил Росслинскую часовню: «масоны».

Так кем же они были? От кого унаследовали древние верования?

Пугающий ответ на этот вопрос был предложен в книге Ричарда Ли, Майкла Бейджента и Генри Линкольна «Святая Кровь и Святой Грааль», изданной в 1982 году. Хотя имена Ли и Бейджента написаны на обложке первыми, историю, которая легла в основу книги, извлек на свет третий соавтор — Генри Линкольн.

Эта история повествует о деревенском священнике Беранже Соньере из деревенского прихода в Лангедоке, области к северу от Пиренеев. Соньер был очень беден: его доход составлял шесть фунтов стерлингов в год, на которые он содержал себя и служанку. Деревенька называлась Ренн-ле-Шато.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
ВОЛШЕБНЫЙ ЛАНДШАФТ

В 1891 году, через шесть лет после появления Соньера в Ренн-ле-Шато, реставрировалась деревенская церковь, и рабочий нашел в поддерживавшей алтарный камень вестготской квадратной колонне четыре деревянные трубки, внутри которых обнаружились пергаментные свитки.

Два свитка содержали генеалогии местных семейств, якобы происходивших от Меровингов, королевской династии, которая с переменным успехом правила Францией с V по VIII век Два других свитка оказались латинскими цитатами из Нового Завета, написанными без пробелов между словами.

Со всей очевидностью эти дофменты включали в себя шифр. Зашифрованное во втором, более коротком тексте послание было столь явным, что Генри Линкольн мгновенно увидел его, как только ему попалась на глаза репродукция из книги «La Tresor Maudit» («Проклятое сокровище») журналиста Жерара де Седа. Буквы, написанные над словами, складывались во фразу: «A Dagobert II roi a Sion est ce tresor et il est la mort», то есть «Дагоберту II королю и Сиону принадлежит это сокровище, и оно мертво»[153]. Сион — это Иерусалим, последняя часть фразы может означать также «и оно есть смерть».

Дагобер был французским королем из династии Меровингов, жившим в VII веке. Возможно, автором надписей был предшественник Соньера, священник Антуан Бигу, кюре Ренн-ле-Шато во времена Французской революции.

Соньер показал пергаменты епископу, тот заинтересовался ими и послал Соньера в Париж, чтобы он показал его ученым. Соньер отправляется в церковь Сен-Сюльпис и говорит с ее настоятелем аббатом Бьеем. Он также встречается с племянником Бьея, Эмилем Оффе, который готовится стать священником. Оффе был связан с кружком оккультистов, который процветал в Париже в 1890-е годы. Членов этого кружка Ж.-К. Гюисманс описал в своем «сатанинском» романе «La Bas» («Там внизу»).

Оффе ввел Соньера в кружок писателей и художников, среди которых были поэт Малларме, драматург Метерлинк и композитор Дебюсси. Кроме того, Соньер — возможно, через Дебюсси — познакомился со знаменитой певицей-сопрано Эммой Кальве и стал ее любовником. (Соньер был далек от аскезы.)

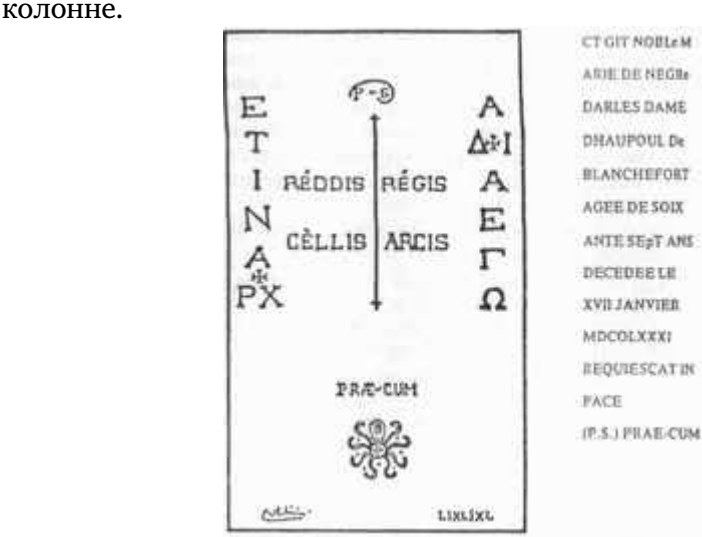
Прежде чем покинуть Париж, Соньер посетил Лувр и купил репродукции трех картин, включая «Аркадских пастухов»

Пуссена. На этом полотне изображены три пастуха и пастушка, замершие перед надгробием, на котором выбиты слова «Et in Arcadia Ego», которые обычно переводят как «И я (смерть) в Аркадии». (Первоначально картина называлась «Счастье, омраченное смертью».)

Через три недели Соньер возвращается в Ренн-ле-Шато и нанимает рабочих, чтобы извлечь из земли резную плиту, помещавшуюся перед алтарем. Эта плита относилась ко времени Дагоберта II, который жил в Ренн-ле-Шато в стародавние дни, когда деревня была процветающим городом. Рабочие нашли два скелета и «горшок с ничего не стоящими медальонами»[154]. Соньер отослал помощников и провел ночь в церкви в одиночестве.

Затем Соньер совершает странный акт вандализма: он уничтожает две надписи на могиле маркизы Марии де Бланшфор на церковном кладбище.

Он не знал, что эти надписи уже опубликованы в скромной книжке местного антиквара. Одна, помещавшаяся на обеих сторонах могильной плиты, содержала слова «Et in Arcadia Ego» (латинские и греческие буквы были перемешаны). Другая куда более любопытна: в ней имеются непонятные строчные буквы, три «е» и две «р», и четыре заглавные — TMRO[155]. Из строчных букв можно составить только одно слово, «ер*е*е» — «меч». Из заглавных — тоже одно: «mort> — «смерть». Слово «ерёе» оказалось ключом к шифру второго пергамента, который Соньер обнаружил в колонне.



Надписи на могильном камне Марии де Бланшфор

Внезапно Соньер разбогател. Благодаря ему в деревне появились дорога и водонапорная башня. Себе он выстроил виллу

с садом и готическую башенку, в которой поместил библиотеку. К Соньеру постоянно приезжали знаменитости, включая Эмму Кальве и австрийского эрцгерцога Иоганна Габсбургского, кузена императора Франца-Иосифа. Многочисленных гостей отменно кормила и поила прекрасным вином молодая служанка Мари Денардо. Соньер также восстановил и реставрировал деревенскую церковь, правда, на редкость безвкусно; сегодня ее яркие цвета наводят на мысль о Диснейленде.

Внутри посетителя встречает припавший к земле бес с искривленными конечностями. По всей видимости, это Асмодей, мифический хранитель сокровищ Соломона. На вершине холма, где Христос помогает страждущим, изображен неуместный мешок с деньгами. Очень странно выглядит цитата «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные…»: первые две буквы слова «accables» («нагруженные») меньше остальных, слабая линия связывает их с предыдущим словом, с буквой «s» из «etes», и все слово читается «SACCABLES», что звучит как «sac a bles» — «мешок зерна». На французском сленге «зерно» — это «деньги». Более того, в оригинальной цитате вместо слова «accables» присутствует «affliges» — «труждающиеся». Соньер изменил цитату так, чтобы появилась игра слов, намекающая на мешок золота.

Множество необъяснимых странностей мы видим и в изображениях Крестного пути, например, спиной к Понтию Пилату стоит загадочная фигура, держащая в руках золотое яйцо. На второй картине наблюдается несообразный юноша, поднимающий палку. Столь же неуместен солдат, заслоняющийся щитом от небес на шестой картине.

Дьявол изображен полусидящим на троне, вырубленном в скале, в которой местные жители узнают располагающуюся неподалеку скалу, прозванную «Креслом Дьявола». Они знают, что рядом имеется источник, известный как «Источник Круга». Дьявол словно бы воспроизводит этот образ, соединив большой и указательный пальцы правой руки так, что мы видим круг. Соньер явно играет с нами в какую-то игру — или пытается что-то сообщить.

Епископ, которого пригласили освятить церковь, был настолько изумлен и возмущен увиденным, что никогда сюда не возвращался. Он, однако, оставался Соньеру другом. Новый епископ отнесся к нему враждебно и, когда Соньер отказался говорить об источнике своего состояния, сообщив лишь, что это дар богатого раскаявшегося грешника, который не желает открывать свое имя, перевел Соньера в другой приход. Соньер отказался переводиться, и на его место был назначен другой

священник (Странно, но когда епископ обратился с жалобой в Рим, папа решил дело в пользу Соньера.) В 1905 году антиклерикальное французское правительство решило сделать жизнь Соньера невыносимой и обвинило его в шпионаже в пользу Австрии. Вероятно, часть его постоянных доходов поступала из Австро-Венгрии.

В 1917 году Соньер скончался от цирроза печени в возрасте 65 лет. Говорят, что священник, исповедовавший Соньера на смертном одре, был настолько шокирован, что отказался его соборовать.

Его служанка продолжала жить на вилле и умерла в 1953 году. В 1946 году она продала виллу, сказав покупателю, что однажды сообщит ему тайну, которая сделает его богатым и могущественным. Удар лишил ее речи.

Эту замечательную историю Генри Линкольн прочел в книге Жерара де Седа. Само собой, у него возникло множество вопросов. Может быть, Соньер нашел клад? Или же он узнал некую тайну, и сильные мира сего вынуждены были платить ему за молчание? Может быть, он был шантажистом — или же членом маленького сообщества людей, которые хранили некий секрет?

Не исключено, что Соньер нашел сокровища тамплиеров, спрятанные ими от Филиппа Красивого. Неподалеку от Ренн-ле-Шато располагается замок Безю, владелец которого, синьор де Готт, бежал на корабле храмовников из Ла-Рошели.

Возвратившись в Лондон, Линкольн сумел заинтересовать историей Соньера своего друга с Би-би-си, и они вместе отправились в Ренн-ле-Шато. Жерар де Сед согласился выступить в роли консультанта телефильма и смог обнаружить ключ к шифру второго загадочного пергамента. Этот неимоверно сложный шифр был построен на технике, которую криптографы именуют «методом Виженера». Алфавит записывается двадцать шесть раз, первая строка начинается с «А», вторая с «В», третья с «С» и так далее. Ключевые слова MORT EP*E*E накладываются на пергамент, и буквы заменяются по таблице Виженера.

Текст «благородная Мария де Бланшфор» (который Соньер пытался уничтожить) используется как еще один ключ, после чего буквы располагаются на шахматной доске и ходы конем открывают сообщение, которое может быть переведено следующим образом: ПАСТУШКА НЕТ СОБЛАЗНА ЧТО ПУССЕН ТЕНИРС ХРАНЯТ КЛЮЧ МИР 681 КРЕСТОМ И ЭТОЙ ЛОШАДЬЮ БОГА Я ДОСТИГАЮ ЭТОГО ДЕМОНА ХРАНИТЕЛЯ В ПОЛДЕНЬ СИНИХ ЯБЛОК

Очевидно, именно эти слова одарили Соньера богатством, хоть и неясно, как это могло произойти.

Линкольн предложил объяснение в телефильме «Священник, художник и дьявол». Он заметил, что на пергаменте некоторые буквы по размеру меньше других. Они складывались в слова «rex mundi», «король мира», что дало ему основание предположить, что в этой истории замешаны катары, средневековая секта еретиков, которую Церковь уничтожила со звериной жестокостью.

Подобно другим еретическим сектам, таким, как богомилы, альбигойцы и вальденсы, катары верили в то, что все духовное — это благо, а все материальное — зло. Эта доктрина известна как манихейство. Кроме того, катары считали, что мир создан не Богом, а дьяволом. В 1244 году лангедокские катары были фактически уничтожены после осады их крепости на вершине горы Монсегюр и сожжены заживо у ее подножия.

За три месяца до падения крепости двое мужчин бежали из нее с сокровищами и сумели незамеченными пробраться сквозь ряды осаждающих. Никто не знает, что это были за сокровища, но ясно, что два человека не могли унести с собой много золота и драгоценных камней. Потому Соньер не мог разобогатеть, обнаружив сокровища катаров, если только он не нашел их настоящие сокровища.

Отсюда следует, что, вероятно, катары никак не могли обогатить Соньера. Катаров можно назвать гностиками (от греческого слова «гнозис» — «знание»), между тем авторов так называемых герметических сочинений (самое известное из них — это «Изумрудные скрижали Гермеса Трисмегиста») тоже называют гностиками. Однако древние гностики не считали материю злом. К гностикам, видимо, принадлежали и ессеи. Между ессейским гностицизмом и катарами нет никакой связи. Катары не имеют отношения к нашей истории.

Надпись на надгробии Марии заканчивается буквами P.S. От де Седа Линкольн узнал, что эти буквы означают «Приорат Сиона», где под Сионом понимается Иерусалим. В парижской Национальной библиотеке Линкольн обнаружил множество брошюр и книг, касающихся этого приората. Некоторые из них были опубликованы под псевдонимами вроде «Отшельник Антуан».

Один из этих документов повествует о тайном ордене, который называется Приоратом Сиона, и приводит список его Великих магистров, в котором среди прочих есть имена алхимика Никола Фламеля (про которого говорили, что он превращал металлы в золото), Леонардо да Винчи, Исаака Ньютона, Клода Дебюсси и Жана Кокто. Соньер, как мы помним, познакомился с Дебюсси в Париже.

Согласно этим документам (все вместе они называются

«Секретными Досье»), Приорат Сиона был орденом внутри ордена рыцарей-храмовников. Досье свидетельствуют о том, что Приорат продолжил существовать после того, как тамплиеры были уничтожены.

Все это заставило Генри Линкольна предположить, что Соньер не находил сокровища: своим состоянием он был обязан высокому положению в иерархии Приората Сиона. На это указывают многочисленные факты. По словам Анри Бютиона, владельца гостиницы, в которую превратилась выстроенная Соньером вилла «Бетания», Соньеру часто не хватало наличности; так, он не смог заплатить 5000 франков изготовителям заказанной для виллы дорогой мебели. Священник умер буквально без гроша в кармане, но, возможно, только потому, что большие суммы перечислялись непосредственно его служанке Мари Денар-до. У человека, который нашел клад, всегда будет вдоволь наличности, даже если он поместил сокровища в банк. Судя по всему, Соньер получал деньги из Австрии, что дало французскому правительству повод заподозрить его в шпионаже.

Телефильм Линкольна был показан в 1972 году. Он назывался «Исчезнувшие сокровища Иерусалима». К тому времени Линкольн набрал столько материала, что решил приступить к съемкам второго фильма.

Наиболее интригующую информацию он получил уже после того, как фильм вышел в эфир. Удалившийся на покой викарий Англиканской церкви написал Линкольну письмо, в котором утверждал, что «сокровище» — это не золото или бриллианты, а некий документ, доказывающий, что Иисус не был распят в 33 году н. э. и был все еще жив в 45 году.

Линкольн нанес викарию визит. Священник явно жалел о том, что отправил ему письмо. В конце концов он признал, что получил информацию от англиканского богослова Кэнона Альфреда Лилли. Должно быть, сердце Линкольна забилось сильнее, когда он услышал, что Лилли поддерживал тесные связи с богословами Сен-Сюльпис и лично знал Эмиля Оффе, который представил Соньера Дебюсси.

Линкольн задал себе вопрос: если Дебюсси и вправду был Великим магистром Приората Сиона, означает ли это, что он считал, будто Иисус умер не на кресте? Может быть, это и была тайна Соньера, которая шокировала священника, принимавшего его последнюю исповедь?

Все указывало на то, что на оба вопроса следует дать утвердительный ответ. Достаточно вспомнить о том, что Соньер, покидая Париж, приобрел несколько копий картин, хранящихся в Лувре, в том числе — копию «Les Bergers d'Arcadie», «Аркадских

пастухов». На этом полотне изображены три пастуха и пастушка, замершие перед надгробием, на котором выбиты слова «Et in Arcadia Ego».

В процессе съемок первого фильма де Сед поведал Линкольну о том, что могильный камень, который изобразил Пуссен, был обнаружен в деревне Арк неподалеку от Ренн-ле-Шато. На этом надгробии нет латинского изречения, однако в остальном оно похоже на надгробие на картине в деталях, включая даже камень, на который пастух поставил ногу.

«Аркадские пастухи» Никола Пуссена

Никола Пуссен (1594–1665) был одним из наиболее выдающихся художников своей эпохи. Он родился в Нормандии, но славу стяжал в Риме, где прожил почти всю жизнь. Какое-то время он служил Людовику XIII и кардиналу Ришелье.

Картина Пуссена «Аркадские пастухи» находилась в собственности Людовика XIV. Долгое время агенты короля с дивным упорством пытались заполучить это полотно. Удивительно, но когда монарх наконец приобрел «Аркадских пастухов», он укрыл картину в личных апартаментах; ходили слухи о том, что, если выставить полотно на всеобщее обозрение, оно выдаст некий секрет. Само изображение не дает никаких намеков на то, почему король столь страстно желал его заполучить и зачем он спрятал картину от посторонних глаз.

Тем не менее известно, что в 1656 году королевский министр финансов Никола Фуке отправил своего младшего брата Луи в Рим к Пуссену. Впоследствии Луи писал Никола: «Вместе с г-ном Пуссеном мы решили претворить в жизнь кое-какие планы, которые я могу с легкостью объяснить Вам в деталях; планы, что дадут Вам при посредстве г-на Пуссена преимущества, которые даже королям с большим трудом удалось бы вытянуть из него и

которые, по его словам, останутся недоступными для кого бы то ни было в ближайшие столетия; кроме прочего, эти планы легко претворить в жизнь и даже извлечь из них выгоду, а преимущества таковы, что невозможно сыскать ничего лучше их, и ничто на земле не принесет большего достатка в настоящее время, и вряд ли однажды появится нечто равное…»[156]

О чем тут идет речь? Судя по словам «ничто на земле не принесет большего достатка», Луи может говорить о сокровищах, но если «из этих планов можно даже извлечь выгоду», значит, имеется в виду нечто иное.

Достоверно известно лишь, что король, взошедший на трон в пятилетнем возрасте, постепенно проникался презрением к выдающемуся и амбициозному министру финансов. Фуке стал баснословно богат; по свидетельству его помощника Кольбера, он обогатился, всякий день подчищая бухгалтерские книги. В 1661 году Людовик приказал арестовать Фуке и бросил его за решетку. (Ряд историков считает, что он и был «человеком в железной маске», но Фуке скончался за 23 года до появления загадочного узника.)

Возможно ли, что Фуке отправил брата к Пуссену, дабы обсудить свержение короля? Более чем. Возможность измены подводит нас к еще одной истории, связанной с Приоратом Сиона.

Меровингский король Дагоберт II, родившийся в 651 году, ребенком был похищен и увезен в Ирландию, в то время как его место занял узурпировавший власть майор-дом. Однако, женившись на вестготской принцессе Гизеле, Дагоберт возвратился во Францию (в Ренн-ле-Шато). Он вернул себе трон и был убит в 679 году, когда спал под деревом. В заговоре против Дагоберта явно участвовала Церковь, в него был вовлечен и его майордом Пипин Толстый.

Пипин был дедом знаменитого воителя Карла Мартелла, который остановил мусульманское вторжение во Францию в битве при Пуатье и спас Европу от исламизации. Сын Карла Мартелла, Пипин Короткий, захватил трон и сделался основателем династии Каролингов, величайшим представителем которой стал его сын, Карл Великий. По понятным причинам потомки Дагоберта, которые считали трон своим по праву, затаили на Каролингов зло. Находились люди, которые, как позднее якобиты в Англии, желали восстановить прежнюю династию на троне.

Эти люди проиграли, однако один из потомков Меровингов снискал славу не меньшую, нежели Карл Мартелл или Карл Великий. Это был Готфрид Бульонский (1058–1100), герцог

Лотарингии, предводитель Первого крестового похода, рыцарь, вернувший христианам Иерусалим и ставший первым королем Иерусалимским.

Факты указывают на то, что Готфрид стал также основателем (или одним из основателей) другой «династии», Приората Сиона, который сначала назывался орден Богоматери Сионской. Вскоре после захвата Иерусалима на Храмовой горе было возведено Сионское аббатство, насельники которого именовались рыцарями ордена Богоматери Сионской. Согласно Секретным Досье, этот орден был основан в 1090 году, за девять лет до падения Иерусалима. Его членами были пять из девяти основателей ордена тамплиеров. По всей вероятности, орден рыцарей-храмовников отпочковался от ордена Сиона.

Линкольн цитирует источники, из которых следует, что в скором времени дороги двух орденов разошлись. Легендарная власть и богатство тамплиеров сделали их своевольными, «они вели себя как непослушные дети»[157]. В 1187 году разразилась катастрофа: тамплиер Жерар де Ридфор повел рыцарей в бой против сарацинов и потерял Иерусалим навсегда.

Видимо, именно в этот момент орден Сиона посчитал, что тамплиеры стали невыносимы, и порвал с ними. Затем орден сменил имя и стал Приоратом Сиона. Одной из главных задач Приората было восстановление Меровингов на французском престоле. Когда в 1307 году тамплиеры были уничтожены, Приорат продолжил свою деятельность, поскольку был тщательно засекречен.

Возможно, именно поэтому Людовику XIV не терпелось избавиться от министра Фуке и наложить руки на картину Пуссена. Если тайна, которую «даже королям с большим трудом удалось бы вытянуть из него», была тайной Приората Сиона, у Людовика имелись поводы для беспокойства. Его дядя Гастон Орлеанский был женат на сестре герцога Лотарингского; в какой-то момент Гастона хотели посадить на трон вместо его старшего брата, Людовика XIII. В этом случае в жилах французских королей вновь текла бы кровь Меровингов.

Попытка переворота не удалась. Однако у Людовика XIII не было детей, и казалось, что престол так или иначе унаследует Гастон Орлеанский. Затем, ко всеобщему удивлению, Людовик XIII произвел на свет сына; по крайней мере, это сделала его жена Анна Австрийская. Многие считали, что настоящим отцом ребенка был Ришелье либо король нанял «племенного жеребца». Предполагали, что в роли этого жеребца выступил подчинявшийся Ришелье капитан мушкетеров Франсуа Доже, иначе говоря, именно Доже разрушил планы Меровингов и

Приората Сиона отвоевать корону Франции.

У Франсуа Доже было два сына, Луи и Эсташ. Многие отмечали сходство между братьями и Людовиком XIV. Это сходство могло объясняться тем, что сыновья Доже были единокровными братьями короля.

Эсташ вечно попадал в разнообразные передряги. Оба они были в конце концов арестованы: Луи — за любовную связь, Эсташ — за драки. Луи Доже отпустили, и он продолжил военную карьеру. Эсташ исчез бесследно; он мог стать «человеком в железной маске». (Маска на деле была бархатная, и Эсташа могли принуждать носить ее из-за сходства с королем.)

Возможно, преступление Эсташа состояло в том, что он шантажировал короля: «Освободите моего брата, а не то…» Или же Эсташ был связан с Приоратом Сиона и Меровингами, которые с радостью приняли бы известие о том, что Людовик XIV, будучи незаконнорожденным, не имеет прав на трон.

Заметим мимоходом, что Габсбурги также были ветвью Лотарингского дома, а значит, и главными кандидатами на членство в Приорате Сиона. Вспомним: в гостях у Соньера бывал Иоганн Габсбургский, а Соньер получал деньги из Австрии.

Получается, что, отправляясь в Сен-Сюльпис, Соньер желал войти в круг людей, которые поведали ему некую тайну. Они же щедро одарили священника, служившего в древней вотчине Дагоберта, деньгами.

На этом и без того запутанная и ошеломляющая история не закончилась. Как мы знаем, ушедший на покой священник сообщил Линкольну, что «настоящими сокровищами» были сведения о том, что Иисус не умер на кресте, и эти сведения исходили из Сен-Сюльпис. Если церковь Сен-Сюльпис была парижской резиденцией Приората Сиона, значит, Соньер мог узнать эту тайну — ту самую, что шокировала священника, который исповедовал его на смертном одре: Иисус не умер на кресте, следовательно, Христианская церковь зиждется на песке, ибо она полагает, что Иисус умер на кресте, дабы спасти людей, искупив первородный грех.

Когда Линкольн работал над телефильмом Би-би-си «Тень тамплиеров», его осенила жуткая мысль. Как-то раз он и два других исследователя, Ричард Ли и Майкл Бейджент, говорили о легенде, по которой мать короля Меровея, основателя Меровингской династии, согрешила с морским чудовищем, и кто-то из них пошутил, что тема это «скользкая» («fishy», от слова «fish» — «рыба»). Внезапно Линкольн и Ли уставились друг на друга. Их посетило одно и то же подозрение. Рыба — символ христианства; может быть, легенда говорила о том, что женщина

была оплодотворена… христианским символом, прямым потомком Иисуса?

Меровингские короли утверждали, что они царствуют «по праву крови» — королевской крови, а не как помазанники Церкви. Возможно, кровь, которой они гордились, была кровью самого Иисуса?

Но кто была его жена? В деревне Сент-Мари-де-ля-Мер ежегодно проводится церемония в честь прибытия во Францию Марии Магдалины, которая привезла с собой Истинный Крест и Святой Грааль. Ей же посвящена церковь в Ренн-ле-Шато, в которой имеются две статуи Марии Магдалины — с Крестом и Граалем. Соньер построил библотеку в виде башни и назвал ее Магдалой. Средневековые мистики отождествляли Марию Магдалину с Венерой, богиней любви.

Новый свет на личность этой женщины пролило любопытное открытие, совершенное в декабре 1945 года близ египетского города Наг-Хаммади. Два крестьянина раскапывали кладбище у подножия холма, намереваясь использовать почву как удобрение, и наткнулись на кувшин, зарытый под камнем. В этом кувшине хранились пергаменты с текстами на коптском языке (фактически это Древнеегипетский язык, слова которого записываются греческим алфавитом). Оказалось, что это неизвестные апокрифические евангелия, часть которых была написана в то же время, что и Новый Завет: Евангелие от Филиппа, Евангелие от Фомы и (самое любопытное) Евангелие от Марии. Имеется в виду не Дева Мария, а Мария Магдалина. Она ободряет апостолов после воскресения Иисуса и выделяется среди них как первая среди равных. В Евангелии от Филиппа Мария упоминается как «спутница» Иисуса, так перевели греческое слово, означающее «супруга».

Известие о том, что Мария Магдалина могла быть супругой Иисуса, не удивляет: еврейским раввинам и проповедникам разрешено жениться, более того, считалось, что они обязаны это сделать.

В Новом Завете Мария упоминается лишь однажды: она — раскаявшаяся проститутка, которая «отерла ноги его волосами головы своей». Евангелия Наг-Хаммади доказывают, что Мария, как и Иисус, была царских кровей — она происходила из колена Вениамина. (Иисус, разумеется, был из колена Давидова.)

Когда назначенные Константином епископы составляли Новый Завет, все упоминания о Марии как о жене Иисуса были вырезаны, а сама она превратилась в раскаявшуюся грешницу Евангелия от Марии, Филиппа, Фомы и другие были уничтожены. Однако кто-то позаботился о том, чтобы Евангелия Наг-Хаммади

сохранились в глиняном кувшине.

Из них следует, что Мария была замужем за Иисусом. На картине Леонардо «Тайная вечеря» она сидит по правую руку от Иисуса. Эта картина также подверглась цензуре, и Мария Магдалина превратилась в мужчину, но когда в 1954 году полотно очистили, стало ясно, что это женщина. (Конечно же, в Секретных Досье Леонардо упоминается как один из Великих магистров Приората Сиона.) Святой Петр, который, как явствует из Евангелий Наг-Хаммади, ненавидел Марию Магдалину, поднял руку в угрожающем жесте. Ей угрожает также лишенная тела рука с кинжалом.

Все это заставило Линкольна и Ли предположить, что Иисус и Мария Магдалина прибыли во Францию, где положили начало династии Меровингов. От Марселя до Ренн-ле-Шато, где ей посвящена церковь, об этой женщине существуют десятки легенд. Возможно, надгробие, которое изобразил Пуссен, — это надгробие Иисуса? Благодаря этой ошеломляющей гипотезе (а Линкольн настаивает на том, что это всего лишь гипотеза) книга «Святая Кровь и Святой Грааль» немедленно сделалась бестселлером.

К этому времени Линкольн на правах журналиста Би-би-си провел собственное расследование и понял, что самой важной фигурой из числа живущих членов Приората Сиона был некий Пьер Плантар. В жилах дворянского рода Плантаров течет кровь династии Меровингов. Они договорились о встрече, и Линкольн пригласил Плантара посмотреть второй фильм о Ренн-ле-Шато, «Священник, художник и дьявол».

Плантар оказался радушным и галантным пожилым джентльменом (он родился в 1920 году). Он прибыл с группой последователей, из которых выделялся его товарищ маркиз Филип де Шеризе. Линкольн узнал о том, что именно Шеризе создал большую часть Секретных Досье, помещенных в Лувр. Линкольн обрадовался, заметив, как все они напряглись, когда на экране появился один из пергаментов, на котором было изображено нечто вроде пентаграммы.

Линкольн уже обратил внимание на странную геометрию картины Пуссена «Аркадские пастухи». Он искал секрет, который мог встревожить Людовика XIV, и заметил, что посох того пастуха, что стоит справа, разделен его рукой на две половины, а расстояние между верхним концом посоха и указательным пальцем пастуха равно той же «половинной величине». Вскоре он увидел, что на полотне таких «половинных величин» много. Художник, вне всякого сомнения, продумал ее геометрию.

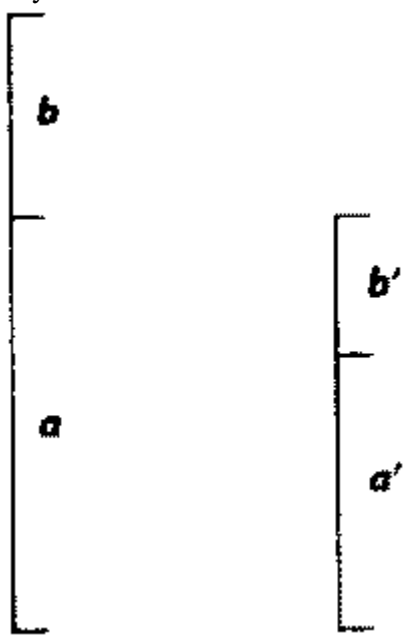
Линкольн показал картину профессору Кристоферу

Корнфорду из Королевского колледжа искусств. Корнфорд сделал ошеломляющее открытие: композиция картины базируется на геометрической пропорции, известной как «золотое сечение» (оно обозначается греческой буквой «фи»).

На первый взгляд мы столкнулись со скучным определением из школьного учебника геометрии, но золотое сечение так широко распространено и столь любопытно, что ему стоило бы посвятить отдельную книгу. Если коротко, оно описывает деление отрезка на две части, при котором длины короткой и длинной частей соотносятся так же, как длины длинной части и всего отрезка, как показано на рисунке.

Эта задача кажется головомкой из тех, которыми изобилуют занимательные книги для детей. Чем же интересно золотое сечение?

Тем, что по непонятной причине оно очень часто встречается в природе. Возьмите ваше тело: пупок делит его на две части именно в такой пропорции. Этому соотношению подчиняются узор на листе, лепестки цветка, листья на ветке, годовые кольца деревьев, семена в головке подсолнуха, морские раковины, даже рукава спиральных туманностей.



Золотое сечение

Художники используют золотое сечение, когда делают наброски, поскольку композиция картины, подчиняющаяся этому соотношению, радует глаз так же, как музыкальная гармония услаждает слух.

Почему природе нравится золотое сечение? Потому что это наилучший способ упаковать нечто, минимизировав занимаемое этим «нечто» пространство.

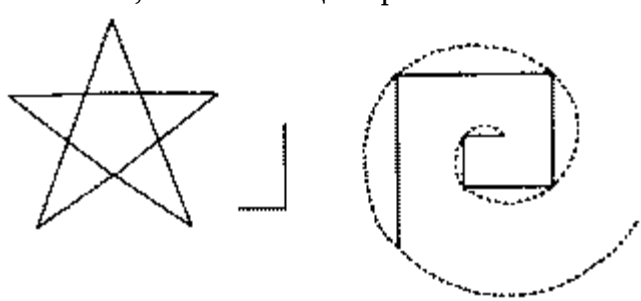
Может показаться, что золотое сечение описывается незамысловатой дробью, но это не так: в десятичном виде эта дробь 0,618034… продолжается до бесконечности.

В другой форме «фи» приближенно равно 1,618. Если вам нужно удлинить отрезок сообразно золотому сечению, просто умножьте его длину на 1,618.

Прежде чем вернуться к загадке Ренн-ле-Шато, еще немного математики. Существует названный по имени математика Фибоначчи ряд чисел, в котором каждое последующее число равно сумме двух предыдущих. Если начать с 0, следующим числом будет 1, затем 0 + 1 даст нам 1. Затем, если прибавить 1 к 1, мы получим 2. Прибавив 2 к 1, получим 3\И так далее (0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34, 55…).

Вот еще один интересный факт. Если взять два соседних числа Фибоначчи и разделить меньшее на большее, чем больше будут числа, тем ближе частное будет к золотому числу 0,618034… Например, если 2 разделить на 3, получится 0,6666… Но если 34 разделить на 55, получим 0,6182. Неважно, насколько велики числа Фибоначчи, пусть даже это будут миллионы и миллиарды, частное никогда не станет точно равно золотому числу.

Именно числа Фибоначчи можно обнаружить в годичных кольцах деревьев, раковинах моллюсков, спиральных туманностях. Почему Богу нравится золотое число — никто не знает. Стоит упомянуть о том, что спираль Фибоначчи можно вывести из пентакля. Если часть внутренней пентаграммы поместить под прямым углом к «ногам» пентакля, можно описать спираль Фибоначчи, начав с конца короткой линии.



Спираль Фибоначчи

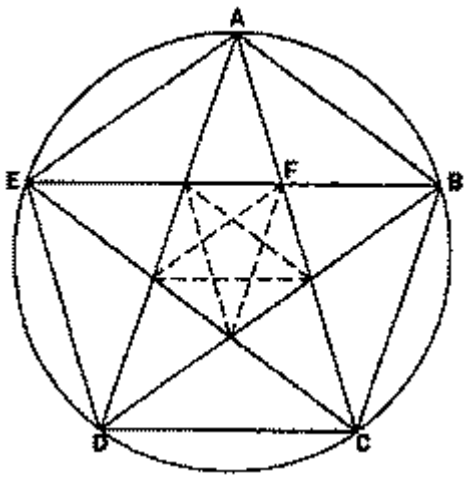
Кажется, Богу почему-то нравятся пентаграммы! Стоит добавить также, что, согласно Геродоту (в тексте, который мы немного подправим, устранив ошибку переписчика, делающую его абсурдным), золотое сечение можно найти в каждой грани

пирамиды Хеопса.

Корнфорд объяснил Линкольну, что, изучая «Аркадских пастухов», искал одну из двух систем, которые постоянно использовали художники в ту эпоху. Первая — это система чисел, основанная на диалоге Платона «Тимей» (повествующем о создании вселенной) и очень популярная в эпоху Ренессанса. Вторая — куда более древняя геометрическая система, в основе которой лежит золотое сечение.

Корнфорд рассчитывал обнаружить на полотне Пуссена систему «Тимея», поскольку система золотого сечения считалась тогда ужасно старомодной. Он обнаружил следы системы чисел, но в общем и целом «Аркадские пастухи» базируются на золотом сечении. Кроме того, на картине скрыто множество пятиугольников.

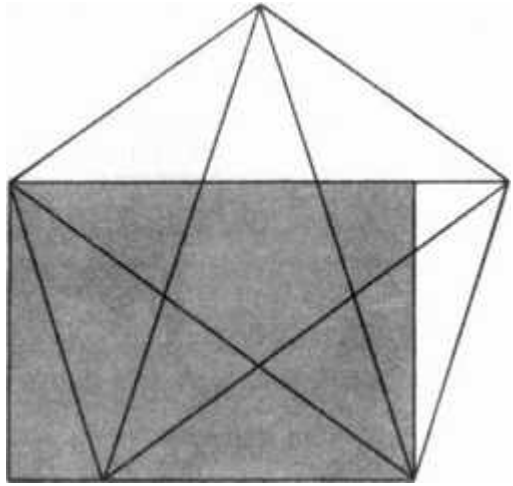
Посмотрим вот на этот рисунок:



Пентаграмма в круге

Отношение каждой из пяти сторон пентаграммы (например, AB) к ее хордам (скажем, AC) равно 1:1,618, или «фи».

Приглядевшись, Корнфорд обнаружил, что может нарисовать пентаграмму, которая выйдет за рамки картины:



Пентаграмма, расширенная за рамки «Аркадских пастухов»

Если коротко, в картине Пуссена зашифрован пентакль. В итоге Корнфорд сделал любопытное замечание: возможно, фраза «у Пуссена есть ключ…» относится к местности вокруг Ренн-ле-Шато, где Соньер искал свои сокровища?

Это замечание привело Линкольна к одному из его важнейших открытий.

Бросив взгляд на топографическую карту окрестностей Ренн-ле-Шато, он сразу отметил, что три крупнейших населенных пункта (Ренн-ле-Шато, тамплиерский замок Безю и замок Бланшфор) являются тремя вершинами треугольника. Все они расположены на холмах.

Нарисовав на карте треугольник, Линкольн измерил его стороны и изумился. Треугольник получился идеально равнобедренным, проще говоря, две из трех его сторон оказались равны. Замок Безю располагается в вершине треугольника, от замка Бланшфор и от Ренн-ле-Шато его отделяет одно и то же расстояние.

Вряд ли это совпадение. Очень давно кто-то заметил, что вершины трех холмов образуют равнобедренный треугольник, и решил, что они подходят для некоего тайного замысла.

Линкольн задал себе вопрос: может быть, в округе найдутся по случайности еще два холма, образующие вместе с тремя упомянутыми холмами пентаграмму? Он понимал, что такого не бывает…

Однако, изучив как следует карту, Линкольн был ошеломлен: еще два холма были расположены точно там, где и следовало. Восточный холм именовался Ла-Сулан, западный — Сер-де-Лозе. Если эти пять холмов соединить линиями, получалась идеальная

пентаграмма.

Удивительная игра природы! Но на этом сюрпризы не закончились. Посмотрев в центр карты, Линкольн обратил внимание на еще один холм, Ла-Пик

Надо сказать, что хотя на карте Ла-Пик помещается точно в центре пентаграммы, на деле он расположен в 250 ярдах к юго-востоку от ее центра. Но этого и следовало ожидать. В конце концов, мы имеем дело с нерукотворным ландшафтом. Достаточно чудесно уже то, что Ла-Пик расположен почти в центре пентаграммы.

Итак, вот и главная тайна Ренн-ле-Шато: эта деревня — часть священного ландшафта. Не исключено, что именно поэтому здесь поселился Дагоберт (а его сын Сигиберт бежал сюда после убийства отца). Королевская кровь Меровингов соединилась с волшебным ландшафтом.

Я был обуреваем сомнениями, пока не прочел книгу Линкольна «Key to the Sacred Pattern» («Ключ к священному узору») и не осознал, что речь идет о взаправдашнем «волшебном ландшафте», который увидел Генри Линкольн.

Как ни странно, Плантар отказался подтвердить правоту Линкольна. Было видно, как он и Шеризе пришли в ужас, когда Линкольн обнаружил пятиугольники на пергаментах Соньера, однако распространяться на эту тему Плантар не желал. С другой стороны, когда Линкольн стал расспрашивать его о скрытых шифрах на пергаментах, Плантар сказал удивительную вещь: пергаменты — это «приманка», состряпанная его товарищем Шеризе. Но с какой целью? Для десятиминутного фильма, снятого несколько лет назад.

Разумеется, Линкольн никак не мог в такое поверить. Необычайная сложность шифра не оставляла сомнений в том, что мастер своего дела придумывал этот шифр на протяжении долгого времени.

Но зачем Плантару понадобилось пускать пыль в глаза? Было очевидно, что изначально Плантар и Приорат Сиона намеревались привлечь к тайне внимание общественности, чтобы Франция вспомнила о потомках Меровингов в случае, если она устанет быть республикой. Де Сед сразу сказал Линкольну: «Мы надеялись на то, что все это заинтересует человека вроде вас»[158]. Когда Линкольн вгрызся в тему и обнаружил множество пятиугольников, Плантар решил, что тот продвигается слишком быстро, и решил пойти на попятную.

В 1991 году Линкольн совершил еще одно важное открытие. Он познакомился с продюсером Эрлином Хаагенсеном, который работал на датском телевидении. Хаагенсен родился на острове

Борнхольм и всегда восхищался 15 борнхольмскими церквями, которые были построены в XIII веке (во времена рыцарей-храмовников). Эти церкви часто сравнивали с древними мегалитами, которые действительно были встроены в их стены. В то время Линкольн размышлял, не связан ли рисунок Ренн-ле-Шато с мегалитической эпохой. Когда Хаагенсен рассказал ему о том, что борнхольмские церкви стоят в вершинах пятиугольников, Линкольн убедился в том, что каждый из них, как говорится, «разгадал свою часть общей загадки».

Более того, Хаагенсен обнаружил, что в геометрии Борнхольма важную роль играет английская миля. Например, если геометрические построения Хаагенсена были верны, церкви Ибскер и Повлскер должны быть разделены ровно семью английскими милями. Так оно и было.

Почему именно мили? В главе «Измерение» Линколь приводит несколько обескураживающих, но весьма убедительных фактов.

Введенный в 1791 году французский метр составлял одну десятимиллионную от расстояния между Северным полюсом и экватором. Линкольн доказывает, что древнеанглийская мера длины, называвшаяся «rod», «pole» или «perch» (она составляет одну триста двадцатую мили), тоже связана с измерениями земной поверхности: один поул (198 дюймов), помноженный сам на себя (то есть в квадрате), дает километр (39 204 дюйма).

Если этот древний поул (198 дюймов) помножить на 1,618, то есть на золотое сечение, мы получим 320, число поулов в миле.

Таким образом, существует математическая связь между британским поулом и километром, а также между поулом, помноженным на золотое сечение, и милей.

Кроме того, Линкольн цитирует «Историческую метрологию» Берримана, где утверждается, что греческий стадий доказывает: грекам был известен размер Земли. Берриман спрашивает: «Была ли Земля измерена в античный период?» — и показывает, что была, опираясь на примеры из Древнего Египта, Вавилона, Шумера, Китая, Персии и многих других культур. Он доказывает, что древние меры длины и веса восходят к размерам Земли, что, в свою очередь, означает, что древние люди уже измерили Землю.

Современникам Берримана его сочинение должно было казаться безнадежно эксцентричным. Он утверждает, что многие меры длины были определенными частями земной окружности, что мера площади (акр) основывалась на десятой доле от радиуса Земли и что ряд весов базировался на плотности воды и золота. Создается впечатление, что Берриман постулирует существование каких-то древних цивилизаций, которые исчезли без следа, если

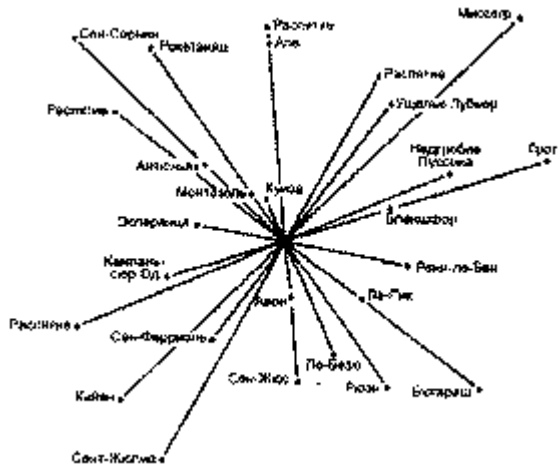
не считать древних мер и весов.

Все это, конечно же, как нельзя лучше сообразуется с замечанием Хэпгуда: история необязательно развивается по прямой. Развитие может стопориться, даже идти вспять. Отсюда Хэпгуд выводил и существование цивилизаций, которые достигли высот в науке 100 тысяч лет назад.

Линкольну довелось познакомиться с норвежцем Харальдом Бёлке, который сделал замечательные открытия, изучая расстояния между населенными пунктами Норвегии. Тысячу лет назад Норвегия перестала быть языческой страной; с приходом христианства разбросанные тут и там деревни исчезали, уступая место крупным поселениям, которые превращались в города. Исследования Бёлке показывают, что эти новые города (Осло, Трондхейм, Берген, Ставангер, Хамар, Тонсберг) возводились словно бы на произвольно выбранных местах. Например, Осло был построен на болоте.

Нет ни единой гипотезы касательно того, почему именно в Ставангере был возведен кафедральный собор. Однако расстояния между городами очень точны: от Осло до Ставангера — 190 миль, от Осло до Бергена — 190 миль, от Тонсберга до Ставангера — 170 миль, от Тонсберга до Хальсноя — 170 миль и так далее. Более того, древние монастыри расположены опять же в вершинах пятиугольников. Кажется, что когда Церковь христианизировала Норвегию, она действовала, исходя из принципов геометрии.

Линкольн также вывел «церковную меру» (188 метров) и обратился через французский журнал с просьбой сообщить ему о том, где она встречается, равно как и о пента-гональной геодезии. Живущая во Франции учительница математики Патрисия Хокинс смогла обнаружить целых 162 «церковные меры», соединяющие церкви, холмы и придорожные распятия в области Кимпер в Бретани.



Все дороги ведут в Ренн-ле-Шато

Последнюю главу книги «Ключ к священному узору» Линкольн начинает так;

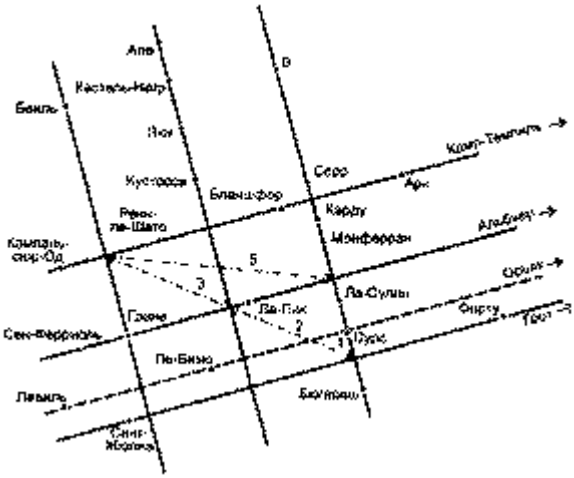
«Мы столкнулись с загадкой. Структуру ландшафта Ренн-ле-Шато и его связь с английской милей (как и очевидную связь этой мили с размерами Земли) легко продемонстрировать на множестве примеров. Меры длины и геометрия очевидны. Узоры повторяются. Образы полны смысла. Все это было создано в далеком прошлом, которое в свете подобного феномена предстает совершенно иным»[159]. Далее он умоляет историков и археологов обратить внимание на очевидное.

Под «узорами» Линкольн понимает не просто пентакли холмов или круги церквей. Исследуя Ренн-ле-Шато, он выявил множество узоров, которые могли быть созданы лишь по чьей-то воле. «Священное место» тут — это «естественный пятиугольник холмов и рукотворный, структурированный Храм, который строили с расчетом включить в него этот пятиугольник»[160].

Я должен признаться, что убедить меня в чем-то нелегко. Мне достаточно бросить взгляд на расчерченную вдоль и поперек линиями карту, чтобы тяжело вздохнуть и закрыть книгу. Однако Линкольн сумел убедить меня в своей правоте. Например, он приводит схему, в центре которой расположена церковь Ренн-ле-Шато, соединенная линиями с близлежащими деревнями, церквями и замками. Прямой отрезок начинается с отдаленной церкви или замка, проходит через Ренн-ле-Шато и продолжается до другой церкви или замка.

Одно из наиболее убедительных открытий Линкольна связано с прямоугольной сеткой. Если провести линии, соединяющие различные селения, окажется, что эти линии идут параллельно, и не только слева направо, но и сверху вниз. Более того, прямые

разделяет одно и то же расстояние.



Сетка Ренн-ле-Шато и окрестностей

Более того, основной единицей измерения этой сетки оказалась английская миля. (Линкольн приводит расстояния в милях: например, от Ренн-ле-Шато до Безю — ровно четыре мили, от Ренн-ле-Шато до Ла-Сулан — ровно четыре мили.)

Далее, Линкольн сделал открытие, которое может пролить новый свет на непонятно откуда взявшееся богатство Соньера. Многие линии проходят через башню Магдала, в которой Соньер хранил библиотеку. Эту башню он построил так далеко к западу от деревни, как только смог, на самом краю обрыва, добавив еще одну деталь в сооружение, названное Линкольном «храм Ренн-ле-Шато».

Любопытно вот что: незадолго до смерти в 1917 году Соньер заказал план еще одной башни высотой в 60 метров. Мы не знаем, где эту башню должны были построить. Линкольн отмечает, что одна из самых важных линий, на которые «расчерчены» окрестности, — это «линия восхода», которая начинается от церкви Арка и идет через Бланшфор к Ренн-ле-Шато. Эту линию Линкольн измерил одной из первых. Ее длина составляет почти шесть английских миль.

Если бы ее длина равнялась ровно шести милям, она завершалась бы на склоне позади башни Магдала. Склон расположен существенно ниже этой башни, и для того, чтобы видеть из точки, которой завершается «линия восхода», замок Бланшфор и церковь Арка, нужно построить сооружение выше Магдалы. Не здесь ли Соньер желал возвести еще одну башню?

Если так, мы получим очередное доказательство уже известной нам гипотезы: местность вокруг Ренн-ле-Шато

упорядочена с геометрической логикой, наводящей на мысль об улицах Нью-Йорка.

Вскоре после того как Соньер обнаружил в колонне пергаменты, он стал проводить много времени, гуляя по окрестным холмам. Он говорил, что собирает камни, чтобы выстроить рукотворный грот. Большинство исследователей феномена Ренн-ле-Шато склонно думать, что он искал сокровища. Куда более вероятно другое: в Париже Соньер узнал тайну геометрии «храма» и теперь осматривал его составные части. Затем он построил башню Магдала, завершив «линию восхода».

Он продвинулся так далеко на запад, как мог, и был остановлен склоном холма. Более чем вероятно, что 25 лет спустя он вознамерился возвести вторую, 60-метровую башню, которая завершила бы «линию восхода».

Получается, что после того, как Соньер нашел пергаменты, он стал хранителем «храма» и, возможно, был одобрен в качестве такового самим Дебюсси. Затем Сонь-ер получил средства на возведение новых сооружений.

Продолжавшееся 30 лет исследование Линкольна доказало, что существует некая древняя наука измерений. Начиная со Средних веков об этой науке знала Церковь (разумно предположить, что о ней знали и тамплиеры). Линкольн, однако, склонен полагать, что эта наука возникла в глубокой древности, в эпоху мегалитов. Что заставляет нас вспомнить про Александра Тома и его «эйнштейнов каменного века».

Судя по всему, когда Берриман писал «Историческую метрологию», он хотел доказать то же самое. Как отмечалось выше, его главный довод состоит в том, что доисторические меры проистекали из измерений, связанных с Землей, и выводятся из ее размеров.

Берриман приводит множество любопытнейших фактов, например, он утверждает, что длина окружности Земли содержит точное число стадиев и что площадь огромного бассейна в Мохенджо-Даро в Индской долине составляет ровно 100 квадратных ярдов.

Он упоминает о найденной в той же долине раковине с линейной шкалой, обозначенной аккуратными зарубками. Расстояние между двумя особым образом отмеченными линиями равно в точности двум шумерским шуси. (Один шуси равен двум третям дюйма.)

Вот еще один диковинный факт: римляне использовали меру площади «югер», составляющую пять восьмых английского акра (как французский метр — пять восьмых английской мили). Югер в точности равен 100 английским поулам. Мы опять же приходим

к тому, что древние меры длины определялись не капризом какого-нибудь царского землемера, но традицией, уходящей в седую глубь веков, и базировались на размерах Земли.

Что до «связи с Англией», Линкольн сделал одно забавное и удивительное наблюдение. На ранней стадии исследования Ренн-ле-Шато он вместе с Жераром де Седом отправился в парижскую Национальную библиотеку. Де Сед предложил ему прочитать книгу «La Vraie Langue Celtique» («Настоящий кельтский язык»), написанную аббатом Анри Буде, священником деревни Ренн-ле-Бен и близким другом Соньера.

Имеются сильные доводы в пользу того, что Буде был казначеем Соньера. В 1892 году дед Плантара нанес Буде визит, и тот передал ему не только три с половиной миллиона золотых франков для Соньера (точнее, для служанки Соньера, Мари Денардо), но и более семи с половиной миллионов золотых франков для епископа Бийя-ра, человека, который назначил Соньера священником в Ренн-ле-Шато и, очевидно, знал его тайну. Если учесть, что золотой франк стоил около 35 современных франков (один фунт стерлингов стоит почти девять франков), получится, что Соньер получил в эквиваленте 13 миллионов фунтов (более 20 миллионов долларов), а его епископ — в два раза больше.

Линкольну удалось достать книгу Буде, и он нашел ее в равной степени ошеломляющей и забавной. Судя по всему, Буде считал, что до Вавилонской башни все человечество говорило на английском, точнее, кельтском языке. Эту часть книги Буде Линкольн описывает словами «лингвистическое баловство». Поскольку Буде пользовался репутацией разумного человека, Линкольн стал подозревать, что в данном случае он дурачился. Далее, однако, аббат Буде освещает куда более любопытные темы. Так, он рассказывает о местных мегалитических объектах. Подзаголовок его книги «Кромлех из Ренн-ле-Бен». Кромлех — это мегалит, состоящий из большого плоского камня, лежащего на двух камнях-подпорках, он похож на огромный обеденный стол.

Выглядит все это так, словно Буде должен был намекнуть на тайну, связанную с окрестностями Ренн-ле-Шато, и отослать читателя к мегалитической эпохе. Линкольн склонен думать также, что Буде завуалированно сообщает читателю: ключом к тайне местности служит нечто английское, например английские меры длины, скажем, английские мили. Может быть, Буде намекает на то, что первоначально человечество пользовалось английской системой мер?

Ренн-ле-Шато отличается от других святилищ тем, что

располагается в самом центре пентакля. Этого достаточно, чтобы гарантировать ему статус святилища.

Давно ли это место обрело статус священного? Линкольн уверен в том, что Ренн-ле-Шато считается святилищем уже по меньшей мере тысячу лет, поскольку «храм», состоящий из церквей, замков и деревень, был спроектирован тысячелетие назад, а то и раньше.

Тут возникает уместный вопрос. Пятиугольник гор в окрестностях Ренн-ле-Шато можно увидеть лишь с воздуха или на хорошей карте. Нам известно, что тысячу лет назад хороших карт не было, если не считать портоланы, то есть морские карты. Суша на картах отображалась весьма неточно.

Еще у нас есть данные Хэпгуда, по которым за тысячи лет до появления христианства уже существовали карты, изображавшие Антарктиду без ледяного покрова.

Кроме того, Берриман доказал, что греческий стадий был придуман цивилизацией, которой были известны точные размеры Земли, возможно, шумерской. Шумеры придумали час из 60 минут и минуту из 60 секунд. Но тут возникает новая проблема. Как шумерам удалось измерить Землю?

Ответ: используя метод, которым воспользовался в 250 году до н. э. Эратосфен, измерив Землю по тени от башни в Александрии. Совсем не обязательно брать для этого два места, отделенные одно от другого 5000 стадий; достаточно иметь две палки, воткнутые в землю на расстоянии нескольких миль друг от друга.

Очевидно, что подобный метод был известен древним египтянам, поскольку они зашифровали размеры Земли в пирамиде Хеопса. О том же говорит основание шумерской системы счисления, равное 60.

Но если бы мы спросили Платона, откуда греки получили знания о размерах Земли, он, вероятно, ответил бы: из Атлантиды. Того же мнения, по всей видимости, придерживался и Хэпгуд — до последнего года своей жизни, когда он стал думать, что развитая наука существовала уже 100 тысяч лет назад.

Действительно, это утверждение звучит более чем абсурдно — до тех пор, пока мы не вспомним о Морисе Шатлене, установившем, что ниневийское число является общим множителем двух еще больших чисел из Кириги. Шатлен пришел к выводу, что «майя и шумеры, вероятно, поддерживали постоянные контакты или же имели общие корни» (курсив мой) [161]. Шатлен говорит, что цивилизация, от которой происходили майя и шумеры, существовала более 60 тысяч лет назад…

Исследования Линкольна, касающиеся ландшафта

окрестностей Ренн-ле-Шато, были продолжены историком искусства Питером Блейком, интерес которого к этой теме пробудился, когда он увидел картину Луки Синьорелли «Школа Пана», написанную по заказу Лоренцо де Медичи. Блейк заметил, что на этом полотне 1492 года имеется пентаграмма. Он ознакомился с анализом «Аркадских пастухов» в книге Линкольна и выявил пентаграмму в «Школе Пана».

Закономерно возникает вопрос: знал ли Лоренцо де Медичи о тайне, хранимой тамплиерами и Приоратом Сиона? Это весьма вероятно, тем более что Лоренцо играл важную роль в великом гуманистическом движении. Вспомнив о том, что он был патроном Леонардо, а Леонардо являлся Великим магистром Приората Сиона с 1510 по 1519 год, мы поймем, что наша гипотеза более чем правдоподобна.

Блейк подметил также, что пентаграмма «Школы Пана» тождественна той, которую Генри Линкольн обнаружил на одном из пергаментов Соньера, найденных в церкви Ренн-ле-Шато.

Картина Пуссена «Аркадские пастухи» была написана по заказу кардинала Джулио Роспильози, позже сделавшегося папой Климентом IX. Вероятно, Роспильози тоже был членом Приората Сиона. Если вам кажется невероятным, что такой человек мог стать римским папой, вспомните о том, что папа Лев X, произнесший слова «она хорошо нам послужила, эта легенда о Христе», был не кем иным, как Джованни де Медичи, сыном Лоренцо[162].

Кардинал Роспильози также заказал полотно Пуссена «Танец под музыку времени», написанное в 1638 году. Это последняя картина, заказанная им у Пуссена, и Блейк считает ее во многих отношениях самой важной из всех. На ней Гермес играет на лире, а четыре молодые женщины танцуют, взявшись за руки и повернувшись друг к другу спинами. Мраморную колонну украшают две лепные головы (вероятно, Иисуса и Иоанна Крестителя). На том же уровне расположен постамент, и линия, которая их соединяет, со всей очевидностью является верхней линией пентаграммы. Над женщинами мчится по небу колесница Ориона. В отличие от пентаграммы «Аркадских пастухов» здесь пентаграмма аккуратно заключена в пределах картины.

Блейк разгадал цветовой шифр «Аркадских пастухов», в котором Иисус обозначается красным. Далее он доказывает, что этот же шифр есть и в «Танце под музыку времени». Женщина справа от центральной фигуры одета в красное и голубое; тут подразумеваются Иисус и Дева Мария. Центральную фигуру, девушку в золотой юбке, Блейк считает символом урожая. Он предполагает, что урожай этой девушки — это ее ребенок (что

вроде бы подтверждает ребенок справа) и что картина в целом намекает на то, что женщина, связанная с Иисусом и материнством, родила Иисусу ребенка.

Блейк находит подтверждение этой теории на полотне «Потоп». Эта последняя из четырех картин на тему времен года изображает Зиму и кажется столь странной, что заставляет искать в ней скрытый смысл. На ней семья пытается пристать к берегу в бушующем море. Фигура в красном плывет к суше на осле — более чем откровенный намек на Иисуса. Женщина в золотом одеянии, похожая на женщину с картины «Танец под музыку времени», держит ребенка, также завернутого в красную ткань; это явный намек на то, что Иисус зачал ребенка.

Блейк считает, что змея на скале, как и пирамида на заднем плане, символизирует мудрость. Быть может, полотно указывает на то, что Иисус и его семья пристали к чужому берегу, под которым нужно понимать Францию? Иначе непонятно, что вообще изображено на этой картине.

«Потоп» был написан по заказу герцога де Ришелье, племянника кардинала Ришелье, который был министром Людовика XIII и фактически управлял страной. Ришелье стал первым министром короля в 1624 году. Несмотря на то что 17 годами ранее Ришелье был рукоположен в священники в Риме, во время спора между испанскими Габсбургами и швейцарскими протестантами он принял сторону протестантов и изгнал папские войска из Франции. Мать короля, Мария Медичи, в ужасе попыталась убедить сына снять Ришелье с должности. Однако слабовольный Людовик, уставший от материнской тирании, осознал, что Ришелье может стать его спасителем. Он заступился за Ришелье, а его мать и брат бежали сначала в Нидерланды, а потом в оккупированную Испанию.

Ришелье ценил Пуссена настолько, что заставил его покинуть любимую Италию и стать членом Королевской академии живописи. В 1640 году Пуссен вынужден был приехать в Париж и испытал огромное облегчение, когда два года спустя ему разрешили вернуться в Италию. Вероятно, он стал членом Приората Сиона, когда жил в Париже, и по возвращении в Италию начал получать заказы от кардинала Роспильози. Временами Пуссена навещал Ришелье.

Здесь, разумеется, возникает вопрос: не был ли сам Ришелье членом Приората Сиона? Не потому ли он принял сторону не Католической церкви, а протестантов? Может быть, именно Ришелье ввел Никола Пуссена в Приорат Сиона?

Если Ришелье и в самом деле был членом Приората, он, конечно же, не желал посадить на трон Меровингов; считается,

что именно Ришелье позаботился о том, чтобы Анна Австрийская забеременела, и оставил французскую корону потомкам Пипина Короткого.

Почему он так поступил? Видимо, потому, что Ришелье было решительно все равно, Меровинги сидят на троне или Каролинги; ни Лотарингский дом, ни дом Бурбонов (к которому принадлежал Людовик) не горели желанием поведать миру правду о христианстве. Если бы престол заняли представители Лотарингского дома, Ришелье потерял бы власть. Потому он помог продолжиться дому Бурбонов, сделав все, чтобы у него появился наследник.

Если Ришелье входил в Приорат Сиона, это лишь подчеркивает то удивительное обстоятельство, что множество выдающихся людей той эпохи считали римских пап и прелатов сборищем самозванцев и порадовались бы, если бы Католическая церковь была уничтожена.

Вычертив пентаграммы на «Аркадских пастухах» и «Танце под музыку времени» Пуссена и «Школе Пана» Синьорелли, Питер Блейк попытался перенести их на ландшафт окрестностей Ренн-ле-Шато и воодушевился, когда увидел, что они идеально в него вписываются. Пентаграмме Синьорелли, как и пентаграмме «Аркадских пастухов», соответствовали холмы. Что до пентаграммы «Танца под музыку времени», Блейк расположил ее под прямым углом к двум остальным, поскольку на картине изображены в основном женщины; вершины пятиугольника опять же оказались на холмах. Пересечение пентаграмм указывало на холм в самом конце долины. Рядом располагается скальный отрог холма Эстаньоль, что в переводе со старофранцузского означает «Агнец Востока».

Блейк приехал на указанное место и обнаружил на вершине насыпи каменный выступ, на одной стороне которого имелся десятиметровый желоб. У подножия скалы покоилась массивная каменная плита, заросшая с одного края лишайником. Убрав лишайник, Блейк увидел проход шириной в метр. Внутри таилось подземелье с ровным земляным полом. Блейк залез внутрь. Он обратил внимание на то, что под слоем земли виднеется кладка из белых камней. Вынув один из них, Блейк увидел, что с обратной стороны камень не обработан. Пол подземелья был сотворен человеческими руками.

В дальнем конце пещеры имелось отверстие, которое вывело Блейка на дневной свет. В паре ярдов от него он обнаружил еще одну каменную плиту, закрывавшую треугольный проход, а под ней — еще одно подземелье.

Блейк уверен в том, что эти два подземелья являются

гробницами Иисуса и Марии Магдалины.

Позвольте мне изложить эту чрезвычайно запутанную историю в сжатом виде.

Согласно Ломасу и Найту, масонство как традиция передачи знаний зародилось во времена потопа 7600 года до н. э. Причиной его стало падение на Землю крупного небесного тела, которое распалось на «семь горящих гор», как следует из рассказа пророка Еноха.

Около 1530 года до н. э. фараон Секененра погиб от рук трех наемников, подосланных гиксосским царем Апопи, который желал вызнать тайну обряда, превращавшего фараона в бога. В 1522 году до н. э. новый фараон, сын Секе-ненры, поднял восстание против гиксосов и вышвырнул их из Египта. Убийца его отца был, по всей вероятности, евреем. За шесть столетий память об этой истории исказилась: жертвой стал Хирам Абиф, тирский архитектор Храма Соломона.

Несколько финикийских жен царя Соломона искушали его отпасть от религии Яхве, и он приносил жертвы богине Астарте; этим именем называли Венеру. Храм Соломона был построен по чертежам храма Астарты.

В 587 году до н. э. царь Навуходоносор пленил евреев в Вавилоне. Они освободились лишь через 50 лет. В ссылке они мечтали о Мессии, Помазаннике, который повел бы их к победе и установил царство Божие на земле. Евреи надеялись, что Зоровавель, восстановивший Храм, объявит себя Мессией, но он не считал себя таковым.

Когда евреями стал править Александр Македонский, многие посчитали Мессией его. Но один из царей династии Селевкидов (преемников Александра) установил в Храме статую Зевса, и Иуда Маккавей поднял восстание. Его потомки сделались первосвященниками.

В итоге презираемая кучка ортодоксов, которые звали себя ессеями, решила поселиться в пустынном Кумране. Ессеи вели аскетический образ жизни. Их лидера называли Учителем Праведности; он творил чудеса, утверждал, что он и есть Мессия, и был казнен примерно за 100 лет до появления Иисуса. Сходство между Учителем и Иисусом столь велико, что ученый Дж Р. С. Мид даже написал книгу под названием «Did Jesus Live 100 BC?» («Жил ли Иисус в 100 году до н. э.?»).

Иисус был старшим ребенком в семье, у него было три брата и по меньшей мере две сестры. Его отец Иосиф был фарисеем и настаивал на строгом соблюдении закона. Иисус отринул эту секту, полагая, что она духовно бесплодна. Его троюродный брат Иоанн Креститель был сыном священника Захарии,

принадлежавшего к секте Авии (Авия был потомком Аарона). Иоанн ушел в пустыню в ранней юности: когда он родился, его отец и мать были уже немолоды, и не исключено, что Иоанн рано осиротел. Ессеи принимали сирот (община хранила целомудрие, и ее численность не могла поддерживаться естественным путем), потому разумно предположить, что «пустыня» в данном случае — это Кумран. Возможно, именно потому, что Иоанн стал ессеем, с этой сектой связались и Иисус, и его младший брат Иаков.

Иисус был распят после того, как попытался поднять восстание с целью выгнать римлян из Иудеи. Царь Ирод во всем угождал Риму и окружил себя богатыми евреями (их называли «приспешниками Ирода»), которые не имели ничего против римской оккупации. Иисус сильно рисковал и нажил себе врагов с обеих сторон. Восстания, предводителем которого он надеялся стать, не случилось, Иисуса осудили и распяли.

Однако распятие вовсе не было мучительным испытанием, каким мы себе его представляем. Осужденных не прибивали гвоздями к кресту, их привязывали за запястья и лодыжки (исключение делалось для изменников). Более того, обычно человека, приговоренного к распятию, держали на кресте несколько дней, дожидаясь его смерти. Иисус провисел на кресте всего шесть часов: на следующий день была еврейская Пасха, Шаббат, а закон гласил, что во время Пасхи оставлять человека на кресте нельзя.

Затем влиятельный член Синедриона (иудейский церковный совет) отправился к Пилату и получил разрешение забрать тело Иисуса, смерть которого его потрясла, и поместить его в гробницу, которая располагалась неподалеку. Иисус был доставлен в гробницу; впоследствии Иосиф Аримафейский провел несколько лет в тюрьме за то, что в открытую его поддержал. Исследовательница Нового Завета Барбара Тиринг пишет в книге «Jesus the Man» («Иисус как человек»), что Иисуса воскресили при помощи противоядия, нейтрализовав действие яда, который он принял вместе с водой из губки.

Если гипотеза Линкольна, Бейджента и Ли верна, после этого Иисус переправился через Средиземное море, прибыв, возможно, в Марсель, и снова стал проповедовать. Согласно Барбаре Тиринг, в конце жизни он поехал в Рим, где и умер после 64 года н. э., то есть в возрасте 71 года или позже.

Вот почему в области Айреда (позже — Ренн-ле-Шато) никогда не верили в то, что Иисус погиб на кресте. Именно здесь Иисус провел значительную часть жизни.

Почему на юге Франции люди забыли о том, что некогда тут жили Иисус и Мария Магдалина? Возможно, потому, что царь

Ирод был сослан Калигулой в ту же Галлию, где и умер в 69 году н. э. Беглецам не следует привлекать к себе лишнее внимание.

Как уже упоминалось, Питер Блейк верит в то, что нашел гробницы Иисуса и Марии Магдалины, располагающиеся одна подле другой, и что их местонахождение зашифровано в картинах Пуссена.

Вероятно, это и есть та информация, которую «даже королям с большим трудом удалось бы вытянуть из него» — особенно королю Людовику XIV, представителю узурпировавшей власть династии[163].

Династия Меровингов — отдельная тема. Когда Генри Линкольн решил изучить эту династию, он обнаружил, что о ней мало что известно, поскольку Церковь сделала все, чтобы вычеркнуть меровингских королей из истории. Мы знаем, что эта династия была основана франкским королем Меровеем, коронованным в 448 году. Другими словами, он был современником короля Артура. Меровей правил почти всей Францией от Марселя на юге до Арденн на севере. Легендарные обстоятельства появления короля Ме-ровея на свет навели Генри Линкольна и Ричарда Ли на мысль, из которой родилась книга «Святая Кровь и Святой Грааль»: рыба, которая оплодотворила мать Меровея, символизировала основателя христианства, как это и было в древности. Линкольн приводит доказательства того, что меровингские монархи были чернокнижниками и их часто называли «королями-колдунами». Вот почему местность вокруг Ренн-ле-Шато с ее естественной пентаграммой холмов была столь важна для Меровингов.

Линкольн пишет о том, что в 1653 году в Арденнах была найдена могила Хильдерика I, сына Меровея. Наряду с несметными сокровищами из нее извлекли и предметы, связанные с колдовством, например хрустальный шар, отрезанную голову лошади и голову золотого тельца. В могиле нашли также 300 золотых пчел. Интересный факт: Наполеон настаивал на том, чтобы этих пчел прикрепили к одеяниям, в которых он короновался. Интерес Наполеона к Меровингам подтверждается тем, что он повелел составить генеалогию этой династии; позднее эту генеалогию поместили вместе с другими документами в Национальную библиотеку.

Окружающие Меровингов легенды повествуют о том, что эта династия происходила из греческой Аркадии, чем объясняется и надпись на гробнице, изображенной на «Аркадских пастухах».

Потомок Меровингов Готфрид Бульонский возглавил Первый крестовый поход. После смерти Готфрида его брат, Балдуин I, разрешил членам Приората Сиона начать раскопки «конюшен»

Храма. Мы должны предположить, что они нашли то, что искали: закопанные под Храмом свитки ессеев, включая свиток с изображением Небесного Иерусалима и масонскими символами. Эти свитки были доставлены во Францию и, возможно, помещены в замок Безю в самом сердце провинции катаров. (Линкольн сообщает о том, что св. Бернара, приезжавшего сюда с намерением выступить против катарской ереси, больше еретиков ужаснула развращенность нравов в католических приходах, и он стал читать проповеди о нравственной чистоте.)

Когда Филипп Красивый арестовал тамплиеров, их корабли сумели ускользнуть вместе со свитками, которые в конце концов оказались в Росслине. Однако Приорат, главой которого был тогда Эдуар, граф де Бар, продолжал существовать.

В 1640 году масонское братство наконец вышло из тени, чему предшествовали странные события, связанные с розенкрейцерами. В 1614 году вся Европа говорила о сенсационной книге «Fama Fraternitatis» (или «Манифест Братства»), изданной Достославным Орденом Розы и Креста. Эта книга повествует о жизни мистика и колдуна XV века Христиана Розенкрейца, который прожил 106 лет. Следующие 120 лет его нетленное тело пребывало в загадочной гробнице. Книга призывает всех заинтересованных лиц влиться в ряды Братства и обещает, что с теми, кто проявит к нему интерес (устно либо письменно), «свяжутся». Сотни людей изъявили желание вступить в Братство, однако, насколько известно, ответа никто из них не получил.

В продолжение «Fama» были изданы еще две розенкрейцерские книги, «Confessio» (1615) и толстый том под названием «Химическая свадьба» (1626). Они подогрели интерес к розенкрейцерам. Считается, что их автором был протестантский богослов Иоганн Валентин Андреа; можно быть уверенным в том, что он сочинил «Химическую свадьбу», хотя сам Андреа отрицал свое авторство. Вероятно, в молодости этот идеалист хотел создать новое духовное движение — подобно многим современникам, он считал, что пришло время начать все заново. Что характерно, в Секретных Досье его имя появляется в списке Великих магистров Приората Сиона.

Наконец, около 1640 года в Шотландии и Англии появилась организация, именовавшая себя масонским братством. Католическая церковь ненавидела масонов, однако, судя по всему, первые шотландские ложи объединяли с равным успехом и католиков, и протестантов.

Происхождение масонов оставалось неясным; лишь после Второй мировой войны Приорат Сиона под руководством Пьера

Плантара решил, что пришла пора приоткрыть карты. Грандиозные планы Приората претворились в жизнь, когда Генри Линкольн нашел Жерара де Седа и убедил Би-би-си снять о загадке Ренн-ле-Шато фильм.

Появившаяся в результате книга «Святая Кровь и Святой Грааль» стала мировым бестселлером.

До какого-то момента проникнуться историей Меровингов могло лишь образованное меньшинство. Все изменилось, когда в 2003 году вышел рассчитанный на широкую аудиторию роман Дэна Брауна «Код да Винчи» с изложением истории Приората. О тайне Иисуса и тамплиеров узнали миллионы людей. Вероятно, этот роман — самая большая угроза католицизму со времен Мартина Лютера. При всем том Браун, очевидно, посчитал, что история Соньера и Ренн-ле-Шато слишком усложнит сюжет, поэтому от Соньера осталось лишь имя: так зовут смотрителя Лувра, погибающего на первых страницах.

На момент выхода моей книги данный эпизод — последний в цепи странных событий, складывающихся в историю христианства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
ПЕРВИЧНОЕ ЗРЕНИЕ

Когда я писал эту книгу, из моей головы не выходило замечание Хэпгуда о «развитой науке, которая существовала уже 100 тысяч лет назад». Что он подразумевал под «развитой наукой»? Мы твердо знаем, что наши предки-кроманьонцы не додумались ни до парового двигателя, ни до электрического освещения.

Возможно, Хэпгуд имел в виду нечто другое? В конце концов, Стоунхендж и Тиауанако свидетельствуют о развитой науке без высоких технологий.

В книге «Время останавливается» Кит Критчлоу приводит поразительные сведения о вавилонской математике. В частности, речь идет о вычислении сторон треугольников Пифагора. Удивительно, однако, невзирая на громоздкую систему счисления, вавилоняне без проблем возводили огромные числа вроде 18 541 в квадрат (результат превышает 343 миллиона). Тем не менее они не создали простейшей алгебры, позволявшей рассчитать длину гипотенузы прямоугольного треугольника.

Критчлоу приходит к выводу, что в древности люди обладали чем-то вроде «непосредственного восприятия основных отношений между числами»[164]. Другими словами, они попросту видели ответ, как мы с вами сразу видим, что дважды два равно четырем.

Это утверждение звучит абсурдно — но вспомним о шестилетнем Бенджамине Блите, который потратил 15 секунд на то, чтобы подсчитать, сколько секунд он живет на свете, и учел при этом високосные годы.

Британский вундеркинд-аутист Дэниэль Тэммет, способный моментально умножить, например, 377 на 795, объясняет: он «видит» форму, цвет, фактуру числа. «Когда я умножаю одно число на другое, я вижу две формы. Образ трансформируется, преображается, проступает третья форма. Это и есть ответ. Я вижу мыслеобразы. Я вычисляю не думая»[165]. Получается, что Тэммет «считает» правым полушарием мозга, которое работает с формами и фактурами. Способности Тэммета развились после эпилептического припадка, который случился с ним, когда ему было три года; должно быть, в результате припадка левое полушарие мозга повредилось, и правое стало доминировать.

Тот же ответ можно дать и на вопрос, который поднимался во второй главе книги: что «увидел» Роберт Грейвз, когда сидел в

машине на крикетной площадке и внезапно понял, что «знает все».

Грейвз писал о «неожиданной детской уверенности в силе интуиции, суперлогике, которая прерывала все привычные ходы мысли и в мгновение ока перескакивала от проблемы к ответу»[166].

Этими словами он описывал интуитивную догадку, осознание правого полушария мозга, «взгляд с высоты». Увиденная с высоты, вся сложность и вся противоречивость человеческого опыта растворяется в простой целостности. Ученик Гурджиева Успенский пережил нечто похожее (по всей вероятности, под воздействием веселящего газа) и описал этот опыт в главе «Экспериментальная мистика» в своей книге «Новая модель вселенной».

Он пишет: «Все существует в единстве, все связано друг с другом, все здесь чем-то объясняется и, в свою очередь, что-то объясняет… Этот новый мир, с которым человек входит в соприкосновение, не имеет отдельных сторон, так что нет возможности описывать сначала одну его сторону, а потом другую…»[167]

Вот почему Грейвз пришел в замешательство, попытавшись описать пережитое: он старался найти «отправную точку», которой не существует. Продолжая искать ее, он упал с небес на землю, и озарение попросту исчезло.

Я предполагаю, что и Бенджамин Блит, и создатель «ниневийского числа» были способны взглянуть на мир с высоты по собственной воле, в то время как современный человек находится в том же положении, что и Грейвз, вернувшийся на землю. Все теперь отделено друг от друга, все разобщено.

В книге «От Атлантиды до Сфинкса» я рассказал про антрополога Эдуарда Холла, который на протяжении нескольких лет изучал североамериканских индейцев и поведал о том, как один из его студентов решил заснять на пленку детей на школьной спортплощадке. Посмотрев фильм несколько раз, студенты Холла ощутили некий неслышный ритм. Когда фильм увидел любитель рок-музыки, он поставил в качестве звуковой дорожки к фильму запись из своей коллекции. Дети словно бы танцевали под рок-музыку, как если бы их танцем руководил некий хореограф. Очевидно, они танцевали под некий ритм из собственного подсознания. По этой причине Холл назвал свою книгу «The Dance of Love» («Танец жизни»),

А Шваллер де Любич заявлял в книге «Sacred Science» («Священная наука»): «Всякое живое существо пребывает в контакте с ритмами и гармоническими вибрациями всех энергий

вселенной»[168].

В книге «От Атлантиды до Сфинкса» я рассказал также о книге «The Infinite Harmony» («Беспредельная гармония») Майка Хейса, в которой он рассказывает о собственном открытии — связи между музыкой и кодом ДНК В то время ни я, ни Майк Хейс понятия не имели о том, что в 1976 году юнгианец доктор Мартин Шонбургер выдвинул ту же теорию в книге «I Ching and the Genetic Code» («И Цзин и генетический код»), написанной под влиянием доктора Мари-Луизы фон Франц. Ее же обсуждает специалист по тайцзи Грэм Хорвуд в книге «Tai Chi Chuan and the Code of Life» («Тайцзи-цюань и код жизни»).

Хейс посещал лекции по генетике Лестерского университета; узнав о четырех основаниях, которые складываются в триплеты (или РНК-кодоны) 64 способами, он вспомнил про И Цзин (Книгу перемен), которая описывает 64 гексаграммы, состоящие каждая из шести черт или двух триграмм по три черты. Эти черты бывают двух видов — целые и прерванные.

Хейс узнал также о том, что триплетные единицы РНК соединяются с другими триплетами, образуя молекулу ДНК. Иначе говоря, двойная спираль ДНК состоит из 64 гексаграмм, как И Цзин. Хейс спросил себя: знал ли о коде жизни Фу Си, легендарный создатель И Цзин? Он предположил по аналогии с Книгой перемен, что в ДНК есть восемь типов триграмм. Так оно и оказалось. Хейс осознал, что набрел на интереснейшую тему.

Хейса поразил и тот факт, что для производства протеина необходимо 20 аминокислот плюс еще две для позиций «старт» и «стоп» — итого 22. Хейс вспомнил, что Пифагор почитал число 22 священным, поскольку оно символизировало три музыкальные октавы. (В октаве семь нот: до, ре, ми, фа, соль, ля, си, еще одна нота до требуется, чтобы завершить октаву и начать следующую.) Кроме прочего, мистическим является и само число октав — три.

Пифагор, как мы знаем, считается первым из великих мистиков, интересовавшихся числами.

Древние египтяне шли на чудовищные ухищрения, шифруя доступные им знания. Мы уже знаем, что в высоте и основании пирамиды Хеопса зашифрованы размеры Земли. Майк Хейс отмечает, что в предкамере царской камеры имеется гранитный барельеф, площадь которого почти тождественна площади круга с диаметром, равным длине пола предкамеры. Более того, если эту длину умножить на число «пи», мы получим точное число дней в году — 365,2412 пирамидных дюйма. Судя по всему, архитектура древних египтян зиждилась на вере в числа, которые шифруют структуру вселенной.

Когда Майк Хейс изучал три мировые религии (он

заинтересовался исламом в Иране), его поразила та роль, которую играли в этих религиях числа 3, 7 и 22. Число «пи», отношение длины окружности к диаметру круга, — это (приблизительно) 22, разделенное на 7. В книге «Беспредельная гармония» приводятся десятки примеров с числами 3, 7 и 22. Хейс называет эти и другие числа «герметическим кодом». Он доказывает, что герметический код — это код эволюции, некий принцип, лежащий в основе развития жизни и перехода на следующие эволюционные ступени.

Как можно видеть, замечание Нарби о том, что шаманы всего мира контактируют с духами посредством музыки, куда более глубокомысленно, чем кажется на первый взгляд.

Согласно Юнгу, И Цзин работает на принципе синхронности или значимого совпадения. Подобно Джереми Нарби, Юнг считает, что мы живем в «разумной вселенной» (в отличие от мертвой механической вселенной XIX века). Когда мы спрашиваем совета И Цзин (или той структуры, которая лежит в основе оракула) со всей серьезностью и подбрасываем три монеты, он дает нам сообразный ответ, указывая на одну из 64 гексаграмм. (Когда в 1951 году Юнг писал предисловие к переводу Книги перемен Рихарда Вильгельма, он тайно советовался с оракулом уже более 30 лет.)

Отсюда становится понятно, что именно подразумевал Хэпгуд под «развитой наукой» древности. Если бы Хэпгуд прочел книгу Нарби, он согласился бы с тем, что знания индейцев о свойствах 80 тысяч растений можно назвать развитой наукой, как и знания древних египтян, позволившие им зашифровать длину года (с точностью до четырех знаков после запятой) в прямоугольном гранитном барельефе.

Нарби, Эдуард Холл, Майк Хейс, Юнг и Шваллер де Лю-бич говорят фактически о том, что в природе есть множество важных знаков, которые мы не видим в упор.

Современный человек практически не в состоянии понять, почему он слеп. Мы видим то, что у нас под носом, и не можем увидеть нечто большее, как бы широко ни таращили глаза.

Есть еще один вид слепоты, описываемый Уильямом Джеймсом в его эссе «Об определенной слепоте в людях». Джеймс вспоминает о том, как пересекал в коляске горы Северной Каролины, смотрел с отвращением на недавно возделанные клочки земли и думал о том, сколь они уродливы. Он спросил кучера, что за народ живет в этих местах. Тот с готовностью отозвался: «Мы не чувствуем себя счастливыми до тех пор, пока не возделаем один из наших участков»[169]. Джеймс внезапно осознал, что для поселенцев всякий участок — это чья-то личная

победа, и понял, что они прекрасны.

Мы ослепляем себя, когда смотрим на вещи, руководствуясь собственными предрассудками, иначе говоря, когда эти вещи становятся нам безразличны. Безразличие проистекает из убеждения, что мы уже знаем, что к чему. Джеймс был более чем уверен в том, что участки земли уродливы, он не понимал, что уродство, как и красота, — в глазах смотрящего.

Даже если мы осознаем этот факт, нам все равно не удастся понять, как древним египтянам или нашим предкам-кроманьонцам удавалось видеть мир иначе, чем видим его мы, и развивать свою науку. Уясним, что тут имеется в виду, рассмотрев следующий пример.

Одним из немногих людей, для которых «древнее видение» не являлось секретом, был поэт Гете. Узнав о том, что Гете думал о науке, мы поймем, что же такое наука на самом деле.

Чтобы облегчить понимание мыслей Гете, я расскажу о том, как узнал о его мировоззрении.

Я стал поклонником творчества Гете со времен моей юности, когда впервые прочел «Фауста» в старом издании «Everyman's Library». Мне было 16 лет, и история ученого, угнетаемого ощущением бессмысленности жизни, поразила меня до глубины души. Хороших английских переводов Гете немного, и со временем я стал охотиться за каждой такой книгой.

Несколько лет назад мне в руки попал перевод сочинения Гете «Очерк учения о цвете», однако я не знал, стоит ли его приобретать. Мне было известно, что Гете увлекался наукой на любительском уровне, и я считал, что он оставался не более чем любителем. Тем не менее я купил книгу, поставил ее на полку и забыл о ней.

Мне следовало бы предположить, что Гете нужно доверять целиком и полностью. Например, я знал о том, что благодаря ему была открыта межчелюстная кость. Эта кость в верхней челюсти, на которой держатся резцы, есть у всех животных. В 1780-х годах знаменитый голландский анатом Петер Кампер заявил, что человек — уникальное существо, поскольку в его челюсти межчелюстной кости нет. Гете, стоявший на стороне эволюционной теории задолго до Дарвина и Ламарка, был уверен в том, что это чепуха. Изучив горы черепов животных и людей, он в конце концов обнаружил межчелюстную кость у человека, пусть эта кость и уменьшилась до шва, соединяющего две половины челюсти. Когда Гете объявил о своем открытии, Кампер и другие ученые высмеяли его как любителя. Столетием позже ученый мир решил, что Гете был прав, а Кампер ошибался.

Однако в случае с цветом, думал я, Гете попросту не мог

опровергнуть существующую теорию. Всех нас учили в школе тому, что белый цвет состоит из семи цветов радуги — красного, оранжевого, желтого, зеленого, голубого, синего, фиолетового. Ньютон доказал это, поставив простой эксперимент. Он проделал в ширме дырку, через которую проникал лучик света, и пропустил его через призму. Свет разделился на семь цветов. Убедительно, не правда ли?

Гете достал призму и решил повторить эксперимент Ньютона. Он немедленно столкнулся с аномалией. Когда Гете смотрел через призму на освещенный участок стола, стол не становился разноцветным. Он оставался белым, и только по краям были видны цвета радуги. Оказалось, что именно так обычно и бывает: цвета появляются лишь на границе или по краям чего-либо.

Гете взял лист бумаги, верхняя половина которого была белой, а нижняя — черной. Взглянув через призму на середину листа, он увидел, как на белой стороне появляются красный, оранжевый и желтый цвета. Но когда Гете сосредотачивался на черной половине, он видел там темные цвета спектра — голубой у самой границы, затем синий и фиолетовый. Порядок цветов не соответствовал тому, который наблюдается в радуге (красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый), он был другим: желтый, оранжевый, красный, голубой, синий, фиолетовый. Этот порядок явно нарушал установленный Ньютоном закон.

В итоге Гете пришел к выводу, который может показаться нам странным. Если посмотреть на небо в жаркий день, оно окажется синим над головой и все более светлым по мере того, как взгляд опускается к горизонту — свет проходит через все более плотные слои атмосферы. Но если бы вы наблюдали за небом, поднимаясь в ракете, небо становилось бы все более синим и темным, пока не превратилось бы в космическую тьму.

С другой стороны, когда солнце сияет прямо над головой, оно желтое. Стоит солнцу опуститься к горизонту, как оно краснеет. Если говорить о солнечном свете, атмосфера порождает три светлых цвета: желтый, оранжевый и красный. Если говорить о темноте (или космосе), атмосфера создает три темных цвета: голубой, синий и фиолетовый.

Упрощая, Гете говорит о том, что темные цвета (голубой, синий, фиолетовый) есть просветленная темнота, а светлые цвета — желтый, оранжевый, красный — есть затемненный свет.

Когда я дошел до этого места, мне захотелось вышвырнуть книгу в окно и забыть о ее существовании. В чем, спрашивал я себя, теория Гете превосходит теорию Ньютона? Какой от нее может быть прок?

Мой друг Эдди Кэмпбелл дал мне книгу «The Wholeness of Nature: Goethe's Way of Science» («Целостность природы: наука по Гете») Генри Бортофга, ученого, наставником которого был физик Дэвид Бом. Книга показалась мне настолько сложной, что я решил, что буду читать ее несколько лет, и купил собственный экземпляр, который простоял на моей полке около года. Наконец, я приступил к чтению и вскоре понял, что эта книга — одна из самых важных в моей жизни.

Бортофт излагает новые любопытные факты. Например, он рассказывает о том, что, когда Гете изучал цвета, он закрывал глаза и представлял себе то, что наблюдал. Он пытался увидеть цвета в правильном порядке внутренним зрением до тех пор, пока уведенное не совпадало с реальностью.

Гете пользовался тем, что я описал ранее как «эйдетическое видение». С какой целью? Дадим слово Бортофту:

«Для того чтобы наблюдать явление цвета так, как наблюдал его Гете, необходимо обладать более активным зрением, нежели то, каким располагаем мы. Термин «наблюдение» предполагает некоторую бездеятельность. Мы полагаем, что наблюдать — значит попросту открыть глаза на данный феномен… Для того чтобы наблюдать явление так, как наблюдал его Гете, нам нужно смотреть так, как если бы направление взгляда было противоположным, от нас к явлению, а не наоборот. Этого можно добиться, уделяя внимание зрению; тогда мы действительно увидим то, что наблюдаем, не ограничиваясь простым зрительным впечатлением. Мы словно бы погружаемся в процесс наблюдения. Так становится возможным воспринимать качество цвета».

Ботфорт описывает, как именно Гете воссоздавал цвета в своем воображении, и поясняет: «Цель — развить орган восприятия, который способен углубить наше понимание явления…»[170]

Гете называл это «активным зрением»[171]. Я полагаю, что в нем и кроется разница между древними и современными людьми. Древний человек был куда ближе к природе, а потому обладал более активным зрением.

Погожим летним утром (часы показывали половину седьмого) я сидел в постели и читал книгу Бортофга о Гете. Внезапно я понял, о чем он пишет. Я выглянул из окна в сад, увидел деревья и кусты и решил последовать совету Гете. Я попытался посмотреть на сад, используя активное зрение.

Так я понял, что обычно, окидывая сад взглядом, я вижу его пассивно, принимаю его как должное, ощущаю, что мне знакома каждая пядь садового участка. Теперь же я постарался отбросить

все мысли, все предрассудки и попросту увидеть сад как чужое владение, словно бы оно попалось мне на глаза впервые.

Я немедленно почувствовал, что растворяюсь в природе. Трава, деревья, кусты внезапно показались мне более настоящими и живыми. Более того, они словно бы говорили со мной. У меня возникло странное чувство, будто я нахожусь в компании старых друзей, будто я пришел в клуб, где ощущаю себя как дома.

Я понял также, что Гете, как и многие поэты, обладал подобным восприятием с рождения. В «Фаусте» он говорит о природе как о «живой одежде божества»[172]. Его лирические стихотворения лучатся чудесной, бескрайней витальностью, напоминающей о поздних полотнах Ван Гога («Дорога с кипарисами» и «Звездная ночь»), на которых деревья словно бы превращаются в зеленые костры, чье пламя устремлено к небу.

Хорошо известна история о том, как Гете и поэт Шиллер ушли с довольно скучной научной лекции в Йене, и Гете заметил, что обязан существовать иной способ объяснять природу: не по частям и кусочкам, но как живую реальность, с переходом от общего к частному. На что Шиллер только пожал плечами и заметил: «Это всего-навсего фантазия»[173].

Он ошибался. Для Гете это была не просто фантазия: именно такую природу он видел, когда смотрел на деревья, цветы и траву. Они казались ему живыми, как если бы природа была в каком-то смысле живым организмом.

В качестве упражнения я предложу читателю взглянуть на сад, используя «активное зрение». Вместо того чтобы смотреть на него как на застывшую картину, как на пейзаж, попробуйте увидеть сад в беспрерывном движении — очень медленном, но все-таки движении. Попробуйте увидеть, что растения — живые существа, такие же, как насекомые или птицы.

Конечно же, у Гете, как и у всех нас, бывали периоды, когда он уставал и начинал смотреть на мир механически. Однако в те моменты, когда Гете открывался миру, он видел природу такой, какой ее рисовал Ван Гог.

Как отметил Бортофт, дело тут не в прикладываемом усилии. Необходимо прежде всего развивать орган восприятия.

Уильям Блейк сказал: «Если бы двери восприятия были чисты, все предстало бы человеку таким, как оно есть, — бесконечным»[174]. Олдос Хаксли цитирует эти слова в книге «Двери восприятия», повествующей о воздействии на автора мескалина, психоделического наркотика, с помощью которого Хаксли видел мир куда более реальным. Несомненно, об этом же пишет и Бортофт. Но если, как полагает Нарби, индейцы по-прежнему обладают этим «органом», у современного человека он

атрофировался много столетий назад.

Восприятие через этот «орган» немецкий литератор Готфрид Бенн называл «первичным зрением»[175].

Человек утерял способность к такому восприятию, когда стал развивать механическое восприятие, чтобы не затеряться в стремительно усложнявшемся мире. Это отлично понимал поэт Вордсворт, как явствует из его оды «Откровения бессмертия». Ребенку все на свете внове, все его радует, все видится «сияньем и свежестью грез». Ребенок живет в настоящем, мир видится ему ярким и ясным. Затем над юным созданием «начинают смыкаться тюремные тени», жизнь становится все более трудной, требует все большего. Повзрослев, человек оказывается в состоянии вечной спешки, и «сиянье» исчезает при свете будней[176].

Что означает, конечно же, что взрослые уже не стремятся увидеть вещи такими, какие они есть. Когда ребенок смотрит любимую телепередачу, она поглощает его внимание настолько, что он зачастую не слышит, как ему что-то говорят. Все мы можем припомнить, с какой радостью внимали дождю, стучавшему по оконным стеклам. Писательница Лора дель Риво говорила мне, что часто сворачивалась клубком и повторяла: «Разве не прекрасно быть собой?» И действительно, быть собой прекрасно, если вы поглощены собой и не допускаете никаких «протечек». Взрослея, мы рассеиваем внимание, после чего принимаем выхолощенную версию окружающего нас мира за реальность. Так в нас появляется «определенная слепота».

Животные ведут себя по-другому. Они преспокойно живут в настоящем и обращают внимание лишь на то, что их интересует. Мы, «цивилизованные» люди, позабыли, как это делается. При этом мы даже не сознаем, чего себя лишаем, поскольку все вокруг привыкли думать, что таков порядок вещей.

Между тем выхолощенное и деградировавшее сознание «награждает» нас стрессом и заставляет волноваться по поводам, которые совершенно того не стоят. И когда временами в нас пробуждается настоящее сознание, например, когда мы уезжаем отдохнуть за город, мы решаем, что просто расслабились, и отказываемся понимать, что наше внимание нуждается в постоянной тренировке. Проблема в том, что мы, образно говоря, привыкаем дышать не в полную силу и в конце концов начинаем страдать от кислородного голодания.

По словам принстонского психолога Джулиана Джейнса, такое положение дел сложилось очень недавно. В книге «The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind» («Происхождение сознания в результате краха двуполушарного разума») Джейнс интерпретирует результаты «исследования

разделенного мозга» в том смысле, что сознание современного человека неимоверно сократилось и мы фактически «обитаем» только в одном из мозговых полушарий — левом, которое отвечает за язык, логику и выживание в окружающем мире. Джейнс утверждает, что правая половина (отвечающая за интуицию, прозрения и чувства) фактически нам не принадлежит. Он говорит, что человек сделался «левополушарным» не далее как около 1250 года до н. э.

Во втором тысячелетии до н. э. средиземный регион сот трясали ужасные войны; в этих условиях прежнее, детское сознание уже не могло мириться с реальностью. Человек вынужден был сузить себя, стать более нервным, жестоким и беспощадным. (Напряжение делает нас жестокими.) В этом новом состоянии сознания человек утерял связь с богами и собственным глубинным «я». Около 1230 года до н. э. ассирийский тиран Тукулти-Нинурта приказал создать каменный алтарь, на котором изображен царь, преклонивший колени перед пустым троном бога. Все цари до него изображались сидящими рядом с богом на троне. Теперь бог исчез, и человек должен был полагаться только на самого себя.

Это интересная теория, и Джейнс защищает ее довольно убедительно, но, само собой, подтвердить ее фактами невозможно. Мы можем констатировать лишь, что нечто подобное произошло с нами в какой-то момент эволюции.

Книга Нарби «Cosmic Serpent» («Космический змей») вроде бы доказывает, что на перуанских индейцев «лево-полушарность» не распространяется. Подобно шаманам всего мира, они по-прежнему общаются со своими богами или по меньшей мере знают, как с ними связаться. Индейцы верят в то, что их наставником является космический змей, а Нарби предполагает, что этот змей на самом деле — молекула ДНК Возможно ли, чтобы собственная ДНК индейцев рассказывала им о свойствах растений? Может быть, они учатся непосредственно у природы, «живой одежды божества»?

Тут возникает еще одна любопытная проблема. Именно левое полушарие отвечает за вычисления, поэтому мы должны предположить, что это полушарие — математическое. Однако любой математик скажет вам, что математика основана на интуиции в той же мере, что и поэзия, и искусство. Вот почему слабоумным близнецам Оливера Сакса удавалось быстро находить огромные простые числа. Судя по всему, они видели эти числа так же, как Микеланджело видел статую в куске мрамора на каменоломне или Никола Тесла видел устройство безо всякого бумажного чертежа. Мы приходим к странному выводу: став

«левопо-лушарным», современный человек отказался от существенной части рационального мышления.

Если учесть это обстоятельство, становится понятно, как наши далекие предки создали «развитую науку» без того, чтобы изобретать бетономешалки.

Все говорит за то, что развитая наука строится скорее на интуиции, чем на разуме. С этим согласится любой ученый. Вместе с тем немногие ученые осмелятся признать, что интуиция может послужить фундаментом для куда более продвинутой науки, нежели та, что мы имеем сейчас.

В этом смысле существовавшая 100 тысяч лет назад и обладавшая «развитой наукой» цивилизация, о которой говорил Хэпгуд, уже не кажется столь парадоксальной.

В мае 1996 года мне прислали книгу с пугающим названием «Экстрасенсорное восприятие кварков». Ее написал англичанин Стивен Филлипс, получивший степень доктора за исследования в области физики элементарных частиц и читавший лекции в университете Кейптауна.

Когда Филлипс учился в докторантуре Калифорнийского университета, ему случилось приобрести в лос-анджелесской книжной лавке сочинение теософа Уильяма Кингсленда «The Physics of the Secret Doctrine» («Физика Тайной Доктрины»), Перелистывая эту книгу, Филлипс был потрясен, когда наткнулся на изображение атома водорода с ядром, обозначенным тремя точками. Немногие ученые удостоили бы этот рисунок взглядом просто потому, что изображение не выглядело как атом водорода, в котором (как все мы знаем) один электрон вращается вокруг ядра, словно одна планета вокруг солнца. На схеме, приведенной в книге, имелось шесть кругов, из которых были составлены два «треугольника», и на каждом круге были обозначены по три «точки». Филлипс знал, что модель ядра водорода, предложенная в 1961 году Мюрреем Гелл-Манном, включала в себя три частицы, которые Гелл-Манн называл кварками. Филлипс подозревал, что каждый такой кварк можно разделить на три субкварка.

Перепечатанный Кингслендом рисунок впервые появился в книге «Occult Chemistry» («Оккультная химия»). Она была написана Анни Безант и Ч.В. Лидбитером, членами-основателями Теософского общества, считавшими, что благодаря йогическим практикам они могут на манер ясновидящих проницать суть материи. «Оккультная химия» была издана в 1908 году. К 1911 году Резерфорд, а вслед за ним и Бор описали общеизвестную ныне структуру атома, состоящего из ядра и электронов на орбитах вокруг него. Естественно, ни один ученый не принял «Оккультную химию» всерьез. Одного заголовка этой книги

достаточно для того, чтобы физика передернуло.

Стивен Филлипс не был обычным физиком. Его отец был марксистом, а мать — медиумом. В детстве отец подарил сыну четырехдюймовый линзовый телескоп, а мать вручила «Тайную доктрину» мадам Блаватской. Поэтому Филлипс сохранил трогательную привязанность к теософии, даже став специалистом по суперструнам и кваркам.

Безант и Лидбитер проводили исследования, концентрируясь на различных «элементах», таких как золото, платина и алмаз, а также на сложных веществах вроде воздуха и соли. Часто они видели поначалу лишь серый туман, который «увеличивали» до тех пор, пока в нем не появлялись световые точки или «шары из мерцающих точек, которые раскачивались и перемещались будто под воздействием невидимого ветра». Эти точки соединялись затем в геометрические фигуры, причем одному элементу всегда соответствовала одна и та же фигура. Безант и Лидбитер называли их МПА — «микро-пси атомы». В них заключались ПФА, первичные физические атомы, первичные составляющие материи.

Любопытно, что Безант и Лидбитер описали различные формы атомов неона, аргона и криптона. Сейчас их назвали бы изотопами.

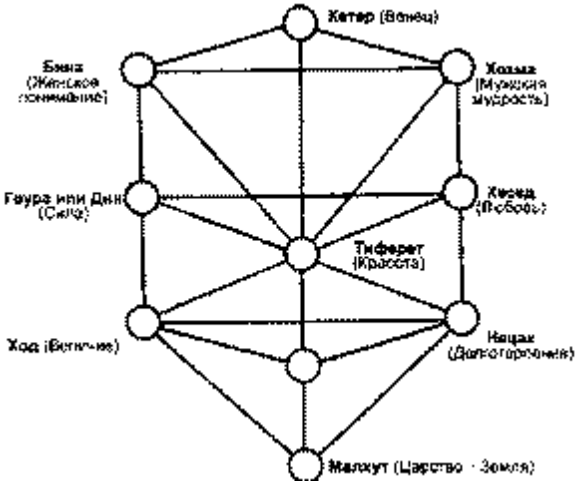
В книге «Экстрасенсорное восприятие кварков» весьма убедительно доказывается, что Безант и Лидбитер сумели распознать не только кварки, но и куда более микроскопические частицы. В 1980 году, когда вышла эта книга, про субкварки никто не слышал, однако в 1996 году ученые из Лаборатории Ферми близ Чикаго провели эксперименты, результаты которых говорят за то, что субкварки существуют.

После «Экстрасенсорного восприятия кварков» Филлипс издал еще более смелую книгу «ESP of Quarks and Superstrings» («Экстрасенсорика кварков и суперструн»), за которой последовал труд всей его жизни — «The Image of God in Man and Matter» («Образ Бога в человеке и материи»).

В ней Филлипс утверждает, что каббалистическое Древо Жизни следует рассматривать не как туманную символическую схему реальности, придуманную узколобыми мистиками, но как корректное с научной точки зрения описание фундаментальной математической реальности вселенной.

В каббале Древо Жизни — это не реальное дерево, а символическая ось, соединяющая небеса и землю (как центральный столб в жилище шамана). Число эманаций здесь — десять; может показаться, что оно противоречит шаманизму с его девятью или семью ступенями, но противоречие это кажущееся, потому что за вычетом базового уровня земли (Малхут) остается

девять уровней.



Древо Жизни

Стивен Филлипс в письме ко мне писал:

«В 1976 году, вернувшись в Англию, я погрузился в изучение тетрактиса Пифагора [треугольник, разделенный точками на девять маленьких треугольников]. По мере того как я углублялся в работу, все вставало на свои места. Я обнаружил, что именами Бога названы те отделы скрытых и формообразующих эманаций Древа Жизни, в которых зашифрованы числа космического значения, например, параметры групп 248 и 496, играющие большую роль в теории суперструн. Что замечательно, число 168, ядро числа 1680 (а именно столько круговых колец насчитал Лидбитер в витке ПФА), является числовым выражением еврейского слова, обозначающего физическую манифестацию сфиры Малхут. Так данные, полученные Лидбитером через ясновидение, получили независимое подтверждение. Когда все характеризующие свойства геометрического объекта числа оказываются связаны с именами Бога, это не может быть совпадением»[177].

Когда я писал эту главу и перечитывал книгу «Экстрасенсорика кварков и суперструн», мне попалось на глаза письмо, которое Стивен прислал мне несколько лет назад. Оно содержало отчет о мистическом опыте, который он пережил, когда был ребенком.

«В детстве я часто гулял по местному парку, но ни во что не играл, просто смотрел на насекомых и птиц. Когда мне было 9 лет, я сидел в роще и наблюдал за порхающими бабочками, за муравьями, которые тащили на себе травинки, передвигаясь на первый взгляд бесцельно, и тут меня осенила мысль: этот весьма

деятельный мир будет существовать, невзирая на то что люди думают о смысле жизни. Пока эта мысль жила во мне, ощущение «я», отделенного от мира, начало исчезать. Цвета сделались ярче, звуки — громче, а потом потеряли всякое значение. Я был частью огромного муравейника, я пребывал внутри, а не снаружи. Затем я ощутил, что окружен любовью. Или нет, скорее это всепроникающая любовь была повсюду, и я ее даже не ощущал, потому что никакого «я» не было. Образы объектов никак не регистрировались в моем сознании, поскольку оно являло собой лишь море любви. Затем я внезапно осознал, что осознаю нечто. Я опять оказался в лесу с насекомыми. Ощущение радости не уходило от меня на протяжении нескольких часов»[178].

Я читал это письмо непосредственно после книги Нарби и был потрясен тем, что они говорят фактически об одном и том же. Наблюдавший за бабочками и муравьями Филлипс мог сидеть и в перуанском дождевом лесу. И вот что любопытно: осознав, что мысли людей о смысле жизни никак не влияют на целеустремленных и деятельных существ вокруг нас, Филлипс поначалу ощутил, что цвета и звуки усилились. Подобное явление можно назвать «эффектом Гете», ведь это не что иное, как внезапное пробуждение «активного зрения». Это ощущение быстро перешло в другое — единства природы, в которой растворилась собственная личность Филлипса. Интересно отметить, что ему было тогда всего девять лет — возраст, после которого «начинают смыкаться тюремные тени». Ощущение исчезло, когда вернулось самосознание, Филлипс «осознал, что осознает нечто». Левое полушарие вновь победило, чувство целостности природы пропало.

Т.Э. Лоуренс однажды описал схожий опыт. Он пережил нечто подобное, когда путешествовал с отрядом арабов: «Мы вышли в дорогу в один из таких ясных дней, когда лучи рассветного солнца пробуждают чувства, а разум, уставший от ночных размышлений, еще спит. В такое утро в течение часа или двух чувства и цвета окружающего мира воздействуют на каждого человека вполне непосредственно и по-своему, не фильтруясь через мысли и, следовательно, не становясь типичными. Они представляются существующими сами по себе…»[179]

Лоуренс говорил, что его проблемы идут от «кишащей мыслями натуры» — то есть левополушарного сознания. Мы опять видим, что левое полушарие действует как фильтр, подобно темным очкам. Без «кишащей мыслями натуры» мы бы видели все «таким, как оно есть, — бесконечным». Иначе говоря, обычные границы личности испарились бы.

Не следует недооценивать и замечание Филлипса о том, что

он чувствовал, будто окружен морем любви. Подобный опыт дает ощущение природы как живой и доброжелательной силы.

Когда Нарби пишет о том, что перуанские индейцы различают свойства 80 тысяч растений, нельзя не вспомнить о великом бенгальском ученом Джагадисе Чандре Бозе, о котором я впервые прочел в книге Питера Томпкинса и Кристофера Берда «The Secret Life of Plants» («Тайная жизнь растений»). Бозе показал, что нет четкой границы между живой и неживой природой, и это — его величайшее достижение.

Бозе был сыном индийского чиновника. Он родился в 1858 году и проявил себя столь прилежным учеником, что отец отправил его в Англию, в Кембридж, где Бозе изучал физику, химию и ботанику. Получив место профессора физики в Калькутте, он столкнулся с завистью коллег (она преследовала его всю жизнь), как индийцев, так и белых, желавших, чтобы Бозе «знал свое место». Несколько лет он работал, не получая жалованья, однако, поскольку Бозе действительно был выдающимся ученым, власти в конце концов сдались. Он доказал свою гениальность, передав в эфир радиоволны до Маркони.

Бозе пригласили читать лекции в Королевской ассоциации Великобритании. Успех был столь велик, что Королевское научное общество рекомендовало правительству выделить Бозе грант в 40 тысяч фунтов, чтобы он мог создать исследовательскую лабораторию. И вновь путь Бозе преградили зависть и клевета индийских коллег.

В 1899 году Бозе заметил странный факт: когда он перегружал работой когерер, устройство для приема радиоволн, тот начинал работать хуже. Стоило когереру «отдохнуть», как он «восстанавливал силы». Бозе приступил к изучению границы между живой и неживой природой, в особенности его интересовали металлы.

Когда сэр Майкл Фостер, секретарь Королевского научного общества, нанес Бозе визит, тот показал ему некий график Выдающийся ученый разочарованно вздохнул:

— В этом нет ничего нового. Все это известно уже полстолетия.

— Как вы думаете, что это такое? — спросил Бозе.

— Это кривая мышечной реакции.

— Прошу прощения, — сказал Бозе, — но это кривая жестяной банки.

— Что? — завопил Фостер недоверчиво, вскочив на ноги[180].

Бозе показал ему аналогичные результаты, полученные при изучении других металлов — железа и меди. Он доказал также, что металлы обладают памятью. Металлическую поверхность

можно обжечь кислотой, а затем отполировать, чтобы от «ожога» не осталось и следа. Однако тесты все равно покажут, где именно металл получил «ожог».

Следующий эксперимент Бозе поставил на листьях, показав, что их, как и людей, можно подвергать анестезии. Он даже применил наркоз к сосне, вколов ей хлороформ, и пересадил ее на новое место без того шока, который обычно делает подобную пересадку невозможной.

Бозе атаковали со всех сторон. Когда он ставил опыты над растениями и металлами перед Королевским научным обществом, ученого атаковал патриарх физиологии сэр Джон Бердон-Сандерсон, попросту отрицавший, что нечто подобное может происходить. Тогда один из учителей Бозе организовал демонстрацию в Линнеевском обществе, где опыты индийца вызвали фурор. Тем не менее из-за интриг результаты его исследований так и не были опубликованы Королевским научным обществом.

Но сломить Бозе не удалось. Он изобрел прибор, посекундно регистрировавший рост растения, а также аппарат, который при помощи светового луча усиливал «мышечные» движения растения в десять тысяч раз. Наконец, в возрасте 59 лет Бозе был возведен в рыцарское достоинство и смог открыть собственный исследовательский институт.

Он прожил еще 20 лет и все это время продолжал эксперименты, призванные показать, что в природе нет никаких «зазоров»: фауна, флора и так называемая «неодушевленная природа» плавно переходят одна в другую. В одной из лекций он говорил о «всеохватном единстве» вещей и добавлял, что ему довелось постичь истину, «провозглашенную моими предками на берегах Ганга 30 веков назад»: разнообразие природы основано на ее единстве[181].

В отличие от Гете Бозе удалось убедить своих коллег в том, что он не мечтатель, а ученый. И все-таки он разделил судьбу Гете в том смысле, что современники не были готовы воспринять его идеи. В результате один из величайших ученых XX века был фактически забыт.

Разумно спросить: как можно продолжить работу Бозе? Мы найдем ответ в книге Нарби «Космический змей». Ученый должен пытаться развивать в себе «взгляд шамана» или по крайней мере считать, что этот взгляд имеет право на существование. Специалист по металлургии сэр Роберт Остен признался Бозе, что сам пришел к выводу об одушевленности металлов, однако ученые Королевского научного общества высмеяли его, едва он об этом заикнулся. Бозе посчастливилось обладать тем, чего не было

у сэра Остена: культурой, уходившей корнями в шаманизм.

Любопытно, что к подобному мировоззрению пришел в последние годы жизни и Чарльз Хэпгуд. Он выразил его в огромном предисловии к своей последней книге «Voices of Spirit» («Голоса духов»).

Отправной точкой для него стали работы Чандры Бозе. Хэпгуд очень много читал и однажды наткнулся на книгу Бозе «Response in the Living and Non-Living» («Реакция живых и неживых организмов»), В особенности его потряс опыт Бозе, в ходе которого становилось ясно, что металл в радиоприемном устройстве может «устать» после долгих часов работы. Хэпгуда поразило также одно наблюдение Бозе: если радиоприемник не использовать несколько дней, он становится «вялым».

Бозе добавляет: «Устройство начинает лениться, когда его недостаточно часто приводят в состояние возбуждения». В рабочее состояние его может привести «сильный шок»[182]. Хэпгуд справедливо решил, что эти выводы поразительны. В конце концов, «усталость металла» — это привычное явление, его можно объяснить и чисто механистически, но «лень металла» — совсем другое дело.

Далее Хэпгуд рассказывает о знаменитых экспериментах Клайва Бакстера, специалиста по детекторам лжи, которому в середине 1960-х годов пришло в голову присоединить детектор лжи к листьям драконника, росшего у него в лаборатории. Бакстер желал знать, не окажется ди электрическое сопротивление растения меньшим в момент, когда оно впитывает воду. К его удивлению, оно оказалось большим, совсем как у человека в состоянии возбуждения.

Бакстер решил поднести к листу горящую спичку и с ужасом увидел, что еще до того, как он чиркнул спичкой о коробку, самописец дернулся и вывел на бумаге дугу. Растение явно читало мысли Бакстера. Когда он зажег спичку без намерения поджечь лист, растение никак не среагировало.

Бакстер обнаружил, что растение тревожилось, когда мимо пробегала собака, ужасалось, когда он кидал живых креветок в кипящую воду, и на несколько секунд «падало в обморок». Оно реагировало даже на засохшую кровь на порезанном пальце. Бакстер доказал, что растения обладают сознанием.

Хэпгуд переходит к экспериментам священника Франклина Лера, который работал вместе с парапсихологом Дж. Б. Райном в Университете Дьюка и доказал, что растения, на которые молится группа людей, растут лучше, чем растения, обделенные молитвой. Когда группа Лера начинала проклинать растения, они чахли и быстро умирали, что доказывает эффективность «черной

магии».

Хэпгуд всегда был больше практиком, чем теоретиком, потому он решил повторить эти эксперименты в колледже Кина. Вместо молитвы его студенты должны были думать о растениях либо хорошо, либо плохо. Опять же растения, попавшие в «зону любви», росли лучше, нежели растения, о которых студенты не думали вообще. Хуже всего пришлось растениям, попавшим в «зону ненависти».

Студенты Хэпгуда проводили эксперименты поодиночке, что привело его к любопытному умозаключению. Одна очень красивая девушка жаловалась на то, что не в состоянии ускорить рост растений любовью, зато ей отлично удавалось убивать растения, о которых она думала плохо.

Узнав ее получше, Хэпгуд понял, что тут к чему. Эмоции этой девушки были заряжены отрицательно, и ненавидеть у нее получалось куда лучше, чем любить. «Она с легкостью обращала свои психические силы против несчастных семян, а полюбить их не могла. Потому у них не было и шанса выжить… У меня сложилось впечатление, что в стародавние времена из этой девушки вышла бы отличная ведьма»[183].

Хэпгуд обсуждал свои открытия с йельским биологом Гарольдом Сэкстоном Берром, который обнаружил, что живые существа создают вокруг себя слабое электрическое поле и что, если прикрепить к дереву чуткий вольтметр, можно не только зафиксировать это поле, но и заметить, как оно меняет характеристики в зависимости от времени года, солнечной активности и погодных условий.

Когда у женщин начинается менструация, их электрическое поле становится более напряженным; одна женщина, испытывавшая трудности с зачатием, использовала эти знания для того, чтобы забеременеть.

Берр заметил, что икринка лягушки воспроизводит силовые линии, которые затем развиваются в нервную систему головастика, и заключил, что эти «поля» на деле определяют форму живых клеток подобно тому, как посуда, в которой застывает желе, определяет форму желе. Берр назвал их «L-полями» (от «life fields», «поля жизни»).

При помощи своего чуткого вольтметра Берр мог также диагностировать рак на ранних стадиях, когда опухоль можно удалить прежде, чем она разрастется.

Хэпгуд указывает на то, что поля жизни Берра «обладают свойствами, которые мы можем интерпретировать как целеустремленность, разумность, дух»[184]. В качестве примера он мог бы рассказать о плоском черве рода Microstomum, описанном

зоологом сэром Элистером Харди.

Упомянутый червь употребляет в пищу полип под названием «гидра» из-за его жалящих капсул. Эти «бомбы» созданы природой для того, чтобы поражать хищников, однако, попадая в пищеварительный тракт червя, они не взрываются. По мере того как гидра переваривается, «бомбы» складируются на внутренней поверхности желудка, откуда группа клеток транспортирует их на кожу червя, где капсулы устанавливаются словно пушки, нацеленные вовне.

Плоский червь поедает гидру исключительно для того, чтобы обзавестись боеприпасами; когда количество капсул на его коже оказывается достаточным, он перестает питаться гидрами, даже если испытывает чувство голода. Ясно, что этим червем движет бессознательная, но целеустремленная сила.

Эдвард Расселл, последователь Берра, сделал не менее важный вклад в науку. Он отметил, что гипнотизер Леонард Равиц может замерять при помощи вольтметра Берра глубину гипнотического транса человека. Отсюда можно заключить, что разум способен воздействовать на L-поля тела. Равиц наблюдал также случаи, когда L-поля психически больных людей начинали «волноваться» до того, как у этих людей проявлялись симптомы их заболеваний.

Эдвард Расселл указал на то, что, если «поля мысли» («thought fields», T-поля) могут оказывать воздействие на поля жизни, L-поля в каком-то смысле контролируются мыслями. Как говорит Хэпгуд, это все равно что сказать, что «мысль — движущая сила вселенной»[185].

Хэпгуд пришел к выводу о том, что материалистическая наука в определенном смысле переворачивает все с ног на голову. Мысль — это не порождение материи, напротив, в ней заключена причина существования этой материи. Берр и Расселл доказали главенство духа или, если угодно, сознания.

Далее Хэпгуд переходит к психометрии (которую, как мы помним, признавал полковник Фосетт) и рассказывает о том, как экстрасенс Питер Гуркос, взглянув на фотографии двух его сыновей, не только исчерпывающе охарактеризовал их человеческие качества, но и сообщил о том, что врач, к которому сын Хэпгуда обратился с жалобой на мигрень, не распознал раковую опухоль, из-за чего пациент чуть не умер.

Мировоззрение Хэпгуда все больше походило на шаманское в том смысле, в каком употребляли это слово Мануэль Кордова и Джереми Нарби. Он сделал цепочку интереснейших умозаключений. Хэпгуд задался вопросом: индейские танцы дождя и танцы кукурузы — это суеверие или же действенные

обряды? Он размышлял: «Наши предки обладали таким же разумом, каким обладаем мы, на протяжении по меньшей мере 200 тысяч лет, а то и в десять раз дольше»[186]. Хэпгуд наблюдал за тем, как индейцы в поселении Таос-Пуэбло в Нью-Мексико часами танцевали на ужасной жаре, и решил, что, если бы обряд сводился к суеверию и был пустой тратой времени и сил, индейцы заметили бы это давным-давно. Его собственные эксперименты, в ходе которых растения буквально росли чужими молитвами, доказали, что человеческое сознание способно воздействовать на флору.

Любопытно, что, согласно замечанию Хэпгуда, люди, не отличавшиеся разумом от нас, появились по крайней мере 200 тысяч лет назад, а возможно, что и два миллиона лет назад. В 1997 году было сделано открытие в пользу этой гипотезы.

В ходе изучения древней озерной котловины Мата Менге на острове Флорес (он располагается к востоку от Явы и Бали) группа австралийских палеоантропологов нашла каменные орудия труда. Котловина, в которой Майк Морвуд и его коллеги из университета Новой Англии (Новый Южный Уэльс) обнаружили эти предметы, была заполнена вулканическим пеплом 800 тысяч лет назад, в эпоху Homo erectus, человека прямоходящего. Найденные поблизости кости животных подтверждают эту датировку. Однако Флорес — маленький остров, стоянки древних людей на нем неизвестны. Ближайшие стоянки имеются на острове Ява, обиталище «яванского человека», который также принадлежал к нашим далеким предкам, Homo erectus.

Для того чтобы добраться до Флореса, древние люди должны были перебираться от острова к острову, преодолевая вплавь десяток миль за раз. Расстояние вроде бы небольшое, однако Homo erectus считается лишь чуточку более развитым, нежели «возгордившаяся мартышка», как пишет Морвуд. Если человек прямоходящий мог плавать по морю, значит, он был способен и на большее. Более того, говорит Морвуд, для того чтобы организовать передвижение по воде довольно большой группы людей, нужно обладать по меньшей мере зачатками речи[187].

Другими словами, около миллиона лет назад наши предки уже были достаточно умны для того, чтобы организовать строительство плотов. И если Homo erectus еще не развили речь, не означает ли это, что они общались напрямую, на интуитивном уровне, посредством своего рода телепатии? Открытие Морвуда, судя по всему, лишний раз подтверждает предположения Хэпгуда касательно неисследованных возможностей человеческого разума.

Однажды с Хэпгудом случилось любопытное происшествие. Он сидел со своим другом Айвеном Сандерсоном, зоологом, в саду. Они обсуждали рассеивание облаков, и Сандерсон попросил Хэпгуда продемонстрировать рассеивание на огромном облаке, которое зависло у них над головами. «Это самый настоящий вызов, — сказал Хэпгуд. — Потерпеть неудачу будет унизительно»[188]. Для начала он решил потренироваться на маленьком облаке. Сосредоточившись, Хэпгуд пожелал, чтобы оно рассеялось. Несколько минут ничего не происходило. Затем облако стало уменьшаться в размерах и исчезло. Сандерсон сказал, что это совпадение, и попросил сделать новую попытку. К собственному удивлению, Хэпгуд рассеял еще два облака.

Это происшествие подстегнуло его размышления о древних людях. Долгие годы Хэпгуд боролся с огромными черными муравьями, которые каждый год по весне наводняли его кухню. Однажды он решил купить муравьиный яд, но тут пришла спасительная мысль: отчего не попробовать пообщаться с насекомыми? Хэпгуд заговорил с муравьями и по-дружески предложил им уйти, подчеркнув, что это в их же интересах.

На следующее утро муравьи исчезли. Позже, когда они появлялись вновь, Хэпгуд также уговаривал их уйти.

Женщина, которой он рассказал эту историю, жаловалась, что метод Хэпгуда не работает. Она пробовал говорить с муравьями, но их число лишь возрастало. Хэпгуд спросил, что именно она делала; женщина сказала, что приказывала муравьям убраться с ее кухни и называла их при этом «маленькими грязными коммунистами». Хэпгуд вынужден был мягко объяснить ей, что подобная метода обречена на провал.

В апреле 1964 года Хэпгуд узнал о еще одном явлении, которое заинтересовало его с научной точки зрения. Он посетил сеанс гипнотической регрессии, который провел психолог доктор Кеннет Лайонс. По команде Лайонса объект эксперимента, Джордж, вспомнил свой первый день в школе и описал его детским голосом во всех подробностях. На этом этапе Лайонс сказал Джорджу, что хотел бы отправить его в прошлую жизнь; Джордж вспомнил, что его звали Джеймсом и что в 1618 году он жил в Корнуолле. Он рассказал о том, как умер в лондонской тюрьме в возрасте 17 лет.

Хэпгуду этот сеанс показался настолько любопытным, что он пригласил Лайонса в колледж Кина. И он сам, и его студенты были восхищены Лайонсом. Эксперименты, в ходе которых люди вспоминали свои «прошлые жизни», длились два года. Хэпгуд отмечает: «Каждый раз люди, которых мы отсылали в прошлое, очень точно описывали социально-бытовые условия эпохи, в

которой им якобы довелось жить»[189]. Один из студентов в деталях описал древний метод заготовки шкур. Девушка, которая не знала французского, заговорила на отличном французском, когда перенеслась сознанием в собственную прошлую жизнь во Франции. 16-летний подросток отправился по просьбе Лайонса в стамбульский дворец Топкапы, где была найдена карта Пири Рейса, и подробно его описал.

Тогда Хэпгуд задался вопросом: если людей можно отправлять в прошлое, может быть, они способны переноситься сознанием и в будущее? Он начал заниматься этой проблемой и получил замечательные результаты.

Студента по имени Джей попросили отправиться в будущую среду. Он достаточно подробно описал события этого дня, рассказав о меню в столовой, занятиях и заданиях. Лайонс спросил, где Джей находится, и тот сказал, что он приехал в аэропорт Кина, чтобы встретиться с пилотом из Монпелье, штат Вермонт. Этот пилот должен был пролить свет на загадочную авиакатастрофу, случившуюся год назад.

Настала среда; вечером Хэпгуд спросил Джея, как он провел день. Джей ответил, что побывал в аэропорту Кина, и описал свою встречу с авиатором из Монпелье, который рассказал ему об авиакатастрофе. Другие события среды в жизни Джея (классные задания и т. д.) почти совпадали с теми, о которых он рассказал под гипнозом в прошлое воскресенье.

Студент Генри был отправлен в следующий четверг. Он сказал, что собирается в соседний Брэттлборо с целью предаться возлияниям и собирается одолжить машину у друга. Будучи отправлен дальше в будущее еще на несколько часов, Генри сказал, что выпивает в ресторанчике в компании двух женщин, которые пытаются его охмурить и бранят своих мужей. Он отказался повторять их реплики, видимо, сочтя их чересчур неприличными. Генри рассказал о том, что прибыл домой в два часа ночи; залаявшая на него собака перебудила всех домочадцев.

В следующую пятницу Хэпгуд встретил Генри в студенческом клубе и сказал: «Я знаю, где вы были вчера ночью». — «Спорим, что не знаете», — сказал Генри. «Вы ездили в Брэттлборо». Генри посмотрел на него удивленно. Он удивился еще больше, когда Хэпгуд сказал ему, что он одолжил машину, отправился в ресторанчик и встретил там двух женщин. «Вы в курсе, что они мне говорили?» — спросил Генри в замешательстве. Хэпгуд засмеялся и сказал: «Нет, этого вы нам так и не рассказали»[190].

Генри рассказал, как вернулся домой в два часа ночи и собака, проснувшись, разбудила домашних.

Эксперименты с гипнозом заставляют сделать весьма далеко

идущие выводы. Слово Хэпгуду: «Поле не зависит от материи, которой оно управляет. Магнит может притягивать железную стружку и формировать из нее узор. Если эту стружку выбросить и взять новую, магнит сформирует из нее тот же узор. Точно так же L-поле тела может пережить тело и управлять другими телами. Т-поля существуют бесконечно долго, пока существует создавшая их сила. Я говорю, конечно, о первичной силе творения»[191].

Скептик может возразить: «Даже если поля жизни и поля мысли существуют, они могут порождаться материей, подобно тому, как свет и тепло порождаются огнем». Другими словами эти поля не существуют отдельно от материи.

Этот довод, согласно которому материя первична, почти невозможно поколебать. Даже эксперименты Хэпгуда с гипнотической регрессией и отправкой сознания в прошлое можно объяснить материалистически: клетки хранят подобие подсознательной памяти. Можно также сказать, что участники эксперимента все это выдумали.

Однако к предсказанию будущего это рассуждение применить невозможно. С точки зрения материалиста, будущие события еще не произошли и не могут быть предсказаны сколь-нибудь точно. Поэтому появление Джея в аэропорту Кина или Генри в Брэттлборо не могут быть объяснены научно. Если мы верим Хэпгуду, нам не остается ничего, кроме как постулировать существование Т-поля (или чего-то в этом духе), свободного от ограничений времени. Шаманы всего мира примут это объяснение как самоочевидное, поскольку они знают, что будущее может быть предсказано; однако современные воззрения на реальность заставляют нас не верить ни во что подобное. Еще меньше мы знаем о том, как эти воззрения изменить.

Хэпгуда воодушевили бы эксперименты нейропсихиат-ра доктора Питера Фенвика из лондонского Института психиатрии. В середине 1990-х годов он подключал к добровольцам детектор лжи, после чего показывал им несколько страшных или веселых картинок. Фенвик обнаружил, что добровольцы начинают испытывать страх за три с половиной секунды до того, как увидят картинку.

В сентябре 2003 года Фенвик произнес речь на фестивале Британского научного общества в Солфордском университете. В частности, он сказал: «Сознание может существовать вне мозга, и его свойства куда лучше подходят под описание поля, а не мозговой активности». Он привел случаи, когда люди, у которых отказало сердце, рассказывали, что словно бы покидали собственные тела и видели, как врачи возвращают их к жизни. Он упомянул и о часто встречающемся «синдроме предсмертного

совпадения», когда некто утверждает, что видел недавно умершего родственника либо ощущал, что этот родственник находится рядом. Как и Хэпгуд, Фенвик отметил, что молитва способна исцелять, оказывая положительный эффект на пациентов, страдающих сердечными заболеваниями или проходящих курс лечения от бесплодия.

Эдди Кэмпбелл, мой друг, познакомивший меня с работой Генри Бортофта, дал мне следующий совет: «Закрой дверь комнаты, в которой ты работаешь, сядь, склонись над клавиатурой компьютера. Прижми ладони к лицу так, чтобы взгляд оказался словно бы в туннеле. Смотри на клавиатуру и позволь глазам расфокусироваться. Если тебе повезет, твои глаза поймают картинку, как они ловят скрытое изображение на трехмерных картинках. Если тебе повезет по-крупному, ты увидишь на месте старой знакомой клавиатуры новую, очень странную. Именно так Гете описывал активное зрение — «восприятие вещи изнутри»[192].

Суть данного метода, кажется, совпадает с явлением, которое Нарби назвал «расфокусированием». Его цель — исчезновение нормального субъектно-объектного восприятия. Рассказывая о своем «мистическом» опыте, Стивен Филлипс описал этот процесс как совмещение субъекта и объекта.

Эдди Кэмпбелл считает, что «немецкая школа использовала активное зрение как научный метод, вероятно, начиная со Средних веков… Коперник увидел свою модель Вселенной в 1543 году, за три столетия до того, как появились наблюдения, подтвердившие его правоту».

Если эти рассуждения верны, мы вполне можем допустить существование «развитой науки» у народов, которые с нашей точки зрения были примитивными.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
ДРЕВНИЕ

Однажды июльским утром 1989 года группа израильских археологов, которую возглавляла профессор Наама Горен-Инбар, приступила к раскопкам долины реки Иордан. Экскаватор вырыл две глубокие траншеи, по которым археологи могли судить о геологическом профиле региона. Тщательно изучая каждую горсть земли, они искали кости или предметы, созданные руками человека.

Среди прочих находок им попалась и одна совершенно неожиданная. Речь о выстроганном и отполированном деревянном бруске длиной в десять и шириной в пять дюймов. Со всей очевидностью этот брусок был некогда частью доски. Экскаватор переломил его пополам. С обратной стороны брусок был не слишком ровным, его явно не касались ни рубанок, ни полировочный материал.

Почему эта находка озадачила ученых? Потому что возраст слоя, из которого извлекли брусок, составлял полмиллиона лет. В те времена на Земле жили синантропы, принадлежавшие к виду ранних людей (первых «настоящих людей»), называемому Homo erectus, «человек прямоходящий». Считается, что мозг синантропа был в два раза меньше мозга современного человека. Тем не менее эти древние люди смогли изготовить полированный брусок. Профессор Горен-Инбар призналась, что сама не понимает, как нечто подобное могло произойти.

В книге Майкла Бейджента «Ancient Traces» («Запретная археология») приводится фотография этого бруска, весьма редкая, поскольку в тот момент, когда Бейджент звонил доктору Горен-Инбар, существовал всего один негатив с изображением дощечки. Фотография — единственное свидетельство ее существования: сама дощечка была уничтожена (разумеется, случайно) отделом консервирования Еврейского университета.

Звучит неправдоподобно, правда? Как можно было уничтожить кусок дерева, который являлся одной из наиболее значительных археологических находок современности? Ведь эта дощечка могла служить подтверждением выдвинутой в последней главе гипотезе: если около 800 тысяч лет назад человек прямоходящий мог построить плот и доплыть на нем вместе с семьей до острова Флорес, его интеллект явно был куда более мощным, нежели мы привыкли думать. Ричард Раджли из оксфордского музея Питт-Риверс вкратце обрисовал проблему так

«Предвзятость мнений то и дело влечет за собой отрицание свидетельств, которые не соответствуют нынешним догмам. Потому найденная в израильской пещере Хайоним резная кость, датируемая верхним палеолитом, была принята спокойно, в то время как найденная там же резная кость, датируемая средним палеолитом, была столь же спокойно отвергнута, несмотря на то что изображения, вырезанные на кости эпохи среднего палеолита, куда более изысканны, нежели изображения на кости верхнего палеолита»[193]. Верхний палеолит — это период с 40 000 до 10 000 года до н. э., средний палеолит — с 200 000 до 40 000 года до н. э.

Разве не сущее безумие — отвергать резную кость по той причине, что, как считается, люди не умели создавать подобные предметы до 40 000 года до н. э.? Разве не разумнее было бы пересмотреть существующую теорию?

Раджли — археолог, придерживающийся традиционых воззрений на историю, однако его книга «Lost Civilizations of Stone Age» («Исчезнувшие цивилизации каменного века») полна подобных примеров. Один из наиболее удивительных касается звездного скопления Плеяды (или Семь Сестер) в созвездии Тельца. Раджли указывает на то, что туземцы Северной Америки, Сибири и Австралии называют это скоплением Семью Сестрами. Вряд ли это совпадение. Но если так, значит, название Семь Сестер появилось до заселения Австралии, которое, как считают ученые, имело место 40 тысяч лет назад. Любой антрополог скажет вам, что древние люди в ту эпоху не наблюдали за звездами.

Еще труднее принять скандальное заявление Питера Кершоу из Монашского университета австралийского штата Виктория, полагающего, что Австралия была заселена людьми 140 тысяч лет назад. Его теория основывается на том факте, что около 140 тысяч лет назад произошло внезапное поднятие угольных слоев и столь же внезапное смещение вниз слоя пыльцы. Согласно Кершоу, эти явления связаны с тем, что человек начал добывать огонь.

Потрясающее открытие было сделано в 1996 году. В Джинмиуме, штат Западная Австралия, команда ученых во главе с доктором Лесли Хедом из Вулонгонгского университета нашла (согласно «Тайме» от 23 сентября 1996 года) «инструменты для изготовления каменных скульптур и огромные резные булыжники возрастом около 176 тысяч лет»[194]. Если это правда, наши предки называли Плеяды Семью Сестрами почти 200 тысяч лет назад.

Но и разговоры о людях, которые жили 40 тысяч лет назад,

приводят ученых в ужас, ибо получается, что наши предки изучали звезды в те времена, когда, как считается, они сидели по пещерам и убивали зверей дубинками. В книге «Hamlet's Mill» («Мельница Гамлета») Джорджо де Сантильяна и Герта фон Деченд утверждают, что «предания о звездах» возникли раньше цивилизации и некто уже назвал созвездия их именами «до начала нынешней эпохи». Что Сантильяна имеет в виду? Очевидно, период ранее 8000 года до н. э., когда появился человек разумный.

Скопление Семи Сестер часто упоминается в книге Стэна Гуча «Города грез» с подзаголовком «Богатое наследие неандертальцев, создавшее нашу цивилизацию».

Книга «Города грез» была опубликована в 1989 году и после первого прочтения поставила меня в тупик. Гуч утверждал, что неандертальцы создали беспримерную цивилизацию, которая базировалась не на кирпичах и строительном растворе, а на «грезах». Что бы это значило? Разве цивилизация не защищает нас от природы? Грезы не помогут, если на вас надвигается ураган или саблезубый тигр. Меня впечатлило упоминание о том, что 100 тысяч лет назад неандертальцы разработали огромное месторождение гематита, но один этот факт еще не дает нам права говорить о цивилизации.

Не так давно, вновь взяв в руки «Города грез», я был поражен словами на суперобложке: «Эта книга оспаривает традиционную теорию, согласно которой до последнего ледникового периода на Земле не было цивилизации, а современные люди появились около 30 тысяч лет назад»[195]. Звучит почти как гипотеза Хэпгуда о науке возрастом 100 тысяч лет, подумал я.

Гуч начинает с того, что сравнивает неандертальцев с американскими туземцами:

«Еще до 2000 г. до н. э. различные племена Северной Америки умели ткать материю, изготавливать палатки и оружие, у них были музыка, медицина и так далее… Их связывали сложные политические отношения, богатые культурные и религиозные традиции, а также огромные пласты древнего фольклора… Некоторые племена ежедневно проводили длительные и сложные религиозные обряды, совсем как иудеи и мусульмане в наши дни. Однако, и это необходимо подчеркнуть, жившие столь непростой жизнью индейцы не обладали письменностью и не строили постоянных жилищ»[196].

Гуч задает вопрос: что бы произошло, если бы они внезапно вымерли в результате какой-нибудь катастрофы или эпидемии? Археологи нашли бы их скелеты и решили, что это были первобытные люди.

Теперь мы знаем, что «первобытность» американских индейцев — это во многом их собственный выбор. Они не просто жили в согласии с природой; они верили в то, что их связывают с ней отношения симбиоза. В книге «От Атлантиды до Сфинкса» я посвятил немало страниц племенам хопи и киче, которые исповедуют шаманизм, как и племя, описанное Нарби. Антрополог Эдвард Холл шаг за шагом постигал их образ жизни, пока не понял, что индейская цивилизация альтернативна западной. Во многих отношениях (взять хотя бы календарь киче) она куда сложнее и богаче, нежели цивилизация Запада. Вряд ли неверно будет назвать ее «цивилизацией правого полушария мозга», выбравшей собственный, уникальный путь развития.

Говоря о Семи Сестрах, Гуч пишет: «Плеяды — единственное звездное скопление, которое было отмечено и поименовано каждым народом Земли прошлого и будущего, от самых продвинутых до самых примитивных»[197]. Затем он отмечает параллели между легендами австралийских аборигенов, индейцев Вайоминга и древних греков.

Согласно греческому мифу, охотник Орион гнался по лесу за шестью девами и их матерью, когда Зевс сжалился над гонимыми и превратил их всех (включая Ориона) в созвездия. В австралийской легенде охотника зовут Вурунна, и ему удается поймать двух дев из семи, но и они ускользают, взобравшись на деревья, а затем начинают расти, пока не достигают неба, где обитают с тех пор все девы. Вайомингские индейцы рассказывают, что семь сестер спасались от медведя и забрались на высокую скалу, которая стала расти, пока не уперлась в небо.

В 1989 году Гуч отметил, что между австралийскими аборигенами и индейцами Вайоминга лежит пропасть в 20 тысяч лет. Он не знал, что в скором времени антропологи увеличат ее в два раза.

Далее Гуч переходит к важной роли, которую Семь Сестер играли в легендах ацтеков, инков, полинезийцев; китайцев, масаи, кикуйю, индусов и древних египтян. Всеобщий интерес к Плеядам, говорит он, свидетельствует о том, что их выделяла некая ранняя и общая для всех народов цивилизация.

По мнению Гуча, это была цивилизация неандертальцев. Мы вольны усомниться в этом и посчитать, что эту цивилизацию создали наши предки, кроманьонцы. Однако Гуч, разумеется, собрал массу убедительных доказательств того, что неандертальцы обладали впечатляющим интеллектом. Например, он рассказывает о находке, сделанной в пещере Драхенлох в швейцарских Альпах, о медвежьем жертвеннике, созданном 75 тысяч лет назад. В каменном «сундуке», крышкой которому

служит массивная каменная плита, археологи нашли семь медвежьих черепов, чьи пустые глазницы смотрели на вход в пещеру. В дальнем конце пещеры обнаружились ниши в стене, в которых лежали еще шесть черепов.

Как мы уже знаем, число 7 связано с шаманизмом. Не приходится сомневаться в том, что пещера Драхенлох была святилищем, своеобразной церковью. Более того, Элиаде сообщает нам, что повсюду прослеживается четкая связь между медведем и Луной. Возможно, именно поэтому в пещере хранилось тринадцать медвежьих черепов — по числу лунных месяцев в году. Этот и другие доводы заставили Гуча предположить, что неандертальцы почитали Луну и были первыми звездочетами на Земле. Гуч утверждает, что, кроме прочего, прецессия равноденствий, о которой говорит Сантильяна, впервые была изучена именно неандертальцами.

«Церковь» подразумевает наличие священника или шамана. И тут встает на место еще один фрагмент головоломки. Неандертальцы не могли обходиться без шаманов, колдунов, которые играли ключевую роль в обрядах, посвященных охоте, поскольку в них участвуют шаманы всего мира. Может быть, их лунной богиней была охотница Диана? Не исключено, что она перешла к нам именно от неандертальцев.

Книга Гуча была издана в 1989 году, и с тех пор появились новые свидетельства в пользу того, что неандертальцы создавали технические приспособления. В 1996 году появилось сообщение о том, что ученый из Таррагонско-го университета Ровири-и-Вирджили обнаружил под землей на участке близ Капельядеса (к северу от Барселоны) 15 печей. Профессор Эудальд Карбонель заявил, что эта находка доказывает: неандертальцы располагали куда более совершенными технологиями, нежели принято считать.

По мнению Карбонеля, человек разумный был не эволюционным скачком по сравнению с кроманьонцем, а лишь маленьким шагом вперед от неандертальца. Все найденные печи выполняют различные функции, среди них есть хлебопекарные печи, горны, даже домны. Кроме того, археологи обнаружили самые разные инструменты из камня и кости, а также множество отпечатков, оставшихся от деревянной посуды[198].

Гуч приводит удивительнейший факт: 100 тысяч лет назад неандертальцы вырыли в Южной Африке глубокие шахты, из которых добывали гематит. «Они извлекли из самого большого месторождения тысячу тонн руды»[199]. Другие обнаруженные месторождения были разработаны 45, 40 и 35 тысяч лет назад. Во всех случаях шахты были засыпаны землей, возможно, потому,

что неандертальцы полагали почву священной. Судя по всему, они использовали гематит в обрядах, включая погребальные.

В 1950 году доктор Ральф Солецки из Смитсоновского института проводил раскопки в пещере Шанидар в иракском Курдистане и обнаружил следы неандертальского ритуального погребения. Неандертальцы покрывали мертвеца «одеялом», сотканным из полевых цветов. Книга доктора Солецки «Shanidar» («Шанидар») снабжена подзаголовком «Человечность неандертальца». Солецки первым из множества антропологов пришел к выводу, что неандертальцы ушли от обезьян очень далеко.

Гуч отмечает, что гематит используется человечеством уже 100 тысяч лет и что в наши дни его используют австралийские аборигены. Он цитирует специалиста, назвавшего гематит «наиболее обогащенным духовно, наиболее колдовским веществом»[200].

Гематит — это окисел минерала магнетита (магнитного железняка), который, как следует из названия, обладает свойствами магнита. Если поместить продолговатый кусочек магнетита на воду так, чтобы его держала на плаву сила поверхностного натяжения, он развернется и укажет на магнитный север. Уже три тысячи лет назад, за тысячу лет до того, как китайцы изобрели компас, ольмеки изготавливали подобный прибор из магнетита и пробки.

Гуч указывает на то, что у многих живых существ, включая голубей, в тканях мозга есть биогенный магнетит, благодаря которому они ориентируются в пространстве, и задается вопросом: почему не предположить, что в мозгу у неандертальца имелись кристаллы магнетита, позволявшие ему чувствовать гематит под землей? Если это предположение верно, неандертальцы были предшественниками лозоискателей, которые находят подпочвенные воды.

По какой бы причине неандертальцы ни искали гематит, очевидно, что их цивилизация была достаточно развитой.

В январе 2002 года выяснилось, что неандертальцы использовали разновидность суперклея. Им оказалась черно-коричневая смола, найденная в буроугольной шахте в горах Гарца. Возраст этой смолы — 80 тысяч лет. На одном из ее кусочков найдены отпечатки пальцев, а также следы воздействия кремневого орудия и дерева. Как предположили ученые, этой смолой неандертальцы склеивали деревянное топорище и кремневое лезвие. Подобный клей из березовой смолы может быть получен лишь при температуре 300–400 градусов. Профессор Дитрих Маниа из Йенского университета имени

Фридриха Шиллера заявил: «Все указывает на то, что неандертальцы владели секретом изготовления этого вещества, а не наткнулись на него случайно»[201].

Эти факты должны произвести революцию в науке. Мы считаем само собой разумеющимся, что человечество началось с кроманьонцев, «людей разумных». Наши кроманьонские предки создавали рисунки на стенах пещер около 35 тысяч лет назад, и с этого, мы полагаем, началась наша цивилизация.

Но если Плеяды были выделены как созвездие уже 40 тысяч лет назад и доводы Гуча касательно религии неандертальцев резонны, значит, цивилизация зародилась на Земле куда раньше. Само собой, если Лесли Хед прав и возраст австралийских орудий труда и каменных скульптур составляет 176 тысяч лет, она зародилась очень давно, иначе говоря, это была неандертальская цивилизация, и именно неандертальцы изучали звездное небо — поскольку наши кроманьонские предки 176 тысяч лет все еще обретались в Африке и до Австралии не добрались[202].

В 1995 году доктор Иван Турк из словенской Академии наук нашел костяную флейту, изготовленную 82 тысячи лет назад. Эта флейта доказывает, что неандертальцы были знакомы с музыкой[203]. Сравнение неандертальцев и американских индейцев из книги Гуча кажется все более и более уместным. На другой стоянке неандертальцев была найдена костяная швейная игла с дыркой для нити, изготовленная 26 тысяч лет назад.

Вероятно, наиболее убедительно разумность неандертальцев доказывают находки, сделанные в 1990-е годы в пещере Бломбос в Южной Африке. В этой пещере жили и кроманьонцы, и неандертальцы, однако именно в неандертальском слое Кристофер Хеншильвуд из университета штата Нью-Йорк обнаружил множество бледно-желтых камней, предварительно отполированная поверхность которых украшена геометрическими узорами.

Выводы, к которым ведут эти открытия, были озвучены 20 февраля 2005 года в передаче канала Би-би-си «День, когда мы научились думать» из цикла «Горизонт». Она началась с рассказа о теории профессора Клейна, по которой водораздел между обезьяной и человеком знаменует пещерное искусство, появившееся 35 тысяч лет назад, чему способствовала генетическая мутация, которую Клейн называет «человеческой революцией». Эта теория кажется обоснованной, если не учитывать то, что нам уже известно о неандертальцах.

Решительный удар по теории Клейна нанес Джеффри Лэйтман, профессор отоларингологии (наука об изучении гортани). Он отметил, что у большей части живых существ

гортань расположена выше, чем у людей, отчего издаваемые ими звуки выше, нежели те, что издаем мы. Опущение гортани ведет к усилению голоса, а чем сильнее голос, тем лучше он подходит для речи. У неандертальцев, живших 200 тысяч лет назад, гортань уже была опущена. Странно предполагать, что они располагали голосовым аппаратом, но по-прежнему не умели говорить.

Найденные Хеншильвудом геометрические узоры были созданы более 70 тысяч лет назад. Не исключено, что эти узоры — не форма искусства, а условная запись, возможно, астрономическая, как точки с линиями, вырезанные 35 тысяч лет назад на кости антилопы: Дэвид Маршак из Института Пибоди показал, что наши кроманьонские предки обозначили ими фазы Луны. Маршак полагает, что эти знаки на кости — самый ранний образец «письменности». Однако узоры из пещеры Бломбос старше на 40 тысяч лет.

Дополнительным подтверждением нашей гипотезы может послужить маленькая резная фигурка, известная как «статуэтка из Берехат-Рам». Ее нашла в 1980 году та самая профессор Наама Горен-Инбар, которая позднее обнаружила древний деревянный брусок, о котором рассказывается в начале этой главы.

Статуэтку извлекли из-под земли на Голанских высотах. Ее возраст оказалось возможным установить благодаря тому, что фигурка (и 7500 скребков в придачу) лежала между двумя слоями базальта (туфа), возраст которых ученые датировали более чем уверенно: 280 и 250 тысяч лет. Статуэтка напоминает знаменитую Венеру Виллендорфскую, но выполнена куда грубее. Когда ее изучили под электронным микроскопом, оказалось, что археологи нашли не просто камень странной формы, но вырезанную из камня фигурку. И вырезал ее неандерталец. Его кремневый инструмент оставил в рытвинах каменный порошок

Итак, неандертальцы вытачивали маленькие женские фигурки, вероятно, изображавшие богиню Луны, уже четверть миллиона лет тому назад. Не исключено, что религия неандертальцев появилась на 200 тысяч лет раньше, нежели жертвенник с медвежьими черепами в пещере Драхенлох[204].

В книге «Машина Уриила» Роберт Ломас и Кристофер Найт также обращают внимание на неандертальцев. Они отмечают, что их мозг был крупнее мозга современного человека, и приводят замечательный факт: неандертальцы населяли Землю 230 тысяч лет. Таким образом, у них было более чем достаточно времени для того, чтобы создать продвинутую цивилизацию. Они определенно верили в жизнь после смерти, поскольку придумывали сложные погребальные ритуалы и обеспечивали нужды покойников в загробном мире, оставляя рядом с ними

орудия труда и мясо. Они наряжали мертвецов в накидки, украшенные бисером (и с петлями для пуговиц), и расшитые шапочки, снабжали их резными браслетами и кулонами. Они изготовили по меньшей мере один идеально круглый диск из мела, почти определенно олицетворявший собой Луну.

Ломас и Найт делают важное замечание:

«Возможно, цивилизация неандертальцев достигла того же уровня, что и некоторые современные народы, например австралийские аборигены, которые чураются техники, предпочитая ей традиционное единение с природой»[205].

Рассказывая о человеческих культурах, существовавших 100 тысяч лет назад, Ломас и Найт добавляют, — если бы машина времени доставила неандертальского ребенка в наше время, он смог бы закончить университет с не меньшим успехом, чем любой человек современности.

Мы полагаем неандертальцев обезьяноподобными созданиями, которые общались, мыча и урча. Ломас и Найт цитируют научную работу, из которой следует, что, если бы одетый в современный костюм неандерталец появился в нью-йоркской подземке, никто не обратил бы на него внимания. Если неандертальцы действительно проводили религиозные обряды, играли на флейте, изучали небосвод и строили доменные печи, значит, у них имелся язык и помимо мычания.

В книге «От Атлантиды до Сфинкса» я уделил больше внимания кроманьонцам и, как следствие, упустил из виду важность неандертальского шаманизма. В этой работе я доказывал, что шаманизм играет ключевую роль в развитии цивилизации. Из того, что кроманьонцы изображали на стенах пещер шаманские ритуалы, призванные помочь охотникам выслеживать и убивать добычу, можно заключить, что шаман являлся важным членом племени и неизбежно становился его главой. Вероятно, именно в кроманьонской культуре берет начало традиция царей-жрецов Шумера и Древнего Египта. Древний Египет был последней великой культурой, в которой функции царя и верховного жреца исполнял один и тот же человек. Впоследствии разумное «я» современного человека было отделено от его бессознательного «я» сомнениями и размышлениями.

Ранее мы уже убедились в том, что «шаманские культуры», судя по всему, считают «коллективное сознание» совершенно естественным. Бразильских индейцев амауака посетило то же видение, что и Мануэля Кордову: они видели гигантского боа-констриктора, за которым следовали другие змеи, птицы и животные. По той же причине индеец, наставлявший Джереми Нарби, назвал галлюциноген «лесным телевидением».

Каждый из нас наблюдал за полетом стаи птиц в осеннем небе и видел, как все птицы поворачивают одновременно, причем ни одна не отстает. Мы видели, что точно так же ведут себя рыбы. Деревенские жители знают, что все члены птичьей стаи или рыбьего косяка связаны между собой, что та же связь существует между пчелами и муравьями. В стаях эти существа перестают быть индивидами и превращаются в коллектив, управляемый групповым разумом. Этот «групповой разум», судя по всему, управляет и живыми клетками тела червя Microstomum, и он знает больше, чем всякая клетка по отдельности.

Удивительно, но и современные люди позволяют себе следовать приказам группового разума. В книге «Без тормозов» («Out of control») Кевин Келли рассказывает о компьютерной конференции в Лас-Вегасе, на которой пять тысяч человек сидели перед гигантским телеэкраном, на котором видели самих себя. Они могли управлять картинкой при помощи жезлов, красных с одного конца и зеленых с другого. Аудиторию разделили на две группы, «красных» и «зеленых», и поручили им сыграть в электронный пинг-понг так, словно речь шла о двух людях. Затем на экране появился пилотажный тренажер; теперь левая половина аудитории отвечала за поперечный крен самолета, а правая — за его продольный наклон. Пять тысяч сознаний пытались совершить посадку и, когда стало ясно, что посадить самолет не удастся, решили остаться в воздухе и повторить попытку. В какой-то момент все участники эксперимента, не совещаясь, решили одновременно заставить самолет сделать мертвую петлю.

Очевидно, мы все еще обладаем древней способностью к коллективному действию, пусть она и «заржавела» под влиянием нашего цивилизованного социума. Мы привыкли действовать как индивиды, и когда современный горожанин идет по забитой людьми улице, он почти не ощущает «связанности» с братьями по разуму, скорее наоборот. Однако несколько часов упражнений перед экраном компьютера, описанных выше, способны восстановить эту связанность в полной мере.

По словам Шваллера де Любича, именно связанность была главной чертой древнеегипетского общества. Я коротко изложу его взгляд на проблему: «Египетская наука, египетское искусство, египетская медицина, египетская астрономия не рассматривались египтянами в отдельности друг от друга; все они были различными аспектами одного и того же явления — религии в самом широком смысле слова. Религия была тождественна знанию». Шваллер подчеркивает: «На протяжении четырех тысяч лет в Египте не было религии в привычном нам значении слова; сам Египет был *религией во всей своей полноте*» (курсив мой)[206].

Мы не в состоянии представить себе общество, которое есть религия во всей своей полноте. Даже современные иудаизм и ислам ушли достаточно далеко от своих корней и забыли о времени, когда социум и религия были едины. В древних культурах религия составляла самую суть повседневной жизни. От нее зависела даже охота (и соответственно питание). Ни неандертальцы, ни кроманьонцы не представляли себе жизни без религии.

Что мы на деле знаем о неандертальце? Начать с того, что он уступал нам ростом примерно на фут, а его затылок из-за огромного мозга был выпуклым, как у кальмара. (Эта выпуклость образовалась за счет большого мозжечка, части мозга, о которой мы знаем очень мало и которая задействована, когда человек грезит, отсюда и название книги Гуча — «Города грез».) Далее, считается, что неандерталец был левшой, поскольку самые ранние пещерные картины написаны левшами. Гуч пишет, что это обстоятельство очень важно. Когда физиологи начали изучать мозг, они установили, что левши больше полагаются на интуицию, нежели правши.

Я внезапно вспомнил о работе Гуча о неандертальцах, когда читал предисловие Джозефа Нидэма к книге Роберта Темпла «The Genius of China» («Китайский гений»). Нидэм приступил к своему великому труду «Science and Civilisation in China» («Наука и цивилизация в Китае»), когда во время Второй мировой войны находился в Чунцине. До того ему не приходило в голову, что можно заняться чем-то подобным, потому что «мои друзья из старшего поколения китаистов считали, что изучать там нечего» — что очень напоминает историю с неандертальцами[207]. И «нас ждала пещера с несметными сокровищами!»[208]. Нидэм установил, что сообразительные и смекалистые китайцы изобрели практически все, что только можно было изобрести, от бинома до прививок от оспы, а Запад лишь повторял их открытия. «Куда ни посмотри, мы были первыми после первых»[209].

Пытаясь раздобыть информацию о ниневийском числе, я отправил письмо Джону Мичеллу с просьбой поделиться мыслями об этом феномене, поскольку в книге «The Dimensions of Paradise» («Измерения рая») Мичелл писал: «Древние смотрели на числа как на символы вселенной и *искали параллели между внутренней структурой чисел и всеми видами формы и движения* (курсив мой. — К. У.). Числа населяли живую вселенную Священной Науки, они были сотворены божеством с определенной целью»[210].

Ответ Мичелла привел меня к изучению наиболее удивительного из всех исследованных феноменов.

Мичелл указал на то, что ниневийское число делится без остатка на диаметр солнца (864 тысячи миль) и диаметр Луны (2160 миль), как и на длину прецессионного цикла Земли. Он добавляет: «А также на числа от 1 до 10 и их произведение (3 628 800)»[211]. Далее Мичелл отмечает: «Среди его делителей есть такие узловые числа, как 86 400, число секунд в 24 часах, и 864 тысячи миль, диаметр солнца»[212].

Мичелл посоветовал мне прочесть главу «Число и мера» его книги «Измерения рая».

Я последовал этому совету и поначалу пришел в замешательство, поскольку эта глава пестрила длинными числами и десятичными дробями, а также сведениями о том, что римский локоть равнялся 1,4598144 английского фута, греческий локоть — 1,52064 английского фута, а египетский локоть — 1,728 английского фута. Я вспомнил об открытиях Генри Линкольна, связанных с размерами Земли (см. главу 10), но уяснить себе смысл всех этих чисел не смог.

Мое внимание привлек ряд указаний автора, например: «Если разделить экватор на 360 градусов, длина каждого градуса будет равна 365 243,22 фута, или числу дней в тысяче лет»[213].

Мысль интересная — но разве это не совпадение?

Однако когда я дошел до таблиц, в которых сопоставлялись греческие, римские, древнееврейские и древнеегипетские меры длины, мои волосы встали дыбом. Не оставалось никаких сомнений в том, что перечисленные единицы измерения были производными от длины полярной окружности Земли.

Я был ошарашен настолько, что отложил книгу, чтобы прийти в себя.

Я уже знал о том, что, согласно Агатархиду Книдскому, основание пирамиды Хеопса составляло восьмую часть минуты от градуса земной окружности, что доказывало, что древним египтянам был известен точный размер Земли.

Показав, что все греческие, римские, древнеегипетские и древнееврейские единицы измерения базировались на размере Земли, Джон Мичелл фактически подтвердил гипотезу, по которой все эти народы переняли часть некой древней традиции. И если диаметр Солнца в милях кратен числу секунд в сутках, значит, шумеры, народ, который изобрел, секунду (или унаследовал знание о ней), знали, чему равен точный диаметр солнечного диска.

Более того, в разделе, посвященном астрономии, Джон Мичелл демонстрирует, что длины окружностей Луны и Земли, а также околоземной и околосолнечной орбит Луны можно разделить без остатка на 12 в седьмой степени, и заключает, что

древние философы «установили размер фута как меру, связанную с окружностью Луны, и как астрономическую эталонную меру вселенной»[214]. (Если это правда, значит, как заметил еще Генри Линкольн, нынешняя тенденция отказа от фута в пользу метра может повлечь за собой катастрофические последствия.)

Я начал понимать, что Мичелл имел в виду, когда написал мне в письме: «Мы имеем дело не с забавными совпадениями, но с целостным, органичным космическим числовым кодом, который структурирует вселенную»[215].

Все приводимые Мичеллом числа принадлежат к (по его определению) «канону»[216]. Понять, что подразумевается под этим словом, можно из странной книги «The Canon» («Канон») Уильяма Стирлинга, опубликованной в Лондоне в 1897 году. Несмотря на то что предисловие к ней написал известный искатель приключений Р.Б. Каннингейм-Грэм, эта книга канула в безвестность. Позднее сам Стирлинг покончил жизнь самоубийством. Благодаря усилиям Джона Мичелла «Канон» был переиздан в 1974 году.

На первый взгляд «Канон» — типичный труд викторианского эксцентрика. В этой книге утверждается, что адепты древних мистерий передавали друг другу знание о «космических законах», от которых зависит стабильность общества. Эти законы были выражены в форме чисел и могли быть закодированы в именах — поскольку каждая буква греческого и еврейского алфавитов соответствует некоему числу. (Это соответствие называется «гематрией».)

Джон Мичелл настаивает на том, что в «Каноне» содержится забытая всеми истина, зашифрованная в различных древних книгах.

Отправная точка «Измерений рая» — это законы Платона, утверждавшего, что египетские жрецы обладали «каноном» (или сводом правил) «пропорций и гармоний», выработанным многие тысячи лет назад. Платон использовал этот канон для вычислений размеров идеального города, который он назвал Магнезией. Но изобрел эти числа и пропорции вовсе не Платон: Мичелл приводит весьма убедительные доводы в пользу того, что их можно обнаружить и в плане Стоунхенджа, и, позднее, в Новом Иерусалиме из Откровения Иоанна Богослова.

Вероятно, для того чтобы объяснить, какой смысл Мичелл вкладывает в понятие «канон чисел», нам следует вернуться к золотому сечению.

Вспомним о том, что в основе золотого сечения является ряд чисел Фибоначчи, в котором каждое следующее число есть сумма двух предшествующих: 0, 1, 1, 2, 3, 5, 8, 13, 21, 34 и так далее.

Если взять частное от деления числа Фибоначчи на следующее за ним число из того же ряда, то чем больше это число, тем ближе частное будет к «фи» (0,618…). Удивительно, но столь простой ряд, оказывается, превосходно описывает все виды природных явлений, от морских раковин до спиральных туманностей. И когда Мичелл пишет о том, что один градус экватора (в футах) равен числу дней в тысяче лет, он приводит одно из многочисленных «совпадений», которые, насколько можно судить, намекают на тайный числовой код, появившийся в самом начале времен.

Гипотеза, согласно которой жители Земли владели тайной этого кода на протяжении тысячелетий, предполагает существование очень древних цивилизаций, математические и астрономические познания которых были более чем глубоки. Когда Морис Шатлен говорит о такой цивилизации, существовавшей 65 тысяч лет назад, его слова уже не кажутся абсурдными.

В главе 10 мы обсуждали книгу Берримана «Историческая метрология» и убедились в том, что, судя по греческому стадию, греки знали, чему равна точная длина полярной окружности Земли. Тем не менее греки ничего не знали о размерах нашей планеты до 240 года до н. э., когда его вычислил Эратосфен. Опять же, можно предположить, что греки унаследовали знания от какой-то более древней культуры.

Замечание Джона Мичелла о том, что канон можно обнаружить в геометрии Стоунхенджа, вновь приводит нас к ошеломляющим выводам. Александр Том называл архитекторов мегалитических кругов «доисторическими Эйнштейнами». Он считал, что они проявляли недюжинные таланты к геометрии, когда возводили свои «каменные календари». Если Мичелл прав, дело этим не ограничивается. Не исключено, что «Эйнштейны каменного века» унаследовали древнее космическое знание, которое уходит корнями во времена, когда, как мы считаем, никакой цивилизации не существовало. Ниневийское число и числа, записанные в Кириге, тоже составляют часть этого канона.

В 1974 году астроном Брендон Картер из Парижской обсерватории сформулировал «антропный космологический принцип». Он начал с того, что подверг сомнению точку зрения, принимаемую многими учеными за аксиому: человек есть всего лишь биологическая случайность, его положение во вселенной нельзя считать особым. Картер отметил, что вне зависимости от того, случайно зародилась жизнь или нет, очевидно, что, породив жизнь, вселенная породила и наблюдателей, которые могут ее исследовать. В этом отношении мы можем считать себя

особенными без ложной скромности.

В дискуссию вступили другие ученые. Астроном Фред Хойл, например, указывает в своей книге «The Intelligent Universe» («Разумная вселенная»), что наша планета все-го-навсего оказалась подходящей для зарождения на ней жизни. Если бы Солнце было на несколько градусов горячее или холоднее, жизнь на Земле не появилась бы. С этой точки зрения, вся вселенная удивительно подходит для зарождения жизни, что не кажется слишком естественным. К примеру, для того чтобы появился атом углерода (играющий ключевую роль в органике), необходимо столкнуться двум атомам гелия. Хойл говорит, что вероятность этого события столь же мала, как вероятность столкновения двух шаров на бильярдном столе размером с Сахару. Затем новый атом должен привлечь третий атом гелия, чтобы наконец образовался углерод. Но если к ним присоединится четвертый атом гелия, углерод превратится в кислород. В теории весь углерод во вселенной должен превратиться в кислород, оставив ее пустой. Этого не происходит, поскольку процессы в космосе чуть разрегулированы: в кислород превращается лишь половина углерода.

Как сказал однажды Хойл, кажется, будто с физикой забавляется некий «надзиратель».

Хойл отмечает также, что, если бы космосом управляла слепая случайность, жизнь никогда не зародилась бы, точнее, на ее появление потребовалось бы время, в триллион раз превышающее время жизни вселенной. Хойл говорит, что вероятность случайного появления жизни равна вероятности самосборки новенького «Роллс-Ройса» из ржавых запчастей, сваленных на кладбище автомобилей.

Брендон Картер расширил антропный принцип, заявив, что вселенная не просто создала жизнь, но, поскольку того требовали законы физики, должна была создать жизнь. Это не рассуждение богослова, который принимает желаемое за действительное, это строгая научная логика.

Впрочем, есть и другая точка зрения (ее придерживаются некоторые философы вроде Бергсона): нельзя сказать, что вселенная «создала жизнь». Жизнь уже существовала, так сказать, за пределами вселенной и за последние 15 миллиардов лет «проникала» в материю. Мы должны вспомнить и об открытии сэра Чандры Бозе, установившего, что даже металлы обладают некоторыми свойствами живой материи.

Кажется, антропный принцип объясняет и приводимые Джереми Нарби слова индейцев, которые утверждают, что способны входить в пророческие состояния и ощущать эти

свойства.

Возможно ли, что определение, которое Гете дал природе, «живая одежда божества», надо понимать буквально и вселенная на самом деле жива? В этом случае нельзя исключать, что вселенная обладает «групповым разумом», который контролирует нас так же, как мы контролируем клетки своих тел. Возможно, научное мировоззрение последних двух столетий основывается на потрясающе ошибочном предположении, и наша вселенная вовсе не механистична.

Согласно Джону Мичеллу, именно этот принцип лежит в основе «космологического канона».

В книге «Карты древних морских царей» Хэпгуд уже пришел к выводу, что ошибочно ждать от цивилизации стремительного прямолинейного прогресса. Антропный принцип предполагает, что и вселенная, и сами числа базируются на скрытом коде. Ясно также, что этот код (или канон) был известен на Земле задолго до того, как с Иерихона начался нынешний цивилизационный цикл. Таким образом, наша цивилизация — далеко не первая на этой планете.

Геодезическое исследование Рэнда Флэм-Ата также привело его к выводу о наличии скрытого кода, который возник в далеком прошлом. В книге «Следы богов» Грэм Хэнкок приводит доказательства того, что существовала некая древняя цивилизация, и предполагает, что ее родиной была Антарктида. «Чертеж» Рэнда Флэм-Ата, на котором точный числовой алгоритм ставит расположение множества святилищ в зависимость от меридиана Гизы, лишний раз доказывает, что скрытый код — не выдумка. Более того, поскольку Флэм-Ат использует сетку, основанную на 360-градусном круге (изобретение, обычно приписываемое шумерам), не остается сомнений в том, что круг делился на 360 градусов за тысячи лет до них.

Если Стэн Гуч прав и неандертальцы действительно создали более чем развитую цивилизацию, уместно предположить, что именно им пришло в голову разбить круг на 360 градусов.

Но как случилось, что знания об этом были утеряны?

Гиппарх вновь открыл прецессию равноденствий, изучая древние звездные карты. Ниневийское число и числа, записанные в Кириге, позволяют заключить, что некто в далеком прошлом знал о Солнечной системе столько же, сколько знаем мы. Эти существа знали и точную длину окружности Земли, которую вновь вычислил Эратосфен, александрийский библиотекарь. Более чем вероятно, что древние знания (в частности, метрология и космологический канон) были утеряны, когда эта библиотека сгорела. Однако уничтожение одной-единственной библиотеки

все-таки не может объяснить, каким образом оказались утрачены знания, намеки на которые можно найти в том числе на старых портоланах.

В этой книге мы несколько раз касались вероятного ответа, например, когда рассказывали о психически больных близнецах, которые тем не менее шутя перекидывались двадцатипятизначными простыми числами. Согласно Оливеру Саксу, им не составляло труда сказать, на какой день приходится та или иная дата в истории; когда их спросили, что за день был 10 декабря 50 008 года до н. э., они тут же ответили: «Вторник».

Судя по всему, мозг некоторых людей устроен особенным образом в плане «схемы соединений» и «емкости памяти». Тот факт, что подобные свойства наблюдаются у детей и «ученых идиотов», заставляет думать, что некогда люди обладали этими свойствами, но впоследствии их утеряли. Очень может быть, что эта потеря связана с развитием левополушарного сознания и с его линейной логикой. Что подразумевает, что мы могли утратить древние знания, когда стали развивать левое полушарие в ущерб правому.

Потому, если мы спросим, как ассирийцы (или их предки) вычислили пятнадцатизначное ниневийское число, ответ может быть: они его не вычисляли. Их гениальные математики попросту увидели его так же, как близнецы Сакса видели двадцатипятизначные простые числа. Таким же образом строители пирамид могли узнать точные размеры Земли (и, вероятно, Луны, Солнца, остальных планет). Это часть канона, который все принимали как нечто само собой разумеющееся.

Отсюда следует печальный вывод: современный человек с переразвитым левым полушарием мозга утратил одну из самых важных особенностей своего ума.

Впрочем, это заключение может быть преждевременным. Действительно, левополушарное сознание наделяет нас ментальностью «бумаги и карандаша», требуя обосновать всякий мотив и выверить каждый расчет. Однако бумага помогает нам хранить знания, а карандаш — производить обширные вычисления. При помощи карандаша и бумаги человек создал самую развитую из всех земных цивилизаций. Наш мозг утерял способность производить быстрые расчеты, но мы наверстали упущенное, создав компьютеры.

Главный недостаток сегодняшнего дня в том, что он требует от нас постоянного всепоглощающего сосредоточения и узконаправленного фиксированного внимания, иными словами, мы должны смотреть на мир не с высоты птичьего полета, а снизу, «с точки зрения червя». Мы похожи на лошадей с

зашоренными глазами, которые не видят дальше своего носа. Мы попали в западню «близорукости», потому наша цивилизация отличается беспрецедентно высокими показателями самоубийств и психических отклонений. «Близорукость» лишает нас смысла жизни, без которого нет и психического здоровья…

Одним словом, современный человек утратил чувство свободы, столь естественное для «правополушарных» людей. Он бежит по кругу, все больше походя на робота, и забыл о том, как посмотреть на мир с высоты птичьего полета.

Эта проблема занимала западных мыслителей со времен Жан-Жака Руссо, который предложил свое решение проблемы: повернуться спиной к цивилизации и уйти «назад к природе». В том же духе высказывался и философ Хайдеггер, призывавший отказаться от техники. В 1980-е годы человек, называвший себя Унабомбером и пытавшийся начать революцию, рассылая промышленникам бомбы, доказал, что подобная реакция на сложную цивилизацию опасно проста.

Я всегда знал, что есть и другое решение проблемы взгляда «с точки зрения червя». Об этом я написал свою первую книгу, «The Outsider» («Посторонний»),

22 декабря 1849 года 27-летний романист Федор Достоевский был доставлен из тюрьмы на Семеновский плац в Санкт-Петербурге, где его должны были расстрелять. Достоевского обвиняли в распространении запрещенной литературы. Он и его друзья-революционеры, облаченные в рубахи из грубого полотна, выстроились в ряд напротив солдат. Офицер готовился отдать приказ «пли!», но тут влетевший на площадь всадник объявил, что приговоры смягчены и осужденных ждет ссылка в Сибири. Достоевского развязали и отвезли обратно в тюрьму. Один из его соратников сошел с ума.

До этого дня Достоевский был склонен к паранойе и жалости к себе. Заглянув в лицо смерти, он поднялся над пустыми переживаниями и сделался великим писателем.

То, что с ним произошло, можно описать очень просто: Достоевский узнал о своей свободе. Жить, пусть даже и в Сибири, значило быть свободным. «Шоры» были убраны на достаточное время для того, чтобы Достоевский узрел мир таким, какой он есть. Этот новый взгляд он описал в письме к брату, написанном сразу же после замены приговора:

«…В каких бы то ни было несчастьях, не уныть и не пасть — вот в чем жизнь, в чем задача ее»[217].

Встреча со смертью усилила его ощущение реальности, которое психолог Пьер Жане называет «функцией реальности».

Как ни странно, осознание выбора (или свободы воли) — это

и есть сущность левополушарного мышления. Физиологи, изучающие функции полушарий, заметили, что левое полушарие более оптимистично, нежели правое. Все древние люди, обладавшие естественным «правополу-шарным» сознанием, считали себя созданиями, чья цель — угождать богам или Богу. Когда западная цивилизация стала левополушарной и утратила контакт с богами, люди научились стоять на своих ногах. Это нелегко, и часто мы ощущаем, что запутались в бессмысленном мире, где жизнь превратилась в бесконечную борьбу за выживание.

Однако эти моменты уравновешиваются другими, когда мы ощущаем типичное для левого полушария чувство цели, чистый оптимизм «весеннего утра», когда кажется, что нет на свете ничего невозможного. В такие секунды мы улавливаем отблеск ответа: вместо того чтобы возвращаться к менее требовательному сознанию, что живет в гармонии с природой, следует вывести левополушарное сознание за собственные пределы к новому смыслу жизни. На следующей ступени эволюции человек поймет, как открывать и закрывать «заслонку», которая позволит нам наделить сознание большим напряжением. Собственно, именно это напряжение мы и называем сознанием.

На данной стадии эволюции нам сложно постичь все это потому, что «точка зрения червя» делает нас крайне уязвимыми. Тем не менее всякий раз, когда мы сталкиваемся с тем, что наши философы называют «источником силы, смысла и цели», нас озаряет понимание: нравится нам этот путь или не нравится — это наш путь, и другого у нас нет.

И хотя возвращение к правополушарному сознанию прошлого равно невозможно и нежелательно, на это прошлое вряд ли разумно закрывать глаза. Знание о нем может помочь нам понять, откуда мы пришли и, что куда более существенно, куда нам двигаться дальше.

Ряд неудобных вопросов об этом прошлом по-прежнему требует ответов.

В книге «Запретная археология» Майкл Бейджент посвящает одну из глав «сомнениям» относительного того, как давно человек живет на Земле. Например, он сообщает нам, что после великой калифорнийской золотой лихорадки 1849 года рудокопы извлекали из-под земли удивительные артефакты, такие как каменный пестик, вклиненный в скалу возрастом девять миллионов лет, или железный гвоздь в куске золотоносного кварца, который образовался 38 миллионов лет назад.

Если бы подобных аномалий было немного, их объявили бы «мистификацией» или решили, что это предметы поздних эпох,

каким-то образом ушедшие в глубь земли, как это случалось с индейской погребальной утварью. Но таких предметов были сотни и сотни.

В 1874 году археолог Фрэнк Кэлверт нашел кость мастодонта, на которой были вырезаны различные изображения, в том числе — рогатого зверя. Эта кость покоилась в миоценовом слое, возраст которого составляет более 25 миллионов лет, и резные изображения не могли быть делом рук человека.

В июне 1891 года домохозяйка из Иллинойса раскололa кусок угля и обнаружила в нем прекрасную золотую цепочку. Полцепочки осталось внутри угля, возраст которого составлял примерно три миллиона лет.

В 1922 году горный инженер Джон Рейд нашел окаменелый след пятки подошвы ботинка с различимым рисунком. Ученые из Коламбии (штат Нью-Йорк) согласились с тем, что камень со следом относится к триасскому периоду и его возраст составляет более 213 миллионов лет; они также согласились с тем, что окаменелость очень похожа на след от подошвы.

Не будем, однако, выходить за рамки, которые приемлемы для всех нас, и допустим, что традиционная теория верна: человек появился на Земле около трех миллионов лет назад.

Согласно этой теории, первый предок человека, Homo erectus (человек прямоходящий), появился в период от двух до полутора миллионов лет назад. Описанный в начале этой главы полированный брусок дерева может служить доказательством того, что он был куда более разумен, чем принято считать.

Одно из главных допущений последних двух глав заключается в том, что, по всей вероятности, человек достиг высот интеллектуального развития задолго до того, как появились мы, и что одним из проявлений его разумности стала способность оперировать огромными числами. Мы не можем сказать, как произошел этот скачок эволюции. Но если человек прямоходящий обладал речью и строил плоты, именно он мог быть и первым настоящим «вычислителем».

Стэн Гуч доказывает, что неандертальцы обладали описанной способностью, которую унаследовали от них кроманьонцы. Опять же, мы не можем знать этого доподлинно; разве что метрологические доказательства заставляют нас предположить, что знание о «космологическом каноне» простирается в седую древность.

Итак, на картине, которая начинает прорисовываться, виден высокоразвитый разумный предок человека, живший более 100 тысяч лет назад. Эти существа почти не оставили по себе следов, так как обладали «правополушар-ным» сознанием, порождавшим

примитивные технологии, но их познания в области космологии были обширнее, чем у среднего образованного человека в наши дни.

Со временем на сцене появился кроманьонец — произошло это около 40 тысяч лет назад. Оставшиеся от него следы заставляют нас заключить, что кроманьонцы были первобытными «пещерными людьми». На самом деле они, судя по всему, были такими же разумными, как мы, — именно поэтому в конце последнего ледникового периода им удалось создать первую настоящую (т. е. технологическую) цивилизацию.

Эти люди также знали о существовании «космологического канона», который, судя по всему, объемлет Солнечную систему. Цивилизация возрастом 12 тысяч лет и система чисел, гармоний и пропорций, объемлющих Солнечную систему, — это не одно и то же. Тут уместно будет привести отрывок из книги, написанной в 1908 году:

«Многие верования и мифы, дошедшие до нас со времен античности, настолько универсальны и укоренены в прошлом, что мы привыкли полагать их не менее древними, нежели само человечество. Возникает искушение задаться вопросом: могла ли неожиданная сообразность этих верований и мифов… явиться итогом слепой случайности или совпадения — и проявление ли это неизвестной древней цивилизации, все прочие следы которой поглотило время?»[218]

Человек, написавший эти слова, не был последователем мадам Блаватской или Рудольфа Штайнера. Это был физик Фредерик Содди (1877–1956), коллега Эрнеста Резерфор-да, которого в 1913 году прославило открытие изотопов.

В книге «The Interpretation of Radium» («Радий и его разгадка») Содди пишет о философском камне, «который, как говорили, мог трансмутировать металлы и был эликсиром жизни»[219]. Он спрашивает: «Только ли совпадение, что способность к трансмутации металлов традиционно увязывается со свойствами эликсира жизни? Я предпочитаю думать, что тут мы слышим эхо отдаленной эпохи, не зафиксированной в мировой истории, эхо времени, когда люди протаптывали ту дорогу, которой мы идем сегодня, эхо прошлого, которое, возможно, отстоит от нас столь далеко, что даже атомы той цивилизации буквально исчезли»[220].

Странно, что в 1908 году ученый калибра Содди без всякого смущения излагал идеи, которые любого современного ученого вогнали бы в ступор. Впрочем, Содди жил в эпоху, когда науку и воображение еще не разделяла непреодолимая бездна. Сегодня подобные размышления могут позволить себе лишь те, кому

нечего терять.

Один из таких людей — Джон Мичелл, завершивший статью о «каноне» словами, которые подходят и для завершения этой книги: «Здесь нет места туманным размышлениям. Вы можете изучить все математические доказательства самостоятельно, и чем дальше вы зайдете, тем яснее будут для вас слова Платона: устройство мира продумано куда лучше, чем мы можем себе представить»[221].

ПРИЛОЖЕНИЕ АТЛАНТИДА НА КИПРЕ?

В августе 2004 года мне позвонил Рой Берд, агент бюро путешествий, которое организует поездки в экзотические страны. Он рассказал о том, что американец Роберт Сармаст задумал отправиться в экспедицию с целью найти Атлантиду. Отправной точкой его экспедиции станет Лима-сол, курорт на Кипре. Берд спросил меня, что я думаю о возможности обнаружить Атлантиду в этом регионе, и я ответил, что нет ничего невероятнее. Платон писал о том, что Атлантида располагалась «перед Геркулесовыми столпами»[222], под которыми обычно понимают Гибралтарский пролив. Профессор Галанапулос, главный защитник теории, согласно которой Атлантидой был остров Санторин (на полпути между Критом и материком на севере), доказывает, что два мыса на юге Греции — Малеас и Таэнарум также назывались Геркулесовыми столпами. Даже если это так, я не мог взять в толк, как остров Кипр на востоке Средиземного моря может быть перед Геркулесовыми столпами.

Все это, сказал Рой Берд, не совсем так По словам Сармаста, оконечности пролива Босфор тоже называли Геркулесовыми столпами. Для того чтобы взглянуть на них со стороны Греции, надо смотреть на восток, и Кипр действительно окажется за ними.

Я согласился с тем, что, если бы Атлантида располагалась в Средиземном море, стало бы понятно, почему Платон говорил о войне атлантов с афинянами. Если Атлантида была расположена где-то в Атлантическом океане (или даже, как предположил мой соавтор Рэнд Флэм-Ат, в Антарктиде), эти народы точно не могли враждовать.

Рой Берд позвонил мне, чтобы узнать, не смогу ли я предложить рассказ об этой истории «Дэйли Мэйл», чтобы сотня-другая туристов раскошелились и присоединились к экспедиции. Я позвонил другу, который работает в редакции газеты, идея ему понравилась, и он попросил меня написать статью. Так я и сделал. Газета решила не публиковать адрес моей электронной страницы, где было указано, куда будущие участники экспедиции должны перечислять деньги. С точки зрения Роя Берда, вся затея обернулась провалом.

Затем мне в руки попала книга Сармаста «The Discovery of the Atlantis: The Startling Case for the Island of Cyprus» («Открытие Атлантиды: шокирующая история острова Кипр»), Его теория показалась мне настолько любопытной, что мы с женой решили

отправиться на Кипр, чтобы посмотреть на Сарматса своими глазами. Заодно мы хотели проведать нашего друга, удалившегося на покой экстрасенса Роберта Крэкнелла, который жил в Лимасоле. Боб любезно забронировал нам номер в лимасольском отеле на берегу моря, и в сентябре мы вылетели в Ларнаку, где нас встретили Боб и его супруга Дженни. Из нашего отеля мы позвонили Сармасту, который жил в Лимасоле, и пригласили его на обед.

К тому времени мы уже знали, что отправка экспедиции задерживается, поскольку не получены еще все необходимые разрешения. Поэтому мы не планировали отправиться в море с Сармастом. Нам казалось, что пройдет еще несколько месяцев, прежде чем его экспедиция стартует, однако вечером следующего дня Сармаст, приехавший в наш отель, чтобы выпить с нами бокал вина, поведал нам, что внезапно дело оказалось на мази и он намерен отправиться в плавание в ближайшие выходные.

Сармаст, приятный человек среднего возраста, родился в Иране, но с детства жил в Америке, куда его родители бежали от диктатуры аятоллы Хомейни. Пока мы сидели на террасе с видом на бассейн и пили холодное пиво, он рассказал мне о своей жизни и о том, как заинтересовался Атлантидой.

Покинув университет, Сармаст ощутил, что непременно должен «найти себя», и приобрел билет в один конец до Индии, чтобы избежать искушения вернуться к обычной жизни. В Индии он нашел нескольких гуру, но ни один из них его не удовлетворил. История Сармаста заставила меня вспомнить других «посторонних в религии», о которых я писал, например Петра Демьяновича Успенского — он отправился в Индию накануне Первой мировой войны в поисках наставника, который мог бы поведать ему смысл жизни, но обрел такового, лишь когда вернулся в Россию и повстречался с Гурджиевым.

В случае Роберта Сармаста поиски продолжились и после его возвращения в Америку. Кроме прочего, он узнал об учении, которое отождествляло Атлантиду с библейским Эдемом. Размышляя над этой гипотезой, он пришел к мысли, что Эдем мог существовать на востоке от Ливана в эпоху, когда уровень Средиземного моря был существенно ниже нынешнего, а остров Кипр являлся частью материка.

Как и Галанапулос, Сармаст заключил, что приводимые Платоном числа были в десять раз увеличены переписчиком (к слову, и сам Платон сомневается в том, что они верны), перепутавшим знак числа 10 с очень похожим знаком числа 100. Далее Сармаст отмечает:

1. Платон говорит о плодородной долине, в которой

крестьяне выращивали хлеб и пасли скот. Но эта равнина равна по размерам половине Англии и сумела бы прокормить сколь угодно крупный город, даже Лондон.

2. Платон говорит о том, что границы прямоугольной равнины были превращены в ров, который заполнили питьевой водой, направив в него несколько рек Этот ров мог бы обеспечить водой десяток городов.

3. Платон говорит, что на равнине имеется холм, окруженный концентрическими кругами каналов 100 футов глубиной и 300 футов шириной каждый. Но к чему тратить силы на рытье столь глубоких каналов? 100 футов это высота пяти домов среднего размера, поставленных друг на друга, ни один корабль не имеет такой осадки. Более того, каналы столь широки, что в них поместились бы пять-шесть авианосцев.

Итак, очевидно, что эти числа смотрятся куда более убедительно, если их поделить на десять.

Кроме того, говорит Сармаст, на картах видна громадная подводная равнина размерами 23 мили в длину и 34 мили в ширину. Уберите два нуля из описания Атлантиды у Платона — и вы получите ровно такую же равнину.

Он сумел убедить французских океанографов позволить ему воспользоваться результатами недавно проведенного исследования морского дна близ Кипра и обнаружил холм на том самом месте, где, по словам Платона, находился акрополь, а также длинную стену у его основания, также описанную Платоном. Холм, как и писал Платон, был обведен стенами, по крайней мере, такое впечатление оставляли съемки, сделанные на глубине в одну милю.

Позднее, когда мы сидели в ресторане, Роберт показал нам компьютерную модель, демонстрирующую, как море рушит горный барьер, который некогда отделял Гибралтар от Северной Африки.

В середине 1960-х годов геологи осознали, что поверхность Земли не является сплошной, как кожура апельсина: она состоит из тектонических плит, которые движутся независимо друг от друга. Затем ученые установили, что Средиземное море сравнительно молодо, оно появилось всего семь миллионов лет назад, когда плита Африки переместилась к северу и столкнулась с Европой. Море оказалось заключено в ловушку наподобие гигантской запруды, которая простиралась от Гибралтара до Ливана. Под воздействием солнечных лучей вода из этой запруды постепенно испарялась, пока дно водоема не покрылось мерцающими солончаками.

Как уже упоминалось в этой книге, геологи всегда считали,

что Атлантический океан начал пробивать дыру близ Гибралтара около пяти миллионов лет назад. Однако солончаки невозможно датировать по углероду, потому ручаться за верность этой гипотезы никто не мог. Мы знаем лишь, что последний великий ледниковый период начался 115 тысяч лет назад и закончился 15 тысяч лет назад. Но мы не знаем, какие именно потопы случались со времени его завершения, когда обширные северные озера таяли и извергали в море миллиарды галлонов пресной воды.

Платон, как мы знаем, утверждал, что Атлантида ушла под воду за девять тысяч лет до его рождения, что дает нам приблизительно 9400 год до н. э. Сармаст предполагает, что это случилось, когда растопленный лед вынудил Атлантику вновь сокрушить горный барьер между Гибралтаром и Северной Африкой и обрушиться на усеянное островками соленое озеро, которое мы называем сейчас Средиземным морем. Но поначалу океан пробил барьер лишь в одном месте, и уровень озера все равно был ниже уровня Атлантического океана.

По словам Сармаста, когда Средиземное море все еще защищали низкие горы и полуостров, который позже стал Кипром, превратился в гигантский остров, в два раза больше нынешнего, в восточном Средиземноморье расцвела новая культура — культура атлантов.

На следующий день Сармаст провел на борту корабля «Летучее начинание» пресс-конференцию, на которую были приглашены и мы вместе с Бобом и Дженни Крэкнелла-ми. На мостике тележурналисты взяли у Сармаста интервью, позже я также предстал перед камерой и рассказал программе местных новостей, почему, на мой взгляд, поиски Атлантиды, которые частично финансировались правительством Кипра (в том числе из-за ожидавшегося наплыва туристов), принесут любопытные результаты. Кроме тою, мы взглянули на видеоробота, которого можно было использовать для съемок на глубине в одну милю.

В выходные мы с Джой вернулись домой. «Летучее начинание» так и не смогло покинуть порт в тот день, поскольку еще не все разрешения были получены. Я смирился с мыслью о том, что экспедиция отправится в путь не скоро, и тут в воскресенье, 14 ноября 2004 года, Боб Крэкнелл позвонил мне с Кипра, чтобы сообщить, что Сармаст отплыл в прошлый понедельник и по возвращении в Лимасол объявил, что нашел Атлантиду — или нечто на нее похожее. Я тут же позвонил Сармасту, и тот сказал, что через час у него состоится пресс-конференция, но он обязательно перезвонит мне позже. Он сдержал слово, и я записал наш разговор.

Судя по всему, несмотря на первоначальные трудности,

«Летучее начинание» достигло области «храмовой горы». На глубине примерно 50 футов над морским дном за судном следовал сонар, прикрепленный к нему стальным тросом длиной в три мили. Затем сломалась лебедка, и ее чинили всю ночь. (Этим занимались инженеры, один из которых только что вернулся с работ на «Титанике».) На следующий день корабль плавал кругами над «храмовым холмом», и команда смертельно устала. Роберта разбудили, чтобы сообщить обескураживающую новость: отказал питавший электромотор лебедки генератор.

В тот момент все решили, что экспедиции конец и остается только вернуться в Лимасол. Тут возникала проблема: кабель длиной в три мили по-прежнему тащился за кораблем, и втянуть его без помощи лебедки было невозможно. Где-то следовало достать еще один генератор.

Его нужно было привезти из Лимасола, и он должен был превосходить по размерам сломанный генератор, габаритами сравнимый с небольшой комнатой. И, разумеется, корабль должен был продолжать плыть, иначе затонувший сонар мог зацепиться за какой-нибудь выступ на дне.

Потому «Летучее начинание» не останавливалось, ожидая прибытия корабля «Арес» с новым генератором.

Когда это наконец произошло, оба корабля легли на параллельный курс борт к борту, и новый генератор перетащили на палубу «Летучего начинания» на стальном тросе. Сармаст сказал мне, что дрожал от страха: если бы генератор сорвался, находясь в подвешенном состоянии, он потонул бы сам и утопил бы корабль.

Наконец, новый генератор — больше прежнего — оказался на борту корабля и был установлен. «Арес» отправился обратно в Лимасол, а «Летучее начинание» сделало огромный круг (сонар на тросе по-прежнему плыл за кораблем) и вернулось к возвышенности, которую Сармаст считал холмом с акрополем, описанным Платоном.

При этом команда корабля снимала при помощи сонара длинные полоски морского дна. Взглянув на эти съемки, Сармаст расстроился. На кадрах почти ничего не было видно. Отходя ко сну, он понял, что должен смириться с провалом экспедиции: ему так и не удалось доказать, что подводный холм и акрополь Платона — одно и то же.

Утром Сармаста ждали добрые вести. Пока он спал, инженеры поработали над длинными полосками карты, соединив их в единое целое. Они увидели гигантский холм длиной около трех километров. На вершине холма помещалось плато, которое, судя по карте, было обнесено мощной стеной. Сармаст заметил

следы стены у южного подножия холма еще на картах французских океанографов, но специалисты, с которыми он консультировался, сказали ему, что это скорее всего грязевой оползень. Он возражал, что грязь вряд ли могла оползти по столь длинной прямой линии, но специалистов это не убедило. Теперь оказалось, что прав был Сармаст.

Я спросил, возможно ли было заснять стены при помощи видеоробота, на что Сармаст сказал, что на глубине около мили кадры вышли бы угольно-черными и все покрыл бы слой грязи.

Две недели спустя Роберт приехал в Лондон, и телевидение осветило совершенное им открытие, взяв у нас интервью. Когда мы обедали в «Берторелли» в Сохо, я спросил его, чем он занят сейчас. «Сейчас, — ответил он, — нам предстоит собрать миллионы долларов, дабы оснастить экспедицию, которая спустится на дно моря и выяснит, что же мы нашли на самом деле».

Действительно ли Сармаст обнаружил затонувший город Платона? Скептик во мне говорит, что этого просто не может быть. Как бы там ни было, Сармаст нашел доселе неизвестный фрагмент мозаики истории человечества.

ПОСТСКРИПТУМ

В августе 2005 года электронная страница Би-би-си известила нас о недавнем открытии, которое, судя по всему, подтверждает выводы Сармаста[223].

Сообщение гласило: «Геологи выяснили, что остров, который, возможно, породил легенду об Атлантиде, затонул в результате землетрясения и цунами 12 тысяч лет назад.

Ныне остров Спартель покоится в Гибралтарском проливе на глубине 60 метров под водой, однако есть мнение, что некогда он возвышался над морской поверхностью.

Находки геологов подтверждают гипотезу, согласно которой гибель этого острова могла породить легенду, пересказанную философом Платоном более 2000 лет назад.

Новые сведения были получены в ходе изучения морского дна, результаты которого опубликованы в журнале «Геолоджи».

Марк-Андре Гютшер из университета Западной Бретани в Плузане, Франция, обнаружил крупнозернистый осадочный слой толщиной 50—120 сантиметров, который мог остаться после цунами.

По словам доктора Гютшера, описанная Платоном катастрофа сопровождалась разрушительным землетрясением и

цунами, похожими на те, что опустошили португальский город Лиссабон в 1755 году, породив волны высотой до 10 метров.

Обширный турбидитовый слой образуется в результате отложений подводных лавин и геологических сдвигов. Этот слой датируется 10 000 годом до н. э. Примерно в это же время, сообщает доктор Гютшер в журнале «Геолоджи», была уничтожена Атлантида, описанная Платоном.

О том, что остров Спартель в Кадисском заливе мог являться легендарной Атлантидой, впервые заявил в 2001 году французский геолог Жак Кольма-Жирар.

Он расположен «перед Геркулесовыми столпами», или Гибралтарским заливом, как и утверждал Платон… Отложения свидетельствуют о том, что катастрофы, подобные Лиссабонскому землетрясению 1755 года, случаются в Кадисском заливе каждые полторы-две тысячи лет.

Однако проведенное доктором Гютшером картографирование острова не выявило никаких следов человеческой деятельности. Выяснилось также, что остров куда меньше, чем полагали геологи».

Чего и следовало ожидать. Остров Спартель слишком мал для того, чтобы являться Атлантидой Платона. Но если около 10 000 года до н. э. он взорвался, как остров Санторини восемь с половиной тысяч лет спустя, вызванное этим взрывом цунами вполне могло опустошить южную часть Кипра. По понятным причинам Сармаст полагает, что новая информация о Спартеле лишний раз подтверждает его теорию, по которой Атлантидой был остров Кипр.

notes

Примечания

1

Из личного письма автору.

2

Из личного письма автору.

3

Здесь и далее цит. по: Платон. Тимей. Пер. С.С. Аверинцева.

Joseph Jochmans, The Hall of Records (частное издание,1980).

Charles Hapgood, Maps of the Ancient Sea Kings (Philadelphia: Chilton Books, 1966).

6

David Elkington and Paul Howard Ellson, In the Name of the Gods: the Mystery of Resonance and the Prehistoric Messiah (Green Man Publishing Ltd., 2001).

Maurice Chatelain, Our Cosmic Ancestors (Sedona, AZ: Temple Golden Publications, 1988).

8

Ibid.

Ibid.

10

E. W. H. Myers, Human Personality and Its Survival of Bodily Death, под редакцией Сьюзи Смит (New Hyde Park, NY: University Books, 1961).

11

Robert Graves, «The Abominable Mr. Gunn», in The Shout and Other Stories (New York: Penguin Books, 1971).

12

Ibid.

13

Charles Hapgood, Maps of the Ancient Sea Kings (Philadelphia: Chilton Books, 1966).

Ibid.

15

Colin Wilson and Rand Flem-Ath, The Atlantis Blueprint (London: Little Brown, 2000).

16

Jules Verne, The Mysterious Island (New York: Charles Scribner and Sons, 1876), 2:153.

17

Из личного письма автору.

www.Freeenergynews.com/directory/essays/suppression'bird.html.

19

Ibid.

20

Ibid

21

Ibid.

22

Zeharia Sitchin, The Lost Realms, Book IV of the Earth Chronicles (New York: Avon, 1990).

23

Ibid

Ibid.

25

Ibid

26

Ibid

27

Ibid

28

Quest for the Lost Civilization. Heaven's Mirror (студия Independent Image по заказу Channel 4 Television и The Learning Channel, режиссер Тимоти Коупстэйк, продюсеры Дэвид Викхэм и Стефан Викхэм, автор сценария и ведущий Грэм Хэнкок, 1998).

Alan L Kolata, The Tiwanaku: Portrait of an Andean Civilization (Cambridge, MT: Blackwell, 1993).

Arthur Posnansky, Tiahunanacu: The Cradle of American Civilization (New York: J. J. Augustin Publisher, 1945).

Plato, Timaeus and Critias (New York: Penguin Classics, 1972).

32

The Epic of Gilgamesh (New York: Penguin Classics, 2003). Здесь и далее цитируется по: Эпос о Гильгамеше. Перевод И.М. Дьяконова.

33

Ibid.

Ibid.

Sir Charles Leonard Woolley, Ur of the Chaldees: A Record of Seven Years of Excavation (New York: Penguin Books, 1940).

Simon Lang and David Singleton, Earth Story, the Shaping of Our World (BBC, 1999).

37

Alexander Tollmann and Edith Tollmann, Und die Sinflut gabes doch: vom Mythos zur Historischen Wahrheit (1993). Также: ¦The Flood Came at 3 O'clock in the Morning», Austria Today, апрель 1992 года.

Ibid.

Rand and Rose Flem-Ath, When the Sky Fell: In Search of Atlantis (New York: St. Martin's Press, 1995).

Natural History, март 1987 года.

41

Stephen Oppenheimer, Eden in the East, the Drowned Continent of Southeast Asia (London: Phoenix, 1999).

Alexander Tollmann and Edith Tollmann, Und die Sinflut gabes doch: mm Mythos zur Historischen Wahrheit (1993).

43

Ibid

Stephen Oppenheimer, Eden in the East, the Drotvned Continent of Southeast Asia (London: Phoenix, 1999).

Robert Temple, The Crystal Sun: The Most Secret Science of the Ancient World (London: Century, 2001).

Jose Arguelles, The Mayan Factor: The Path Beyond Technology (Rochester, VT: Bear & Co., 1987).

Robert Temple, The Crystal Sun: The Most Secret Science of the Ancient World (London: Century, 2001).

David Keys, Catastrophe, An Investigation into the Origins of the Modern World (New York: Ballantine, 2000).

Ibid.

Delia Goetz and Sylvanus G. Morley, trans., Popul Vuh: The Sacred Book of the Ancient Quiche Maya (London: William Hodge & Company, 1951).

51

Ibid.

Ibid.

53

Ross Salmon, My Quest for El Dorado (London, Hodder and Stoughton, 1979), 75–76.

Ibid.

Rand Flem-Ath, When the Sky Fell (New York: St. Martin's Paperbacks. 1997).

Ross Salmon, My Quest for El Dorado (London, Hodder and Stoughton, 1979)

Ibid.

Ibid

Ibid

Percy Harrison Fawcett, Exploration Fawcett (London: Arrow Books, 1968).

61

Ibid.

Colin Wilson, The Psychic Detectives (London: Pan Books, 1984).

Percy Harrison Fawcett, Exploration Fawcett (London: Arrow Books, 1968).

Ibid.

Ibid.

Ibid.

Ibid.

Ibid.

Ibid.

Ibid.

71

Mircea Eliade, Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy (New York: Bollingen Foundation, 2004). Здесь и далее цитируется по: М. Элиаде. Шаманизм: архаичные техники экстаза. Перевод К Богуцкого, В. Трилис.

F. Bruce Lamb and Manuel Cordova-Rios, Wizard of the Upper Amazon (New York: Atheneum, 1971).

Harry B. Wright, Witness to Witchcraft (New York: Funk & Wagnalls, 1957).

Geoffry Ashe, Datrn Beyond the Dawn: A Search for the Earthly Paradise (New York: Henry Holt & Co., 1992).

Jacquetta Hawkes, Man and the Sun (New York: Random House, 1962), 49–50.

Ibid.

Colin Wilson. From Atlantis to Sphinx (New York: Fromm International, 1997).

Jeremy Narby and Francis Huxley, eds., Shamans through Time: 500 Years on the Path to Knowledge (New York: Tarcher/Putnam, 2000). Цитируется по: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное.

Mircea Eliade, Shamanism: Archaic Techniques of Ecstasy (New York: Bollingen Foundation, 2004).

Ibid.

Jeremy Narby and Francis Huxley, eds., Shamans through Time: 500 Years on the Path to Knowledge (New York: Tarcher/Putnam, 2000).

82

Ibid

83

Ibid

Ibid

85

Ibid

Ibid

Arthur Rimbaud, Season in Hell (Norfolk, CT: New Directions, 1945).

Jeremy Narby and Francis Huxley, eds., Shamans through Time: 500 Years on the Path to Knowledge (New York: Tarcher/ Putnam, 2000).

Ibid.

Jeremy Narby and Francis Huxley, eds., Shamans through Time: 500 Years on the Path to Knowledge (New York: Tarcher/Putnam, 2000).

91

Michael Harner, The Way of the Shaman: A Guide to Power and Healing (San Francisco: Harper & Row, 1980). Цитируется Откровение Иоанна Богослова, 12:15.

Ibid.

Jeremy Narby, The Cosmic Serpent: DNA and the Origins of Knowledge (New York: Jeremy P. Tarcher/Putnam, 1998).

Ibid.

Ibid.

Jeremy Narby and Francis Huxley, eds., Shamans through Time: 500 Years on the Path to Knowledge (New York: Tarcher/Putnam, 2000).

Jeremy Narby, The Cosmic Serpent: DNA and the Origins of Knowledge (New York: Jeremy P. Tarcher/Putnam, 1998).

Ibid.

Ibid.

Ibid.

Ibid.

Ibid.

103

Carl Jung, Memories, Dreams, Reflections (New York: Vintage, 1989), ch. 8.

Michael Harner, The Way of the Shaman: A Guide to Power and Healing (San Francisco: Harper & Row, 1980).

Mircea Eliade, Shamanism- Archaic Techniques of Ecstasy (New York: Bollingen Foundation, 2004).

Jeremy Narby and Francis Huxley, eds., Shamans through Time: 500 Years on the Path to Knowledge (New York: Tarcher/Putnam, 2000).

107

Ibid.

Ibid.

109

Ibid.

Ibid.

111

Ibid.

Ibid.

113

Ibid.

Ibid.

115

Jeremy Narby and Francis Huxley, eds., «Interview with a Killing Shaman,» Shamans through Time: 500 Years on the Path to Knowledge (New York: Tarcher/Putnam, 2000).

Ibid.

117

Fernando Payaguaje, The Yage Drinker or El bebedor de Yaje (Shusufindi-Rio Aguarico, Ecuador: Vicariato de Aguarico, 1990).

118

Ibid

Jeremy Narby and Francis Huxley, eds., Shamans through Time: 500 Years on the Path to Knowledge (New York: Tarcher/Putnam, 2000).

120

Ibid.

121

Ibid.

Ibid.

123

Ibid.

Max Freedom Long, The Secret Science Behind Miracles (Los Angeles-. Kosmon Press, 1948).

125

Christian Jacq, The Empire of Darkness: A Novel of Ancient Egypt (New York: Atria Books, 2001).

Ibid.

David St. Clair, Drum and Candle (New York: Doubleday, 1971).

128

Ibid

129

Ibid

130

Ibid

Christopher Knight and Robert Lomas, Uriel's Machine (Rockport, MA: Element Books, 2000).

Christopher Knight and Robert Lomas, The Hiram Key: Pharaohs, Freemasons and the Discovery of the Secret Scrolls of Jesus (Rockport, MA: Element Books Ltd., 2000).

Charles Guignebert, The fetvish World in the Time of Jesus (New York: University Books, 1959).

Arkon Daraul, A History of Secret Societes (New York: Citadel Press, 1962).

Christopher Knight and Robert Lomas, The Hiram Key: Pharaohs, Freemasons and the Discovery of the Secret Scrolls of Jesus (Rockport, MA: Element Books Ltd., 2000).

136

Rupert Furneaux, The Other Side of the Story: The Strange Story of Christianity, the Dark Spot of History (London: Cassell, 1953).

Percy Seymour, The Birth of Christ — Exploding the Myth (London: Virgin, 1998, 1999).

Colin Wilson, A Criminal History of Mankind (London, New York: Granada, 1984).

Peter Bamm, Early Sites Of Christianity, translated by Stanley Godman (New York: Pantheon Books, 1957).

Christopher Knight and Robert Lomas, The Hiram Key: Pharaohs, Freemasons and the Discovery of the Secret Scrolls offesus (Rockport, MA: Element Books Ltd., 2000).

Christopher Knight and Robert Lomas, Uriel's Machine (Rockport, MA: Element Books, 2000).

Michael Baigent and Richard Leigh, The Dead Sea Scrolls Deception (New York: Summit Books, 1991).

143

Ibid

Christopher Knight and Robert Lomas, The Hiram Key: Pharaohs, Freemasons and the Discovery of the Secret Scrolls of Jesus (Rockport, MA: Element Books Ltd., 2000).

Christopher Night and Robert Lomas, The Second Messiah: Templars, the Turin Shroud and the Great Secret of Freemasonry (Rockport, MA: Element Books Ltd., 1998).

Christopher Knight and Robert Lomas, Uriel's Machine (Rockport, MA: Element Books, 2000).

147

Ibid.

Ibid.

Michael Baigent and Richard Leigh, The Temple and the Lodge (London: J. Cape, 1989).

Ibid. Цитируется 3 Царств, 3:3.

Christopher Knight and Robert Lomas, The Hiram Key: Pharaohs, Freemasons and the Discovery of the Secret Scrolls offesus (Rockport, MA- Element Books Ltd., 2000).

Ibid.

153

Michael Baigent and Richard Leigh, and Henry Lincoln, The Holy Blood and the Holy Grail (New York: Delacorte, 1982). Также: Colin Wilson and Damon Wilson, Encyclopedia of Unsolved Mysteries (London: Harrap, 1987).

Ibid.

Ibid.

Ibid.

Henry Lincoln, The Key to the Secret Pattern: The Untold Story of Rennes-les-Chdteau (New York: St. Martin's Press, 1998).

Ibid.

159

Ibid.

Ibid.

Maurice Chatelain, Our Cosmic Ancestors (Sedona, AZ: Temple Golden Publications, 1988).

Christopher Knight and Robert Lomas, The Hiram Key: Pharaohs, Freemasons and the Discovery of the Secret Scrolls of Jesus (Rockport, MA: Element Books Ltd., 2000).

163

Henry Lincoln, The Key to the Secret Pattern: The Untold Story of Rennes-les-Chateau (New York: St. Martin's Press, 1998).

Keith Critchlow, Time Stands Still (London: Gordon Fraser, 1979).

165

The Boy with the Incredible Brain, продюсер Мартин Вейтц по заказу Focus TV, 2005.

166

Robert Graves, «The Abominable Mr. Gunn», in The Shout and Other Stories (New York: Penguin Books, 1971).

167

Успенский П. Д. Новая модель вселенной.

RA Schwaller De Lubicz, Sacred Science: The King of Pharaonic Theocracy (Rochester, VT: Inner Traditions, 1982).

William James, The Writings of William James (New York: Random House, 1967).

Henri Bortoft, The Wholeness of Nature: Goethe's Way toward a Science of Conscious Participation in Nature (Hudson, NY: Lindisfarne Press, 1996).

171

Ibid

«Фауст». Перевод Б. Пастернака.

173

Johann Peter Eckermann, Conversations with Goethe (London: Dent, New York: Dutton, 1971).

William Blake, Marriage of Heaven and Hell, edited and with an introduction by Harold Bloom (New York: Chelsea House, 1987). Цитируется по: Хаксли Олдос. Двери восприятия. Перевод М. Немцова.

Gottfried Benn, Primal Vision: Selected Writings of Gottfried Benn, edited by E. B. Ashton (London: Bodley Head, 1961).

William Wordsworth, Intimations of Immortality: An Ode (Portland, ME: Thomas B. Mosher, 1908).

177

Из личного письма автору.

178

Из личного письма автору.

T. E. Lawrence, The Seven Pillars of Wisdom (London: J. Cape, 1952).

Peter Tompkins and Christopher Bird, The Secret Life of Plants (New York: Harper & Row, 1973).

181

Ibid.

Charles H. Hapgood, Voices of Spirits: Through the Psychic Experiences of Elwood Babbit (New York: Delacorte Press/St. Lawrence, 1975), introduction.

183

Ibid.

Ibid.

185

Ibid.

Ibid.

M. J. Morwood, «Early hominid occupation of Flores, East Indonesia, and its wider significance», in I. Metcalfe, I. Smith, I. Davidson, and M. J. Morwood, eds., Faunal and Floral Migrations and Evolution in SE Asia-Australasia (Lisse, Netherlands: Swets and Zeitlinger, 2001)

Charles H. Hapgood, Voices of Spirits: Through the Psychic Experiences of Elwood Babbit (New York: Delacorte Press/St. Lawrence, 1975), introduction.

189

Ibid.

Ibid.

191

Ibid.

Henri Bortoft, The Wholeness of Nature: Goethe's Way toward a Science of Conscious Participation in Nature (Hudson, NY: Lindisfarne Press, 1996).

Richard Rudgley, Lost Civilizations of the Stone Age (New York: Free Press, 1999)

The Times of London, 3 сентября 1996 года.

Stan Gooch, Cities of Dreams: The Rich Legacy of Neanderthal Man Which Shaped Our Civilization (New York: Century Hutchinson, 1989).

Ibid.

Ibid.

Sunday Times (of London), 3 ноября 1996 года.

Stan Gooch, Cities of Dreams: The Rich Legacy of Neanderthal Man Which Shaped Our Civilization (New York: Century Hutchinson, 1989).

200

Ibid

201

Электронная страница Ananova, 6 января 2002 года, «Neanderthal clever enough to make Superglue».

202

Исследования «митохондриальной ДНК» (ДНК, наследуемой по материнской линии) показывают, что наш общий предок, «митохондриальная Ева», жила примерно 200 тысяч лет назад.

203

Sunday Times (of London), 3 ноября 1996 года.

Peter Watson, «Mankind's Golden Stone of Destiny», The Synday Times, 6 февраля 2000 года.

Christopher Knight and Robert Lomas, Uriel's Machine (Rockport, MA: Element Books, 2000)

RA Schwaller De Lubicz, Sacred Science: The King of Pharaonic Theocracy (Rochester, VT: Inner Traditions, 1982).

Robert Temple, The Genius of China: 3,000 Years of Science, Discovery and Invention (New York: Simon & Shuster, 1986).

Ibid.

209

Ibid.

John Michell, Dimensions of Paradise: The Proportions and Symbolic Numbers of Ancient Cosmology (New York: HarperCollins, 1988).

211

Ibid.

Ibid.

213

Ibid.

Ibid.

215

Ibid.

Ibid.

217

Достоевский Ф. М. Письмо брату Михаилу от 22 декабря 1849 года.

Frederick Soddy, The Interpretation of Radium and the Structure of the Atom (New York: Putnam, 1922).

219

Ibid.

Ibid.

John Michell, Dimensions of Paradise: The Proportions and Symbolic Numbers of Ancient Cosmology (New York: HarperCollins, 1988).

Plato, Timaeus and Critias (New York: Penguin Classics, 1972).

223

http://news.bbc.co.Uk/l/hi/sci/tech/4153008.stm.

comments

Комментарии

1

Автор полагает, что Теночтитлан и Теотиуакан — это один и тот же город. На самом деле Теночтитлан (старое название Мехико) был столицей империи ацтеков, а Теотиуакан, развалины которого расположены в 50 километрах от Мехико, выстроен неизвестной цивилизацией и покинут около 750 года н. э. (Прим. пер.)

2

Лей — от древнеанглийского слова «ley» — «расчищенная просека». (Прим. пер.).

3

Автор явно что-то напутал: 18 139-летний цикл, начавшийся в 3114 году до н. э., закончится в 15 025 году н. э. (Прим. пер.)

4

Неясно, кого именно автор имеет в виду: полковник Фосетт пропал без вести в 1925 году. (Прим. пер)

5

Непонятно, откуда автор почерпнул эти сведения. Св. Елена не была британской принцессой, вероятно, она происходила из города Дрепанум, который ее сын переименовал в ее честь в Геленополис. (Прим. пер.)

6

Тут автор путает Апопа, огромного змея, извечного врага бога солнца Ра, и Апопи, последнего гиксосского правителя Древнего Египта. (Прим. пер.)